

И-10.
Д-146.

ОГ

РЕПЕРТУАРЪ

И

ШАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

7005
7953

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ	АКАДЕМІЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ	ТЕАТРАЛЬНАЯ
ИМЕНИ	СЕРГІЯ ЕЩЕНКО
	УНАЧАВШАГО
ТЕАТРА ДРАМЫ	

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Карла Крайя.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Марта 1845 года.

Ценсоръ *Мехелинъ.*

РЕПЕРТУАРЪ, ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

(17 листовъ.)

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Надгробіе. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	497
II. Искусство и художники. Нѣкоторыя черты изъ жизни Джонсона и Гаррика	498
III. Пять сонетовъ Мицкевича. 1. Аккерманскія степи. — 2. Чатырдагъ. — 3. Аюдагъ. — 4. Алушта днемъ. — 5. Типъ морская.	525
IV. Философія и исторія музыки. Скрипка и скрипичные инструменты	529
V. Рѣчи и очн. (Подражаніе Чешскому.) Стихотвореніе <i>Ев. П. Карновича</i>	549
VI. Человѣкъ будущаго. Разсказъ безъ начала и безъ конца, а въ особенности безъ «морали». (Посвящается <i>А. А. Фѣту</i> .) Соч. <i>А. А. Григорьева</i>	550
VII. Дайте мнѣ уединеніе. Стихотвореніе <i>В. Корсака</i>	591
VIII. Серафима Лафайль. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Анисе Буржуа</i> и <i>Густава Лемуана</i>	592
IX. Покойнато сердца, увы, не встревожать. Стихотвореніе	666
X. Двѣ невѣсты. Комедія въ одномъ дѣйствіи.	667
XI. Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь. Оригинальная комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ.	689
XII. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 9. Петербургскія новости	710
XI. Смѣсь. Маэстро или извѣстность. (Разсказъ.) — Робертъ-Макеръ и пріятель его, Бертранъ. Сцены современныхъ нравовъ. — Права критика, — права свѣтка. — Образцы петербургской канцелярской поэзіи. (Объясненіе въ любви одной прелестной особы и проч.) — Пастеть съ сельдами. Голландская фантазія. — Нѣсколько словъ къ портрету Лаблаша. — Женитьба на выдержку. — Анекдоты и мелочи.	720

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАЙ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ. 1. *Петербургскіе*. Письма въ провинцію. Письмо 2-е. — 2. *Провинціальныя*. Виленскій театръ. (*П. Миловецкаго*.) — Московскій театръ. *Г. К-ва*. — Возобновленный ставропольскій театръ (*на Кавказѣ*).

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ, во весь ростъ, знаменитаго пѣвца *Лаблаша*, рисованный и литографированный въ Парижѣ.

НАДГРОБІЕ.

Тихо спи, измученный борьбою,
И проснися въ лучшемъ и иномъ.
Буди миръ и радость надъ тобою
И покой надъ гробовымъ холмомъ!

* * *

Отстрадалъ ты, — вынесъ испытанье,
И борьбой до цѣли ты достигъ,
И тебѣ готова за страданье
Степень свѣта ангеловъ святыхъ.

* * *

Онъ ужъ тамъ, въ той дали свѣтозарной
Тамъ, гдѣ странника безсмертье ждетъ,
Въ той странѣ надзвѣздной, лучезарной,
Въ звукахъ сферъ чистѣйшихъ онъ живетъ.

* * *

До свиданья, братъ, о, до свиданья!
Да, за гробомъ, за минутой тьмы,
Намъ съ тобою наступитъ часъ свиданья,
И тебя въ сіяньи узримъ мы.

1845.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОНСОНА И ГАРРИКА (*).

Въ 1737 году, два человѣка, въ-послѣдствіи знаменитые, подъѣзжали къ Лондону, въ худомъ и грязномъ экипажѣ.

Старшему изъ нихъ было лѣтъ двадцать-восемь; наружность его была довольно-странная, движенія были неловки... Роста онъ былъ огромнаго, дурно сложенъ и мускулистъ. Волосы на головѣ его торчали; одежда была широка. Говоря съ самимъ-собой, онъ часто дѣлалъ подобныя восклицанія: «Господи, помилуй меня!... Господи, не введи меня во искушеніе!» По-временамъ, судорожно потряхивая головою, онъ склонялъ ее на правую сторону, и потомъ, качаясь взадъ и впередъ, потиралъ ладонью лѣвое колѣно. Эти движенія повторялись чаще, когда у-

(*) Эту статью заимствуемъ мы изъ вышедшаго въ прошломъ году сочиненія Мишеля: «L'Angleterre»; оно интересно во-первыхъ потому, что знакомить съ весьма-замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи англійской литературы, а во-вторыхъ и потому, что проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь Гаррика и на его отношенія къ публикѣ и къ Джонсону. *Ред.*

него завязывался разговоръ съ товарищемъ; перѣдко къ нимъ присоединялись и другіе комическіе жесты. Между фразами онъ произносилъ неясные звуки, неопредѣленные слова или подражалъ кудактанью курицы; когда-же случалось ему защищать съ жаромъ свое мнѣніе, то, при послѣдней фразѣ, онъ оддувался, какъ китъ. Все это дѣлалось съ видомъ важнымъ и торжественнымъ; изрѣдка на устахъ его появлялась улыбка.

Другой путешественникъ не походилъ на перваго. Онъ былъ болѣе нежели средняго роста; хорошо сложенъ. Свобода и граціозность въ движеніяхъ обличали въ немъ привычку къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Манеры его были изящны; его голосъ чистый, мелодическій и сильный, легко произносилъ всевозможные звуки. Хотя лицо его было смугло, но правильныя, выразительныя черты, черныя, блестящіе глаза, не могли не нравиться съ перваго раза. Физиогномія его, въ спокойномъ состояніи, казалась суровою; но проявлявшееся чувство мгновенно сообщало ей другое движеніе и измѣняло характеръ его лица. И тогда это новое выраженіе, столько сродное его физиогноміи, можно было принять за всегдашнее ея выраженіе, если-бы оно легко не смѣнялось другимъ, столько-же естественнымъ, какъ и прежнее.

Первый изъ путешественниковъ былъ Самуилъ Джонсонъ; спутникъ его — Давидъ Гарриксъ. Оба они ѣхали въ Лондонъ, искать счастья, съ малыми средствами: отъ расходовъ на необходимыя издержки во время дороги, у нихъ оставалось, у одного три, у другаго пять мелкихъ серебряныхъ монетъ. Но Джонсонъ везъ съ собою почти-оконченную трагедію, а Гарриксъ множество начерно-написанныхъ комедій и сильное желаніе сдѣлаться самому актеромъ. Они предприняли это путешествіе фантастическимъ образомъ. Въ прошломъ году Самуилъ хотѣлъ открыть училище въ Личфильдѣ; онъ публиковалъ о томъ въ журналахъ, но безъ пользы: три ученика могли-ли составить предполагаемое заведеніе?...

Эта неудача еще болѣе тревожила его: онъ не былъ рожденъ учителемъ. Умы сильные всегда бываютъ пылки и своенравны; имъ болѣе сроденъ широкій просторъ по безпредѣльному поприщу искусства и знаній, нежели ежедневный вѣчно-однообразный трудъ; они не терпятъ повтореній, не любятъ спускаться до уровня юной души, еще невѣжественной и слабой. Такого рода занятія, впрочемъ достойныя всякаго уваженія, требуютъ болѣе терпѣнія, чѣмъ геніальности. И нашъ педагогъ взялся вовсе не за свое дѣло. Легко можно было понять, что его странности смѣ-

шили и развлекали молодых школьниковъ. Ученики были ему въ тягость, и по своей малочисленности не приносили никакой еущественной пользы.

Джонсонъ женился еще прежде того, на 48-ми-лѣтней вдовѣ, смѣшной паружности. Жена его была толста; чрезмѣрно-полная грудь ея выдавалась впередъ подъ полушаріями красныхъ шокъ, всегда нарумяненныхъ, то излишнимъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ; то простыми косметическими средствами. Не только одѣвалась она самымъ фантастическимъ и страннымъ образомъ, но и обхожденіе и разговоръ ея были изысканны и напыщенны. Начитавшись романовъ, она требовала отъ своего мужа страстныхъ и пламенныхъ ласкъ, хотѣла, чтобы каждое желаніе ея было для него закономъ. Въ самый день брака она успѣла уже выказать свой характеръ. Отправляясь въ Дерби, въ тамошнюю церковь, сначала она выговаривала жениху, зачѣмъ онъ погоняетъ свою лошадь; когда-же онъ одерживалъ ее, она понуждала свою и сердилась уже на тихую ѣзду Джонсона. Джонсонъ, выведенный изъ терпѣнія тѣмъ, что она обращалась съ нимъ «какъ съ собакой», (выраженіе, которое онъ часто употреблялъ, рассказывая этотъ анекдотъ) пустился впередъ на своей лошади и скрылся изъ виду. Онъ уже прохаживался по дорожкѣ, пролегавшей между двумя параллельными заборами, когда она прибѣжала къ нему съ заплаканными глазами. Какъ-бы то ни было, Джонсонъ любилъ ее; его рѣзвые ученики находили большое удовольствіе подсматривать въ замочную скважницу двери, что дѣлается въ спальнѣ влюбленныхъ супруговъ. Тяжолыя и комическія тѣлодвиженія, всегда невнятно произносимыя рѣчи Джонсона, возбуждали ихъ живую веселость. Еще болѣе смѣялись они, когда онъ называлъ свою супругу «Tetty» или «Tetsy» — уменьшительными словами отъ имени Елизавета.

Вдругъ званіе школьнаго учителя опротивѣло Джонсону. Съ своей стороны Гаррикъ, ученикъ его, тоже не имѣлъ большого желанія учиться. Первый занимался болѣе своей трагедіей, чѣмъ воспитанниками; послѣдній забывалъ обязанности ученика, и охотнѣе писалъ комедіи, чѣмъ училъ уроки. Дѣла, разумѣется, не могли идти такимъ образомъ; кончилось тѣмъ, что учитель и ученикъ поняли другъ-друга, положили оставить заведеніе, и радостно пустились въ путь, въ первыхъ числахъ марта.

Кромѣ денегъ, о которыхъ мы упомянули прежде, у каждаго изъ нихъ было по рекомендацельному писему къ извѣстному въ то время профессору Кольсону. Въ письмѣ о Гаррикѣ просили

профессора помѣститъ молодаго человѣка въ основанный имъ институтъ; по-этому будущность Гаррикса, въ-послѣдствіи героя англійской сцены, была гораздо-опредѣленнѣе, чѣмъ судьба его товарища. Родители Гаррикса были небогаты, но всё-таки имѣли хоть небольшія средства; они не забывали своего сына, и помогали ему, сколько могли, съ самыхъ первыхъ дней его молодости; въ этомъ случаѣ они не походили на родителей другихъ артистовъ, родителей, которые охотно гордятся славою своихъ дѣтей, приобрѣтшихъ себѣ знаменитость, и прославляютъ ихъ таланты, между-тѣмъ, какъ сначала угнетали ихъ. Предки Гаррикса были протестанты, изгнанные изъ Франціи по обнародованіи Нантскаго-эдикта; отецъ его имѣлъ чинъ капитана британской арміи; получая небольшое жалованье, онъ не могъ помѣститъ сына въ университетъ, гдѣ требовалось болѣе издержекъ, чѣмъ въ заведеніи профессора Кольсона. О Джонсонѣ писали, какъ объ ученомъ и о хорошемъ поэтѣ; трагедіей онъ хотѣлъ проложить себѣ дорогу, рѣшился сдѣлаться искуснымъ драматическимъ писателемъ, и въ то время желалъ перевести что-нибудь съ латинскаго или французскаго. Участь его была сомнительна и подвергалась большой опасности.

Біографы его не говорятъ о томъ, какимъ образомъ выпутывался онъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Трагедія не принесла ему никакихъ выгодъ; ее играли въ первый разъ спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ времени, о которомъ мы рассказывали. Онъ отправился-было попытать счастья въ Дрюриленскій-театръ; но директоръ не хотѣлъ представить его трагедіи, зналъ, что авторъ ея не имѣлъ покровителей. Послѣ того Джонсонъ просилъ одного книгопродавца напечатать піесу; книгопродавецъ, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, съ умишкою сказалъ: «Я совѣтую вамъ купить большой крюкъ и сдѣлаться ветошникомъ». Вѣроятно, жена присылала ему денегъ изъ Личфильда, гдѣ она еще оставалась. Джонсонъ нанялъ себѣ квартиру въ отдаленной улицѣ и рѣшился жить самымъ скромнымъ образомъ. Ежедневный обѣдъ обходился ему сперва семнадцать су, (85 коп. асс.); въ томъ числѣ два су онъ всякій разъ великодушно отдавалъ прислужнику. Одинъ ирландскій живописецъ, познакомившись съ Джонсономъ, научилъ его экономіи. Онъ утверждалъ, что въ Лондонѣ можно жить безбѣдно, проживая семь-сотъ-пятьдесятъ франковъ въ годъ. Треть этой суммы, по его словамъ, должно было употреблять на одежду и бѣлье; за квартиру, подъ самой крышей или на чердакѣ, платить тридцать-

шесть су въ недѣлю; если-же кто захотѣлъ-бы сдѣлать визитъ такому постояльцу, то послѣдній легко могъ назначить гостю свиданіе въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ. За шесть су можно было всякій день проводить нѣсколько часовъ въ какой-нибудь кондитерской, и въ пей устроить свою пріемную. За молоко и за ломоть хлѣба вы заплатите два су: это будетъ вашъ завтракъ; за обѣдъ двѣнадцать су; что-же касается до ужина, то развѣ нельзя приучить себя вовсе не ужинать? Судьба очень-часто испытываетъ человѣка, и какъ-бы нарочно опутываетъ его всеми препятствіями.

Стѣсненныя обстоятельства Джонсона не перемѣнились, и онъ въ половинѣ лѣта отравился въ Личфильдъ повидаться съ женою. Такъ-какъ школа его уже не существовала, то онъ долженъ былъ изыскивать другія средства къ жизни. Жену свою увезъ онъ въ столицу, рѣшившись побѣдить или пасть подъ жестокими ударами рока. Вскорѣ онъ принятъ былъ въ сотрудники издателемъ журнала «Gentleman-Magazine»; ему поручено было писать статьи всякаго рода, за плату менѣе нежели умѣренную. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подобныя труды, недоставившіе ему никакой извѣстности, поглощали все его время и всѣ силы. Одно изъ сочиненій, напечатанныхъ имъ въ это время, имѣло однакожъ успѣхъ. Это поэма «Лондонъ», подражаніе третьей сатирѣ Ювенала.

Джонсонъ былъ также несчастливъ и въ своемъ новомъ положеніи литератора; онъ почти сожалѣлъ о прежней тихой и спокойной жизни, которая не была такъ неопредѣленна, такъ безцвѣтна, какъ настоящая.

Ему предлагали мѣсто учителя въ одной школѣ, и онъ согласился-было; но тутъ явилось новое препятствіе: въ школѣ, основанной уже сто лѣтъ тому назадъ, какимъ-то благочестивымъ мужемъ, положено было, чтобы учитель имѣлъ дипломъ изъ университета на званіе кандидата философіи. Джонсонъ, не имѣя диплома, не имѣлъ ни времени, ни средствъ получить эту степень. Онъ просилъ однако объ этомъ, какъ о милости, Оксфордской университетъ, въ которомъ прежде воспитывался; университетъ не уважилъ просьбы его. Онъ рѣшился просить второй разъ и писалъ въ университетъ Дублинскій. Поппе, знакомый съ нимъ лично, но, по прочтеніи его поэмы, имѣвшій понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ, совершенно достойномъ получить требуемую имъ степень, просилъ за него графа Говера, а тотъ къ просьбѣ Джонсона прибавилъ свою приписку, изображая въ

ней бѣдственную участь просителя. Онъ писалъ, что университетъ, даруя Джонсону необходимый дипломъ, сдѣлаетъ его счастливымъ, что бѣдный проситель не только обладаетъ необходимымъ талантомъ, но имѣетъ большія познанія и опытность, и если согласятся испытать его ученость, то, не смотря на ограниченность средствъ своихъ, Джонсонъ непремѣнно прїѣдетъ въ Дублинъ, рѣшась скорѣе умереть отъ лишеній и усталости пути, чѣмъ съ голоду, переводя всякой вздоръ, на-заказъ, книгопродавцамъ и журналистамъ. Вліяніе Свифта должно было то-же усилить дѣйствіе этого письма. Джонсонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта; но университетъ отказалъ ему на-отрѣзъ: въ школу былъ назначенъ другой учитель. Въ-послѣдствіи, когда Джонсонъ игралъ блестящую роль въ свѣтѣ, Оксфордскій университетъ прислалъ ему дипломъ на ученую степень, дипломъ, въ выдачѣ котораго отказалъ ему въ то время, когда онъ могъ-бы улучшить его состояніе; университетъ гордился даже тѣмъ, что Джонсонъ принялъ это титуло: онъ прислалъ ему другой дипломъ на званіе доктора юриспруденціи, хотя Джонсонъ никогда не изучалъ правъ гражданскихъ... Но кто могъ возражать противъ этого!... Получивъ все эти дипломы, Джонсонъ былъ тогда не такимъ бѣднякомъ, какъ прежде. Дублинская коллегія сдѣлала то-же, что и университетъ Оксфордскій.

Потерявъ надежду, Джонсонъ опечалился, повѣсилъ голову и пошелъ въ наемщики къ тогдашнимъ журналистамъ. Его страданія сдѣлались такъ велики, что трудно было-бы этому повѣрить, если-бы не было на то несомнѣнныхъ доказательствъ.

Къ утѣшенію своему, онъ имѣлъ случай познакомиться и сдружиться съ однимъ писателемъ, неменѣе его несчастнымъ. Это былъ Ричардъ Севеджъ (*). Они встрѣчались въ книжныхъ лавкахъ; жалкая наружность обоихъ породила въ нихъ взаимное участіе, и они привязались другъ къ другу неразрывными узами, которыя еще болѣе скрѣпляетъ несчастіе. Люди въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда откровеннѣе, всегда охотнѣе готовы дѣлать обоюдныя горести; имъ кажется тогда, что, рука-объ-руку съ другомъ, они скорѣе воепротивятся судьбѣ, легко играющей какъ участію человѣка, такъ и цѣлаго народа. Таковы были чувствованія обоихъ безнадежныхъ писателей. Нѣсколько разъ

(*) Тотъ самый, изъ жизни котораго Гудковъ написалъ прекрасную драму, напечатанную въ 5-й кн. «Репертуара и Пантеона».

случалось имъ проводить ночи на улицахъ Лондона; ибо Джонсонъ имѣлъ въ то время квартиру въ городѣ, гдѣ жила и жена его. Часто онъ запаздывалъ, и тогда негдѣ было ему укрыться отъ дождя и холода, и онъ бродилъ вмѣстѣ съ Севеджемъ, у котораго вовсе не было постоянного жилища.

Джонсонъ, въ біографіи Севеджа, рассказываетъ о нищетѣ его; изъ этого повѣствованія можно судить и о его собственныхъ бѣдствіяхъ; ибо трудно отдѣлить первыя отъ послѣднихъ: они составляютъ вмѣстѣ одну полную картину. У нихъ много было общаго. Севеджъ не имѣлъ убѣжища даже во-время дня; бѣлъ столько, чтобы не умереть съ голоду; рабочимъ его кабинетомъ были поля и шумныя улицы. Онъ сочинялъ на-ходу, во-время прогулки, и когда въ памяти его накоплялось довольно матеріаловъ, заходилъ въ какую-нибудь лавку, спрашивалъ перо, чернильницу, и ввѣрялъ свои вдохновенія клочкамъ бумаги, которыя подбиралъ на улицахъ. Такимъ-образомъ онъ написалъ одну драму и явился съ ней къ тогдашней театральной труппѣ. Актеры, какъ можно полагать, обращались съ нимъ съ презрѣніемъ, уклонялись отъ его просьбъ, медлили рѣшительнымъ отвѣтомъ; лѣтомъ, когда многіе изъ нихъ уѣхали въ провинцію, труппа уменьшилась, и чтобы сыграть написанную піесу, Севеджъ долженъ былъ выдти самъ на сцену! Скрѣпивъ сердце, онъ принялся изучать роль; положеніе его не позволяло ему отказаться: онъ получалъ за то небольшое вознагражденіе.

Въ теплое время года Севеджъ, если не бродилъ съ Джонсономъ всю ночь, то спалъ на какой-нибудь городской скамейкѣ; во-время-же дождей, тумановъ и морозовъ, онъ долженъ былъ въ другихъ мѣстахъ укрываться отъ стужи: тогда онъ сыпалъ, вмѣстѣ съ бродягами, на кучахъ теплой золы, выкидываемой изъ дверей стекляныхъ заводовъ; когда случались у него деньги, онъ проводилъ ночи, за скудную плату, въ какой-нибудь бѣдной лачужкѣ; не разъ случалось ему встрѣчать развѣтъ дня подъ сводами тѣхъ отвратительныхъ приютовъ, въ которыхъ англійская чернь предается страстямъ и буйству; тамъ, въ обществѣ воровъ, нищихъ и развратныхъ женщинъ, черствѣли способности человѣка съ душою возвышенною, человѣка, который, по словамъ Джонсона, могъ-бы обогатить дипломатію своими замѣчаніями, быть красно-рѣчивымъ ораторомъ и образцомъ ловкаго и умнаго царедворца. Въ послѣдніе дни жизни Севеджа, голодъ истощилъ его силы и ослабилъ желудокъ; изнеможеніе сдѣлалось такъ велико,

что онъ не чувствовалъ аппетита, и самый запахъ пищи возбуждалъ въ немъ тошноту.

Не смотря на всѣ бѣдствія, Севеджъ требовалъ, чтобы съ нимъ обращались почтительно и благородно; онъ смотрѣлъ даже на самый топъ обхожденія. Кто-то, увидѣвъ его въ рубищѣ, оставилъ въ кофейнѣ, которую посѣщалъ Севеджъ, одежду на имя его. Подобныя приношенія избавляли его отъ ложнаго стыда видѣть своего благодѣтеля и благодарить за милости. Но бывали случаи, когда подарки предлагали ему открыто, и тогда Севеджъ сердился, не хотѣлъ ихъ принимать и даже находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ были его благодѣтели.

Джонсонъ тоже не любилъ, чтобы его унижали. Одинъ книгопродавецъ, по имени Осборнъ, къ которому пришелъ онъ въ лавку, сказалъ ему какую-то грубость; Джонсонъ схватилъ толстую книгу, сшибъ съ ногъ дерзкаго, и наступилъ ему на горло. Джонсонъ и Севеджъ кончили свое поприще совершенно-различнымъ образомъ. Джонсонъ велъ жизнь тихую, образовывалъ себя, писалъ неумоимо и нестранивалъ очень-мало денегъ. Онъ восторжествовалъ надъ злобнымъ рокомъ. Не таковъ былъ его товарищъ, не всегда благоразумный, терпѣливый и предусмотрительный: онъ кончилъ жизнь свою въ темницѣ. Его за двѣсти франковъ, которыя онъ долженъ былъ какому-то трактирщику, посадили въ тюрьму, и за тяжолыми засовами темницы онъ умеръ чрезъ шесть мѣсяцевъ, горькою смертию.

Много ложныхъ слуховъ носилось о немъ по смерти его; очень-немногимъ знакомы были его жизнь и причины смерти. Джонсонъ хотѣлъ увѣковѣчить память своего друга и достигъ цѣли. Біографія Ричарда Севеджа заинтересовала всѣхъ. Запимательная сама по себѣ, она потеряла-бы свой интересъ подъ перомъ второстепеннаго писателя. Джонсонъ употребилъ все свое искусство и талантъ на это повѣствованіе, и достигъ цѣли. Это не надгробное оффиціальное слово, — авторъ не скрываетъ пороковъ сына преступной любви; но онъ доказываетъ, что большая часть ихъ были слѣдствіе нищеты и бѣдствій, претерпѣнныхъ несчастнымъ. Онъ положилъ написать не одну только біографію: произведеніе его есть мщеніе оскорбленнаго несправедливостью сердца. Мать Севеджа, графиня Мекельсфилдъ, была главною виновницею его бѣдствій; она всячески старалась скрыть отъ сына его происхожденіе, отдала его въ работники земледѣльцамъ, думая тяжелой, машинной работой заглушить умственные способности сына; она желала даже сдѣлать изъ него преступника, достойнаго

рукъ палачей. Справедливое наказаніе постигло эту низкую женщину. Графиня еще была жива и пользовалась извѣстностью. Джонсонъ имѣлъ отъ своего друга вѣрныя подробности о ея злодѣяніяхъ, и онъ, бѣдный, больной, беззащитный, осмѣлился заклеить ее позоромъ. Графиня вскорѣ почувствовала стыдъ свой; ея сильно тревожили ненависть и презрѣніе, слѣдовавшія по пятамъ ея; всюду находила она неумолимаго обвинителя, который произносилъ слѣдующія слова, полныя угрозы:

«Наказаніе, которое положено дѣтоубійцамъ нашими законами, извѣстно каждому; все сознають силу его справедливости; но если убивающіе дѣтей своихъ достойны смерти, то какого-же наказаніе заслуживаютъ тѣ, которые, не отнимая жизни у своего дѣтища, употребляютъ все средства сдѣлать бытіе его невыносимымъ; которые, уничтоживъ въ сердцѣ своемъ родительское чувство любви, спокойно смотрятъ на бѣдствія и страданія существа, получившаго отъ нихъ жизнь, и, радуясь бѣдствіямъ сына, готовы столкнуть его тотчасъ-же въ прежнюю бездну несчастій, если онъ выходитъ изъ нея, съ помощію собственныхъ силъ или благодѣтельной руки?»

Это произведеніе, не обогативъ Джонсона, увеличило его извѣстность. Книгопродавецъ, издавшій книгу, обѣдалъ съ г. Гартомъ въ публичномъ мѣстѣ; разговоръ коснулся біографіи Севеджи; Гартъ хвалилъ сочиненіе. Спустя нѣсколько времени они встрѣтились опять.

— Вы угодны какъ нельзя-болѣе Джонсону, расхваливая, въ послѣдній разъ, какъ мы съ вами видѣлись, біографію Севеджа, сказалъ книгопродавецъ Гарту.

— Можетъ-ли это быть? возразилъ тотъ: развѣ вы забыли, что мы обѣдали вдвоемъ и онъ не могъ слышать похвалъ моихъ?

— Оно такъ, да не совѣмъ, отвѣчалъ книгопродавецъ: Джонсонъ обѣдалъ тоже съ нами, только не за однимъ столомъ; онъ сидѣлъ за ширмами, потому-что его изорванное платье не позволяло ему быть въ порядочномъ обществѣ. — Біографу тогда было тридцать-пять лѣтъ.

Ко всемъ прежнимъ его бѣдствіямъ присоединилось еще новое: это болѣзнь томительная и неизяснимая, — въ одно время физическая и нравственная. Съ дѣтства Джонсонъ былъ склоненъ къ ипохондрии; часто черныя думы рождались въ головѣ его; имъ овладѣвало отчаяніе, смертельная апатія леденила его способности. Вся вселенная казалась ему тогда жилищемъ скорби, и какое-то помѣшательство, своеправіе желаній, слѣдствія раздражи-

тельности первовъ, дѣлали ему жизнь нестерпимою. Теперь онъ думалъ, что уврачуешь болѣзнь свою сильными движеніями, сталъ бродить по лѣсамъ и долинамъ; но безпечный видъ природы не утѣлялъ его печали, а веселое солнце, по видимому, удвоивало его скорби. Вѣщественные предметы представлялись ему какъ-бы въ туманѣ; онъ не могъ разглядѣть часовъ на городской башнѣ. Его мучили тяжкія сповидѣнія, и онъ принималъ ихъ за дѣйствительность; преслѣдуемый всюду этими призраками воображенія, онъ боролся съ ними, стараясь свергнуть ихъ владычество. Разсудокъ однако не оставлялъ его совершенно; находясь во власти какой-то сверхъ естественной силы, Джонсонъ понималъ свои заблужденія, но страдалъ отъ нихъ, какъ-бы ничего не понимая. И онъ близокъ былъ къ помѣшательству; онъ походилъ на челоуѣка, идущаго въ рай по узкому мосту Магомета: съ одной стороны его бездна, гдѣ толпятся злые духи, съ другой сады, откуда гуріи протягиваютъ къ нему руки. Большой понималъ свое опасное положеніе: онъ боялся перешагнуть этотъ роковой предѣлъ въ область сумасшествія, и страхъ еще болѣе увеличивалъ его страданія.

Если земля есть мѣсто испытаній, то нельзя не пожалѣть, что эти испытанія для многихъ превосходятъ мѣру терпѣнія. Справедливость требуетъ не подвергать слабое твореніе такимъ изязаніямъ. Удовольствіе имѣеть свои границы, но ихъ нѣтъ для горестей: это лѣстница, нанодобіе винта, окруженная темнотою; всякой, кто идетъ по ней, становясь на новую ступень, думаетъ, что она послѣдняя, думаетъ, что онъ скоро ступитъ на мѣсто, удобное для отдыха; но онъ только все болѣе и болѣе углубляется въ бездну, на каждомъ шагу встрѣчаетъ новыя преграды и, во мракѣ ночи, бездонную пропасть. Всемогущій Богъ, управляющій вселенною, наградитъ ту благородную душу, которая не унывала и не ослабѣла, идя по пути испытаній. Эта награда показываетъ любовь и попеченіе Его о челоуѣкѣ, и только загрубѣлый грѣшникъ не чувствуетъ Его благостей.

Твердая увѣренность Джонсона въ справедливости Святаго Промысла, подкрѣпила его къ перенесенію болѣзней, порожденныхъ бѣдствіями. Къ-счастью онъ получилъ религіозное воспитаніе; мать его, истинная христіанка, съ самыхъ первыхъ дней его жизни, твердила ему о правосудномъ Богѣ, который всегда наказываетъ злыхъ и награждаетъ добрыхъ. Университетъ Оксфордскій еще болѣе развилъ въ немъ сѣмя религіи; и съ того времени онъ не переставалъ быть набожнымъ, не переставалъ воз-

носить хвалу Создателю міра. Когда скорбь овлађвала имъ, когда она разливала ядъ по его жиламъ, онъ начиналъ молиться, просилъ у Неба помощи къ твердому перенесенію бѣдствій. И часто онъ произносилъ громко свою молитву, исполненную смиренія; иногда писалъ ее на бумагѣ; многія изъ такихъ трогательныхъ начертаній сохранились. Надежда проглядываетъ въ нихъ сквозь слезы, какъ лучъ солнечный сквозь туманъ...

Безчисленныя скорби Джонсона по большей части происходили отъ непрерывнаго напряженія его организаціи. Всякой, испытавшій самъ несчастія, или слѣдившій за бѣдственной жизнью другаго, согласится, что они порождаютъ въ человѣкѣ родъ безумія: воля теряетъ свою власть, разсудокъ свои силы, и обыкновенныя ежедневныя удовольствія для него не существуютъ. Чувствительность тоже переходитъ свои предѣлы: самыя обыкновенныя причины ее раздражаютъ; самое ничтожное слово, каждое непредвидѣнное обстоятельство, производятъ въ ней болѣзненное потрясеніе. Тогда смерть уже владычествуетъ надъ жизнью существа, убитаго несчастіями, и если благотворный Промыслъ не измѣнитъ бѣдственной жизни человѣка — онъ самъ умерщвляетъ себя.... Таковъ безумный конецъ жизни, уничтожающейся постепенно!...

Съ самого дѣтства Джонсонъ былъ несчастливъ. Онъ родился въ 1709 году, и отъ отца получилъ наслѣдственные признаки меланхоліи; съ молокомъ кормилицы онъ всасывалъ новую болѣзнь — золотуху, которая испортила ему зрѣніе до того, что онъ однимъ глазомъ не могъ совершенно ничего видѣть. Если иногда въ дѣтствѣ Джонсонъ отправлялся въ школу безъ проводника, то по доскѣ, положенной чрезъ каналъ, онъ ползъ на четверенькахъ. По господствующему суевѣрію той страны, что желѣза пропадаютъ отъ прикосновенія къ нимъ руки королевской, мать Самуила поднесла его къ королевѣ Аннѣ; та охотно исполнила просьбу ея, но, разумѣется, подобное врачеваніе не принесло никакого облегченія.

Въ школѣ учитель былъ немилосердно больнаго ребенка; но, несмотря на побои, способности дитяти развертывались рано; въ немъ замѣтны были умъ и любовь къ наукамъ. Одинъ богатый дворянинъ пригласилъ молодаго Джонсона ѣхать съ нимъ въ Оксфордскій университетъ и обѣщался содержать его тамъ, какъ своего хорошаго товарища, но не совсѣмъ исполнилъ обѣщаніе. Джонсонъ однако долго не покидалъ университета, хотя часто, не имѣя сапогъ, онъ не могъ ходить на лекціи. Самолюбіе не

позволяло ему принимать подарковъ, и если благотворительный человекъ приносилъ ему пару башмаковъ, онъ съ гордостію отъ нихъ отказывался.

Бѣдность заставила его однако оставить Оксфордъ; онъ возвратился къ своимъ родителямъ, которые были почти нищими. Отецъ его вскорѣ умеръ, оставивъ ему всего двадцать фунтовъ стерлинговъ. Джонсонъ досталъ себѣ мѣсто помощника учителя, но вскорѣ отказался отъ этого званія, и всегда съ ужасомъ вспоминалъ о немъ въ послѣдствіи. Новыя предпріятія также не удавались ему; такимъ-образомъ, принимаясь то за одно, то за другое, онъ женился на мистрисъ Портеръ и основалъ свою несчастную школу. На двадцатомъ году жизни онъ уже почувствовалъ первые припадки иппохондріи, которые не покидали его въ послѣдствіи. Часто въ немъ порождалась какая-то ненависть къ людямъ; онъ бѣжалъ отъ общества, запирался и ходилъ одинъ у себя по комнатамъ, плакалъ, рыдалъ, говорилъ самъ съ собою, предаваясь полному отчаянію. Онъ охотно пожертвовалъ-бы рукой или ногой, лишь-бы избавиться отъ подобнаго состоянія.

Заботы и горести сдѣлали его обращеніе и манеры грубыми. Не находя нигдѣ отрады и радушнаго пріема, такъ успокоивающаго душу, онъ не старался угождать другимъ. И ему никто не старался нравиться; казалось, онъ вовсе не считалъ обязанностію каждаго быть вѣжливымъ, и не умѣлъ обращаться иначе, какъ грубо. Когда счастье вамъ улыбается, когда люди за вами ухаживаютъ и угождаютъ, тогда вы дѣлаетесь по-неволѣ любезными, по-неволѣ выслушиваете льстивыя людскія рѣчи. Но несчастные, замѣчая во взорѣ каждаго и ненависть, и отвращеніе къ нимъ, чувствуютъ ко всемъ тоже самое, въ особенности, если природа надѣлила ихъ талантами, если они сознаютъ свои способности, ставящія ихъ выше толпы обыкновенной. Насмѣшки Джонсона отдаляли отъ него тѣхъ изъ его знакомыхъ, которые думали, что бѣдность унизила его передъ ними; такимъ людямъ онъ дерзко высказывалъ свое мнѣніе, и не боялся отгонять ихъ отъ себя. Хотя онъ былъ кротокъ и добръ въ душѣ, но за грубыя манеры его прозвали «медвѣдемъ». Писатели заднихъ рядовъ литературы говорили о немъ, какъ о человекѣ жестокомъ.

Творенія Джонсона, не доставляя ему еще большихъ вещественныхъ выгодъ, мало-по-малу распространили его славу. Кни-

гопродавцы имѣли къ нему болѣе довѣрія, и семеро изъ нихъ, согласившись другъ съ другомъ, предложили ему огромный трудъ: это полный объяснительный словарь Англійскаго языка, по возможности подробный и полный. За этотъ трудъ они полагали ему 1570 фун. стерлинговъ (около 40,000 ас.). Джонсонъ согласился и подписанное условіе препроводилъ къ Лорду Честерфильду, намѣреваясь посвятить ему свое твореніе. Онъ думалъ окончить лексиконъ въ три года. Одинъ изъ его знакомыхъ, доказывая невозможность его предположенія, говорилъ, что Французская Академія, состоящая изъ сорока членовъ, и та только въ продолженіе сорока лѣтъ можетъ окончить подобный трудъ. — «Это правда, отвѣчалъ Джонсонъ: но изъ вашихъ словъ можно составить слѣдующую пропорцію: отъ перемноженія сорока на сорокъ получится число, равняющееся тысячѣ-шести-стамъ, и которое относится къ тремъ, такъ какъ Французъ къ Англичанину». Выводъ этотъ, если-бы онъ оправдался на самомъ дѣлѣ, былъ-бы очень-прибыленъ Джонсону; но не смотря на хвастовство, онъ окончилъ трудъ свой только черезъ восемь лѣтъ. Шестъ переписчиковъ были постоянно заняты за его работою; они сидѣли въ особой комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ его дома; эта комната была похожа на контору негодянта; туда приносилъ онъ безпрестанно новыя работы. Впрочемъ надобно замѣтить, что этотъ трудъ Джонсона не поглощалъ всѣхъ его занятій, ибо въ то-же время издалъ онъ поэму, подъ заглавіемъ: «Суетность желаній человѣческихъ». Мысль къ этому сочиненію подала ему десятая сатира Ювенала, хотя его собственная опытность могла обойтись безъ подобныхъ подражаній. Потомъ онъ началъ издавать журналъ *Бродяга*, (*The Rambler*) одно изъ замѣчательныхъ произведеній его, породившее множество подраженій и между прочимъ Аддисонова «Зрителя». Мысли и сужденія Джонсона, высказанныя имъ съ откровенностію въ его журналѣ, противорѣчатъ совершенно духу новѣйшихъ нашихъ писателей. Вотъ молитва, съ которою онъ обращается, въ началѣ изданія, къ Богу: «Боже Всемогуцій, вѣчный источникъ всего прекраснаго! безъ Твоего соизволенія никакой трудъ не принесетъ плода; мудрость человѣческая сдѣлается заблужденіемъ. Молю Тебя, чтобы нптіе Святаго Духа не покидало меня во-время моихъ занятій, чтобы я могъ прославлять Твою славу, могъ постоянно идти по пути къ своему спасенію, и вести за собою другихъ!... О Господи!.. влспошли мнѣ сію благодать изъ любви къ Своему сыну Иисусу! Аминь.» Можно легко себѣ предетавить, что это періодическое

изданіе (*), начавшееся молитвою, заключало въ себѣ множество нравственныхъ разсужденій.

Правила, усвоенныя Джонсономъ, подкрѣпляли его въ теченіе всей жизни. Жена его умерла послѣ пятнадцати лѣтъ супружества; хотя подруга его жизни была уже стара и нехороша собою, хотя она не слишкомъ любила его и спокойно наслаждалась всѣми сельскими удовольствіями, въ то время, какъ онъ страдалъ, дыша зловреднымъ воздухомъ Лондона, по ея смерть сильно опечалила Джонсона.

Новое обстоятельство замедлило лексикографическіе труды Джонсона. Гарриксъ явился покровителемъ его трагедіи «Ирена»; онъ страхнулъ съ нея пыль, накопившуюся отъ времени, и презрѣлъ опасность сцены. Ученикъ Джонсона счастливо шелъ своею дорогою. Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Лондонъ, одинъ изъ его дядей умеръ, оставивъ ему въ наслѣдство тысячу гиней. Гарриксъ продолжалъ свои науки и втайнѣ готовился къ избранному поприщу. Когда отецъ и мать его тоже умерли, онъ могъ свободно располагать собою. Его безпокоило одно — опасеніе за успѣхъ при первомъ появленіи на сцену; первый шагъ, дурно исполненный, первая неудача, могли на долго повредить ему во мнѣніи публики. Гарриксъ рѣшился дебютировать сначала на провинціальномъ театрѣ, и въ 1741 году отправился въ Инсвичъ. Тамъ онъ принялъ фамилію Лейддала (Lyddal) и игралъ въ первый разъ роль Аброна, негра, въ трагедіи «Ороноко» болѣе потому, что его никто не могъ узнать, когда лицо его будетъ замазано черною краскою. Точно также тревожимъ былъ безпокойствомъ и опасеніемъ Вальтеръ-Скоттъ, выпуская въ свѣтъ первое свое твореніе. Это любопытный феноменъ нашей природы. Чѣмъ болѣе въ насъ желаній, тѣмъ менѣе самоувѣренности; чѣмъ болѣе стараемся мы овладѣть счастіемъ, составляющимъ нашу любимую мечту, тѣмъ менѣе оно кажется намъ возможнымъ. Человѣкъ болѣе влюбленный, менѣе надѣется на успѣхъ. Восторженность облекаетъ предметъ любви его въ божественную форму; онъ воображаетъ свою возлюбленную такой женщиною, которою трудно овладѣть, потому что она выше обыкновенныхъ женщинъ; между тѣмъ онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ лишиться ея па-

(*) Еженедѣльно по вторникамъ и субботамъ выходило по одному номеру. Джонсонъ продолжалъ издавать этотъ журналъ около двухъ лѣтъ и прекратилъ за три дня до смерти жены своей.

всегда: славу, богатство, радости, самую гордость свою, все повергаетъ онъ къ ногамъ этой волшебницы: — въ ней сосредоточивается для него весь міръ.

Однакоже успѣхъ успокоилъ артиста. Онъ выходилъ уже нѣсколько разъ на сцену и всегда получалъ одобреніе публики. Всѣ роли казались по немъ, онъ игралъ героя и шута, барина и лакея, человѣка надменнаго и глухца, весельчака и арлекина. Ни одинъ актеръ не обладалъ никогда такимъ разнообразнымъ талантомъ. Когда постоянный восторгъ толпы породилъ въ Гаррикѣ болѣе самоувѣренности, онъ возвратился въ Лондонъ. Первый дебютъ его тамъ былъ однакоже не на главномъ театрѣ: онъ выбралъ сцену небольшую, театръ простонародный, въ который ходили люди низшихъ сословій. Первая роль, имъ избранная, была роль Ричардъ III; немногочисленная толпа, собравшаяся на его дебютъ, сперва слушала его очень-равнодушно, но вскорѣ игра Гаррика поразила ее своею новостію. Надобно сказать что тогда на англійской сценѣ была въ модѣ напыщенность; Гаррикъ-же выражался просто и естественно; въ немъ видна была однакожъ энергія, но она подчинялась истинѣ. Недоумѣніе толпы перешло мало-по-малу въ удивленіе, и громкія рукоплесканія предвозвѣстили славную будущность Гаррика.

Вскорѣ молва о немъ распространилась. Главные театры — Дрюилленскій и Ковентъ-Гарденскій, перестала посѣщать публика. Директоры ихъ озлобились противъ маленькаго театра Гоодменсъ-фильдекаго, гдѣ игралъ новый актеръ, и въ силу правъ своихъ хотѣли его закрыть, если директоръ этого театра не согласится на ихъ условія. Гаррикъ поступилъ въ труппу театра Дрюилленскаго, съ жалованіемъ 500 фунтовъ стерлинговъ. Тамъ всю зиму пожиналъ онъ лавры. Лѣтомъ прибыла къ нему изъ Дублина депутація съ приглашеніемъ сыграть нѣсколько ролей на тамошнемъ театрѣ; онъ охотно принялъ это приглашеніе. Восторгъ Ирландцевъ походилъ на безуміе. Нестерпимые жары, казалось, должны были помѣшать представленіямъ, но толпы народа со всѣхъ сторонъ шли въ Дублинъ; удущливый воздухъ породилъ эпидемію, отъ которой многіе умерли, а потому и болѣзнь эта была прозвана «лихорадкою Гаррика». Восторгъ публики достигъ до крайняго предѣла.

Когда Гаррикъ возвратился въ Лондонъ, публика встрѣтила его съ тѣмъ-же энтузіазмомъ; вскорѣ онъ сдѣлался директоромъ Дрюилленскаго театра, потому-что прежній директоръ затянулся въ долгахъ. До ветувленія его въ званіе директора, въ дѣлахъ

театра царствовалъ большой безпорядокъ; Гаррикъ все исправилъ по возможности, и потомъ сталъ заниматься пьесой своего друга. Это былъ нелегкій подвигъ; многія мѣста драмы слѣдовало измѣнить, поправить; Гаррикъ не хотѣлъ оставить ихъ такъ, какъ они были написаны. Джонсонъ однакожъ воспротивился его желанію, и между ними завязался жаркой споръ. Разъ Гаррикъ въ сердцахъ унесъ съ собою драму; Джонсонъ согласился на незначительныя передѣлки. Произведеніе его, исполненное впрочемъ благородныхъ идей, было сухо, холодно, не имѣло трагическихъ эффектовъ; не смотря на всѣ старанія славнаго актера, оно не могло быть представлено болѣе девятиразъ.

Джонсонъ и Гаррикъ видались другъ съ другомъ часто, оказывали взаимныя услуги и, какъ говорится, не переставали быть, по видимому, друзьями; но въ сердцѣ одного скрывалось къ другому тайное недоброжелательство. Блестящая слава и несмѣтныя богатства актера часто заставляли глубоко задумываться бѣдняка-литератора: ему казалось, что то и другое превосходить мѣру таланта Гаррика. Джонсонъ видѣлъ въ немъ искуснаго мимика, хорошаго декламатора, но вмѣстѣ съ этимъ вѣчнаго раба мысли поэта, а по-тому и не приписывалъ Гаррику слишкомъ-большой славы. А между-тѣмъ ни одинъ драматическій писатель не слыхалъ столько похвалъ, не пользовался такой огромной славой, какъ актеръ Гаррикъ. Лавровый вѣнокъ не украшалъ никогда головы Шекспира; а рабскій исполнитель его мысли попиралъ ногами цвѣты, которыми покрывали сцену восторженные зрители, обожавшіе его до изступленія. Но Джонсонъ ошибался, сравнивая свои достоинства и свое печальное положеніе съ достоинствами и блестящею участію своего питомца: онъ долженъ былъ-бы глядѣть на все это спокойнымъ взоромъ и не сердиться на несправедливости судьбы, которыя вовсе не касались ни до него, ни до Шекспира.

Тогда скорѣе приходитъ въ восторгъ отъ такихъ произведеній искусства, которыя ниже другихъ по мысли и по содержанию. Философы и строгіе мыслители трудятся въ безмолвномъ уединеніи; ихъ понимаютъ очень-немногіе. За ними слѣдуютъ историки, повѣствующіе о событіяхъ; кругъ ихъ слушателей гораздо-многочисленнѣе; но еще многочисленнѣе онъ у поэтовъ: поэты ближе, доступнѣе понятіямъ свѣта, общества; ихъ призваніе украшать міръ, озарять его волшебнымъ свѣтомъ; они возбуждаютъ страсти, обольщаютъ воображеніе, упрочиваютъ воспоминанія. Прозанческій писатель имѣетъ своихъ слушателей.... Но спустимъ

ся въ душную атмосферу жизни обыкновенной.... Выходите на сцену, сочинители водевилей, цари журнализма, писатели романовъ!... Словамъ вашимъ внимаютъ цѣлая нація; она жертвуетъ вамъ и временемъ, и своими сокровищами — сердцемъ и умомъ. Положите, что въ этомъ вы не нуждаетесь, но будьте снисходительны къ ея приношеніямъ; ибо она безкорыстно повергаетъ ихъ предъ вами; она привыкла видѣть въ васъ лучшихъ своихъ совѣтниковъ и друзей. Спустимся еще ниже... Тутъ насъ встрѣчаютъ пѣвцы и актеры; имъ нѣчего выдумывать новаго; они — вѣрные исполнители, и только; но ихъ голосу, ихъ тѣлодвиженіямъ удивляются болѣе, чѣмъ произведеніямъ музыкантовъ и писателей. За ними слѣдуютъ танцовщицы: это крайняя степенъ торжества тѣлодвиженій. Роскошно-граціозныя позы ихъ шевелятъ чувственность; поклонники врягаются въ ихъ колесницы, везутъ ихъ съ триумфомъ при свѣтѣ факеловъ, въ то время, какъ писатели и, можетъ-быть, люди гениальные томятся, въ бѣдности, въ неизвѣстности....

Гаррикъ, съ своей стороны, позволилъ себѣ, какъ нельзя болѣе, насмѣхаться надъ странностями Джонсона; онъ часто представлялъ его комическія тѣлодвиженія. Это былъ неисчерпаемый источникъ его шутокъ.

Наконецъ, трудолюбивый писатель окончилъ лексиконъ на сорокъ-шестомъ году своей жизни (*). Въ продолженіе этого времени лордъ Честерфильдъ обращался съ нимъ очень-холодно, и не только не помогалъ ему своимъ политическимъ влияніемъ, но даже не оказывалъ ему ни малѣйшаго вниманія. Слава Джонсона, сначала слабо-мерцавшая, достигла наконецъ до своего апогея. Лордъ Честерфильдъ раскаявался въ невѣжливомъ обращеніи, въ холодности своей, въ томъ, что онъ не отвѣчалъ на посвященіе, сдѣланное ему при началѣ труда Джонсонова, хотѣлъ поправить свою ошибку, и снова привлечь къ себѣ обиженного писателя; онъ все еще надѣялся увидать свое имя на сочиненіи, которое чрезвычайно занимало всю публику. Роли переѣнились: лордъ принужденъ былъ стараться самъ приобрести теперь любовь писателя... И онъ сыгралъ эту роль передъ цѣлою націей, напечатавъ двѣ статьи, написанныя имъ въ похвалу автору, и испол-

(*) Въ это время онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи журнала подъ названіемъ «The Adventurer», который издавался Гукеспортомъ съ 1753 г.

ценныя самыхъ льстивыхъ выражений; но уже было поздно: онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ благороднымъ, котораго трудно было обмануть хитростію. Джонсонъ унижилъ лорда болѣе, нежели тотъ унижалъ его. Это было справедливое мщеніе, которое онъ долженъ былъ исполнить для чести своей, какъ литератора. Люди, у которыхъ кружится голова отъ ихъ величія, достойны суровыхъ уроковъ; они должны уважать талантъ и истину. Лордъ Честерфильдъ былъ неглупъ, но онъ не умѣлъ искоренить въ себѣ предрасудка, общаго всѣмъ обыкновеннымъ людямъ — поклоняться только счастью, могуществу и богатству. Слѣдующее письмо было для него тѣмъ болѣе оскорбительно, что онъ сознавалъ всю его справедливость и достоинства.

«Многоуважаемому графу Честерфильду.

«Милордъ!

«На этихъ дняхъ издатель журнала «The World», извѣстилъ меня, что двѣ статьи, отзывающіяся съ похвалою о моемъ «Словарѣ», сочинены вашей свѣтлостію. Не привыкши къ подобному вниманію отъ людей знатныхъ, я не знаю, какъ принять честь, вамъ мнѣ оказываемую.

«Посѣщая неоднократно еще прежде вашу свѣтлость, я, какъ и многіе, былъ очарованъ вашими рѣчами, исполненными прелести и достоинства; въ сердцѣ моемъ родилось давно желаніе назваться *побѣдителемъ великихъ земли...* Я надѣялся получить отъ васъ это названіе, отъ васъ, на кого свѣтъ смотритъ съ завистію; но вы гордо и холодно принимали все знаки моего уваженія; чувство самолюбія принудило меня отказать отъ задушевнаго желанія. Когда я встрѣчалъ васъ въ обществѣ, я старался правиться вамъ столько, сколько можетъ человѣкъ ученый, удаленный отъ шума гостинныхъ и блеска придворнаго. Но я не успѣлъ, — не успѣлъ удостоиться чести посвятить вамъ свое малое приношеніе, составляющее однако все, что я имѣю.

«Семь лѣтъ, милордъ, протекло съ того времени, какъ я ставалъ смиренно въ вашей передней, или даже не былъ допускаемъ къ дверямъ вашего дома; въ продолженіе этого времени я трудился много, и быстро подвигалъ впередъ трудъ свой. Теперь онъ конченъ; я не стану жаловаться на препятствія, мнѣ

встрѣчавшіяся: ихъ было много; но я не слыхалъ ни отъ кого отраднаго слова, не видалъ ни одной утѣшительной улыбки. Впрочемъ я и не ожидалъ этого... у меня не было никогда покровителей.

«Пастьухъ у Виргилія наконецъ понимаетъ любовь: опъ узнаеть, что она «дитя утесовъ». И я узналъ теперь, милордъ, что такое покровитель: это существо, которое спокойно смотритъ на человѣка, пока опъ борется съ бѣдствіями, и охотно предлагаетъ ему руку помощи, если опъ остался побѣдителемъ.

«Да, я-бы чувствовалъ вполне ваше вниманіе, которое вы милостиво теперь мнѣ оказываете, если-бы оно явилось прежде: прежде оно служило-бы доказательствомъ вашего расположенія ко мнѣ.... Теперь уже слишкомъ-поздно.... Я сдѣлаюсь нечувствительнымъ. Что мнѣ за отрада въ вашемъ лстивомъ вниманіи, котораго мнѣ и передать даже некому, потому-что я уже вдовецъ!... Но моя слава уже упрочена, — я не нуждаюсь въ чужихъ похвалахъ. Я не благодарю васъ, ибо ни чѣмъ вамъ не обязанъ, ибо сталъ-бы неблагодарнымъ противъ самого Промысла, если-бы оказалъ хотя тѣнь признательности какому-нибудь покровителю. Одно Провидѣніе было моимъ помощникомъ.

Подвинувъ такъ много впередъ трудъ свой, безъ пособій другихъ, ученыхъ и знающихъ людей, если-бы я не имѣлъ нужды въ такомъ числѣ справокъ и источниковъ, я-бы не такъ разорился, какъ теперь; но я почти ожидалъ этого; ибо давно пересталъ довѣрять лстивымъ надеждамъ, которымъ предавался смолоду.

«Имѣю честь пребыть вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою

Самуилъ Джонсонъ.»

Это письмо надѣлало много шума въ высшемъ обществѣ; оно было по-сердцу веѣмъ тогдашнимъ писателямъ Англій, ибо они не любилъ унижать своего достоинства и умѣли поселать къ себѣ уваженіе народа и властей.

Уничтожая такимъ-образомъ желаніе хитраго политика, благородный Джонсонъ дѣйствовалъ чрезвычайно-отважно; дѣла его были въ дурномъ положеніи; переписчики лексикона стоили ему дорого; опъ задолжалъ и изданіе его труднаго творенія было пріостановлено; но Ричардсонъ его выручилъ, дополнивъ и продолживъ трудъ его.

ствъ, онъ началъ издавать журналъ «Наблюдатель»; журналъ выходилъ каждую недѣлю по субботамъ. — Вскорѣ умерла его мать, и ему не на что было похоронить ее...

Накопецъ участь его перемѣнилась; на престолъ англійскій вступилъ Георгъ III, человекъ съ любовью къ просвѣщенію, съ сердцемъ, исполненнымъ доброты; первой заботой его было награждать достойныхъ. О Джонсонѣ онъ слышалъ, какъ о человекѣ талантливомъ и прямодушномъ, но угнѣтаемомъ несчастіями; онъ предложилъ ему пенсію въ 300 гиней (7500 руб. асс.). Джонсонъ не пользовался такимъ вниманіемъ отъ Стюартовъ; многіе боялись, чтобы онъ не отказался отъ пенсін, не смотря на болѣзни и на преклонность лѣтъ: ему было тогда 54 года; люди, уважавшіе Джонсона, старались увѣрить его, что этотъ подарокъ король предлагаетъ ему отъ чистаго сердца, какъ награду за его прежніе труды и литературныя заслуги. Джонсонъ совѣтовался съ друзьями и, по общему убѣжденію ихъ, рѣшился принять пенсію, которая обезпечивала его существованіе. Послѣ того, какъ Джонсонъ сталъ *богатъ*, хорошее мнѣніе о немъ распространилось еще болѣе. Никто уже не смѣлъ порицать талантъ человека, издерживающаго ежедневно на свой обѣдъ восемь шиллинговъ; блескъ его одежды выказывался и на его сочиненіяхъ. После умеръ; послѣ него никто еще не наследовалъ его литературной славы. Джонсонъ шагъ за шагомъ къ тому приближался; богатство помогло ему еще скорѣе занять свободное мѣсто. Съ этого времени онъ сталъ во главѣ англійскихъ писателей; его вліяніе возрастало быстро. Сочиненія Джонсона въ послѣднемъ періодѣ его жизни были, по большей части, легкіе рассказы, описанія путешествій для удовольствія, біографіи и характеристики; интересъ всего этого увеличивался оригинальными его мнѣніями и знакомствомъ съ знаменитыми лицами того вѣка. Въ это время множество статей второстепенныхъ писателей, писателей, завидующихъ спокойствію человека, купившаго его дорогой цѣной цѣлой жизни, явились съ цѣлію поколебать репутацію Джонсона. Онъ издалъ нѣсколько брошюръ въ пользу тогдашняго правленія, и его обвинили за то въ льстивой угодливости. Эту ненависть легко можно было предвидѣть, и ему не слѣдовало бы печатать подобной брошюры. Въ этомъ случаѣ благодарность взяла верхъ надъ предусмотрительностію. Онъ не былъ ни ренегатомъ, ни человекомъ продажнымъ; онъ говорилъ, что чувствовалъ, и старался всегда поддерживать господство вла-

стей, а съ ними и религію; онъ былъ убѣжденъ, что народъ не можетъ никогда управляться самъ собою. Стюарты, по своей винѣ, лишились трона, и Джонсонъ сдѣлался вѣрнымъ подданнымъ дома ганноверскаго. Литературные застрѣльщики не смущали его нисколько; судьба приучила его къ непріятностямъ, и вмѣсто того, чтобы печалиться, онъ смѣялся надъ болтовнею своихъ мелкихъ непріятелей.

Въ это время исхода его изъ страны бѣдствій его посѣтило новое счастье. Одинъ молодой человекъ, хорошей фамиліи, давно уже питалъ къ нему въ сердцѣ сыновное уваженіе; онъ удивлялся достоинствамъ и добродѣтелямъ Джонсона, и, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, наконецъ познакомился и сошелся съ нимъ дружески. Это былъ его біографъ Джемсъ Босвель, неразлучный товарищъ послѣднихъ дней его. Шотландія была тоже его родиной. Джонсонъ ненавидѣлъ своихъ соотечественниковъ и смѣялся надъ ними. Не удивительно-ли, что лучший другъ его былъ изъ страны, которую онъ не терпѣлъ до крайности? Не есть-ли это знакъ вышей Воли, желавшей примирить Джонсона съ его родиной?

Вотъ что случилось у книгопродавца Дэвиса, актера и вмѣстѣ литератора, который въ послѣдствіи написалъ біографію Гаррика: въ понедѣльникъ, 16-го мая 1763 года, Босвель вечеромъ пилъ чай въ столовой у Дэвиса и его хорошенькой жены. Доложили о пріѣздѣ Джонсона. Босвель, зная его ненависть къ Шотландіи, просилъ Дэвиса не говорить, что онъ уроженецъ шотландскій; но тотъ, для смѣха, нарочно тотчасъ-же объявилъ объ этомъ.

— Да, господинъ Джонсонъ, я Шотландецъ, сказалъ смущенный молодой человекъ: и къ-несчастью, во мнѣ только это и есть порядочнаго.

— Я знаю, отвѣчалъ Джонсонъ, что ваши соотечественники тысячами покидаютъ свою Шотландію.

Этимъ онъ хотѣлъ дать понятіе о бѣдности, которая заставляетъ Шотландцевъ искать лучшей жизни въ другихъ странахъ. Босвель не зналъ, что отвѣчать на это: ему тогда было двадцать два года и онъ не имѣлъ смѣлости и самоувѣренности.

— А что вы скажете о Гаррикѣ? продолжалъ Джонсонъ, обращаясь къ книгопродавцу: сегодня я прошу у него билетъ для

миссъ Вилліамсъ, и, представьте, онъ мнѣ отказалъ, зная, что театръ будетъ полонъ и каждый билетъ принесетъ ему три шиллинга !...

Шотландецъ хотѣлъ опять завязать разговоръ.

— Я не думаю, сказалъ онъ, чтобы Гарриксъ отказалъ въ бѣдѣлицѣ такому человѣку, какъ вы.

— Милостивый государь! сказалъ Джонсонъ съ сердцемъ: я лучше знаю Гаррикса, чѣмъ кто-либо, и мнѣ странно, что вы позволяете себѣ говорить подобныя вещи.

Такой строгой выговоръ былъ непріятенъ Босвелю. Онъ думалъ, что уже все кончено и что дружба между нимъ и Джонсономъ существовать не можетъ. Но такъ-какъ въ немъ желаніе приобрести ее перешло въ страсть, то онъ не хотѣлъ еще покинуть поля сраженія, и разговоръ между нимъ и Джонсономъ сталъ воодушевляться. Живость рѣчей послѣдняго, разнообразіе его свѣдѣній восхитили добраго юношу. Часть вечера они провели вдвоемъ. Босвелъ осмѣлился сдѣлать самъ нѣсколько замѣчаній, которыя были выслушаны охотно. Когда-же Джонсонъ ушелъ и Дэвисъ возвратился, проводивъ его до дверей своего дома, Босвелъ не могъ не высказать ему своего огорченія на сухое сначала обращеніе съ нимъ Джонсона.

— О, не печальтесь, возразилъ книгопродавецъ: я увѣренъ, что вы ему нравитесь.

Нѣсколько дней спустя, тотъ-же самой книгопродавецъ пригласилъ Босвеля идти съ нимъ къ Джонсону, который жилъ въ улицѣ *Inner-Temple-Layne*, въ первомъ номерѣ нижняго этажа. Въ этотъ разъ старикъ Джонсонъ принялъ Босвеля очень-ласково; но мебель жилища и одежда хозяина не только изумили, даже ужаснули почитателя Джонсонова: ему казалось, что человѣкъ съ умомъ возвышеннымъ, и нѣжной, чувствительной душой, каковъ былъ Джонсонъ, долженъ быть окруженъ вовсе не такими предметами: въ комнатѣ его были только самыя необходимыя вещи. Платье на Джонсонѣ было темнаго цвѣта и все въ дырахъ; старый ненапудренный парикъ, который былъ малъ ему, держался на затылкѣ, воротникъ его рубашки и пуговицы коротенькихъ панталонъ были разстегнуты; черныя чулки, на толстыхъ ногахъ, довольно поношенныя, и башмаки безъ пряжекъ

довершали безпорядокъ костюма. Таковъ былъ моралистъ, поэтъ и краснорѣчивый писатель! Босвелъ упалъ съ седьмага неба; въ эту минуту онъ чувствовалъ то, что чувствуютъ многіе, увидавъ въ первый разъ своего любимаго автора: ихъ воображеніе соета вло уже прежде портретъ его; черты его прекрасны, выраженіе гордое и спокойное, и этотъ образъ носится уже давно предъ ними, какъ божественный призракъ. Отличный талантъ, душа прекрасная и сердце полное чувствъ, по ихъ мнѣнію, не могутъ быть заключены въ тяжолыя формы, въ грубую оболочку. Такъ привыкли многіе думать; но рѣдко красота тѣлесная соединяется съ красотой души.

Тревожныя чувства Босвеля скоро исчезли: Джонсонъ сталъ говорить, и прелесть его рѣчей увлекла юношу; онъ забылъ все, его окружающее. Пѣсколько разъ, когда Босвелъ хотѣлъ удалиться, Джонсонъ его удерживалъ, и при прощаніи, пожавъ ему дружески руку, обѣщавъ быть въ скоромъ времени у него. Они встрѣчались послѣ того въ одной изъ гостинницъ улицы Fleet-Street. Дружба ихъ съ каждымъ днемъ становилась тѣснѣе и тѣснѣе, и въ продолженіе двадцати-одного года, т. е. до смерти Джонсона, ни одна непріятная размовка не нарушила ихъ счастливаго согласія. Босвелъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ писателей англійскихъ; у него достало терпѣнія написать десять томовъ объ одномъ авторѣ. Никто не питалъ такой любви, такого удивленія къ тогдашнему «князю» писателей, какъ онъ. Босвелъ не находилъ равнаго ему по гению, ни между древними, ни между новѣйшими. Счастіе быть дружески знакомымъ съ такимъ знаменитымъ мужемъ какъ-будто поражало его удивленіемъ. Джонсонъ поступалъ съ нимъ неограниченно; каждое его желаніе было закономъ для Босвеля; онъ старался не разлучаться съ своимъ кумиромъ ни на минуту. Джонсонъ имѣлъ обыкновеніе просиживать въ залахъ помянутой выше гостинницы до часу или до двухъ утра, и его собесѣдникъ сидѣлъ и пилъ съ нимъ вмѣстѣ, и проводивъ его домой, не засыпалъ безъ того, чтобы не записать ихъ вечерняго разговора.

Однажды Босвелъ зашелъ къ нему, располагая идти съ нимъ вмѣстѣ обѣдать; но Джонсонъ не хотѣлъ ѣсть, и его пріятель, не смотря на свой аппетитъ, остался съ нимъ разговаривать. Сначала желудокъ напоминалъ ему о себѣ; но вскорѣ онъ забылъ все, и, какъ самъ говорилъ, былъ доволенъ побѣдой своего ума надъ

немощию тѣла. Въ другой разъ Джонсонъ разговаривалъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, и его ревностный биографъ, описывая разговоръ, удивляется, до чего велико было снисхожденіе Джонсона. Онъ жалѣеть, что невозможно передать потомству музыкальной гармоніи рѣчей Джонсона. Не смотря на то, что жена Босвели не терпѣла Джонсона, онъ не слушалъ ея, не терялъ къ нему своей любви и уваженія. Такъ велика была его литературная привязанность!... Босвелъ не былъ помѣшанъ на одномъ предметѣ, не былъ пристрастнымъ панегиристомъ. Онъ замѣчаетъ пороки, недостатки своего любимаго автора, и вмѣсто того, чтобы скрывать ихъ, говоритъ о нихъ откровенно; нерѣдко онъ смѣется надъ его странностями. Въ эгергическомъ разсказѣ его есть много забавнаго, много странныхъ подробностей. Мы узнаемъ изъ него, что Джонсонъ любилъ хорошо поѣсть; можетъ-быть, скудная пища прежнихъ несчастныхъ лѣтъ породила въ немъ страсть къ хорошей кухнѣ; трудно было найти гастронома, болѣе страстнаго и разборчиваго. Когда онъ ѣлъ то казалось, что ѣда занимала душу и тѣло его; онъ не спускалъ глазъ съ тарелки, не говорилъ ни слова, пока не съѣдалъ всего, не слушалъ того, что говорили за обѣдомъ, и развѣ только въ крайнихъ случаяхъ отвѣчалъ на вопросы. Онъ глоталъ такъ скоро, что жилы на лбу его надувались и потъ градомъ выступалъ на лицѣ. Многіе не могли смотрѣть на него безъ отвращенія; ѣлъ онъ необыкновенно много, любилъ хвастать своимъ вкусомъ, говорилъ о кушаньяхъ, которыя ѣлъ прежде, и воспоминалъ о лучшихъ. Однажды ему не понравился соусъ какого то французскаго повара, и онъ съ сердцемъ закричалъ: «О!... я-бы съ восторгомъ бросилъ этого мерзавца въ Темзу!» Онъ не довольствовался обыкновеннымъ обѣдомъ: если друзья приглашали его къ себѣ, то должны были приготовить всегда что-нибудь необыкновенное. Во-время ѣды онъ пилъ изъ кружки чай. Босвелъ удивляется, какъ онъ не дѣлался отъ-того боленъ.

Нѣкоторое время Джонсона не покидала смѣшная странность: ставъ на известное разстояніе отъ дверей или отъ какого-нибудь предмета, онъ шагалъ къ нимъ, стараясь непременно стать на назначенное мѣсто правой или лѣвой ногой прежде; часто онъ останавливался, вычислялъ свои шаги, забывая о тѣхъ, кто съ нимъ шелъ рядомъ. Если его вычисления были невѣрны, онъ становился опять на прежнее мѣсто и начиналъ шагать снова,

пока вычисленія оправдывались на-самомъ-дѣлѣ. Тутъ онъ выходилъ изъ разсѣянности и весело присоединялся къ обществу.

Джонсона, можно сказать, ни-на минуту не оставляли странности. Онъ обращался съ женщинами необыкновеннымъ образомъ. Г-жа Буалеръ, прѣбавъ въ Лондонъ, захотѣла видѣть Джонсона. Одинъ изъ его хорошихъ знакомыхъ, Боклеркъ, вызвался познакомить ее съ нимъ. Послѣ продолжительной и пріятной бесѣды, гости простились съ Джонсономъ. Они были уже на улицѣ, какъ услышали позади себя глухой шумъ. Это былъ Джонсонъ, который, послѣ короткаго упрека себѣ, что недовольно вѣжливо обошелся съ знаменитой дамой, спускался по лѣстницѣ и кричалъ гостямъ подождать его. Онъ хотѣлъ проводить самъ благородную Француженку до кареты. Исключая стараго халата, одежда его была таже, въ которой Босвелъ увидалъ его въ первый разъ: рукава и воротникъ разстегнуты, изношенные башмаки на ногахъ вмѣсто туфель. Но онъ не думалъ о томъ, тотчасъ-же сталъ между Боклеркомъ и маркизой, взялъ ее за-руку и повелъ къ каретѣ. Толпа зѣвакъ окружила ихъ, удивляясь такому зрѣлищу.

Въ продолженіе всего періода дружбы съ Босвелемъ, Джонсонъ, какъ было сказано выше, писалъ брошюры и мелкія статьи въ журналы. Онъ издалъ произведенія Шекспира съ комментаріями, потомъ свои путешествія и біографіи знаменитыхъ англійскихъ писателей — произведеніе, исполненное занимательности и пользы. Онъ трудился надъ ними съ 1777-го до 1781-го года и кончилъ на 72-мъ году своей жизни.

Свои біографіи присоединилъ онъ къ собранію жизнеописаній поэтовъ, и успѣхъ его творенія былъ огромный. Онъ ничего не написалъ лучше, и эти страницы, полныя жизни и силы, не предвѣщали близкой его кончины. Путешествіе Джонсона на Шотландскіе острова, потомъ во Францію, его разговоры съ великими людьми тогдашняго времени, разнаго рода удовольствія и вкусныя обѣды занимали его послѣднее счастливое время: оно было наградою его за труды и жизнь, исполненную столькихъ горестей. Король навѣщалъ его въ бібліотекѣ дворца своего и разговаривалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ. Джонсонъ, при концѣ жизни, чувствовалъ свое счастіе, будучи предметомъ всеобщаго удивленія. Его портретъ рисовали часто, гравировали восемнадцать разъ. Одна мысль возмущала его радости; онъ боялся смерти, хотя друзья его никогда не разговаривали съ нимъ объ этомъ предметѣ,

но воспоминаніе о немъ было ему невыносимо. Не столько разрушеніе тѣла, сколько неизвѣтность будущей жизни, будущаго суда, порождали въ сердцѣ его неизяснимый страхъ. Вѣчныя мученія ада потрясали его душу, и онъ строго обесуживалъ все дѣла своей жизни, порицая за многое и считая себя недостойнымъ божественной благодати. Но страхъ и молитвы не отдалили отъ него роковаго дня. На семьдесятъ-четвертомъ году жизни, болѣзни стали разрушать его тѣло; параличъ, подагра, одышка, опухоли, соединились съ первыми невыносимыми недугами. Его друзья и усердный негръ Францискъ Барбе ухаживали за нимъ, прилагая всевозможныя заботы и попеченія; но все было тщетно, — часъ его пробилъ. 13-го декабря 1784 года онъ спокойно и тихо испустилъ духъ; окружающіе даже не замѣтили минуты, когда онъ оставилъ бренное свое тѣло и предсталъ предъ Богомъ. Джонсону было тогда 75 лѣтъ. 20-го числа того-же мѣсяца остатки его перенесли въ Вестминстерское-аббатство: тамъ сокрыли ихъ подъ голубымъ надгробнымъ камнемъ, и вѣчный миръ начался для умершаго. Была собрана вскорѣ огромная подписка. Джонсону воздвигли статую въ соборѣ Св. Павла и гробницу въ церкви Листерфильда, его родины. Многочисленная толпа сопровождала его похороны. Знаменитому писателю, который прежде чуть было не умеръ съ голода, оказывали послѣ его смерти почести княжескія...

Какъ литераторъ, Джонсонъ имѣлъ большія достоинства: онъ обладалъ особеннымъ взглядомъ на вещи, особенной манерой анализировать характеры. Монтань одинъ только можетъ съ нимъ сравниться. Его журналы («The Rambler» и «The Idler»), представляютъ счастливые опыты. Въ нихъ перемѣшаны сказки съ картинами нравовъ, и все они имѣютъ цѣлю раскрыть человеческое сердце. Трудно найти гдѣ-либо болѣе остроумія и философій, истинной, трогательной. Джонсонъ не довольствуется описаніемъ пороковъ и слабостей, онъ охотно предлагаетъ намъ свои благородные и разумные совѣты. Читателю кажется, что онъ слышитъ голосъ друга, изъясняющій ему собственныя его чувства, голосъ, трогаящій его меланхолическимъ самоотрѣченіемъ. Бѣдствія сдѣлали взоръ его проникательнымъ: всегда неловкій и странный, онъ, незамѣчаемый никѣмъ, легко отгадывалъ мысли каждаго. Эта проникательность еще болѣе увеличивала его горести во-время несчастій. Ни одинъ оскорбительный намѣкъ не ускользалъ отъ его вниманія; онъ до послѣдней капли испилъ

ту чашу горечи, которую иногда так беззаботно счастливый подносит къ губамъ несчастливца.

Утѣшенія его основаны на чистой нравственности, на святости обязанностей каждаго, на наслажденіяхъ чистой совѣсти, на наказаніяхъ и наградахъ Божественнаго Промысла.

Все это мы встрѣчаемъ въ жизни. Но онъ не вѣритъ въ благоденствіе земное и старается разувѣрить всякаго. По его мнѣнію, мы живемъ не для того, чтобы получить счастье здѣсь, но чтобы сдѣлать себя достойными къ лучшему, нездѣшнему счастью, и эта мысль, съ перваго взгляда смущая насъ, тревожитъ наше спокойствіе; она какъ чудовищный сонъ, затемняетъ наше настоящее бытіе. Эту философію онъ развилъ во многихъ своихъ произведеніяхъ, которыя освѣщены ею какъ потухающими лучами ослѣплаго солнца. Его «Суетность человѣческихъ желаній», его поэма «Лондонъ», его періодическія изданія, біографіи и пр., отличаются особеннымъ, такъ сказать, мужествомъ печали, передъ похотливыми и суетными произведеніями того вѣка. Его можно назвать если не отцомъ, то, по крайней мѣрѣ, предвѣстникомъ Байрона и его отчаянной поэзіи....

ПЯТЬ СОНЕТОВЪ МИЦКЕВИЧА.

1. Акерманскія степи.

Лычу я по зыбямъ сухаго океана,
Нырять въ зеленъ возъ, какъ челнъ среди валовъ;
Въ волнахъ шумящихъ травъ, безчисленныхъ цвѣтовъ,
Мнуню острова коралловы бурляпа.

Ужъ сумракъ палъ; нигдѣ ни слѣду, ни кургана!
Ищу я въ небѣ звѣздъ, вожатыхъ для плывцовъ.
Тамъ блещеть лучъ, зажгла заря небесный кровъ:
То блещеть Дибетръ, зажглась лампада Акермана.

Какъ тихо все! Слышна станица журавлей,
Которыхъ взоръ орла достигнуть-бы не могъ;
Я слышу, какъ траву колышетъ мотылекъ,

Какъ вьется по степи скользистой грудью змѣй!
Въ такой тиши я такъ стремлю къ Литвѣ мой слухъ,
Что могъ-бы слышать все, — но все молчитъ вокругъ!

2. Чатырдагъ.

Мирза.

Тренеча, Мусульманъ твой лобызаетъ прахъ,
 О падишахъ всѣхъ горъ, о минареть вселенной,
 О мачта Крымскихъ горъ, великій Чатырдагъ!
 Ты, взнесшись надъ землею, скрывался въ облакахъ,

Стоишь у вратъ небесъ безсмѣнно на часахъ,
 Какъ грозный Гавриилъ, эдема стражъ священный.
 И темный лѣсъ — твой плащъ, а молніи въ громахъ
 Твой облачный тюрбанъ вьютъ лентой позлащенной.

Прострется-ль мракъ у насъ, или пылаетъ зной,
 Падеть-ли саранча, глурь-ли жжетъ селенья, —
 О Чатырдагъ! ты все, недвижный и глухой,

Межъ небомъ и землею, какъ драгоманъ творенья,
 И землю, и людей, и громъ поправъ пятой, —
 Стоишь — и внемлешь ты глаголь къ намъ Провидѣнья!

3. Людагъ.

Люблю я глядѣть, опершись на скалу Людага,
 Какъ буйныя волны гремучею, черной грлдой
 Несутся, толпятся, какъ пѣной вскипѣвши съдой,
 Несмѣтными глыбами вьется, клубится ихъ влага;

Какъ хлынуть на отмѣль, и дружною грудью валовъ
 Облгутъ весь берегъ, какъ грозною ратью китовъ,
 И въ шумномъ отливѣ, разбившись въ миллионы кристалловъ,
 Бросають землѣ тьму раковинъ, перловъ, коралловъ!

Такъ въ сердцѣ твоёмъ, вдохновенный, могучій пѣвецъ:
 Въ немъ страсти перѣдко вздымають грозу тревожишь,
 Ты лиру подьмешь, — и страсти, тираны сердецъ,

Спѣшать погрузиться въ глубокія бездны забвенья,
 Роняя на память вѣкамъ твои пѣсногѣбья,
 Изъ коихъ потомство сплетаетъ безсмертныя вѣнцы!

А. Алушта день.

Ужъ горы стряхають съ раменъ свой туманный халатъ;
 Раннимъ намазомъ (*) шумятъ золотистыя нивы;
 Лѣсъ встрепенулся, и сыплетъ съ распущенной гривы,
 Какъ съ чотокъ (**) Халифа, рубины и яркій гранатъ. (***)

Лугъ весь въ цвѣтахъ, и цвѣты надъ тѣмъ лугомъ лежатъ:
 То рой мотыльковъ разноцвѣтныхъ; какъ слой облаковъ,
 Алмазнымъ навѣсомъ онъ яхонтъ небесъ накрываетъ;
 Вдали саранча развѣла свой крылатый покровъ.

Когда-же пагал скала проглянетъ въ водахъ,
 Море вскипитъ и отхлынетъ, и снова нахлынетъ,
 И солнце сверкнетъ въ его пѣдрахъ, какъ въ тигра очахъ, —

(*) *Намазъ* — молитва у Магометанъ.

(**) Мусульмане употребляютъ при молитвѣ чотки, которыя у знатныхъ
 бываютъ украшены драгоценными камнями.

(***) *Рубины и яркій гранатъ*. Гранатовыя и шелковичныя деревья,
 рдѣющія пурпуровыми плодами, общи на всемъ полуденномъ берегу Крыма.

То бурн предвѣстникъ; онъ бездны и хлаби подвинетъ. —
 По глубь еще дремлетъ, спокойна равнина зыбей,
 Купаются въ ней корабли и стада лебедей!

5. . Таишь морская.

Ужь легкій вѣтерокъ чуть зыблетъ флагъ и снасти,
 И тихо дышетъ грудь спокойныхъ, свѣтлыхъ волъ:
 Такъ обрученная, въ мечтахъ о близкомъ счастьи,
 Проснется, чтобъ вздохнуть, и вмигъ опять уснетъ.

И паруса, какъ-бы знамена послѣ бою,
 На мачтахъ спятъ; корабль прильнулъ къ водамъ своимъ,
 Какъ-бы прикованный незримой цѣпью къ нимъ.
 Морякъ вольнѣй вздохнулъ, пловцы шумятъ толпою.

О море! средь твоихъ серебряныхъ зыбей
 На днѣ полицъ; онъ спитъ въ часъ бурь и волнованья;
 Но въ штиль возноситъ онъ рога своихъ вѣтвей!

О мысль! въ твоей глуби есть гидра воспоминанья:
 Она безпечно спитъ въ пылу обуреванья,
 А въ грудь спокойную вонзаетъ тьму когтей!

Съ Польскаго.

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

СКРИПКА И СКРИПАЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

Взглядъ на происхождение скрипки и инструментовъ со смычкомъ. — Характеристика инструментовъ. — Лучшие скрипичные мастера. — Исполнение. — Знаменитые виртуозы. — Николо Паганини, жизнь его и искусство.

Множество было изслѣдованій о томъ, были-ли древнимъ извѣстны инструменты со смычкомъ? Однако-жъ всѣ эти изслѣдованія не привели ни къ чему, были рѣшительно бесплодны, или, лучше сказать, почти положительно доказали, что древнимъ такіе инструменты вовсе были неизвѣстны. Правда, часто ссылались на какую-то статую Орфея, со скрипкою въ одной и смычкомъ въ другой рукѣ; но когда хорошенько вемотрѣлись въ нее, то убѣдились, что скрипка и смычокъ — чисто выдумки ваятеля, который рестаурировалъ статую. Независимо отъ этого, приводили въ свидѣтельство нѣкоторыя мѣста изъ Аристофана, Плутарха, Атеня, Лукана, желая доказать тѣмъ существова-

ніе смычка у Грековъ; но положительное изслѣдованіе тотчасъ уничтожало все мнимыя доказательства подобнаго рода. Итакъ, почти нѣтъ никакого сомнѣнія, что отнюдь не восточнаго происхожденія инструменты съ гармоническою декою, грифомъ и поднятыми на подставкѣ струнами, которые приводятся въ сотрясеніе смычкомъ. Но когда именно и въ какой странѣ Европы инструменты эти изобрѣтены? Вопросъ такой разрѣшить довольно-трудно. Въ Валлисѣ употребляется инструментъ, который имѣетъ квадратную форму, грифъ и струны, поднятыя на подставкѣ, — на немъ играютъ смычкомъ. Инструментъ этотъ называется *cruth* и, кажется, существуетъ тамъ съ глубокой древности: въ Англіи считаютъ его родоначальникомъ различнаго рода *віолей* и *скрипки*. — Готическіе памятники Среднихъ-вѣковъ, особенно предверія храмовъ X-го вѣка, составляютъ самыя древнія сооруженія, на которыхъ находятъ изображенія инструментовъ изъ рода такъ-называемой *віоли*. Однако-жъ понятіе о подраздѣленіяхъ этихъ инструментовъ оставалось-бы темнымъ, если-бъ не была найдена *рукопись XIII столѣтія*, — разсужденія о музыкѣ пѣкаго Иеронима Моравскаго, которая разрѣшила наконецъ все сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Изъ этого сочиненія ясно видно, что віола была двоякаго рода: *руббба* и *віоль*. Первая имѣла двѣ струны, которыя строились въ квинту, а на віоли было пять струнъ, настроивавшихся различнымъ образомъ. Конечно, инструменты эти не имѣли точно такой формы, какъ наши скрипки и альты: верхняя и нижняя деки у нихъ не отдѣлялись промежуточными частями, а, просто, задняя доска была округленною, какъ у мадонины, — верхняя-же приклеивалась къ краямъ ея. Въ-послѣдствіи инструменты эти подверглись многоразличнымъ измѣненіямъ, — оттуда произошли разныя віолы, какъ-то: *собственно* такъ - называемая *віола*, которая ставилась на колѣни и имѣла пять струнъ; *верхняя віола*, съ пятью-же струнами, которыя строились въ квинту віолы; *нижняя* или *бассъ-віола*, для отличія отъ другихъ віолей, называвшихся иногда *viola da braccio*, — имѣла и пять и шесть струнъ; *виолонч* или *большая віола* ставилась на ножкѣ и была о семи струнахъ, и *аккордо*, другой видъ виолончи, о 12-ти и даже о 15-ти струнахъ, изъ которыхъ нѣсколько звучали вдругъ и при каждомъ ударѣ смычка производили гармонію. У послѣднихъ двухъ инструментовъ грифы раздѣлялись ладами, на-подобіе лютни или гитары, и, по причинѣ большихъ размѣровъ, на нихъ играли стоя. Былъ еще родъ віолы, такъ называемая *віоль д'амуръ*. Великою она

равнялась съ верхнею виолою, и имѣла четыре кишечныхъ струны, навязанныхъ точно такъ, какъ на другихъ виолахъ, и четыре мѣдныхъ, которыя проходили подъ грифомъ: настроенныя однозвучно съ кишечными струнами, послѣднія производили тихіе, но гармоническіе звуки, если на инструментѣ играли соотвѣтственнымъ образомъ.

Кажется, что около XV вѣка, именно во Франціи, довели виолу до самыхъ малыхъ размѣровъ, дабы образовать *скрипку*, въ настоящемъ ея видѣ, и ограничили число струнъ на инструментѣ четырьмя. Въ доказательство, что такое преобразование совершилось во Франціи, можно привести то, что въ италіянскихъ партитурахъ, въ концѣ XVI столѣтія, скрипка означалась словами: *piccoli violini alla francese*. На скрипкѣ четыре струны, которыя настраиваются черезъ квинту въ *mi, la, re, sol*, и она занимаетъ мѣсто дискантовъ. Превосходство скрипичныхъ звуковъ предъ звуками виоль, вскорѣ заставило дать инструменту сему преимущество, и тогда-то скрипка вошла во всеобщее употребленіе. — Изъ всѣхъ родовъ старинныхъ виоль, осталась въ употребленіи собственно такъ-называемая *виола* или *альта*, на которомъ число струнъ уменьшено до четырехъ, настраиваемыхъ въ квинту ниже противъ скрипки. Въ оркестрѣ инструментъ этотъ занимаетъ мѣсто контральта. — Мѣсто басса-виолы, на которой играть было неудобно, и у которой самые звуки глухи, занялъ *виолончель*, не столько, можетъ быть, пріятный въ *solo*, — но болѣе сильный и свойственный дѣйствіямъ оркестра. Во Франціи виолончель введенъ въ употребленіе въ царствованіе Людовика XIV, Флорентинцомъ Баттистини, но окончательно замѣнилъ бась-виолу около 1720 года. — Виолонъ и аккордо употреблялись въ оркестрѣ, для баса въ составѣ гармоніи. Но такъ-какъ инструменты эти имѣли недостатокъ всѣхъ родовъ виоль, то-есть, издавали звуки тихіе и безсильные, то, по мѣрѣ того, какъ музыка дѣлалась громкою, начали думать и объ усиленіи баса, для чего въ началѣ XVIII вѣка устроили въ Италіи *контробасъ*. Инструментъ этотъ составляетъ теперь основу оркестра, и принятъ во Франціи съ большимъ трудомъ. Въ 1757 году въ Оперѣ находился одинъ контробасъ, на которомъ играли только по пятницамъ, составлявшимъ день курьезнаго зрѣлища. Госсекъ присоединилъ другой, а Филлдоръ, въ первомъ представленіи оперы своей *Ernelinde*, прибавилъ третій; въ-послѣдствіи число контробасовъ въ оркестрѣ увеличено до восьми. Контробасъ имѣетъ чрезвычайно-толстыя струны, которыя настраиваются въ ни-

жною октаву віолончеля. На французскихъ контрбасахъ три струны, настраиваемыя въ кварту, а у итальянскихъ и нѣмецкихъ — четыре, которыя строятся чрезъ кварту. Последняя система предпочтительнѣе, потому-что удобнѣе для игры.

Итакъ вотъ какимъ образомъ образовалась настоящая система струнныхъ инструментовъ со смычкомъ. Каждый изъ инструментовъ, будучи въ состояніи выражать чувства человѣка, преимущественно способенъ къ выраженію нѣкоторыхъ, особенно ему свойственныхъ положеній чувствованій. Одинъ нѣмецкій музыкантъ, очень-остроумно и довольно-вѣрно охарактеризировалъ инструменты со смычкомъ. По его словамъ, *скрипка* уподобляется дѣвушкѣ: если она вѣрно настроена, чиста, — если съ нею нѣжно обходятся, она восхитительна; но если скрипка разстроена, если съ нею не умѣютъ обходиться, то визгъ и крикъ ея раздраютъ уши. Въ-самомъ-дѣлѣ, это самый неспособный изъ всѣхъ инструментовъ, въ рукахъ плохаго скрипача, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый превосходный, въ рукахъ виртуоза. — *Альтъ* — мальчикъ; назначеніе его состоитъ въ томъ, чтобы сопровождать дѣвушку; но больше отъ него ничего не требуютъ, самъ онъ не можетъ дѣйствовать. — *Виолончель* — юноша: онъ мечтаетъ, онъ жалуется на свои сладостныя страданія, и даже самая веселость его отзывается въ немъ какою-то раздумьемъ, какою-то жадною любовью; разгулье не пристаю его задумчивости, непستовые танцы отнимаютъ у него его поэтическіе порывы; но элегическое расположеніе придаетъ ему особую занимательность, и кроткая важность привлекаетъ къ нему всѣ сердца. *Контрбасъ* — брюзгливый пожилой человѣкъ: онъ управляетъ молодыми людьми; его уважаютъ, слушаются его повелительнаго голоса, однако не чувствуютъ къ нему особеннаго влеченія. Такъ это или не такъ, но мы привели здѣсь эту характеристику собственно для того, дабы показать, какъ нѣмцы умѣютъ все опозитизировать.—Во Франціи, Германіи и Италіи явилось много искусныхъ скрипичныхъ мастеровъ, которые выпустили изъ мастерскихъ своихъ превосходные инструменты. Виртуозы еще и теперь съ большими стараніями отыскиваютъ знаменитыя скрипки. Изъ числа мастеровъ заслужили особенную славу слѣдующіе: Николай и Андрей *Амати*, изъ Кремоны, жившіе въ концѣ XVI вѣка; Автоній и Иеронимъ *Амати*, сыновья послѣдняго; Антоній *Страдивари* — ученикъ Амати; Петръ и Юсіфъ *Гварнери*; Тиролецъ Яковъ *Штейнеръ*, то-же ученикъ Амати, и многіе дру-

гіе. Скрипки этихъ мастеровъ продаются отъ 100 лундоровъ до 6000 франковъ. —

Теперь обратимъ вниманіе на то, въ чемъ состоитъ инструментальное исполненіе. Исполненіе естественно раздѣляется на частное и общее, то-есть, заключается въ искусствѣ играть на инструментахъ, и соглашать, съ помощію мѣры и чувства, нѣсколько артистовъ вмѣстѣ. Для игры на каждомъ родѣ инструментовъ необходимы особенныя качества. Такимъ-образомъ струнные инструменты со смычкомъ требуютъ нѣжнаго уха, для вѣрности интонацій, которыя образуются отъ постановки пальцевъ, и значительной гибкости въ рукѣ, для того, чтобы владѣть смычкомъ; не говоря уже о воображеніи, о чувствительности, основаніяхъ всякаго таланта,—мы разумѣемъ здѣсь собственно физическія расположенія.—*Перебирать пальцами* (апликатура) и *владѣть смычкомъ* — два важнѣйшіе предмета игры на скрипкѣ, альтѣ, віолончелѣ и контрбасѣ. — Первый состоитъ въ искусствѣ составлять интонаціи, посредствомъ прижиманія пальцами струнъ къ лицевой сторонѣ грифа, называемый тушью. Такое прижиманіе укорачиваетъ сотрясеніе длины струнъ, и потому можетъ производить чистые звуки тогда только, когда оно сильно, ибо струна не сотрясается удовлетворительно, коль-скоро не плотно придавлена въ точкахъ соприкосновенія. Слѣдовательно необходимо, чтобы скрипачъ, віолончелистъ прижимали пальцами струны съ большою силою, не-смотря на болѣзненное ощущеніе, какое обыкновенно чувствуютъ въ началѣ занятій. У нѣкоторыхъ артистовъ, отъ долговременныхъ упражненій, оконечности пальцевъ покрываются даже наростами или мозолями; однако-жъ не замѣчно, чтобы это вредило качеству звука. — Другая важнѣйшая сторона перебирания пальцами состоитъ въ вѣрности, то-есть, въ искусствѣ устанавливать пальцы на струны такъ, чтобы производить вѣрныя интонаціи. Скрипка, равно и самые віолончели, не имѣютъ одинаковыхъ размѣровъ: одни мастера приняли для инструментовъ формы гораздо-болѣшія, а другіе мѣншія; почему разстановка пальцевъ, для образованія интонацій, всегда находится въ соответственномъ содержаніи къ длинѣ грифа, ибо длина струнъ пропорціональна размѣрамъ инструментовъ. Если грифъ длиннѣе, то и для перехода отъ одного звука къ другому, самая разстановка пальцевъ должна быть въ болѣе прогрессіи; тѣмъ короче, тѣмъ тѣснѣе должно становить пальцы. Конечно, нѣжное ухо тотчасъ даетъ знать исполнителю объ ошибкѣ противъ вѣрности, но этого мало: чтобы играть всегда

вѣрно, надобно имѣть извѣстнаго рода расположеніе къ ловкости и долго упражняться въ интонаціяхъ. Вотъ почему слишкомъ много степеней *игры вѣрной и фальшивой*. Обыкновенные игроки достигаютъ только приблизительной вѣрности; но вѣрность совершенная составляетъ удѣлъ самаго малаго числа артистовъ. Особенное затрудненіе встрѣчается въ достиженіи вѣрности въ пассажахъ *на двухъ струнахъ*. Здѣсь производится дѣйствіе двухъ соединенныхъ голосовъ, и смычокъ, проходя по двумъ струнамъ, заставляетъ звучать вдругъ двѣ интонаціи, происходящія отъ сочетанія пальцевъ лѣвой руки. Упражненіе въ игрѣ на двухъ струнахъ требуетъ много времени: трудности этой игры таковы, что, можетъ-быть, было два, три виртуоза, которые побѣждали ихъ всегда удовлетворительно для опытнаго слуха. — Но дѣйствія пальцевъ лѣвой руки по струнамъ имѣютъ вліяніе только на вѣрность интонаціи и чистоту сотрясеній. Самое качество звука, болѣе и менѣ тихое, сильное, грубое или нѣжное, зависитъ совершенно отъ того, какъ владѣютъ смычкомъ, съ помощію правой руки. По-видимому, все это ограничивается тѣмъ, чтобъ двигать по струнамъ, внизъ и вверхъ, слабую машинку; но въ самой сущности эта часть игры есть одна изъ труднѣйшихъ. Сначала опытъ показалъ, что привести въ совершенную одновременность движенія смычка, съ движеніями пальцевъ, иначе нельзя, какъ только ослабляя дѣйствіе руки, которая направляетъ смычокъ такъ, чтобы кисть двигалась свободно и легко. Когда смотрятъ на движенія искуснаго скрипача, то ничто не кажется такъ легко, какъ свободное употребленіе кисти; между-тѣмъ, для пріобрѣтенія такой легкости, потребны цѣлыя годы упражненій. Притомъ самое движеніе смычка внизъ и вверхъ можетъ воспринимать множество соображеній, которыя имѣютъ своего рода трудности. Такъ иногда происходитъ нѣсколько звуковъ отъ одного и того-же прикосновенія смычка, почему требуется большая осмотрительность въ развитіи руки. Въ другихъ случаяхъ всѣ ноты выдѣлываются быстро, числомъ ударовъ смычка, равнымъ числу нотъ, для чего необходимо много единства между движеніями пальцевъ и правой руки. Нѣкоторыя сочетанія представляютъ ряды звуковъ, попеременно, то связныхъ, то отрывистыхъ. Наконецъ, есть послѣдованія звуковъ такого рода, которыя, при быстромъ движеніи, отдѣляются, посредствомъ одного только удара смычкомъ, направляя его вверхъ или внизъ: приемъ этотъ — *staccato*, требующее особеннаго искусства въ исполненіи. — Артистъ долженъ стараться не объ о-

двой побѣдѣ трудностей механизма; напротивъ, искусство измѣнять качество звука составляетъ также необходимый предметъ его зачатій. Прежде предполагали, что достигъ хорошаго исполненія возможно только посредствомъ крѣпкаго смычка, и это неудивительно; тогда, по причинѣ недостатка разнообразія въ дѣйствіяхъ, требовали отъ инструментистовъ только игры полной и свободной, въ которой почти все звуки были отдѣльны. Вотъ почему, дабы сдѣлать смычокъ крѣпкимъ, устроивали его въ видѣ кривой, выгнутой линіи, на-подобіе лука, въ которомъ волосы составляли тетиву. Но позже убѣдились, что звуки нѣжные и чистые удобнѣе производить гибкимъ смычкомъ, нежели крѣпкимъ и тугимъ. Сначала устроили палочку въ прямой линіи, а наконецъ обратили ее въ кривую, вогнутую, какъ видимъ это теперь. Легкое натягиваніе смычка дѣлается съ помощію винта, смотря по качеству игры и знакомымъ артистамъ приемамъ. Производимыя легкимъ и гибкимъ смычкомъ дѣйствія на скрипкѣ или виолончели, весьма-разнообразны. Подлѣ подставки, струны имѣютъ сильное напряженіе, смычокъ не можетъ привести ихъ въ полное сотрясеніе, почему, въ этомъ мѣстѣ, отъ удара смычка производятся звуки, которые имѣютъ нѣчто гусящее и весьма-сходны съ звуками виолы. Когда смычокъ нѣсколько отодвигаютъ отъ этого мѣста, то струны издають звукъ полный, но не совсемъ пріятный, даже жесткій, и потому, подобными звуками пользуются только въ приемахъ отрывистыхъ, требующихъ силы. Чѣмъ далѣе отходитъ смычокъ отъ подставки, тѣмъ нѣжнѣе становятся звуки, но вмѣстѣ съ тѣмъ являются слабыми. Иногда играютъ и надъ самою тушею; но при такомъ положеніи смычка, звуки бываютъ тихи и глухи. — По-мѣрѣ того, какъ удаляется смычокъ отъ подставки, скрипачъ уменьшаетъ самую силу давленія на струны. Большее или меньшее наклоненіе палочки къ струнамъ измѣняетъ качество звуковъ. — Отъ совокупнаго дѣйствія показанныхъ здѣсь приемовъ происходитъ неисчислимое разнообразіе эффектовъ, которые какой-нибудь великій артистъ извлекаетъ изъ своего инструмента. — Конечно, нельзя оспаривать того, что еще, можетъ-быть, многое осталось открытъ, дабы игру на инструментахъ со смычкомъ довести до возможной степени совершенства.

Долго скрипка составляла принадлежность однихъ только менестрелей, которые разыгрывали на ней народныя пѣсни. Позже инструментъ этотъ введенъ въ оркестръ, гдѣ и занимаетъ теперь первое мѣсто. Сначала до того плохо играли на скрипкѣ,

что Люлли жаловался, что онъ не рѣшается помѣстить въ сочиненіяхъ своихъ самыхъ легкихъ выходовъ, потому - что тогдашніе скрипачи не въ состояніи были ихъ выполнить. Изъ всѣхъ музыкантовъ, Корелли первый понялъ, что можно сдѣлать изъ скрипки. Этотъ знаменитый итальянскій скрипачъ жилъ въ концѣ XVII и началъ XVIII вѣка; между-тѣмъ его *сонаты* и *концерты* и теперь еще почитаются образцами классическими. Корелли ввелъ въ свои сочиненія множество такихъ приѣмовъ и изображеній, на счетъ установки пальцевъ и дѣйствій смычка, о которыхъ до него никто и не помышлялъ. Потомъ Вивальди и Тартини распространили область инструмента. Локателли, Нардини, Пуццини и многіе другіе итальянскіе скрипачи постепенно совершенствовали искусство владѣть смычкомъ и устанавливать пальцы. Наконецъ Вютти еще болѣе расширилъ предѣлы скрипки, какъ своею удивительною игрою, такъ равно превосходствомъ и красотою своихъ сочиненій, гдѣ соединены новостъ и прелесть нѣвія, выраженіе, полнота, блескъ и соразмѣрность пассажей. Концерты его почитаются лучшими изъ всѣхъ. — Въ половинѣ XVIII столѣтія нѣмецкіе скрипачи отличались проворствомъ лѣвой руки, но извлекали изъ инструмента недостаточный звукъ и вообще дѣйствія смычка у нихъ были мало раскрыты. Италия и Франція имѣли великихъ скрипачей за-долго до того, когда въ Германіи были только замѣчательные. Около 1790 года Эрккъ сталъ выше всѣхъ нѣмецкихъ скрипачей; тогда же отличался Френцель; но талантъ его, при пріятности нѣры, заключался въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Теперь Шноръ слыветъ главою нѣмецкихъ скрипачей. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ обладаетъ большимъ искусствомъ; однакожъ нѣсколько-холодная игра его не могла имѣть успѣха во Франціи, гдѣ скрипачей оцѣниваютъ гораздо-строже, нежели какихъ-либо другихъ инструментистовъ. — Уже больше столѣтія французскіе скрипачи славятся во всей Европѣ. Леклеръ первый достигъ до выгоднаго соотязанія съ великими итальянскими скрипачами. По методѣ, онъ принадлежитъ къ школѣ Корелли, а самая музыка его для скрипки долго считалась классическою и не безъ трудностей для теперешнихъ скрипачей, не-смотря на удивительные успѣхи въ скрипичной игрѣ. Моденъ, Пагенъ и нѣкоторые другіе, явившіеся послѣ Леклера, имѣли въ игрѣ своей больше пріятности, но менѣе обширности въ стилѣ и звукѣ. Гавилье, прозванный французскимъ Тартини, воилю достоинъ такой чести, по великимъ размѣрамъ игры своей. Искусство владѣть смычкомъ, которымъ до-того мало занимались во Франціи,

обращая вниманіе преимущественно на лѣвую руку, было доведено у него до такой степени ловкости и проворства, что даже самъ Виотти удивлялся ему. Изданные имъ этюды, въ 24-хъ урокахъ, остаются памятникомъ его таланта. — За симъ начинается такъ называемая новѣйшая школа, представителями которой были Крейндеръ, Роде и Байльо. — Первый не получилъ классическаго образованія; но при счастливой своей организаціи, отличался какимъ-то рыцарскимъ, блестящимъ, легкимъ и исполненнымъ прелести стилемъ. — Болѣе правильный, болѣе чистый талантъ Роде былъ образцомъ усовершенствованій. Удивительный по вѣрности своихъ интонацій и искусству пѣть на инструментѣ, Роде являлся замѣчательнымъ по самому проворству въ установкѣ пальцевъ, хотя впрочемъ его можно упрекнуть, что онъ не прилагалъ должнаго старанія на счетъ разнообразія эффектовъ смычка. Но въ особенноти Байльо (*) принадлежитъ слава основанія во Франціи самой блестящей скрипичной школы, сколько по количеству учениковъ, въ ней образованныхъ, столько-же и по прекрасному образцу, какой подаетъ она въ отношеніи къ удивительному механизму и стилю самому возвышенному. Разнообразіе смычка Байльо необыкновенно; но искусство это составляло у него только средство вспомоществовать своимъ вдохновеніямъ, всегда глубокимъ, всегда страстнымъ. Между-тѣмъ Байльо давалъ полную свободу своему таланту, когда исполнялъ музыку великихъ мастеровъ, и когда слушатели, такъ сказать, участвовали въ его душевныхъ движеніяхъ. Въ оркестрѣ, въ solo, Байльо являлся скрипачемъ обыкновеннымъ. Сюда-же должно причислить и Лафона. Хотя онъ не имѣлъ того, что называютъ «школой», то-есть, теоріи смычка и установки пальцевъ; однако-жъ неутомимымъ стараніемъ создалъ для себя игру совершенную, относительно вѣрности и сладости звуковъ. Всѣ эти французскіе скрипачи образовали множество учениковъ, которые сдѣлались отличными артетами, и такимъ-образомъ упрочили неоспоримое превосходство французскихъ оркестровъ предъ всѣми прочими. Въ нашъ вѣкъ началась новая эпоха для скрипки — побѣда надъ трудностями игры. Словомъ, явился Паганини. При гибкомъ и сильномъ тѣлосложеніи, при удивительной растяжимости своихъ пальцевъ, Николо достигъ до возможности выполнять такіе пассажи, которыхъ не въ состояніи былъ производить никто другой, подобно ему. Это-

(*) Кажется еще живъ.

му-то преимуществу и нѣкоторымъ особеннымъ качествамъ, онъ обязанъ искусствомъ, которое подходило къ чудесному. Для Паганини правильность игры не существовала; онъ создалъ игру совершенно-особеннаго рода, достигъ до неслыханнаго разнообразія въ ударахъ смычка, и показалъ немовѣрную ловкость лѣвой руки, такъ что въ послѣднемъ отношеніи произвелъ переворотъ. Установка пальцевъ на струны представляетъ для нѣкоторыхъ пассажей непреодолимая затрудненія. Паганини сѣумѣлъ избѣжать такихъ трудностей, измѣняя строй инструмента, чтобы поставить себя въ выгоднѣйшее положеніе для исполненія предполагаемыхъ мѣстъ. Посредствомъ измѣненія строя, онъ производилъ такія звучки, которые безъ того не существовали - бы. Такимъ-образомъ Паганини разыгрывалъ концертъ въ *mi-бемоль* минорномъ тонѣ, усѣянный наитруднѣйшими оборотами. Это казалось чудомъ; но самое - то чудо состояло въ томъ, чтобы заставить играть оркестръ дѣйствительно въ *mi-бемоль*-минорномъ тонѣ, между-тѣмъ, какъ скрипка его была настроена полутономъ выше обыкновеннаго, и артистъ въ-самомъ-дѣлѣ игралъ только въ *re*-минорномъ тонѣ. Слѣдовательно, затрудненіе отчасти исчезало; но самое дѣйствіе тѣмъ не менѣе было удовлетворительно. Паганини первый выполнялъ такіе пассажи, гдѣ лѣвая рука берѣтъ извѣстныя ноты, между-тѣмъ, какъ смычокъ играетъ другіе, и нашелъ средство, съ помощію гармоническихъ звуковъ, разыгрывать на четвертой струнѣ цѣлыя піесы, которыя, казалось, требовали четырехъ струнъ инструмента. Слѣдовательно, неоспоримо, что Паганини распространилъ область и средства скрипки. Изъ числа новѣйшихъ скрипачей приобрѣлъ большую славу, чистотою своего таланта, Беріо. Онъ обладаетъ богатымъ звукомъ, гибкимъ и разнообразнымъ смычкомъ, и тоннаціею безукоризненною и большимъ вкусомъ, хотя размѣры его игры и не совсѣмъ обширны. Сверхъ-того прославились слѣдующіе скрипачи: Липинскій, Моликъ, Майзедеръ, Оле-Буль, Вьѣтанъ, Гауманъ, Эрнстъ, Прюмъ, Арто и многіе другіе. —

Если скрипка особенно-блестательна и сильна въ *solo*, то *альтъ* предназначенъ, кажется, собственно для піесъ общихъ и аккомпаньементовъ. При печальномъ и грустномъ качествѣ звука, инструментъ этотъ не можетъ нравиться слуху продолжительное время. Въ квартетѣ или симфоніи альтъ разговариваетъ очень-хорошо съ другими инструментами; но становится монотоненъ, коль-скоро слышится отдѣльно. И потому неудивительно, что для альты писали очень-мало *solos*, и что немногіе скрипачи за-

нимались изученіемъ игры на этомъ инструментѣ. Въ послѣднее время отличались игрою на альтѣ, кажется, только Александръ Ролла и профессоръ Парижской-Консерваторіи Уранъ. Такъ-какъ установка пальцевъ и дѣйствія смычка тѣ-же, какъ и на скрипкѣ, то на альтѣ можетъ играть каждый порядочный скрипачъ. Но совсѣмъ иное дѣло *віолончель*, который помѣщается между колѣнами играющаго и требуетъ особенной постановки пальцевъ. А такъ-какъ для образованія интонацій, размѣщеніе пальцевъ всегда находится въ соотвѣтственномъ содержаніи съ длиною струны, то само-собою разумѣется, что на віолончели оно должно быть несравненно просторнѣе, нежели на скрипкѣ. Здѣсь уже невозможно одними и тѣми-же пальцами брать ноты одиноковаго наименованія, съ діэзами, бемолями и отказами, какъ часто дѣлается это на скрипкѣ. Сверхъ-того, самая необходимость сходить съ грифа, чтобы класть большой палецъ на тушь, когда пужно брать высокія интонаціи, не имѣетъ вовсе сходства съ скрипичною аппликатурою. Однимъ-словомъ, скрипка и віолончель разнятся между собою, относительно исполненія, столько-же, какъ и самыми размѣрами. Віолончель способенъ къ воспроизведенію большихъ дѣйствій, какъ въ *solos*, такъ и въ оркестрѣ. Самое качество звука его проинципально и имѣетъ, въ значительной степени, аналогію съ человѣческимъ голосомъ. Отсюда и естественное назначеніе инструмента состоитъ, кажется, въ пѣніи. Однако-жь большая часть віолончелистовъ стараются показать искусство свое, разыгрывая множество трудныхъ пассажей, конечно, на тотъ конецъ, чтобы извлечь рукоплесканія публики. Баттистини первый ввелъ віолончель въ оперный оркестръ, не задолго до смерти Люлли. До этого времени употреблялась семиструнная бассъ-віола, какъ для аккомпаньемента пѣнію, такъ и въ инструментальной музыкѣ. Жившій около 1720 года римскій віолончелистъ Франчесkelло прославилъ себя игрою *solo*: слышавшіе его нѣмецкіе виртуозы Ганцъ и Бенда ставятъ этого музыканта выше всѣхъ искуснѣйшихъ артистовъ своего времени. — Бертó изъ Валансьенна (въ началѣ XVIII вѣка) должно считать главою французской школы віолончелистовъ. Изъ учениковъ его замѣчательны два брата Жапсоны и два Дюпора, изъ которыхъ младшій отличался особенно красотою звука и ловкостію смычка. По изяществу стilia и установкѣ пальцевъ, Ламарръ достигъ до высокой степени; но, къ-сожалѣнію, игра его оставляла желать звука болѣе обширнаго и чистаго, особенно на третьей и четвертой струнахъ. Французская школа имѣетъ теперь многихъ артистовъ съ

большимъ талантомъ. Въ повѣйшее время особенно прославился Сервѣ, который всѣмъ признанъ — царемъ виолончелистовъ. Нѣмецкая школа отличилась нѣсколькими виолончелистами, которые обладали великими достоинствами. Въ числѣ первыхъ считается Бернардъ Ромбергъ. Сочиненія его послужили образцомъ обработки концертовъ для большой части его современниковъ. Въ талантѣ его замѣтна была особенно-обширная и мужественная метода. Послѣ него явился Максимилианъ Бореръ, который составилъ себѣ славу исполненіемъ великихъ трудностей, вѣрно-етно интонаціи и изяществомъ игры. Не столько замѣчательный по исполненію, Дотцауръ заслужилъ однакожъ почетное мѣсто между виолончелистами, по прекрасному стилю своихъ сочиненій. — Изъ числа англійскихъ виолончелистовъ приобрѣли извѣстность Кросдиль, исполненіемъ сильнымъ и обширнымъ, и Линдлей, талантъ котораго заключался въ прекрасномъ качествѣ звука, большой ловкости въ смычкѣ и великой чистотѣ въ исполненіи; но, къ сожалѣнію, игра его безъ стилиа, а вкусъ обыкновенный.

Инструментъ - виолончель, *контрбасъ*, составляетъ основу оркестровъ; по степени и силѣ звука съ нимъ не можетъ сравниться никакой другой инструментъ. По чрезвычайной длинѣ струнъ, самое разстояніе между нотами бываетъ значительно, такъ, что играющій долженъ каждый разъ перемѣнять положеніе руки; вотъ почему исполнять на контрбасѣ скорыя мѣста чрезвычайно тяжело. Вообще игра на этомъ инструментѣ бываетъ рѣдко удовлетворительна: одни контрбасисты ограничиваются только исполненіемъ главныхъ нотъ, пренебрегая тѣмъ, что кажется имъ менѣе нужнымъ, а другіе, болѣе точные, извлекаютъ, при быстротѣ нотъ, лишь слабые звуки. Достигнуть на контрбасѣ до совокупности дѣйствій пальцами и смычкомъ весьма-затруднительно. Самый инструментъ назначенъ, кажется, собственно для пополненія низкими звуками системы оркестра. Между тѣмъ на контрбасѣ играютъ даже *solos*, если не для удовольствія слуха, то по крайней мѣрѣ, для возбужденія удивленія, несмотря на гигантскіе размѣры, грубые звуки и трудности, которыя препятствуютъ игрѣ нѣжной. — Первый контрбасистъ Оперы и Филармоническаго Общества въ Лондонѣ, Драгонетти (*), дошелъ въ игрѣ

(*) Онъ живъ еще, но старъ уже. Извѣстно, что Драгонетти и Виотти играли на двухъ контрбасахъ скрипичные дуэты.

на своемъ инструментѣ до такой степени искусства, которое превосходитъ все, что только представить себѣ возможно. Надъенный сильнымъ музыкальнымъ чувствомъ, артистъ этотъ обладалъ мѣткостью въ мѣрѣ и тонкостью осязанія, которыя доставляли ему первенство надъ всѣми музыкантами въ оркестрѣ. Но это только часть его достоинствъ. Ни одинъ контрабасистъ не подвинулъ такъ далеко искусства разыгрывать трудности и владѣть тяжелымъ смычкомъ съ такою ловкостью. И это-то, по истинѣ составляло чудо въ игрѣ Драгонетти. Ни одинъ музыкантъ, изъ всѣхъ тѣхъ, которые старались подражать ему, не могъ приблизиться къ той степени совершенства, какую обладалъ онъ. Словомъ, Драгонетти — контрабасистъ-Паганини.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ общемъ исполненіи. Мы видѣли, что струнные инструменты со смычкомъ составляютъ основаніе оркестра. Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка инструменты эти употреблялись уже въ музыкѣ драматической и духовной. Инструментовка оперъ Перголезе, Лео, Виччи, Порпоры, состояла только изъ скрипокъ, альтовъ и басовъ. Аккомпанементъ пѣнія былъ тогда принадлежностію мало замѣчательною; напротивъ все достоинство музыки заключалось въ пріятности мелодій и въ выраженіи словъ. Теперь духовые инструменты разнаго свойства образуютъ счастливыя противоположности съ инструментами струнными и расцвѣчаютъ музыку; но въ то время или вовсе не имѣли мѣста въ оркестрѣ, или же были мало замѣтны, потому что употреблялись лишь изрѣдка и безъ умѣнья. Наконецъ инструменты эти пріобрѣли величайшую важность въ разныхъ стиляхъ музыки; однакожь скрипка, альтъ и басъ были и навсегда останутся основаніемъ оркестровъ, какъ инструменты самые сильные, самые тихіе и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе способны къ разнообразію звуковъ. Но чтобы извлекать изъ этихъ инструментовъ всѣ дѣйствія, къ которымъ они способны, въ большихъ массахъ оркестра, необходимо единство въ исполненіи, то-есть, чтобъ одни и тѣ-же мѣста исполнялись одинаково всѣми музыкантами; чтобъ всѣ смычки поднимались и опускались въ одно и то-же время, чтобъ *staccato* и *legato* производились одновременно, чтобы сильные и слабыя ударенія были выражаемы однимъ и тѣми-же нотами; однимъ словомъ, оркестровые музыканты должны играть такъ, чтобы казалось, что играютъ на одной скрипкѣ, одномъ альтѣ, одномъ виолончелѣ и одномъ контрабасѣ. — Сколько извѣстно, такимъ условіямъ наиболѣе удовлетворяютъ оркестры парижскіе. Причи-

ну этого должно приписать превосходству школы, которая принята въ Консерваторіи, и основательности преподаваемыхъ тамъ правилъ. Французскую школу упрекали иногда, что она образуетъ всѣхъ инструментистовъ по одной формѣ; но въ отношеніи собственно оркестровыхъ скрипачей, такой упрекъ можно счесть скорѣе за похвалу. Что касается до тѣхъ, которымъ природа предназначила быть солистами, надѣливъ качествами, содѣлывающими артиста великимъ, какъ-то — сильнымъ чувствомъ и зародышемъ особеннаго способа выраженія, то само-собою разумѣется, что точность правилъ, полученныхъ въ школѣ, не можетъ послужить препятствіемъ къ развитію врожденнаго таланта: такіе артисты всегда успѣютъ сбросить съ себя школьныя оковы, коль скоро наступитъ къ тому время; но все-же останется при нихъ преимущество правильнаго дѣйствованія смычкомъ. Многіе иностранныя композиторы, посѣщавшіе Францію, особенно Россіи, удивлялись французскимъ скрипачамъ. Такой фактъ есть лучшее доказательство превосходства ихъ надъ всѣми другими. — Вотъ все, что хотѣли мы сказать вообще о струнныхъ инструментахъ со смычкомъ и объ артистахъ, прославившихся своимъ искусствомъ. Со-временемъ постараемся представить, въ отдѣльныхъ біографіяхъ, характеристику всѣхъ знаменитыхъ виртуозовъ. Теперь-же обратимся къ Паганини.

На свѣтѣ былъ странный человѣкъ: когда жилъ, то составлялъ загадку для современниковъ, по своему дивному искусству; умеръ,—тоже остался загадкою и для вѣковъ грядущихъ.... Человѣкъ этотъ есть славнѣйшій, истинно-непостижимый скрипачъ нашего вѣка — Николо Паганини.... Онъ былъ виртуозъ, и что осталось отъ него? —одна память о его необыкновенномъ искусствѣ, о слышанныхъ, изумительныхъ успѣхахъ, о томъ дивномъ очарованіи, какое онъ производилъ на слушателей своею игрою на скрипкѣ, — и только.... О предшественникахъ Паганини, знаменитѣйшихъ скрипачахъ своего времени: Корелли, Вивальди, Тартини, Пуньяни, Виотти, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, по-крайней-мѣрѣ, по сочиненіямъ, которыя они оставили послѣ себя; но Паганини издалъ въ свѣтъ только кѣкоторыя сочиненія; концерты его, кажется, совершенно уничтожились, если только существовали, что также пока загадка. Слѣдовательно, и тайна его искусства погибла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ блеснулъ въ мірѣ, какъ метеоръ, и исчезъ подобно метеору.

Николо Паганини родился въ Генуѣ, 18 февраля 1784 года. Отецъ его, Антоніо, былъ торговецъ, и имѣлъ маленькую лавочку

на пристани, гдѣ отправляя также должность купеческаго комисіонера. Хотя онъ былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, грубъ, жестокосердъ, однако-жъ питалъ въ душѣ своей склонность и любовь къ музыкѣ, и самъ довольно-порядочно игралъ на мандолинѣ. При своей врожденной смышлености, Антоніо открылъ и въ сынѣ счастливыя способности къ искусству, почему тотчасъ-же рѣшился развить талантъ его ученіемъ. Съ пятилѣтняго возраста, онъ началъ обучать его на мандолинѣ, а вскорѣ потомъ Николо сталъ учиться играть на скрипкѣ. Однако-жъ чрезмѣрная строгость отца его произвела-бы, можетъ-быть, результаты, совершенно противныя тѣмъ, какихъ онъ ожидалъ отъ сына, если-бы юный Паганини не былъ одаренъ отъ природы твердою волею къ изученію музыки; — притомъ сама судьба, казалось, предназначила ему сдѣлаться славнѣйшимъ скрипачомъ нашей эпохи. Едва исполнилось Николо шесть лѣтъ, какъ онъ былъ уже музыкантомъ и игралъ на скрипкѣ. Первымъ учителемъ его былъ Жанъ-Серветто, человѣкъ вовсе незамѣчательный. Паганини обучался у него весьма-недолго; вскорѣ отецъ поручилъ сына своего попеченіямъ капельмейстера и перваго скрипача генуэзскихъ храмовъ, Джакомо Косты. Подъ руководствомъ этого паставника Николо дѣлалъ чрезвычайно-быстрые успѣхи въ искусствѣ. На восьмомъ году своего возраста Паганини написалъ первую *сонату* для скрипки, которая, къ-сожалѣнію, не сохранилась, но затерялась въ-послѣдствіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его сочиненіями. Коста давалъ уроки Паганини только въ-теченіе шести мѣсяцовъ въ году, и въ это время заставлялъ ученика своего разыгрывать въ храмѣ, по воскресеньямъ, концерты, каждый разъ новые. Такія упражненія продолжались до одиннадцатилѣтняго возраста.

На двѣнадцатомъ году Николо игралъ въ первый разъ въ концертѣ на Сантъ-Августинскомъ-театрѣ. Здѣсь онъ исполнялъ собственнаго сочиненія *варіаціи* на тему аріи *Карманьолы*, которая была тогда въ большой модѣ; своею игрою Паганини возбудилъ величайшее удивленіе въ слушателяхъ. Въ это время друзья и знакомые, видя необыкновенныя способности молодого артиста, присовѣтывали отцу его поручить сына руководству лучшихъ учителей, какъ въ-отношеніи къ искусству скрипичной игры, такъ равно и самой композиціи. Убѣдясь въ справедливости такого мнѣнія, Антоніо отправился съ сыномъ въ Парму, съ цѣлью просить для него уроковъ у знаменитаго скрипача Александры Роллы. Въ одномъ вѣнскомъ журналѣ самъ Пага-

нии напечатавъ анекдотъ о первомъ свиданіи своемъ съ новымъ музыкантомъ, котораго избрали ему въ наставники. «Когда мы пришли къ Роллѣ, то застали его больнымъ, лежащимъ въ постели. Жена музыканта ввела насъ въ комнату, смежную со спальнею больного, а сама пошла переговорить съ мужемъ, который, казалось, вовсе не былъ расположенъ принять насъ. Увидя на столѣ скрипку и послѣдній концертъ Роллы, я взялъ и сыгралъ его, что называется *prima vista*. Удивленный композиторъ спросилъ объ имени артиста, игру котораго онъ слышалъ, и когда узналъ, что виртуозъ былъ не болѣе, какъ мальчикъ, то никакъ не хотѣлъ повѣрить этому, пока наконецъ не убѣдился въ истинѣ собственными глазами. Тогда Ролла объявилъ, что мнѣ нечему учиться у него; но совѣтовалъ обратиться къ Перу, и брать у него уроки въ композиціи». Странно, необъяснимо даже, на какой конецъ и почему Паганини, въ приведенномъ здѣсь анекдотѣ, старается увѣрить, будто бы онъ не бралъ уроковъ у Роллы, тогда, какъ положительно извѣстно, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ Николо былъ ученикомъ искуснаго музыканта, — что подтверждаетъ и Гервазони *), который познакомился съ Паганини въ Пармѣ, еще въ дѣтствѣ. Притомъ не безъизвѣстно также, что Ролла совѣтовалъ Паганини поучиться контрапункту не у Пэра, который былъ тогда въ Германіи, а у Гиретти **), у котораго обучался и самъ Пэръ. Какъ-бы то ни было, но въ продолженіе шести мѣсяцевъ Паганини бралъ у Роллы по три урока въ недѣлю, хотя преимущественно упражнялся въ изученіи инструментальнаго стиля подъ руководствомъ Гиретти.—Уже въ то время голова молодого артиста занята была различными мыслями на счетъ изысканія новыхъ эффектовъ въ скрипичной игрѣ. Вотъ причина, почему между нимъ и Роллою происходили довольно-жаркіе споры о такихъ нововведеніяхъ, которыя ученикъ еще только предвидѣлъ, но не могъ исполнить въ совершенномъ видѣ, между-тѣмъ, какъ строгій вкусъ учителя отвергалъ всѣ эти отступленія, не увлекаясь эффектами, какіе можно было извлечь изъ нихъ.

По окончаніи ученія въ композиціи, Паганини возвратился въ

*) Извѣстный итальянскій писатель и критикъ по части музыки.

***) Извѣстный своего времени скрипачъ и ученый композиторъ, 1747 — 1797 г.

Геную и написал тамъ первые свои опыты для скрипки. Музыка эта заключала въ себѣ такія трудности для исполненія, что самъ маэстро поставленъ былъ въ необходимость разучивать ее, и употреблялъ постоянныя усилія надъ разрѣшеніемъ удивительныхъ задачъ въ скрипичной игрѣ, какія до тѣхъ-поръ не приходили въ голову ни одному виртуозу. Часто часовъ по двѣнадцати сряду Николо пытался исполнять тысячью различныхъ маперъ одинъ и тотъ-же пассажъ, такъ, что къ концу дня впадалъ въ совершенное изнеможеніе отъ усиленной работы. Этому-то безпримѣрному постоянству и терпѣнію Паганини обязанъ тѣмъ, что достигъ до искусства разыгрывать немовѣрныя трудности, которыя признаны отъ всѣхъ прочихъ артистовъ рѣшительно непреодолимыи. Образчикъ подобныхъ трудностей находится въ изданной имъ *тетради этюдовъ*. — Въ 1801 году, когда Паганини исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ предпринялъ путешествіе въ верхнюю Италію и Тоскану. Повсюду принимали его съ восторгомъ и удивлялись, какъ смѣлому нововводителю и будущему великому виртуозу. Въ это уже время онъ получилъ привычку льстить нѣкоторымъ образомъ своему самолюбію, чего не оставилъ даже тогда, когда вниманіе цѣлой Европы обращено было на его талантъ. Во всѣхъ программахъ о концертахъ находились вызовы, что каждый изъ слушателей можетъ предлагать ему на труднѣйшія музыкальныя піесы, которыя могли-бы поставить виртуозовъ въ тупикъ. На пути своемъ останавливался онъ въ Ливорно; тамъ онъ написалъ музыку для фагота, по просьбѣ одного шведекаго аматѣра, который часто жаловался, что не находитъ значительныхъ трудностей для степени своего таланта. Здѣсь-же Паганини давалъ концерты, въ которыхъ исполнялъ à prima vista музыку всевозможныхъ родовъ. По окончаніи одного изъ такихъ концертовъ, какой-то любитель до того восхитился искусствомъ, съ какимъ новый Орфей выполнилъ концертъ Виотти, что тутъ-же подарилъ молодому виртуозу превосходную Гварнеріеву скрипку.

Среди такихъ блестящихъ успѣховъ, въ жизни Паганини встрѣчается довольно-странная выходка, хотя впрочемъ подобныя продѣлки перѣдки въ жизни великихъ артистовъ: Николо вдругъ разлюбилъ скрипку, пристрастился къ гитарѣ, и почти цѣлые четыре года провелъ въ изученіи искусства игры на этомъ инструментѣ и въ занятіяхъ земледѣіемъ. — Наконецъ, возвратясь къ прежней склонности, снова принялся за скрипку, и въ началѣ 1805 года предпринялъ путешествія свои по Италіи. — По

прибытіи въ Лукку, артистъ возбудилъ тамъ удивительный энтузіазмъ въ слушателяхъ. Онъ исполнилъ концертъ во-время почной службы въ одномъ монастырѣ, и восторгъ слушателей дошелъ до невѣроятной степени, такъ, что монахи посѣдѣли встать съ своихъ мѣстъ и удалились, дабы воспрепятствовать рукоплеканіямъ народа. Въ это же время онъ получилъ мѣсто перваго скрипача при луккскомъ дворѣ и давалъ уроки на скрипкѣ принцу Баччіоки. Въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія въ Луккѣ Паганини прибавилъ еще множество новостей въ скрипичную игру, къ изобрѣтеннымъ прежде. На немъ лежала обязанность играть каждую недѣлю при дворѣ въ двухъ ежеобычныхъ концертахъ. Для разнообразія репертуара онъ началъ сочинять новыя піесы и выдумалъ средство, которое могло удалиться только ему одному: онъ писалъ прежде басъ, а главную партію на него импровизировалъ при исполненіи. — Изыскивая всевозможные способы для разнообразія эффектовъ на своемъ инструментѣ, Паганини вздумалъ однажды спячь на скрипкѣ обѣ среднія струны и сыгралъ на четвертой струнѣ и на квинтѣ *сонату* — *scena amogosa*, въ которой басокъ изображалъ мужскій, а квинта женскій голосъ. Піеса эта надѣлала много шума; артисту тутъ-же предложили вопросъ, можетъ-ли онъ играть только на одной струнѣ? Самолюбіе не позволяло ему ни въ чемъ сомнѣваться: онъ отвѣчалъ утвердительно и успѣлъ въ-самомъ дѣлѣ, по истеченіи мѣсяца, послѣ немовѣрныхъ усилій, разыграть на одной четвертой струнѣ трудную *сонату*. Вотъ что обо всемъ этомъ рассказывалъ самъ Паганини. «Въ Луккѣ я всегда дирижировалъ оркестромъ въ то время, когда была въ Оперѣ герцожеккая фамилія. Часто также меня требовали ко двору, гдѣ каждую недѣлю я долженъ былъ играть два раза. Принцесса Элиза Баччіоки (сестра Наполеона) всегда удалялась прежде окончанія концерта, потому-что гармоническіе звуки моего инструмента слишкомъ-живо раздражали и потрясали ея нервы. — Одна весьма-любезная дама, которую я обожалъ втайнѣ, являлась непременно каждый разъ въ эти собранія, и я полагалъ навѣрное, что привязанность ко мнѣ привлекала ее туда. Нечувствительнымъ образомъ взаимная страсть наша возрастала. Однажды я общалъ пріятно удивить ее, въ первомъ своемъ концертѣ, музыкальнымъ комплиментомъ новаго рода, который будетъ имѣть отношеніе ко взаимной нашей любви и дружбѣ. — Въ то-же самое время я возвѣстилъ двору о новой піесѣ, которую назвалъ *любовною сценою*. Всеобщее любопытство было сильно возбу-

«ждено, и каково-же было удивленіе всего общества, когда я
«вышелъ со скрипкою только о двухъ струнахъ! Я оставилъ *sol*
«и квинту. Последняя должна была выражать чувствованія мо-
«лодой дѣвушки, а первая служить органомъ чувствъ ея отчаян-
«наго любовника. — Такимъ-образомъ устроено было нѣчто въ
«родѣ страстнаго разговора, гдѣ самые нѣжные тоны любви
«смѣнялись страдальческими восклицаніями ревности. — Аккорды
«были то бѣшеные и восторженные, то трогательные и зау-
«нывые: въ нихъ выражались и гнѣвъ, и радость, и скорбь и
«блаженство. — Все оканчивалось примиреніемъ, и оба любовни-
«ка, гораздо-болѣе влюбленные другъ въ друга, чѣмъ прежде,
«танцовали *pas des deux*, которое заключалось блистательнымъ
«*coda*. Сцена эта имѣла полный успѣхъ, не говорю уже о тѣхъ
«учительныхъ взорахъ, которые бросала на меня дѣва моего
«сердца. Принцесса Элиза, осыпавъ меня похвалами, сказала
«очень-ласково: — Вы сдѣлали невозможное съ двумя струнами,
«теперь не будетъ-ли достаточно одной струны для вашего та-
«ланта? — Я въ ту-же минуту далъ обѣщаніе попытаться. Мысль
«эта улыбнулась моему воображенію, и нѣсколько времени спу-
«стя, написалъ я для одной четвертой струны *сонату* — «Напо-
«леонъ», которую и разыгралъ при многочисленномъ и блиста-
«тельномъ обществѣ. Успѣхъ превзошелъ все мои ожиданія. Съ
«этого-то времени началась особенная моя привязанность къ *sol*. —
«Въ-самомъ-дѣлѣ, успѣхъ этой новости породилъ въ Паганини
«привычку разыгрывать нѣблыя піесы на одной четвертой стру-
«нѣ, при помощи гармоническихъ звуковъ, которые дозволили
«ему увеличить обширность баска до трехъ октавъ.

Лѣтомъ 1808 года Паганини уѣхалъ изъ Лукки, хотя и не по-
кинулъ своего мѣста при тамошнемъ дворѣ. — Въ продолженіе
деяти лѣтъ Николо три раза объѣзжалъ Италію. Появляясь вне-
запно въ какомъ-нибудь городѣ, онъ возбуждалъ тамъ восторгъ
и удивленіе нѣлаго народонаселенія; потомъ предавался удивле-
нію и припадкамъ лѣности, скрываясь на долгое время, такъ,
что никто даже не зналъ, гдѣ онъ находится. Россіи, послѣ
того, какъ встрѣтился съ нимъ въ 1814 году въ Болоніи, гдѣ
они оба блистали во дворцѣ Пеньяльвера, вдругъ, въ 1817 году,
нашелъ его въ Римѣ. Здѣсь Паганини прожилъ, по причинѣ тя-
жкой болѣзни, нѣлые три года, въ совершенномъ уединеніи и не-
извѣстности. Послѣ долгаго молчанія своего, Николо далъ въ
столицѣ христіанскаго міра нѣсколько концертовъ. Во дворцѣ
австрійскаго посланника князя Кауница, онъ познакомился съ

княземъ Меттернихомъ. Послѣдній, восхитясь талантомъ молодого артиста, приглашалъ его тогда-же посѣтить Вѣну; однако-жъ часто возобновлявшіеся болѣзненные припадки, нерѣдко доводившіе его до дверей гроба, не дозволяли Паганини осуществить предположеніе такого путешествія. Уже нѣсколько разъ и прежде онъ рѣшался предпринять поѣздку въ чужіе края; но каждый разъ былъ отклоняемъ отъ такого намѣренія тѣлесными страданіями, которымъ даже врачи отказывались иногда помогать. И потому много времени прошло прежде, чѣмъ Паганини осуществилъ наконецъ свою поѣздку въ Вѣну. — Въ 1812 году Паганини давалъ концерты въ Миланѣ, гдѣ встрѣтился съ французскимъ скрипачомъ Лафономъ, который осмѣлился-было помѣряться съ нимъ въ силахъ, но торжественно призналъ себя побѣжденнымъ. Въ 1824 году Паганини снова посѣтилъ Миланъ и произвелъ живѣйшій энтузіазмъ двумя концертами, данными на театрѣ Scala — 23 апрѣля и 12 іюня. Отсюда онъ переѣхалъ въ Венецію, а потомъ въ Неаполь, который посѣщалъ уже въ третій разъ. Безграничное удивленіе и восторгъ ожидали артиста въ послѣднемъ городѣ. Словомъ, талантъ Паганини восторжествовалъ наконецъ надъ обычнымъ равнодушіемъ Неаполитанцевъ къ музыкѣ инструментальной; его приняли здѣсь также, какъ принимаютъ только великихъ пѣвцовъ, честь, какой до него не удостоивался въ Неапольъ никто изъ музыкантовъ и которую весьма-немногіе артисты заслужили послѣ него. Изъ Неаполя Николо пріѣхалъ въ другой разъ въ Римъ; тогда-то Папа, въ знакъ уваженія своего къ таланту славнаго скрипача, пожаловалъ ему (3-го апрѣля 1827 года), орденъ Золотой-шпоры.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РЪЧИ И ОЧИ.

(Подражаніе Чешскому.)

— Ты чаруешь меня
Лаской пѣжныхъ рѣчей,
Но боюсь я огня
Твоихъ черныхъ очей! —

Радость въ душу мнѣ льютъ
Звуки страстныхъ рѣчей,
Сердце бѣдное жгутъ
Искры черныхъ очей! —

«Не страшись — ничего
Пламя черныхъ очей,
Бойся больше всего
Страстныхъ, пѣжныхъ рѣчей!

Сердце, вѣрь, не сожжетъ
Блескъ холодный очей —
Въ глубь души упадетъ
Звукъ коварныхъ рѣчей!»

ЕВ. КАРНОВИЧЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ БУДУЩАГО.

РАЗСКАЗЪ

БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА, А ВЪ ОСОБЕННОСТИ БЕЗЪ
"МОРАЛИ".

(Посвящается А. А. Фёту).

I.

ВСТРѢЧА.

Быль полдень. На Невскомъ еще не мелькали обычные группы и лица. Все, что шло по нему, шло съ особенною цѣлю, и эта-ли цѣль, или довольно-сильный морозъ, сообщали особенную скорость походкѣ пѣшеходцевъ.

Одинъ только человекъ не имѣлъ въ это время опредѣленной цѣли, и шелъ по Невскому для того, чтобы идти по Невскому. Онъ вышелъ изъ кондитерской Излера, довольно-медленно сошелъ по ступенямъ чугунной лѣстницы, поднялъ брововый воротникъ своего коричневаго пальто, вѣроятно, почувствовавши холодъ, надвинулъ почти на глаза шапку съ мѣховою опушкою,

и, заложивъ руки въ карманы, двинулся по направлеию къ Полицейскому-мосту.

Двинулся — сказалъ я — потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, было что-то непроизвольное въ походкѣ этого человѣка; безъ сознанія и дѣли, онъ шелъ, казалось, повинаясь какой-то виѣшней силѣ, сторбясь, какъ-бы подъ тяжестью, медленно, какъ поденщикъ, который идетъ на работу. Онъ былъ страшно худъ и блѣденъ, и его впалые черные глаза, которые одни почти видны были изъ-подъ шапки, только сверкали, а не глядѣли. Изрѣдка впрочемъ останавливался онъ передъ окнами магазиновъ, въ которыхъ выставлены были эстампы, и стоялъ тогда на одномъ мѣстѣ долго, какъ человѣкъ, которому торопиться вовсе не куда, которому все-равно, стоять или идти. Но и глядя на эстампы, онъ, казалось, не глядѣлъ на нихъ, потому-что на лицѣ его не отражалось ни малѣйшей степени участія или интереса.

Во-время одной изъ такихъ остановокъ, двери магазина, передъ окнами котораго онъ стоялъ, открылись, и изъ нихъ выпорхнула женщина, которой появленіе заставило-бы всякаго, кромѣ его, выдти изъ апатіи. Черты лица ея были такъ тонки, цвѣтъ кожи такъ прозраченъ, походка такъ воздушно-легка, что она могла-бы показаться скорѣе свѣтлою тѣнью, толчайшимъ паромъ, чѣмъ существомъ изъ плоти и костей, если-бы яркіе, необыкновенно-яркіе голубыя глаза не глядѣли такъ быстро и живо, что въ состояніи были-бы, взглянувши на человѣка, заставить его потупиться. Она была одѣта легко и даже слишкомъ легко, потому-что все, что было на ней мѣховаго, могло ее украшать, но уже вовсе не грѣть. Лицо ея было одно изъ тѣхъ немногихъ у насъ лицъ, которыя, промелькнувши передъ вами даже профилемъ, не выйдутъ изъ вашей памяти, потому-что кто-бы вы ни были, старикъ, мужъ, или юноша — они, эти лица, сольются для васъ съ первыми грезами дѣтства, съ первыми снами жизни; одно изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ странно-гармонически сливаются и чистота младенческой молитвы, и первыя грѣшныя мечты, поднимающія грудь женщины, и дѣтски-простая улыбка ангеловъ Рафаэля, и выраженіе лукаво-женскаго кокетства.

Она выпорхнула, изъ магазина какъ птичка, беззаботно и весело, какъ ребенокъ, которому кинули игрушку, — по это движеніе въ одну минуту и безъ рѣзкаго перехода смѣнилось у нея выраженіемъ до-того строгимъ и холоднымъ, что ея нельзя было узнать. Мига этой перемѣны вы-бы не уловили. Вы могли сказать только, что передъ вами выпорхнула птичка, и что не-

редь вами же стояла на ступеняхъ лѣстницы прекрасная, но строгая фигура женщины, съ рѣсницами, опущенными не отъ скромности, но отъ холодности, съ нетерпѣливымъ выраженіемъ на блѣдныхъ и тонкихъ устахъ, вѣроятно, потому, что человѣкъ, который шелъ за нею съ лѣстницы магазина и несъ разныя пакки, былъ слишкомъ тяжелъ, чтобы слѣдовать за ней шагъ за шагомъ.

— Боже мой — наконецъ! сказала она почти съ досадою.

— Сію минуту, сударыня, отвѣчалъ лакей. — Эй ты, подавай, закричалъ онъ во все горло, почти надъ-ухомъ красавицы.

Она вздрогнула.

Извозчикъ венокъ медленно сталъ поворачивать.

Въ это время она разсѣянно взглянула на-право.

Чудакъ еще стоялъ передъ окнами, но прежнему сунувши руки въ карманы.

При первомъ взглядѣ на него, въ глазахъ ея выразилось то смутное, неопредѣленное чувство, которое овладѣваетъ нами, когда мы припоминаемъ себѣ что-нибудь; но чувство это пробѣжало на ней мгновенно, какъ молнія. Въ-полсекунды она уже была подлѣ него.

— Виталинь! вскричала она.

Онъ вздрогнулъ и, узнавши ее въ ту-же, казалось, минуту, хотѣлъ сказать ей что-то.

— Виталинь, повторила она съ дѣтскою радостью, и не давши ему выговорить, завладѣла его лѣвою рукою и повлекла за собою къ каретѣ.

Онъ не сопротивился, но дружески пожалъ эту поданную ему маленькую и блѣдную руку; больше еще, его неподвижность исчезла, онъ очень-ловко помогъ ей впорхнуть въ карету, влѣзъ за нею и захлопнулъ дверцы.

— Домой, закричала она изъ окна. Карета поѣхала.

— Давно-ли ты здѣсь? спросилъ Виталинь, садясь подлѣ нея и нисколько, казалось, неизумленный неожиданною встрѣчею.

— Почти годъ, отвѣчала она: и почти столько-же ищу тебя по всему Петербургу. Я знала, что ты здѣсь, — но гдѣ, это было мнѣ неизвѣстно какъ веѣшь. Ты, Богъ знаетъ, что дѣлаешь, прибавила она, взглянувши на него грустно. Ты забылъ веѣхъ, веѣхъ....

— Ну, многіе, конечно, меня въ этомъ предупредили, возразилъ Виталинь. Да и скажи на-милость, къ кому я тамъ стану писать?... Къ тебѣ... по кетати мужъ твой здѣсь?

— Онъ умеръ — сказала она, стараясь придать тону этого отвѣта прилично-печальный оттѣнокъ.

— Безъ переменъ пожалуйте... Это самое умное дѣло, какое онъ сдѣлалъ въ свою жизнь. Онъ надобно тебѣ страшно?

Она молчала, потупивъ глаза.

— Онъ былъ удивительно-глупъ, не правда-ли? продолжалъ Виталинъ все также спокойно, какъ-будто говорилъ о живомъ и совершенно-постороннемъ человѣкѣ.

Она кусала губы, чтобы не расхохотаться.

— Но оставимъ его... Зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ ты-то здѣсь, и цѣлые годы? отвѣчала она, и привязавшись къ этимъ словамъ, захохотала, какъ ребенокъ.

— Зачѣмъ?... Вѣроятно, за-тѣмъ, что здѣсь незамѣтнѣе ничего не дѣлать, пьянствовать и проч. Кстати, легенды обо мнѣ разрослись, я думаю, въ цѣлую поэму? Какъ тамъ, по преданіямъ, я пью?... Вѣрно, мертвую чашу? А играю, а? Навѣрную?

Говоря это, Виталинъ нервически смѣялся.

Ея голубые глаза потемнѣли отъ слезъ, она хватала обѣими руками его похудѣлые и маленькіе пальцы. Бѣдный, прошптала она: ты все еще не позабылъ ничего прежняго?

Онъ былъ тронутъ ея участіемъ и, схвативши одну изъ ея рукъ, поднесъ къ губамъ.—Зачѣмъ ты здѣсь? повторилъ онъ тихо и пѣжно, смотря на нее глубоко-грустно.

— Это ты узнаешь нынче-же, отвѣчала она какъ-то робко и принужденно.

— Отъ-чего не теперь?

— Не все-ли равно тебѣ?

— Ты знаешь, какъ я не люблю откладывать того, что можно узнать сію секунду, на цѣлый день.

— Впрочемъ, сказала она, принужденно-весело: что-же такое, нынче или завтра? Итакъ, мой добрый другъ не удивляйся, не брани меня.. я — актриса.

И сказавши это съ усміемъ, она опустила рѣсницы.

— Ты актриса? почти вскричалъ Виталинъ, съ радостнымъ изумленіемъ.

Тонъ его отвѣта произвелъ на нее какое-то странное дѣйствіе; она вся оживилась, ея щеки вспыхнули румянцемъ, и она бросилась къ нему на грудь.

— Ты не упрекаешь меня? спросила она съ радостью ребенка, который ждалъ упрека и услышалъ слово любви.

— Я — упрекать тебя, моя сестра, мой другъ, мое дитя, го-

ворилъ Виталинъ, цѣлуя ея бѣлокурые локоны. Я, упрекать тебя? Да ты съ-ума сошла?... Я, который мечталъ видѣть тебя Офеліей Шекспира, тебя, живое повтореніе Офеліи... И мои мечты сбылись? Знаешь-ли, что это, можетъ-быть, въ первый разъ мои мечты сбылись?.. Дитя, дитя, уже-ли ты думаешь, что я самъ не былъ-бы актеромъ, если-бы не мѣшали мнѣ проклятая грудь и разстроенные нервы?

— Сумасшедшій, сказала она съ улыбкою, поправляя локоны: ты все тотъ-же сумасшедшій, все тотъ-же, (продолжала она шопотомъ), который своимъ безумнымъ ученіемъ чуть не... она не договорила.

— А что?... ты забыла его?... спросилъ Виталинъ полу-шутя, полу-грустно.

— Забывается все, хотя грустно и горько, отвѣчала она, задумчиво и склонивъ голову.

— А я тогда любилъ тебя, любилъ сильнѣй, чѣмъ онъ, хотя не такъ порывисто.

— И говорилъ все о немъ и умолялъ за него?

— Ты его любила?

— Да и его и тебя, почти равно.

Виталинъ задумчиво взглянулъ на нее и потомъ прошепталъ почти про-себя: «Быть-можетъ, его я любилъ тогда больше, чѣмъ тебя, больше, чѣмъ себя. Но что ушло, прошло, продолжалъ онъ громко: давно-ли?..»

Карета остановилась передъ однимъ изъ домовъ Малой-Морской. Начатая рѣчь осталась безъ окончанія. Лакей отворилъ дверцы, спустилъ подножку... красавица выпорхнула и была уже на лѣтницѣ, когда Виталинъ только-что вышелъ изъ кареты.

— За мною, сказала она ему. Иванъ, отпусти карету и вели пріѣзжать завтра.

Виталинъ послѣдовалъ за нею и остановился только, когда она дернула за звонокъ отдѣланной подъ корельскую березу двери, въ третьемъ этажѣ.

Имъ отперла старушка въ траурѣ и бѣломъ чепцѣ, и съ удивленіемъ взглянула на гостя.

— Анна Игнатьевна, Анна Игнатьевна, вскричала она: поскорѣ кофе, я иззябла, и вслѣдъ за этимъ бросила на стоявшій въ передней комнатѣ маленькій коммодъ свой роскошный салонъ и побѣжала далѣе. Виталинъ за нею.

Анна Игнатьевна покачала ей вслѣдъ головою, свернула бере-

жно салонъ, повѣсила на крючокъ пальто гостя, и ушла въ боковую дверь.

Квартира нашей артистки была просто чиста и опрятна, но вкусъ женщины въ размѣщеніи всего, какой-то стройный безпорядокъ, сдѣлалъ изъ нея изящную квартиру. Она состояла изъ четырехъ комнатъ: передней, кухни, въ которую ушла Анна Игнатьевна, приемной, гдѣ стоялъ въ углу Тишнеровскій рояль и какъ-то комфортабельно была разставлена немногочисленная мебель, и спальни, замѣнявшей и уборную.

Виталивъ сѣлъ на диванъ, стоявшій у стѣны. Хозяйка скидала съ себя передъ трюмо въ спальнѣ шляпку и боа...

Передъ диваномъ стоялъ рабочій столикъ и на немъ лежала рукопись. При первомъ взглядѣ на эту рукопись по блѣднымъ губамъ Виталина пробѣжала проницательная улыбка.

— Послушай, какая у меня роль теперь будетъ! сказала она, входя въ приемную въ одномъ уже платьѣ, которое выказывало всю стройность ея стана.

— Что же? отвѣчалъ онъ, перевертывая страницы рукописи. Роль въ-самомъ-дѣлѣ не дурна.

— Не дурна?... Но ты не знаешь этой драмы?

— Я? Онъ захохоталъ самымъ искреннимъ смѣхомъ... Помилуй, когда она моя и когда она мнѣ вотъ-гдѣ сѣла, прибавилъ онъ, показывая на шею: благодаря... онъ не договорилъ.

— И это твоя драма? спросила она съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ и сложивши руки.

— Моя, точно также, какъ это шитье твое, отвѣчалъ онъ взявши какую-то бисерную работу.

— Ахъ, не трогай, пожалуста, ты все мнѣ перепутаешь... Послушай же, продолжала она, сядя подлѣ него и положивши на его плечо руку: тебя ждетъ слава, Арсеній, слышалъ-ли?... тебя ждетъ слава, тебя ждутъ рукоплесканія...

— Отдаю ихъ тебѣ, если они будутъ. Ты думаешь, пужна мнѣ твоя слава, ребенокъ, отвѣчалъ онъ, играя ея локонами.

— Слава, рукоплесканія! возразила ему она съ неистовымъ восторгомъ. О пѣтъ, ты лжешь на себя, ты любишь славу, ты долженъ любить славу — ты гений.

— Гений! Наталья, Наталья, ты, вѣрно, ужъ давно привыкла къ этому слову. Но что мнѣ за дѣло, продолжалъ онъ съ печальною улыбкою: гений я, или пѣтъ. Думаешь-ли ты, что этого названія, что увѣренности въ этомъ названіи станетъ добиваться человекъ, который много жилъ, чтобы думать о самомъ-се-

бѣ. О нѣтъ, продолжалъ онъ, приподнявшись и пройдя два раза по комнатѣ: о нѣтъ, я не хочу твоей славы, я не хочу названія генія — и вовсе не изъ отвратительно-ложной скромности, нѣтъ, я вовсе не скромень, я знаю себѣ цѣну. Это — сказалъ онъ, остановясь передъ нею и тономъ совершенно-холоднымъ, взявши свою рукопись: это — гадость страшная, гадость, отъ которой мнѣ придется краснѣть, но отъ-того-то, что я краснѣю за нее, находятъ на меня минуты сатанинской гордости; сознаніе огромной силы въ себѣ-самомъ.... И между-тѣмъ, сознавая эту силу, клянусь тебѣ моею совѣстью — я не хочу названія генія, я не хочу славы.

— Чего-же ты хочешь? спросила она, смотря на него съ изумленіемъ.

— Вотъ видишь-ли, началъ онъ.... Такъ многое я ненавижу фанатическою ненавистью, такъ многое я люблю безумною любовью. Такъ много есть такого, что хотѣлъ-бы я пригвоздить къ позорному столбу, съ чѣмъ я обрекъ себя бороться до истощенія силъ, потому-что отъ ложнаго уваженія къ этому страдаю я самъ по-пустому многіе, долгіе годы и, вѣрно, страдаетъ много безумцевъ, и нужно мнѣ очень, чтобы меня наградили за это славою или позоромъ? Только бы поняли, только-бы одинъ изъ страдающихъ братьевъ нашелъ въ моихъ созданіяхъ оправданіе самого себя, своей борьбы, своихъ страданій....

Она глядѣла на него грустно, какъ глядятъ на сумасшедшаго.

— Мои слова странны, не правда-ли, продолжалъ онъ, съ печальною улыбкою: но этимъ словамъ, дитя мое, я продалъ всю жизнь, по все то, за что считали меня безумнымъ, было служеніе этимъ словамъ, этимъ вѣрованіямъ.... Было время, когда и я встрѣтилъ-бы подобныя слова въ устахъ другаго недовѣримаго и ироніей. Тогда я былъ счастливъ, тогда я былъ молодъ, тогда я видѣлъ только себя въ Божьемъ мірѣ и не вѣрилъ, чтобы кому-нибудь было какое нибудь дѣло до другихъ. Но я кончилъ жить для себя, кончилъ съ-тѣхъ-поръ, конечно, когда уже у меня не осталось ничего, чѣмъ-бы я могъ жить для себя!... И съ-этихъ-поръ я живу одною ненавистью къ прошедшему, одною любовью къ будущему.

Глаза Виталина блистали фосфорическимъ блескомъ, на щекахъ его выступилъ болѣзненный румянецъ.

— Пророкъ, пророкъ, вскричала Наталья, снова складывая руки.

— Да, пророкъ, если ты хочешь, только, Бога ради, не гоний, отвѣчалъ онъ, садясь подлѣ нея и проведши рукою по лбу. Но оставимъ это... когда идетъ моя драма?

— Въ среду послѣ Новаго-года.

— Я долженъ еще говорить съ тобою о твоей роли.

— Хорошо... Но послушай, ты нынче у меня весь день?

— Пожалуй, когда это можно.

— Отчего-же пельзя?

— Qu'en dira-t-on?

— Боже мой! изъ-за «qu'en dira-t-on» мы не видѣлись пять лѣтъ, отвѣчала Наталья: теперь я свободна, теперь я артистка, прибавила она съ чувствомъ гордой самоувѣренности: и онъ опять съ своимъ «qu'en dira-t-on»

— А кто тебѣ далъ право пренебрегать мнѣніемъ общества, именно потому только, что ты артистка?

— Право? я взяла его сама, я не ужилась съ обществомъ, и отвергла его.

Виталинъ не могъ удержаться отъ улыбки, потому-что, хотя и вѣрилъ въ женщину вообще, но въ каждой изъ нихъ, взятой порознь, имѣлъ привычку увѣряться только послѣ долгихъ наблюденій.

II.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Въ одинъ вечеръ, не помню именно когда, по знаю, что это было не-задолго до Рождества, площадь Александринскаго-театра была исполнена особеннаго движенія. Лихіе извозчики и измученные вавьки безпрестанно подвозили къ колоннамъ театра новыхъ посѣтителей; по-временамъ даже подъѣзжали кареты, или, за недостаткомъ ихъ, патриархальные возки, изъ которыхъ выѣзало обыкновенно штукъ по шести женскаго пола и штуки по двѣ мужскаго; какъ они тамъ помѣщались, это ужъ загадка необъяснимая.

Ясно, что въ Александринскомъ давалась новая пьеса, и съ до-

стовѣрностію полагать можно, что афиша оной піесы была не менѣе, какъ въ два аршина длиною. Сѣни театра наполнялись все болѣе и болѣе новыми приплывающими толпами народа, чрезвычайно-пестрыми и разнообразными! Чего и кого тутъ не было? Здѣсь наблюдатель могъ-бы въ минуту, съ помощію расписанія мундиромъ, научиться узнавать безошибочно всѣ вышивки, погонички, петлички офицеровъ разныхъ полковъ, и также безошибочно умѣть, по цвѣту воротничковъ, относить чиновниковъ къ извѣстнымъ вѣдомствамъ.

Давалась, въ-самомъ-дѣлѣ, новая піеса, только переводная съ французскаго, подъ названіемъ которой красовалась ярко и четко отпечатанная фамилія переводчика, съ начальными буквами имени и отчества, выставленными, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы такой колоссальный подвигъ не былъ приписанъ какому-нибудь однофамильцу. Піеса была одна изъ тѣхъ, которыя въ блаженныя тридцатые годы, когда еще свирѣпствовала новая французская литература, подъ именемъ нестовой юной французской словесности, приводили въ ужасъ раздражительную, какъ *timosa pudica*, нравственность нашихъ критиковъ даже однимъ своимъ названіемъ, дѣйствительно не-рѣдко затѣйливымъ.

Кромѣ-того, въ этой піесѣ дебютировала во второй разъ, и притомъ въ первой роли, новая артистка.

Она явилась на сценѣ подъ именемъ г-жи Склонской, хотя настоящая фамилія ее была другая.

Эти двѣ причины — новая піеса и новая артистка, отъ перваго дебюта которой пострадали крайне руки нѣкоторыхъ молодыхъ людей, — эти двѣ причины, вѣроятно, содѣйствовали къ особенному оживленію Александринскаго сквера и къ видимому благоденствію тощихъ ванекъ, впрочемъ, ихъ только, потому-что извозчики-лихачи были болѣею частію панпмаемы только отъ дверей Палкина, куда, для передышки отъ дальняго пути, заходили офицеры, съ различными нашивками и петлицами, и молодые чиновники, съ завитыми въ трубочки волосами, и въ различныхъ цвѣтовъ жилетахъ, чтобы собраться съ силами передъ будущимъ эстетическимъ наслажденіемъ, и чтобы, осмотрѣть состояніе вязаннаго обыкновенно изъ бисера, какими-нибудь нѣжными ручками барышни съ Петербургской-стороны, кошелька и расчесть: достаточно-ли будетъ содержащагося, чтобы на лихачѣ поровніаться съ извѣстнымъ патріархальнымъ возкомъ у колоннъ театра.

Било уже семь часовъ. Прибывающія толпы сѣшили или лежали на крыльяхъ по лѣстницамъ.

Въ это время вошелъ и Виталинъ. Одѣтъ онъ былъ точно также, какъ мы уже его видѣли, шелъ точно также медленною походкою, не глядя ни на что впереди и кругомъ себя.

Онъ подошелъ къ кассѣ, взялъ билетъ въ кресла и отправился.

Когда онъ вошелъ, оркестръ игралъ что-то, по обыкновенію, неизвѣстно откуда взятое, но кажется, французскую кадрили изъ оперы «Густавъ», хотя это вовсе не кленлось къ имѣющей быть представляемою драмѣ. Онъ сѣлъ на свое мѣсто, и увидѣвши, что сосѣднее съ правой стороны было еще пусто, положилъ на него свою шляпу.

Не прошло минуты, какъ по ногамъ сидящихъ сталъ пробираться съ извиненіями человекъ, одѣтый очень скромно, съ наружностію очень замѣчательною. Это было лицо, на которомъ умъ ярко отпечатлѣлъ свое божественное присутствіе; по вмѣстѣ съ этимъ какое-то непріятное выраженіе, какое на обыкновенныхъ лицахъ является отъ сильнаго, пронзительнаго холода, какое-то постоянное сжатіе всѣхъ чертъ, искажало эти умныя и благородно-правильныя черты, и сообщало имъ выраженіе скромной таинственности вопроса, неразрѣшимаго для другихъ и, можетъ-быть, для себя; кромѣ-того, усталость и тяготѣніе видны были во всѣхъ движеніяхъ этого человека, и отъ нея-ли, или, въ-самомъ-дѣлѣ, отъ внутренняго холода, происходила еще одна непріятная рѣзкая особенность: промежутокъ между губами открытъ былъ у него потомъ, который неволью какъ-то напоминалъ вамъ о стеклахъ оконъ, влажныхъ отъ холода.

Это новое лицо добралось наконецъ до мѣста, занятаго шляпою Виталина, молча подало ему руку, которую тотъ также молча пожалъ, и сѣло, когда Виталинъ взялъ свою шляпу.

— Не начинали еще? спросилъ онъ, наклоняясь къ уху Виталина, и сталъ смотрѣть, то въ правую, то въ лѣвую сторону, ища, казалось, кого-то глазами.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Виталинъ, вынимая изъ кармана табакерку.

— Я смотрю переводчика, говорилъ тотъ, все еще, продолжая глядѣть. А! вотъ наконецъ!

Виталинъ посмотрѣлъ въ ту сторону, куда показывалъ глазами его пріятель.

Тотъ, на кого онъ показывалъ, былъ юноша лѣтъ девятнат-

цати, стройный и красивый собою, съ блѣдною наружностію и съ длинными волосами, по самыя плеча, закинутыми чрезвычайно-искусно, въ синнихъ очкахъ, которые, не-смотря на то, что были очень-сини, не могли снять съ его лица типа самаго ранняго, близкаго еще къ дѣтству, юношества. Онъ былъ весь въ черномъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Гмъ.... проговорилъ Виталинъ, смотря на него, и улыбнулся ѣдкою улыбкою. Онъ наклонился къ своему сосѣду, хотѣлъ ему сказать что-то, но въ это время подняли занавѣсъ; онъ оборотился къ сценѣ, и положивши на шляпу руку, оперся на нее подбородкомъ.

Вышли какіе-то господа, которые по афишѣ должны были представлять двухъ маркизовъ XVIII столѣтія, и которые безпрестанно подмигивали одинъ правымъ, другой лѣвымъ глазомъ, потому, вѣроятно, что вели разговоръ довольно-тайпственный и непонятный, о похищеніи какой-то мѣщанской невинности, и находили, что въ разговорахъ подобнаго рода маркизы XVIII вѣка должны были употреблять именно этотъ жестъ, а не какой-либо другой.

Въ театрѣ было такъ тихо, что можно было-бы слышать жужжаніе мухъ.

Но вотъ вдали показалась женская фигура.

Топотъ, стукъ, хлопанье и вой нечеловѣческой, раздались во веѣхъ концахъ залы, такъ, что гулъ слышенъ былъ даже на площади, а кучера, поглаживая и разглаживая бороды, обратившіяся въ сосульки отъ жестокаго мороза, и похлопывая рукавицами, говорили другъ-другу: «Знать важно ломаютъ камедь!»

Но въ-самомъ-дѣлѣ, появившаяся на сцену женщина, была существо необыкновенное,—воздушная тѣнь, какою она пронеслась почти по сценѣ, съ такою дѣтски-простою естественностію, которая во все не показывало въ ней дебютантки, потому-что только богато-одареннымъ и артистическимъ натурамъ дается эта простая естественность. Она непринужденно-ловко, безъ отвратительно-жеманной наивности поблагодарила публику легкимъ наклоненіемъ головы.

Виталинъ неподвижно глядѣлъ на сцену; казалось, въ первый разъ взглядъ этого человѣка сошелся съ опредѣленною цѣлію.

Она пачала говорить. Все затихло.

То, что она говорила, былъ страшный вздоръ, хотя милый и французскій вздоръ, — но Боже мой, какъ чудно звучалъ онъ въ устахъ этой женщины, какъ искусно умѣла она скрыть неуклю-

жестъ фразъ, и какъ у нея одной только понятна была эта рѣчь, вся полная гремушекъ и блестокъ. Она была умна, говоря этотъ вздоръ, или лучше, она пѣла его, какъ искусная пѣвица, у которой незамѣтны фюритуры и рулады.

И когда, прощепетавши свою пѣсню, она граціозно присѣла и, какъ серпа, побѣжала въ глубину театра, Виталинъ одобрительно кивнулъ головою, а партеръ опять залился гуломъ, отъ котораго въ-состояніи убѣжать человѣкъ съ самыми крѣпкими нервами.

Дебютантка должна была снова явиться; на ея устахъ играла улыбка торжества, на щекахъ ея горѣлъ румянецъ, глаза сіяли, какъ звѣзды....

Боже мой, какъ дивно-хороша, какъ невыносимо хороша, какъ женственна была она въ эту минуту. Не одно пылкое, безумное, еще невыстрадавшееся сердце ощутило теплоту и полноту въ присутствіи этой женщины.

Одинъ только пріятель Виталина не измѣнилъ сжатаго выраженія своей физиономіи; онъ даже зѣвнулъ, отвернувшись въ сторону.

Виталинъ не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія; видно, онъ зналъ его слишкомъ-хорошо, или самъ вполне ушелъ въ самого-себя. Но когда артистка, поклонившись публикѣ, замѣтила его и слегка кивнула ему головою, по лицу его пробѣжало чувство неудовольствія, тѣмъ болѣе, что на него уставились оловянные глаза какого-то довольно-полнаго офицера съ рыжими усами, и даже по цѣлому ряду пронесся шопоть. Онъ внутренно уже готовилъ филиппику на бѣдную артистку, которая была виновата тѣмъ только, что никогда не измѣняла своей благородной женской природѣ.

Но не-смотря на эту случайно-пробѣжавшую по лицу его тѣнь досады, онъ постоянно впивался въ нее глазами при каждомъ появленіи на сцену, слушалъ внимательно ея лепетъ, подмѣчалъ каждую вѣрно-почувствованную интонацію и невольно разъ еще измѣнилъ своей обыкновенной приличности, кивнувши одобрительно головою.

Актъ кончился. Начались вызовы дебютантки. Виталинъ вышелъ въ кофейную. Пріятель его исчезъ еще прежде.

Онъ нашелъ его въ кофейной, разговаривающимъ съ переводчикомъ піесы, который стоялъ передъ нимъ въ какомъ-то странно-ложномъ и затруднительномъ положеніи. Они говорили о послѣдней рѣчи Гизо, напечатанной въ «Дебатахъ», но по всему виду юноши видно было, что ему хочется какъ-нибудь поприлич-

пѣе завести рѣчь о своей піесѣ. Пріятель Виталина упорно велъ рѣчь о «Дебатахъ.»

— Bravo! bravo! молодой человѣкъ: хорошо переводишь, славно переводишь, сказалъ юношѣ какой-то толстый господинъ въ широкомъ пальто, съ картузомъ подъ мышкою. Молодецъ, ей-Богу, молодецъ! тишемъ статью, тишемъ, продолжалъ онъ, дружески ударяя по плечу молодаго человѣка.

Лицо пріятеля Виталина сморщилось сардонически.

Юноша былъ, казалось, между Сциллою и Харибдою.

Можетъ-быть, онъ разсыпался-бы въ другой разъ въ вѣжливостяхъ передъ толстымъ господиномъ, но теперь онъ какъ-то принужденно поблагодарилъ его.

Господинъ отошелъ, не слишкомъ, кажется, довольный.

— Вы пожинаете лавры, замѣтилъ сухо и сардонически пріятель Виталина.

— Помилуйте, такіе пустяки, отвѣчалъ юноша робко, по съ маленькимъ самодовольствіемъ, ожидая, казалось, возраженія на слово пустяки.

Но его собесѣдникъ неумолимо началъ прерванный разговоръ о Гизо.

Юноша говорилъ замѣтно неохотно; но скоро офицеръ съ рыжими усами подскочилъ къ нему съ какою-то самодѣльно-французскою фразою, и увлекши къ буфету, началъ что-то говорить ему, показывая пальцемъ на Виталина.

Потомъ послышалось слово «магарычи», и вслѣдъ за этимъ почти юноша потребовалъ бутылку шампанскаго.

— Что онъ говорилъ съ тобой? спросилъ Виталинъ у своего пріятеля, ходя взадъ и впередъ по кофейной.

— Ничего; добивался, кажется, чтобъ я похвалилъ его переводъ. Глупъ страшно.

— Что-же ты, будешь хвалить?

— Вопросъ еще, буду-ли я писать? отвѣчалъ пріятель Виталина разсѣянно.

— Разумѣется будешь.

— Что писать, о чемъ писать? Во-первыхъ, я не понимаю сюжета піесы.

— Я его разскажу тебѣ послѣ.

— Ну, хорошо.

Они оба ушли въ кресла.

Второй актъ драмы былъ торжествомъ дебютантки. Она играла въ немъ сумасшедшую отъ любви, и этой избитой ролью умѣ-

ла сообщить много своего и въ особенности много женственнаго, чего почти не бываетъ въ нашихъ актрисахъ, хотя они и женщины, кажется.

Особенныхъ происшествій не было, кромѣ того, что нѣкоторые львы оспили отъ крика въ продолженіе представленія, и когда послѣ окончанія драмы хотѣли-было закричать «Склонскую», роты ихъ, вмѣсто членораздѣльныхъ звуковъ, издали какое-то мычанье.

Виталинъ и его пріятель вышли почти изъ первыхъ.

Ночь была свѣтлая и лунная, но чрезвычайно-холодная. Они оба шли долго по Невскому-проспекту, не говоря ни слова и на каждомъ шагу почти приподнимая воротники своихъ пальто, хотя поднять ихъ больше, чѣмъ они поднимались обыкновенно, было вовсе невозможно.

— Послушай, Искорскій, началъ наконецъ Виталинъ: ты долженъ, непременно долженъ писать статью.

— Буду.... да что ужъ только за статья будетъ, Богъ вѣдаетъ, отвѣчалъ тотъ.

— Да неужели ты на столько не владѣешь собою, чтобы предаться предмету душой и тѣломъ и вѣрь, что во всякомъ какъ-бы онъ пошелъ и пусть ни казался, можно найти всегда глубокую сторону. Ты самъ это знаешь. А главное-то — это нужно.

— Охъ, знаю, братецъ, что нужно, отвѣчалъ Искорскій съ чувствомъ какого-то болѣзненного страданія. Завтра у меня ни чаю, ни свѣчи.

— Почуй у меня — будетъ и то и другое.

— Нѣтъ ужъ какъ-нибудь.... Но что писать, что писать, почти съ отчаяніемъ говорилъ Искорскій.

— Послушай, начать съ того, что какъ ни плоха эта драма, а все-таки въ ней есть содержаніе, все-таки интересы-то въ ней не вертятся на обыкновенной пошленькой любви. Ужъ и то, что ея интересъ на собственности, на имѣніи. Развивай эту мысль — вотъ тебѣ и все. Разумѣется, тутъ новаго ничего не будетъ, но для нашей публики и это ново. Повторю опять мое любимое слово, публика милое дитя, ей надобно вдалбливать отвращеніе къ извѣстнымъ нелѣпностямъ, ей надо оправдать ея эгоистическія потребности, потому-что иначе идеалисты будутъ вѣчно ее жать, сами передъ собою притворствоваться.

— Мнѣ-ли и тебѣ-ли бороться! отвѣчалъ Искорскій.

— Борьбу на смерть и до смерти, борьбу до послѣдняго исто-

щенія силъ должны мы вести все; все, какъ-бы мы ни были больны, возразилъ Виталинъ, потому-что, право, о самихъ-себѣ, добавилъ онъ грустно: не стоить заботиться.

— Такъ, такъ, все такъ, но гдѣ-же силы бороться? Да и можно-ли опять, скажу я, писать что-нибудь, отвѣчалъ мрачно Искорскій: когда запраешь дверь на крючокъ и вздрагиваешь при каждомъ стукѣ за дверью, потому-что грозитъ какое-нибудь малочестное посѣщеніе кредитора, который, можетъ-быть, представилъ уже и кормовыя деньги.

Они оба замолчали.

— Пиши о дебютанткѣ началъ опять Виталинъ, не по тому, мой милый, чтобы это до меня касалось,—я знаю впрочемъ, что это тебѣ и въ голову не придетъ,—но опять потому, что нашей массѣ надобно навязывать убѣжденія.

— Послушай, Виталинъ, сказала, пріостановясь немного, Искорскій: — что я буду о ней писать. Для меня все это китайская грамота; къ театру у меня сочувствія вовсе нѣтъ, къ игрѣ актеровъ еще менѣе.

— Но когда эта игра проводникъ къ электричеству! Чудака ей Богу, говорилъ Виталинъ. Кетати или не кетати, продолжалъ онъ, нѣсколько помолчавши, хочешь ты быть знакомъ съ этою женщиною?

— Пожалуй, но къ чему? отвѣчалъ Искорскій разсѣянно.

— Все-такъ... впрочемъ мнѣ идти на-лѣво, тебѣ на-право. Прощай.

— Завтра будешь?

— Буду.

— Точно будешь?

— Буду, буду, буду, отвѣчалъ Виталинъ съ нетерпѣніемъ, и кивнувши головою своему спутнику, быстро повернулъ къ Вознесенскому-проспекту.

Онъ остался одинъ. Ему хотѣлось-быть одному, чтобы предаться своему внутреннему міру. Этотъ вечеръ взволновалъ опять въ его памяти былые образы, — но не дивный образъ женщины, которой обаяніе околдовало всѣхъ другихъ, не этотъ свѣтлый образъ носился передъ нимъ, нѣтъ, — онъ ему напоминалъ только образъ человѣка, проведшаго яркую черту на страницѣ жизни этой женщины, съ жизнію котораго такъ долго и такъ съ ранней молодости сливалась его собственная жизнь. Ему все больше и больше обрисовывались благородныя мужественныя черты, высокое чистое чело, саркастическая, но по-временамъ

женски-пѣжно-обоятельная улыбка. Ему слышались рѣчи, то полныя ледянаго холода и ядовитой, пронзающей насмѣшки, рѣчи, которыя отъ странности казались многимъ безсмысленными, но которыя такъ изучилъ онъ, которыя для него полны были глубокаго смысла, — то поэтически-безавѣтныя, исполненныя чудныхъ воспоминаній. Въ памяти его оживали тѣ вечера, рѣдкіе вечера, когда, окончивши работу художника, передавши ему только что распутившееся свѣжее созданіе — увѣренный гордо въ своемъ призваніи поэта — этотъ человѣкъ сбрасывалъ съ себя кору черствой холодности, являлся тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ существѣ своей богатой природы, и изъ устъ его лились слова, проникнутыя чистотою младенца и разумомъ мужа. То были долгія бесѣды объ искусствѣ, любимомъ имъ болѣе всего на свѣтѣ, или простыя, но чудно-поэтическіе разсказы о первыхъ дняхъ молодости, о снѣжныхъ безпредѣльныхъ поляхъ, озаренныхъ полною луною, о лучахъ этой луны, играющей на полу старой залы, и о темно-русой головкѣ съ голубыми глазами, наклоненными къ клавишамъ рояля. И припоминалась ему та полоса ихъ общей жизни, когда они оба любили эту теперь женщину, тогда слабое воздушное дитя, страдавшее въ когтяхъ палачей, добродушно и безсознательно ее терзавшихъ, и то, какъ плакалъ тогда по ней, какъ ребенокъ, какъ юноша, какъ сумасшедшій, этотъ человѣкъ, сильный и крѣпкій душою, — какъ она вдалась съ нимъ въ такія-же свѣтлыя зимнія ночи на паперти ветхой церкви, и какъ она зашаталась отъ его перваго огненнаго мужескаго поцѣлуя. Всплывало припомнилось все это, припомнилось, какъ онъ самъ благородно и безкорыстно болѣлъ душою за эту женщину, какъ онъ пламенно вѣровалъ тогда и какъ готовъ былъ отдать жизнь свою за то, чтобы не страдала эта женщина, это бѣдное больное дитя. И потомъ какъ промелькнула эта полоса жизни, образъ одного только человѣка уцѣлѣлъ изъ нея, и Арсеній думалъ о томъ, какую тайную силу имѣлъ онъ надъ нимъ, какъ умѣлъ онъ въ его вѣчно-страдавшей душѣ поднять всѣхъ змѣй страданія и обнажить передъ нимъ всѣ тайныя, всѣ отвратительныя пружины этихъ страданій, злобно посмѣяться надъ ними, — и потомъ однимъ словомъ примирить все и подать руку на возстаніе. Предъ нимъ предстали опять длинныя бессонныя для обоихъ ночи, когда, не имѣя ничего новаго сказать другъ-другу, они говорили однако и имъ весело было говорить другъ съ другомъ, ночи, когда тотъ засыпалъ наконецъ, а Арсеній еще сплѣлъ передъ нимъ, смотря на

этотъ строгій и спокойный профиль, на эту поднятую грудь, на эти бѣлыя, какъ изъ мрамора изваяныя женскія руки. Арсенію было такъ понятно, такъ страшно - понятно, что его личная жизнь не имѣла больше смысла съ-тѣхъ-поръ, какъ отдѣлилась отъ жизни этого человѣка.

Онъ добрался наконецъ до своей квартиры, которая была въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Коломны. Когда онъ вошелъ въ нее, она показалась ему еще тѣснѣе, еще печальнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Изнеможенный, онъ упалъ на постель и рыдалъ долго, рыдалъ безутѣшно.

Тщетно онъ хотѣлъ заснуть. Ему предстала иная полоса жизни. Онъ былъ опять, казалось, въ кругу одного семейства, онъ опять, казалось, съ безумнымъ увлеченіемъ говорилъ въ немъ о своихъ вѣрованіяхъ, о своей ненависти, не смѣя ни слова сказать о своей любви и облокотясь на столъ, съ глубокимъ сочувствіемъ слушала его женщина, которую одну въ цѣломъ мірѣ считалъ онъ себѣ равною, а прямо противъ него сіяли болѣзненно-ярко-голубыя очи другой женщины, у ногъ которой онъ хотѣлъ упасть, чтобы долго, безумно долго смотрѣть въ ея болѣзненно сіяющія очи

Она его не любила. Жгучій трепетъ бѣгалъ по тѣлу Арсенія; изъ устъ его вырывались безсвязныя слова, страшныя, какъ бредъ горячки.

Било четыре. Онъ все еще лежалъ съ открытыми глазами, томимый пыткой невыносимаго, безнадежнаго страданія.

III.

АРСЕНІЙ ВИТАЛИНЪ.

Теперь пора мнѣ поближе познакомить читателей съ героемъ моего разсказа.

Арсеній Виталинъ — съ перваго взгляда, принадлежалъ, казалось, къ числу тѣхъ, къ-несчастью можетъ быть, многихъ моло-

дыхъ людей нашей эпохи, которые, слишкомъ рано-предавшисъ наслажденіямъ, теряютъ вкусъ ко всему, и чуждые вовсе условій общества, въ которомъ они живутъ, остаются въ состояніи вѣчнаго отрицанія и тягостной, мучительной апатіи. Такія явленія странны и даже смѣшны, если хотите, но всего болѣе грустны.... Апатія налегла на нихъ не по тому, чтобы силы ихъ истощились въ борьбѣ съ дѣйствительною жизнью; нѣтъ, эти силы погибли въ борьбѣ съ призраками; они сами знаютъ, что мучать себя этими призраками, истощаютъ себя неустовыми снами — и потомъ дрожать нервически, выходя на свѣжій воздухъ жизни, и бѣгутъ опять въ свое призрачное я, потому-что внѣ его ихъ пробираетъ дрожь, которую они считаютъ слѣдствіемъ холода. На такихъ личностяхъ лежитъ печать постоянного разочарованія; но многіе не вѣрятъ въ искренность этого разочарованія, забывая, что силы, какъ тетива лука, слабѣютъ равно, напрягаемая съ цѣлю или безъ цѣли, что жизнь въ грезахъ истощаетъ болѣе настоящей жизни, потому-что въ ней нѣтъ питательныхъ соковъ послѣдней.

Но мы ошиблись, сказавши, что Арсеній съ перваго раза казался явленіемъ такого рода; мы все люди XIX-го вѣка неспособны вѣрить въ возможность эксцентрическихъ страстей и убѣжденій, хотя страдаемъ все, все до-единого, болѣе или менѣе. Нѣтъ, при первомъ сближеніи съ Виталинымъ вы-бы подумали, что это умный человѣкъ — единственное качество, котораго въ немъ не отвергалъ никто, но что жизнь этого человѣка двоится, какъ у многихъ господъ, которыхъ вы видите вечеромъ, въ какомъ-нибудь изъ московскихъ салоновъ, горячо отвергающими основы всякой жизни и дѣятельности при современныхъ условіяхъ общества, и которыхъ вы встрѣтите утромъ въ одной изъ канцелярій отправляющими съ изумительнымъ терпѣніемъ должность стюканачальника.

Виталинъ и самъ способствовалъ-бы этому обману; у него была страсть казаться человѣкомъ положительнымъ, но онъ былъ слишкомъ вѣтренъ и даже слишкомъ раздражителенъ, чтобы поддержать обманъ. Была эпоха однако — и эта эпоха въ жизни его тянулась долго, когда обстоятельства заставляли его съ жолчью въ сердцѣ играть искусно принятую роль. Онъ былъ гдѣ-то учителемъ и по многимъ отношеніямъ считалъ себя обязаннымъ обманывать всехъ и каждаго ревностію къ наукѣ и изученными энциклопедическими позваніями. Это было для него пыткой, но игралъ онъ свою роль легко и непринужденно, по-

тому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, въ наше время очень-нетрудно играть подобную роль. Виталинъ читалъ безъ толку и безъ системы, но читалъ чрезвычайно-много; онъ наблюдалъ кромѣ того съ удивительною восприимлемостію; одного слова, схваченнаго налету, достаточно ему было, чтобы вывести изъ него цѣлую систему, и продумавши одинъ вечеръ надъ двумя или тремя положеніями Спинозы, онъ рассказывалъ на другой день, что изучаетъ Спинозу, а на третій пускался уже въ пропаганду его ученія, съ циническимъ хладнокровіемъ и безстыдствомъ, надъ которымъ самъ онъ хохоталъ злобно внутри самого-себя. Онъ былъ слишкомъ-увѣренъ въ томъ, что другіе точно также изучаютъ предметы; притомъ у него была своя тактика: «рыбакъ рыбака видитъ издалека», думалъ онъ, и съ людьми которые также, какъ онъ, не вѣрили въ филистерскую науку, разговоръ, начавшійся обыкновенно съ взаимныхъ самонадуваній, переходилъ на живые вопросы жизни, а труженники односторонней идеи, люди, которые въ состояніи заниматься изысканіями частными, обыкновенно слишкомъ-скромны, чтобы смѣть и подумать даже знать что-нибудь, кромѣ своего предмета, и слишкомъ добросовѣстно ограничены, чтобы подозрѣвать цинически-пагую ложь знанія.... Потому Виталинъ считался человѣкомъ подающимъ большія надежды, и даже всѣ рѣзкія выходки его противъ всѣхъ условій общественной нравственности, вызывали только одобрительную улыбку, въ которой такъ и выражалось: «уходитесь, дескать, молодой умъ гуляетъ, будетъ со-временемъ, какъ мы-же»... Былъ-ли виноватъ Виталинъ въ своемъ циническомъ невѣрїи — вопросъ, трудный для разрѣшенія. Была пора, онъ былъ молодъ, онъ былъ такъ чистъ душою, онъ въ каждомъ человѣкѣ, который на словахъ проповѣдывалъ то, а на дѣлѣ другое — готовъ былъ видѣть избранника и жреца истины, и каждое слово этого избранника было для него искрою, брошенною въ порохъ. Къ одному изъ такихъ избранниковъ онъ, способный привязываться глубоко и пламенно, какъ женщина, привязанъ былъ узами безпредѣльнаго уваженія и безпредѣльной любви. Но когда этотъ человѣкъ спокойно перешелъ въ грязную филистерскую жизнь, когда Виталинъ по неволѣ долженъ былъ увѣриться, что жолчная раздражительность этого человѣка была просто слѣдствіемъ эгоизма холостяка и исчезла сама-собою въ сладкихъ семейныхъ сценахъ, когда этотъ человѣкъ, когда-то гордый и независимый, сталъ уже не безъ удовольствія мечтать о превосходствѣ — это явленіе, самое обыкновенное, самое разум-

ное, можетъ-быть, заставило Виталина увидѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Онъ игралъ комедію долго; наконецъ она стала ему невыносима, какъ всякое ложное положеніе. Человѣкъ крайностей—онъ разрубилъ разомъ, какъ гордіевъ узелъ, это ложное положеніе, и оставивши за собою всю прежнюю жизнь, Богъ знаетъ почему, Богъ знаетъ для чего умчался куда-то.

Онъ поступилъ такъ, а не иначе, потому-что только, по-видимому лежала на немъ тѣнь разочарованія. Правда, много душевныхъ силъ истратилъ онъ среди своей бесплодной софистической жизни, но слишкомъ еще сильно звучалъ въ душѣ его голосъ, зовущій къ жизни и дѣятельности, слишкомъ еще глубока была его вѣра въ жизнь и безкорыстныя стремленія духа. Онъ не вѣрилъ ни въ порокъ, ни въ добродѣтель, не вѣрилъ до того, что ему странно и смѣшно казалось убѣждать въ своемъ невѣрїи, но вѣрилъ пламенно въ одно только, что въ каждой натурѣ лежитъ предчувствіе ея назначенія, ея право на счастье, право на жизнь. Чтѣ за нужда, думалъ онъ, что растеніе юга страдаетъ на сѣверѣ! Есть-же страна, гдѣ оно зацвѣтетъ жизнію; болное въ чуждомъ ему климатѣ, оно можетъ-же быть однако здорово.... Сознаніе божественной правды каждой природы, и того, что ея болѣзни и недуги происходятъ не отъ нея самой, а отъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, вотъ чтѣ было для Виталина неизблжимымъ убѣжденіемъ — и вотъ чтѣ, можетъ-быть, поддерживало его въ жизни. Обманываясь на каждомъ шагѣ, обманываясь постоянно, онъ не измѣнилъ однако надеждъ на будущее.

Разумѣется, не вдругъ дошелъ онъ до этой вѣры, потому-что для нея нужно полное самоотреченіе, приобретаемое долгими мучительными страданіями. Надобно страдать самому, чтобы понять страданія другихъ, надобно самому желать излеченія и вѣрить въ его возможность, чтобы искренно желать излеченія другихъ. Надобно самому отыскать въ себѣ тайныя, тщательно скрываемыя болѣзни, чтобы понять все, отъ величайшаго подвига самоотрѣченія, до самаго мелкаго и отвратительнаго изгиба эгоизма.

И Виталинъ дошелъ до того, такъ страшнаго каждому убѣжденія, что если онъ не подлець, то потому только, что къ этому не принудили его обстоятельства, и не отступилъ отъ самого-себя съ ужасомъ и омерзеніемъ. Нѣтъ! онъ почувствовалъ себя выше въ эту минуту, выше потому, что перешелъ послѣднюю пре-

граду, отдѣляющую человѣка отъ человѣка, что не стало для него ни одного страдающаго брата, отъ котораго-бы онъ могъ отвернуться съ презрѣніемъ.

Но жизнь Виталина была двойственна, какъ жизнь каждаго изъ насъ. Никогда въ самыя трудныя минуты не измѣнялъ онъ своимъ вѣрованіямъ, но эти вѣрованія его не успокоивали. Въ немъ самомъ, въ его характерѣ лежало зерно страданія... Онъ былъ вѣтренъ, онъ былъ даже безхарактеренъ; за минуты наслажденія или, лучше, забвенія, онъ платилъ слишкомъ дорого, — но никогда дорогая расплата не была для него упрекомъ. Если же бывали для него промежутки внѣшняго благоденствія — онъ въ самомъ-себѣ будилъ заснувшія во-время непріятностей жизни внутреннія страданія, и они терзали его тоскою неодолимою, тоскою осужденнаго, которая гнала его Богъ знаетъ куда, которая заставляла его искать забвенія въ чемъ-бы-то ни было.

Онъ жилъ какою-то скитальческою жизнію цѣлые пять лѣтъ, не обзавелся ничѣмъ, чѣмъ обыкновенно обзаводятся порядочные люди. Комната его была почти пуста, потому-что все, что можно было заложить, давно уже лежало въ залогѣ, и онъ не думалъ никогда выкупать заложеннаго, даже при деньгахъ. Квартиры перемѣнялъ онъ аккуратно почти черезъ два мѣсяца, потому-что онъ заплативши обыкновенно впередъ за первый — онъ имѣлъ привычку до того откладывать на завтра плату за второй, что хозяинъ являлся обыкновенно къ нему съ надзирательемъ — и тогда для Виталина начиналось кочеванье по чужимъ квартирамъ, отвратительно-печальное положеніе, отъ котораго часто бывали съ нимъ первическія горячки. Онъ принимался работать, доставалъ денегъ, платилъ хозяину обыкновенно вдвое болѣе, но переѣзжалъ на другую квартиру, потому-что не могъ видѣть человѣка, который напоминалъ ему какую-нибудь непріятную эпоху жизни, какъ не могъ никогда прочесть письма, въ которомъ предполагалъ найти что-нибудь непріятное, и бросилъ его въ огонь не читавши.

Иногда на него находили минуты, когда онъ думалъ положить конецъ такой безалаберной жизни, но исполненіе такихъ благихъ намѣреній было чудовищно-лѣпо. Тогда онъ обыкновенно нанималъ квартиру, гдѣ-нибудь по Нарвской Части или даже разъ на Петербургской-сторонѣ за 10 р. серебромъ въ мѣсяцъ, съ мебелью, столомъ и прислугою. Можете себѣ представить, какова была эта квартира и этотъ столъ. Переѣхавши на одну изъ такихъ квартиръ, онъ обыкновенно лежалъ, не вставая съ постели

цѣлую недѣлю, наслаждаясь полною свободою и удобствомъ хандрить, потомъ хандра-же его выгоняла изъ дому и онъ исчезалъ по цѣлымъ днямъ.

Онъ писалъ много; работалъ во многихъ журналахъ, но писалъ и работалъ полосами. Въ остальное время онъ лежалъ, или странствовалъ, и все, что ни писалъ онъ, казалось ему тогда отвратительно-гадкимъ. Такъ было до новой полосы. Онъ опять одушевлялся, опять вѣрилъ не въ талантъ свой, до котораго ему, безъ притворства съ его стороны, было очень-мало нужды, но въ необходимость пропаганды своихъ убѣжденій.

IV.

ЗАПИСКИ СОФИСТА.

Мы рассказали читателю то, что сами могли замѣтить въ характерѣ Виталина; по этого мало, даже слишкомъ-мало для того, чтобы представить себѣ его нравственный образъ; слишкомъ-ли богата была его природа, или не было въ немъ вовсе ничего своего, — по дѣло въ томъ, что Виталинъ нынѣшній никогда не былъ похожъ на Виталина вчерашняго, и чѣмъ болѣе вы его узнавали, тѣмъ болѣе открывалось вамъ въ немъ новыхъ незамѣченныхъ изгибовъ.

Онъ велъ почти постоянно дневникъ, но вовсе не отъ-того, чтобы придавалъ своей жизни какое-нибудь значеніе, а, просто, по привычкѣ и по старой памяти. Это была скорѣе перписка съ одною женщиною, чѣмъ дневникъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что если у Виталина были друзья, то только между женщинами, потому-ли, что въ немъ самомъ было много женскихъ чертъ, потому-ли, что у насъ женщины вообще умѣе мужчить.

Нѣсколько отрывковъ его дневника передано мнѣ челоуѣкомъ, отъ котораго я знаю подробности о жизни Виталина, и о встрѣчѣ съ которымъ расскажу вамъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Виталинъ называлъ свой дневникъ «Записками софиста», и отрывки его мы передаемъ читателямъ подъ этимъ-же названіемъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СОФИСТА.

Порокъ и добродѣтель! Люди чрезвычайно-расточительны на эти слова — жаль, что и ты также. Разумѣется, я не требую отъ тебя, чтобы на порокъ и добродѣтель смотрѣла ты иными глазами, нежели другіе люди, — вовсе не потому, что ты женщина, а потому, что ты не встрѣчалась еще лицомъ къ лицу съ этими сухими добродѣтелями, отъ которыхъ становишься иногда страшно, и съ этими пороками, отъ которыхъ бываетъ подчасъ грустно, глубоко грустно. Но я — я не нашелъ еще человѣка, отъ котораго-бы могъ отвернуться, имѣлъ право отвернуться.

Опытъ-ли это, или крайняя степень разврата, но мысль, что добродѣтель — деньги, меня какъ-то не пугаетъ уже, какъ пугала прежде. Скажи, пожалуйста, есть-ли возможность сохранить человѣческое достоинство, не имѣя ни гроша въ карманѣ?... Да и въ чемъ заключается человѣческое достоинство? Не въ томъ-ли, чтобы человѣкъ былъ выше мелочныхъ потребностей жизни, чтобы человѣкъ былъ въ-состояніи пренебречь — не говорю жертвовать, потому-что это-бы значило унижать человѣка — но, просто, пренебречь этими мелочными потребностями, для высшихъ условій бытія? А согласись сама, пренебрегать тѣмъ, чего у насъ нѣтъ, это, просто, значить быть поэтомъ въ душѣ — что также смѣшно, какъ быть Наполеономъ въ душѣ, или, пожалуй, сапожникомъ въ душѣ.

Все это только предисловіе къ тому, что я хотѣлъ тебѣ высказать. Ты мнѣ пишешь: «Пусть чело твое будетъ вѣчно ясно и чисто». Да! оно ясно и чисто, я свободно и гордо поднимаю его къ небу, но вовсе не потому, чтобы я не зналъ пятенъ на своей жизни.

Была пора, какъ бываетъ она для каждого, кто жилъ и мыслилъ, когда я презиралъ самого-себя, презиралъ потому, что хотѣлъ невозможнаго и падалъ подъ бременемъ этихъ невозможныхъ требованій. Это — первая минута сознанія личности, отдѣленія себя отъ цѣлаго, и паденія въ прахъ передъ этимъ безконечнымъ цѣлымъ; душа создаетъ для себя темныя, колоссальныя пагоды, чтобы во мракѣ ихъ прислушиваться къ отзывамъ безконечности и молиться во прахѣ, сознавая свое ничтожество передъ безконечнымъ.

Бываетъ пная пора... Человѣкъ испыталъ уже собственныя силы, онъ уже знаетъ, что какъ онъ ни бейся, ему не удастся выйти изъ ихъ ограниченнаго предѣла, но знаетъ и права свои на жизнь и счастье. Онъ разлюбилъ и разувѣрился, и ему жаль того, что онъ разлюбилъ и въ чемъ разувѣрился, но онъ не винить себя, онъ видитъ, что не могъ жить иначе, и знаетъ, что если-бы началъ снова жить, то жилъ-бы точно также.

Таково теперь мое состояніе. Я вижу насквозь все пити, которыя меня спутывали и вели къ этому состоянію, и знаю наизусть все мои потребности, т. е. все мои требованія отъ жизни. Это не фатализмъ, потому-что въ фатализмѣ пѣтъ и не можетъ быть такой разумности, это и не вѣра также.

Знаешь-ли что? Быть-можетъ, это надежда...

Когда я вошелъ нынче, она сидѣла спиною къ дверямъ, или, лучше сказать, лежала на креслахъ, на которыхъ обыкновенно садится ея мужъ, такъ, что ея локоны выходили за спинку креселъ; правая рука ея сжимала лобъ, какъ-будто отъ сильной головной боли, лѣвая упала на ручку креселъ. Надобно сказать, что руки ея необыкновенно бѣлы и прозрачны.

Я вошелъ тихо, такъ, что она не слышала, и вставши за нею, могъ замѣтить, какъ порывисто и вмѣстѣ тяжело дышала ея грудь. Наконецъ, такое наблюденіе показалось мнѣ очень-скучно. Я взялъ ее за руку, она вздрогнула и обратилась ко мнѣ быстро.

Щоки ея горѣли болѣзненнымъ румянцемъ, глаза были заплаканы, но она не сказала мнѣ ни слова, можетъ-быть, потому, что довольно-умна, чтобы говорить пошлости.

-- Ага, мы не въ духѣ сегодня, началъ я, перебирая пальцы ея правой руки; я люблю какъ-то дѣлать это съ ея руками.

Она взглянула на меня съ укоромъ и потомъ опустила глаза въ землю, какъ-будто ей стыдно было чего-то.

Мнѣ было это понятно, разумѣется, но не хотѣлось показать, что это понятно. Не выпуская изъ рукъ ея пальцевъ, которые

она усиливалась выдернуть, я опять спросилъ ее съ величайшимъ равнодушіемъ: Что съ тобою?

Ни съ того, ни съ сего, она повисла у меня на шеѣ и прижалась щекою къ моему лицу. Отъ чего выраженіе лица ея было въ это время какое-то болѣзненное? Прижавшись ко мнѣ, она искала какъ-будто защиты отъ чего-то, ее преслѣдовавшаго.... Я сжалъ ее крѣпко въ моихъ объятіяхъ, какъ испуганнаго ребенка.

— Пусти меня, сказала она, вырвавшись отъ меня, и упавши снова на кресла, закрыла лицо руками. Бѣдное дитя, она дрожала, какъ въ лихорадкѣ!

Во-всемъ этомъ есть много такого, за что-бы я въ лучшіе годы готовъ былъ заплатить чѣмъ-угодно; и что теперь дается мнѣ даромъ. Все это навѣваетъ на меня сны моей молодости, жаль, что сны только!

Не брани меня за это отношеніе. Начать съ того, что я не искалъ ея любви, и что по моимъ нравственнымъ убѣжденіямъ вовсе не обязанъ отвергать ея, когда она сама явилась. Милости просимъ!

Что за дѣло, что я не въ-силахъ любить? Этой жещинѣ ни тепло, ни холодно отъ моей любви или нелюбви. Да это еще вопросъ и для самого меня: люблю я ее или нѣтъ? Признаюсь, я еще не рѣшилъ для себя этой загадки. Но дѣло не въ-томъ. Я далъ ей нѣсколько минутъ безумнаго самозабвенія — и довольно! Можетъ-быть, лучше даже, что самъ я не испытываю съ нею самозабвенія, что во мнѣ ея дѣтская преданность, ея болѣзненная раздражительность — производятъ только сладостное шекотаніе нервовъ.

Я эгоистъ — это говорили мнѣ съ дѣтства, и это я самъ давно знаю; но въ безчисленныхъ извѣтвленіяхъ моего эгоизма можно, просто, растеряться. Увѣренъ только, что мнѣ самому было-бы очень-хорошо, когда-бы другіе въ отношеніи ко мнѣ были бы такими-же, какъ я, эгоистами; самъ до послѣдней степени раздражительности тонкій, я вѣрю вполне и въ чужую раздражительность: знаю, по-крайней-мѣрѣ, что никогда, ни одного стра-

дающаго брата не оскорбилъ я грубымъ невѣріемъ въ нравственное страданіе.

И между-тѣмъ, не было ни одного человѣка, который-бы въ отношеніи ко мнѣ былъ такъ терпѣливъ, какъ я ко многимъ. Впрочемъ и то сказать, развѣ я могъ когда-нибудь высказаться? То, что я высказывалъ, принимало всегда какой-то нелѣпый, недѣйствительный образъ, въ который нельзя повѣрить, въ который я самъ не вѣрилъ.

Мы страдаемъ, страдаемъ страшно и бесплодно, жизнью словъ, жизнью воображенія переживаемъ мы все, что дѣйствительность можетъ дать — и вносимъ въ нее одну скуку и утомленіе, потому-что знаемъ наизусть все, что она можетъ дать, и потомъ, разумѣется, видимъ эту дѣйствительность, какъ-будто ся вина, что безумными снами, внутреннимъ развратомъ истощили мы все жизненные соки. Мы жалуемся на безсиліе воли, и жалобы эти основательны, если хочешь: по замѣчанію одного знакомаго мнѣ медика, все болѣзни нашего времени происходятъ, по преимуществу, отъ разстройства нервовъ.... Но это вовсе не *Fatum*, лежащее на нашемъ вѣкѣ: въ томъ, что «надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда» виновать не вѣкъ, но мы сами. Воля-то есть въ насъ, — по крѣпкія жилы этаго лука мы натягиваемъ для того, чтобы стрѣлять въ воздухъ.

И таково, между-тѣмъ, состояніе современнаго общества, и тѣмъ лучше, что оно таково: я радъ душевно, когда услышу, что гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ нашей неизмѣримой родины таится глубокое безотрадное страданіе — потому-что оно-то для меня и признакъ воли.

Но дѣло въ томъ, что мы все страдаемъ, потому-что все лжемъ сами на себя. Было время, когда міръ во злѣ лежалъ — теперь онъ лежитъ во лжи. Ибо ложь не зло, вовсе не зло, напротивъ, ложь есть сознаніе добра, сознаніе истины, страданіе по сознаваемой истинѣ, страданіе о томъ, что эта истина только сознается, а не выполняется. И потому-что истина невыполнен-

ная, а только сознанная, есть одно разрушеніе стараго предразсудка, духъ жи — духъ разрушенья. Само-собою, вступая въ дѣйствительность съ предвкушеніемъ будущаго, мы вносимъ въ настоящее одно страданіе и скуку.... И эту скуку мы боимся назвать ея собственнымъ именемъ, и зовемъ ее безслѣмъ воли. Оно и понятно пожалуй: не много найдется личностей, которыя-бы смѣло сказали: «вотъ это я пережилъ, вотъ это для меня старо», когда имъ кажется, что для другихъ, для большинства, это вовсе не старо; но много-ли найдешь ты такихъ, которые-бы не страдали болѣе или менѣе старостію тяготѣющихъ надъ ними понятій?... Человѣческой личности не одной, это я скажу смѣло.... А назвать вещи ихъ собственнымъ именемъ какъ-то страшно... Возьмемъ, на-примѣръ, хотя ту-же молодость. Тó, что называли молодостью наши отцы и дѣды — для насъ это прошло въ восемнадцать, девятнадцать лѣтъ; а дѣйствовать въ двадцать, какъ подобаеъ мужу и человѣку, для насъ неуказное время.... А силы есть, стало-быть, есть и потребность напрягать ихъ.... Точно также неуказное время запрещало намъ въ пятнадцать лѣтъ жить жизнью юноши, и мы переживали эту жизнь только снами. Да! мы лжемъ, страшно лжемъ на самихъ-себя, мы сами создаемъ себѣ страданія... На насъ тяготѣютъ еще готовыя данныя прошедшаго, и за этими данными, мы вѣчно осуждены тщетно искать самихъ себя, своихъ собственныхъ понятій долга и нравственности, своего собственнаго возрѣнія на жизнь. Каждый изъ насъ — актеръ, который славно играетъ извѣстную роль, но никогда не забудеть, что эта роль принята имъ на себя добровольно. Каждый изъ насъ обманываетъ самъ себя, обманываетъ даже въ минуты самозабвенія, обманываетъ потому, что предвидѣлъ это самозабвеніе, что искалъ самозабвенія, сна, а не жизни.

Но, что за различіе между сномъ и жизнью? Сонъ, особенно у человѣка напряженнаго и нервически разстроенаго — жизнь, создаваемая имъ самимъ, жизнь, въ которой ему свѣтло и привольно, потому-что ея явленія совершаются по законамъ его мысли.

Что за дѣло, что эта жизнь — обманъ для другихъ. Обманъ, обманъ! Истина для всѣхъ — часто обманъ для одного, и если хотя уже для одного она обманъ, можно быть увѣреннымъ, что будетъ время, когда она разоблачится для многихъ... Обманъ! — но развѣ не обманъ всякая перспектива, раскладывающаяся передъ нами подъ сіяніемъ полнаго мѣсяца и дарящая насъ минутами примиренія и молитвы, минутами, когда на душѣ свѣтло и

свободно.... Истина — здѣсь въ одной только цѣлости, въ одной стройности и разумности сопоставленія предметовъ: подойди ближе, и предметы, отдѣльно взятые, тебя разочаруютъ.

Я давно уже не ищу истины, а ищу счастья, въ чемъ-бы оно ни было.

Жаль одного только, по поводу чего я и написалъ это длинное оправданіе обмана, что другіе не хотятъ согласиться со мною. Сказать правду — эта женщина начинаетъ меня мучить. Слезы и вѣчно слезы — о чемъ, ужъ этого я, просто, не понимаю, или, лучше сказать, не хочу понимать. Не доставало одного только, чтобы она мучила меня ревностью. Вѣроятно, ужъ слѣдуетъ непремѣнно, чтобы любовь была съ ревностью: нѣтъ повода, — что-же за дѣло? Надобно его создать, а то какъ же можно обойтись безъ ревности?... Но очень-любопытно узнать, къ кому она меня ревнуетъ?

Разныя драматическія положенія меня наконецъ бьютъ. Дай Богъ и безъ страстей-то прожить, слыхалъ я часто отъ одного почтеннаго человѣка, а это еще со страстями. Влюбилась, перелюбилась — и Господи! прибавлялъ онъ всегда, обыкновенно поднимая руки къверху. Вѣдь есть-же наслажденіе мучить себя небывальми призраками!

Вчера я игралъ въ преферансъ съ ея мужемъ и еще съ однимъ, кажется, чиновникомъ-же — впрочемъ Богъ его вѣдаетъ, на лбу не написано... Она сидѣла подлѣ мужа, смотрѣла ему въ карты и указывала, съ чего ходить. Я проигрывалъ по обыкновенію.... Одинъ разъ ему удалось оставить меня безъ-трехъ въ червяхъ. Онъ такъ самодовольно открылъ въ эту минуту свою серебряную табакерку, такъ весело прищелкнулъ ее съ боку, что я смотрѣлъ на него съ истиннымъ наслажденіемъ.

— Каково мнѣ счастье-то везетъ Арсеніи Федорычъ, сказалъ онъ, опрокинувшись на спинку кресель и подмигнувши лѣвымъ глазомъ на жену.

— Вы правы, счастье съ вами, отвѣчалъ я, не давая замѣтить, что понялъ его намекъ. Но всегда-ли?

— А вотъ посмотримъ — всегда-ли? возразилъ онъ съ самоувѣ-

ренною улыбкою и взялъ, какъ-будто не парочно, руку жены, лежащую на ручкѣ его кресель.

— Сомнительно, сказалъ я съ особенною разстановкою. Восемь въ червяхъ!

Она отошла быстро.

— Вы смѣтаете надо мною, прошептала она съ первическою дрожью, когда черезъ полчаса, я подошелъ, къ ея рабочему столу.

— Это что еще?... И я съ величайшимъ равнодушіемъ закурилъ сигару надъ ея лампой и отошелъ опять къ карточному столу.

Удивительно-глупая, но и удивительно-добрая, въ-самомъ-дѣлѣ, натура ея мужа. Онъ съ нею все еще какъ на другой день свадьбы. И между-тѣмъ, что-же дѣлать, когда мнѣ это очень-забавно, забавно до того, что изъ удовольствія послушать его восторги, я не щажу даже этой женщины.... Когда онъ, полузажмурясь, начинаетъ мнѣ въ сотый разъ рассказывать о своемъ сватовствѣ — и доходить до самаго эффектнаго мѣста, до того когда столоначальникъ, разбранивши его за неподшивку дѣла, говорилъ ему, что онъ хуже медвѣдя и что гдѣ онъ нашелъ такую дуру, которая-бы за него пошла — и потомъ съ такимъ наивнымъ и простодушнымъ смѣхомъ спрашиваетъ, дура-ли у него Ольга Петровна? и я съ ледянымъ вниманіемъ слушаю этотъ рассказъ... она.... Но что мнѣ за дѣло? Она лучше, во стократъ лучше, когда страдаетъ чѣмъ-бы-то ни было: — я забываю тогда, что она чиновница, забываю, что она безъ ума отъ повѣсти «Фрегатъ Надежда», — я люблю ее въ эти минуты. Страданіе — апотеоза женщины, хотя, разумѣется, есть степень этой апотеозы. Кстати о страданіи. Я зналъ одну женщину, для которой страданіе было стихіею. Помню ее, какъ теперь, высокую и стройную, съ долгимъ, болѣзненнымъ взглядомъ, съ первическою, но вѣчною улыбкою на тонкихъ, и блѣдныхъ устахъ, съ страннымъ смѣхомъ, какъ будто ее щекоталъ кто-нибудь. Я не былъ влюбленъ въ нее, и этому удивляюсь до-сихъ-поръ, но говорить съ нею было для меня потребностію, но я отдалъ-бы много, чтобы говорить съ нею опять. Она была осуждена жить въ патриархальномъ семействѣ, она была осуждена любить своего мужа, потому-что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ порядочный человекъ, но за это осужденіе наперстывала она такимъ глубокимъ, такимъ самосозпательно гордымъ страданіемъ, что холодному наблюдателю могла-бы показаться неправою. И въ-самомъ-дѣлѣ, ей, любимой до поклоненія всей семьей мужа, ей, вѣрной женѣ, образцовой матери — стоило-бы сказать одно слово, чтобы уни-

чтожить разомъ все патріархальныя обычаи, отъ которыхъ ее охватывала судорожный трепеть, все долги пытки однообразно-нелѣпаго и добросовѣстно-однообразнаго образа жизни, отъ котораго она таяла такъ замѣтно, и она никогда не сказала этого слова, и она умерла гордая тѣмъ, что не сказала этого слова. Есть натуры, до такой степени нѣжныя, что быть не понятыми одинъ разъ въ жизни для нихъ страшнѣе въ тысячу разъ длиннаго, томительнаго страданія.... Они до того особы эти натуры, что имъ самимъ странна ихъ особенность, что онѣ сами знаютъ, какъ все ихъ требованія отъ жизни несогласны съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей.... Онѣ тонки до такой степени, что ихъ раздражаютъ вещи,—вовсе для другихъ незначительныя и очень-хорошо знаютъ это; что имъ говорить съ людьми, которыхъ оскорбить можетъ развѣ только пощечина, потому-что она фактъ и фактъ несомнѣнный?

Не таково, разумѣется, страданіе Ольги.... Эта женщина вовсе не исключеніе, а скорѣе общее правило нашего быта, жертва нашего нелѣпаго воспитанія, жертва идеализма азбучныхъ правилъ и мечтательности. Ей воображалось когда-то, что цѣль жизни любовь, что бракъ слѣдствіе любви. Съ 16-ти лѣтъ она мечтала объ идеалѣ, и, къ несчастію, этотъ идеалъ явился къ ней въ особѣ живописца-генія, съ общою принадлежностію нашихъ доморощенныхъ гениевъ, т. е. съ проклятіемъ людямъ и съ разгуломъ жизни, который, какъ извѣстно, составляетъ необходимость всякой широкой души. Измѣривши, по возможности, всю неизмѣримую пустоту этого идеала, убѣдившись, что идеалы такого рода негодны даже на то, чтобы быть мужьями, — она ударилась въ крайность. Ей нуженъ былъ человекъ, а къ-несчастію попались на пути жизни — такъ-называемый — гений, а потомъ животное, чрезвычайно-доброе, но до-крайности глупое.

V.

СКВЕРНОЕ УТРО.

Виталичъ проснулся рано въ утро послѣ представленія, хотя заснулъ только въ пять часовъ. Онъ помнилъ, что долженъ пи-

сать статью въ одинъ журналъ, и что эта статья пужна черезъ два дня.

По обыкновенію, онъ спросилъ дѣвочку, припешую ему два чайника, не былъ-ли кто у него вчера.

— Та, отвѣчала, что былъ кто-то и даже фамилію сказывалъ, но фамилію она забыла, а помнить только, что столоначальникъ.

Отъ слова «столоначальникъ» Виталина всегда подиралъ морозъ по-кожѣ. Надобно сказать, что онъ служилъ когда-то, и именно въ ту эпоху, когда расквитавшись на-всегда съ софистическою жизнью, бросился искать положительной дѣятельности, и думалъ пайти ее въ службѣ. Но или понятія его о положительности были слишкомъ-странны, или, просто, онъ былъ вовсе ни къ-чему негоденъ, только ему, что называется, не повезло. Онъ работалъ усердно, особенно сначала, но искалъ всегда Богъ знаетъ чего, и какъ-то не мирился съ мыслию, что дѣло не въ дѣлѣ, а въ очисткѣ бумагъ. Притомъ-же онъ никакъ не могъ привыкнуть къ тонкостямъ и различіямъ, которыя должны быть соблюдаемы въ сношеніяхъ съ разными классами.

Однимъ-словомъ, былъ-ли онъ виноватъ или нѣтъ, но онъ бросилъ и службу, какъ бросилъ софистику, и съ-этхъ-поръ, при словѣ «столоначальникъ», предъ нимъ предстала всегда печальный образъ, съ длиною, страшно-длинною физиономіей, съ мыслию объ отношеніи и нагоняѣ, или о нагоняѣ и объ отношеніи.

По этому, читателю не покажется страннымъ, что неприятное чувство стѣснило его грудь при этомъ словѣ, и что онъ продумалъ довольно-долго, какой-бы это столоначальникъ вздумалъ сдѣлать ему визитъ, и притомъ поздно вечеромъ.

Наконецъ, онъ провелъ рукою по-лбу, какъ будто желая смахнуть упорно-засѣвшую мысль и сталъ писать.

Не прошло получаса, какъ у дверей его послышались шаги и шарканье резиновыми калошами.

Онъ обернулся съ невольною досадою, но при видѣ отворившейся двери и показавшагося лица, его физиогномія приняла обыкновенно-спокойное и даже привѣтливое выраженіе.

Вшедшій былъ челоѣкъ средняго роста, съ сгорбившею наружностію, съ волосами, остриженными чрезвычайно-гладко, и съ глазами, которые безпрестанно, казалось, бѣгали и искали чего-то.

— А! здравствуйте, мой любезнѣйшій Червеповъ, обратился къ нему Виталинъ.

— Здравствуйте.... Ну, что, какъ вы? А? говорилъ приходившій, не переставая искать глазами.

— Вы у меня вчера были? спросилъ Виталинъ.

— Я? нѣтъ. А кто у васъ вчера былъ? былъ кто-нибудь? спросилъ Червеновъ, какъ-будто забывая, что Виталинъ спрашивалъ, не зная, кто у него былъ.

— То-то, не знаю, отвѣчалъ Виталинъ. Ну что, какъ вы?

— Я? да что, ничего, говорилъ Червеновъ, садясь на порожній стулъ. Скверно на свѣтѣ жить.

— Старая истина!

— Вамъ, батюшка, хорошо—вы литераторъ, продолжалъ Червеновъ, и въ его словахъ отзывалась ѣдкая, желающая разсердить прощія....

Но разсердить Виталина было вообще почти-невозможно.

— Вчера былъ въ канцеляріи Г**, началъ опять Червеновъ: и говорилъ, что вы ему должны; должны вы ему?

— Да, отвѣчалъ Виталинъ: а давно-ли онъ былъ?

— На-дняхъ.

— Я ему отослалъ долгъ вчера.

— А! отослали.... Были вы въ субботу въ Михайловскомъ? отъ-чего вы не бываете въ Михайловскомъ?

— Въ это время все денегъ не было, отвѣчалъ Виталинъ.

— А въ Александринскомъ бываете? Нѣтъ, продолжалъ Червеновъ, очень-громко, и какъ-бы сердясь: вы не бываете въ Михайловскомъ потому, что вы человѣкъ выше другихъ людей, что вамъ это кажется *trou comhin*.

— Вы не въ-духѣ сегодня, вы больны, мой милый Червеновъ, отвѣчалъ ему Виталинъ, спокойно и улыбаясь.

— Прощайте однако, сказалъ, вставая Червеновъ.

— Куда вы?

— Миѣ пора, я къ вамъ только на-минуту.

Виталинъ дружески протянулъ ему руку.

Онъ ушелъ.

Виталину стало странно-грустно. Ясно, что этотъ человѣкъ искалъ въ немъ какого-нибудь большого мѣста, но Виталину было грустно не отъ этого. Истощенное, больно лицо Червенова, безсвязныя рѣчи, желтый цвѣтъ кожи, все говорило, что этотъ человѣкъ боленъ нравственно и физически. Онъ давно былъ знакомъ съ нимъ, и никогда не могъ, подобно другимъ бросить въ него камень. Онъ видалъ его, когда внѣшнія обстоятельства были для него хороши, и видалъ его тогда инымъ. Эта больная по-

дозрительность, слѣдствіе самоуниженія, слѣдствіе потери вѣры въ собственное достоинство — могла скорѣе заставить плакать, чѣмъ разсердить. Червеновъ былъ уменъ, не тѣмъ умомъ, который пріобрѣтается, но умомъ врожденнымъ, т. е. чрезвычайно рѣдкимъ умомъ, и между-тѣмъ, онъ могъ даже сомнѣваться въ въ этомъ умѣ, унижать себя до того, чтобы въ другомъ умномъ человѣкѣ отыскивать презрѣніе къ себѣ, — но не смотря на это, Виталинъ не въ силахъ былъ отречься отъ него. Вина-ли была этотъ человѣкъ, что въ его природѣ лежала склонность импонировать, что онъ падалъ подъ бременемъ обстоятельствъ и также-бы легко всталъ при другихъ условіяхъ? Азбучная истина, что несчастіе дѣлаетъ человѣка лучшимъ, справедлива только въ-отношеніи къ ограниченнымъ и пошлымъ личностямъ.

Посѣщеніе Червенова произвело на Арсенія скверное впечатлѣніе; онъ на-силу могъ опять начать писать.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь опять закричала, и въ нее выглянуло лицо съ рыжею бородакою клиномъ.

Виталинъ обернулся....

— Что тебѣ? закричалъ онъ съ досадою, узнавъ хозяина своей квартиры.

— Да, какъ-же-съ? Вы обѣщали вчера еще, проговорилъ тотъ.

— Завтра, отвѣчалъ Виталинъ рѣшительно, и захлопнулъ дверь.

Но непосредственно за этимъ онъ одѣлся, собралъ лежавшія на столѣ бумаги, положилъ ихъ въ карманъ своего пальто, заперъ комнату и ушелъ, взявши ключъ съ собою.

VI.

ВООБРАЖАЕМЫЙ ЖУРНАЛЪ, РЕДАКТОРЪ ЕГО И СОТРУДНИКИ.

Недѣли черезъ полторы послѣ описаннаго нами утра, извѣстный уже намъ Искорскій, тщетно проискавши Виталина по всѣмъ заведеніямъ, которыя, сколько зналъ онъ, любилъ посѣ-

щать сей послѣдній, и только-что возвратясь, измученный, прозябшій и проголодавшійся, изъ послѣдняго, отчаяннаго путешествія въ 17-ю линію Васильевскаго-острова, — вошелъ въ свою комнату, съ фizioноміей вдвое болѣе сжатой противъ обыкновеннаго, и заперши ключомъ дверь изнутри, сбросилъ съ досадою свое синее пальто и въ видимомъ волненіи кинулся на диванъ.

Привязанъ-ли былъ онъ слишкомъ къ Арсенію и находя въ его безумствахъ оправданіе собственныхъ, любилъ въ немъ самыя недостатки, — или обстоятельства слишкомъ связали его жизнь съ жизнью Виталина, но дѣлю въ томъ, что даже въ эту минуту не могъ онъ сердиться на него серьезно; онъ понималъ слишкомъ-хорошо, что если Виталинъ теперь не у него, значить Виталинъ не можетъ, не въ силахъ дѣлать что-нибудь, не можетъ потому, что ему лѣнь, а лѣнь — такъ принимали они оба — всегда невольна, всегда слѣдствіе болѣзни. Итакъ, онъ не сердился на него въ эту минуту, но ему было досадно за него, досадно то, что въ это время, по вѣсѣмъ его расчетамъ, Виталинъ успѣлъ уже создать десять новыхъ легендъ о себѣ, въ умѣ квартирныхъ хозяекъ своихъ пріятелей, надѣлать бездну долговъ и разсказать, по слабости характера и по неограниченному самолюбію, много будущно-возможнаго за настоящее дѣйствительное. Притомъ-же хозяинъ Виталина до того надоѣлъ ему своими жалобами, что онъ не могъ равнодушно его видѣть.

По коридору, ведущему въ его комнату, слышались чьи-то шаги. Искорскій поспѣшилъ затануть, по-возможности, самое дыханіе.

— Искорскій, раздался за дверью знакомый голосъ: это я, — отвори.

Искорскій поспѣшилъ встать и отпереть.

Вошелъ Виталинъ.

Онъ былъ блѣденъ; на его лицѣ видно было болѣзненное утомленіе, его глаза были странно-мутны.

— Откуда ты? былъ первый вопросъ Искорскаго.

— Мало-ли откуда, отвѣчалъ Виталинъ разсѣянно, садясь на противоположный диванъ.

— Ты обѣдалъ? спросилъ опять Искорскій.

— Да.

— Гдѣ?

— Тамъ.... у одного знакомаго.

— Да вздоръ, не обѣдалъ..

— Когда я тебѣ говорю, что обѣдалъ....

— Гдѣ ты былъ полторы недѣли?

— А что? меня искали?

— Хозяинъ надоѣлъ, просто.

— Нѣтъ-ли писемъ?

Искорскій вынулъ изъ ящика стола одно маленькое письмо, запечатанное черной печатью.

Виталинъ молча взялъ его, распечаталъ и, пробѣжавши, положилъ въ карманъ.

— Только? спросилъ онъ холодно.

— Только.

— Послѣ-завтра идетъ моя драма, началъ Виталинъ. Получивши деньги, я уѣзжаю тотчасъ-же изъ Петербурга.

— Куда?

— Въ Сибирь.

Виталинъ подалъ Искорскому съ этимъ словомъ письмо, которое тотъ пробѣжалъ тотчасъ-же.

— Безуміе! сказалъ Искорскій, отдавая письмо назадъ.

— Не думаю.

— А я знаю, продолжалъ тотъ: а я вижу отсюда, что изъ всего этого будетъ. Дѣло конченное и рѣшеное, что ты не въ-стояніи еще успокоиться.

— Я?... а пора-бы! отвѣчалъ Виталинъ съ горькою улыбкою. О нѣтъ, сказалъ онъ: вонъ, вонъ отсюда, поскорѣе вонъ отсюда. Чего мнѣ ждать теперь? Да и глупъ я былъ, когда ждалъ чего-нибудь прежде!.. Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ останется только скучать.

— Что за отчаяніе?

— Что за отчаяніе? хорошъ вопросъ! Да неужели тебѣ самому все это не надоѣло? Чего ждать? все одного — страданія.

— Да развѣ не вездѣ одно и тоже, по-крайней-мѣрѣ, для тебя и для меня?

— Говорю тебѣ: тамъ мнѣ будетъ полная свобода скучать и хандрить.

— О старомъ вздорѣ?

— Хотя-бы и о немъ.

— Славная цѣль однако! Но тише, прибавилъ Искорскій: сюда идутъ.

Въ корридорѣ снова послышались шаги и, казалось, двухъ человѣкъ.... Вскорѣ за дверью раздался рѣзкій и повелительный голосъ: «Это я, отворяйте!»

— Редакторъ, прошепталъ Искорскій, и губы его сардониче-

ски сжался на минуту. Онъ подошелъ къ двери и повернулъ ключъ.

Въ комнату вошли два человѣка.

Одинъ изъ нихъ обладалъ наружностію, которую я назову вопиющею, потому что не умью иначе назвать ее, да и потому еще, что привыкъ на все смотрѣть черезъ призму табели о рагахъ. Онъ былъ еще очень-молодъ, и по всѣмъ признакамъ страшно недоволенъ своею молодостію; блѣднымъ и слабымъ, совершенно фипскимъ очертаніямъ его лица сообщали выразительность только усы, воздѣлываемые съ безконечною любовью. Движенія его были рѣзки и каждое изъ нихъ, казалось, говорило: «каковъ я, а?..» Онъ часто пристукивалъ каблуками, что впрочемъ за недостаткомъ шпоръ не производило желаемого эффекта. На его лицѣ вѣчно сіяла улыбка неизмѣннаго самодовольствія; его рѣчь была чрезвычайно-рѣзка и черезъ три слова приправлялась постоянно выраженіями никогда невиданными печати.

Другому господину, вошедшему съ нимъ вмѣстѣ, было, казалось, лѣтъ поды пятьдесятъ. Онъ былъ довольно-полонъ и невысокъ ростомъ; его нѣсколько-лысая голова, его полное и круглое, даже нѣсколько распухшее лицо, носъ красный къ оконечности, высказывали его натуру съ перваго раза: никогда, можетъ-быть, вы не вспомнили-бы такъ ясно Шекспирова Фальстафа, какъ при взглядѣ на этого человѣка. Его припрыгиванья, такъ несообразныя съ лѣтами, его претензіи на свѣтскость и изобиліе — и вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтній костюмъ въ половинѣ зимы, — все это представилось-бы вамъ чрезвычайно-комическимъ, хотя при болѣе долгомъ наблюденіи, едва-ли-бы смѣхъ вашъ не замѣнился глубокимъ, болѣзненнымъ состраданіемъ. И не одно то только поразило-бы васъ грустію, что этотъ человѣкъ не вынесъ ничего изъ своей долгой жизни, кромѣ безпутства и претензіи на свѣтскость... нѣтъ! взглянувъ на него пристальнѣе, вы увидели-бы въ немъ искру еще не совсѣмъ заглохшаго ума и, можетъ-быть, еще человѣческаго страданія... И въ самыхъ претензіяхъ его на свѣтскость и изобиліе, проглянуло-бы вамъ, можетъ-быть, сознаніе ложности положенія, хотя это сознаніе и приняло, отъ безхарактерности, чудовищную форму. Отношенія его къ первому описанному нами лицу, съ перваго взгляда казались слишкомъ-унизительными; видно было, что онъ самъ понимаетъ это униженіе, что онъ презираетъ того, передъ кѣмъ онъ унижается, — но что искушеніе хорошаго обѣда сильнѣе въ немъ мысли о человѣческомъ достоинствѣ.

— Ну что? начал молодой человек, только-что успѣвши войти и стукнувши правую ногою: вѣдь я говорилъ вамъ, что онъ меня надуетъ? Вопросъ относился къ Искорскому, а слово онъ — къ Фальстафу. А! Виталинъ, здравствуйте, продолжалъ онъ, протягивая два пальца правой руки, съ аристократическою претензіею.

— Здравствуйте, баронъ, — ну что вы съ журналомъ? сказалъ тотъ.

— Я вамъ говорю — надумъ, подлець... Ты не обижайся, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фальстафу — вѣдь мы здѣсь все свои.... К** и покупать не думалъ.

— Ну, что-жь К**, ну, что-жь мнѣ К**?... заговорилъ самсுவѣренно и скороговоркою Фальстафъ.. Я и знать-то его не хочу, твоего К**. Да, вотъ Костоѣдовъ.... вѣдь ты знаешь, я, братецъ, у него всякій день обѣдаю, трюфели, братецъ, вчера были такіе... ну и того, знаешь.... Вотъ я ему и говорю: купи братецъ журналъ? Да, что Костоѣдовъ? я самъ братецъ, у тебя куплю; хочешь пять тысячъ? хочешь, а? хочешь?

— Полно, братецъ, вздоръ врать, отвѣчалъ баронъ съ презрительною улыбкою.

— Вздоръ, я — вздоръ?... Оно надобно сказать правду — ты забываешься, мы съ тобой друзья, по правду-таки все надобно сказать; да и что-же у тебя за журналъ безъ меня будетъ?... А ужъ пять тысячъ найду, да вотъ хоть сей часъ, поѣдемъ къ Костоѣдову.

— Да, я не возьму пяти тысячъ, отвѣчалъ баронъ, впрочемъ уже не презрительнымъ тономъ.

— Не возьмешь, а отъ чего не возьмешь? Кто-жь тебѣ дастъ пять тысячъ?

— Да, я самъ буду издавать, самъ, самъ, говорилъ баронъ, и всталъ посредищѣ комнаты въ гордомъ сознаніи своего величія... Ну, что-жь такое, продолжалъ онъ, приправивши рѣчь и пристукувъ каблукомъ, — одну книжку выдамъ, а тамъ и помпнай какъ звали! Сказавши это, онъ повернулся на каблукахъ и ставши въ воинственную позицію, взглянулъ на всѣхъ съ такою наглою самоувѣренностію, которая невольно какъ-то напоминала: «Женитесь на мнѣ, я буду сидѣть вотъ какъ» одного изъ лицъ Гоголевскаго Невскаго проспекта... Тутъ было столько нахальнаго безстыдства, что оно привело-бы въ изумленіе ужаса.

— Нѣтъ — оно, что-жь одну книжку, началъ Фальстафъ.... ты только продай; ну, вотъ къ Костоѣдову поѣдемъ, сей часъ поѣдемъ.

— Да, поѣдемъ, знаю я, поѣдемъ! отвѣчалъ редакторъ — въ трактиръ?...

— Ну, да потомъ-то къ Костоѣдову, сказалъ, нимало не смущаясь, Фальстафъ.

— Да что, говорилъ редакторъ: ужъ знаю, что ничего не будетъ.... Выдамъ первую книжку, выдамъ да и баста — да и съ мошенника-то сдеру! непременно сдеру! «Мошенникъ» было у редактора техническое названіе книгопродавца, котораго обмануть ему не удалось, потому-что тотъ во-время успѣлъ отказать отъ контракта съ нимъ, и заплатилъ ему неустойку, кажется рублей тридцать серебромъ, воспользовавшись крайнимъ желаніемъ редактора купить галетухъ съ чудовищно-огромными цвѣтами, и крайнею невозможностию удовлетворить это желаніе.

Редакторъ нѣсколько разъ прошелся по комнатамъ въ сильномъ волненіи; потомъ остановился противъ своего Фальстафа и сказалъ ему рѣшительнымъ тономъ: — Ну, поѣдемъ.

Величественно кивнулъ онъ головою двумъ нашимъ пріятелямъ, и замаршировалъ къ дверямъ. Фальстафъ въ два прыжка очутился подлѣ него, сказавши напередъ Искорскому: Ну, что онъ безъ меня! Меня всѣ знаютъ... мои ученые труды.... вотъ и Костоѣдовъ говоритъ всегда: вы профессоръ, собаку съѣли!...

По выходѣ ихъ, двое нашихъ пріятелей грустно взглянули другъ на друга. Виталинъ молча склонилъ голову на столъ, Искорскій раскрылъ книгу, лежавшую подлѣ него на столѣ, долго, казалось, разсѣянно перебиралъ ея листы, и потомъ тихо, но съ особеннымъ благоговѣніемъ прочелъ:

Lasst fahren hin das Allzflüchtige,
 Sie sucht bei ihm vergeblich Rath;
 In dem Vergangnem liegt das Tüchtige,
 Verewigt sich's in schöner That.

Книга, единственная книга, которая уцѣлѣла у него, среди всѣхъ превратностей его бродячей жизни, была—сочиненіе Гёте.

Виталинъ поднялъ голову.

— Да! началъ онъ послѣ долгаго безмолвія, да, долго мучила меня эта мысль, или лучше сказать, этотъ кругъ мышленія, и было время, когда всѣмъ и каждому готовъ я былъ сказать: «Оставьте скоро-преходящее». — Но это время прошло. Бываютъ и теперь минуты, когда я готовъ этому повѣрить, но недолго... Жребій брошенъ!... жить и умереть съ массами....

— Т. е. съ редакторомъ и ему подобными, грустно-иронически замѣтилъ Искорскій.

— Хотя-бы съ ними, хотя-бы за нихъ!

— Бѣдный, бѣдный, тихо говорилъ тотъ.... Страшное, безумное, сознательное ослѣпленіе!...

Виталинъ всталъ и надѣлъ пальто.

— Куда ты? спросилъ его Искорскій.

— Прощай — мнѣ пора въ театръ.

Онъ вышелъ.

VII.

ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

... Занавѣсъ упалъ подь громъ рукоплесканій.... И едва только успѣли опустить его, какъ начались неистовые клики: «Склонскую, Склонскую!» Занавѣсъ поднялся опять и она вышла, но на лицѣ ея выражалось скорѣе утомленіе, чѣмъ удовольствіе, и она, казалось, не обратила ни малѣйшаго вниманія на усилія одного изъ своихъ обожателей, который, стоя у самой рампы, продолжалъ еще ревѣть въ блаженномъ самозабвеніи.

«Автора» — раздались новые клики.

Въ директорской ложѣ показался Виталинъ. Въ немъ незамѣтно было нимальшей переменны: то-же холодное, неподвижное выраженіе физиономіи, та-же апатія во всѣхъ движеніяхъ.

Да и что ему было до этихъ вызововъ? Развѣ не зналъ онъ еще прежде начала представленія, что его вызовутъ вовсе не за то, чему онъ придавалъ значеніе въ своей драмѣ, — и что между-тѣмъ его непременно вызовутъ, потому-что таковъ ужъ обычай. Спокойно и гордо покорился онъ своей участи — и не терзали его ни рукоплесканія фразамъ въ его піесѣ, ни выполненіе ея, о которомъ, въ отношеніи къ артистамъ можно, было сказать: «Словечка въ простотѣ не скажутъ,— все съ ужимкой». Одна Склонская была вѣрна его наставленію — и онъ нѣсколько разъ забывался подь звуки ея голоса....

Вышедши изъ директорской ложи, онъ отправился въ кофейную. Идти туда было ему скучно и даже, просто, гадко, но онъ далъ слово и не могъ не сдержать его.

Тамъ его ждали уже редакторъ и много другихъ господъ, въ числѣ которыхъ были и Фальстафъ, и господинъ съ гнусной физиономіею и нѣсколько юношей-литераторовъ. Все это было уже пьяно: осиплые голоса, красныя лица, безтолковый крикъ — все это напоминало Walpurgisnacht... И все это стремилось къ Виталину съ крѣпкими объятіями и сочными поцѣлуями, отъ которыхъ онъ не могъ увернуться. Чуждый этому шабашу вѣдьмъ, онъ однако попалъ въ его очарованный кругъ и Богъ знаетъ, когда-бы изъ него вышелъ, если-бы капельднеръ не подошелъ къ нему и не сказалъ. «Наталья Васильевна ждетъ васъ въ каретѣ:» Онъ раскланялся съ пріятелями и пошелъ за капельднеромъ: въ слѣдъ ему раздались хриплыя восклицанія.

Склонская, въ самомъ-дѣлѣ, ждала его въ каретѣ, потому-что онъ далъ ей слово быть съ нею въ маскарадѣ. Въ этотъ вечеръ она была такъ хороша, какъ, можетъ-быть, никогда не бывала: къ ней шли какъ-то усталость и утомленіе, — они разливали по всему существу ея обаятельную нѣгу. Близна ея плечъ и шея казалась еще чище отъ чорнаго бархатнаго платья; грудь ея сладострастно колыбалась и просилась какъ-будто наружу изъ подъ узкаго корсета, глаза блестѣли влагою, дыханіе было жарко и прерывисто...

Виталинъ сѣлъ подлѣ нея — и карета поѣхала.

Долго они оба молчали.

Въ окно кареты глядѣлся съ правой стороны полный январскій мѣсяцъ. Ночь была холодна — но чудно-прозрачна...

Арсеній погружился въ самого-себя. О чемъ онъ думалъ — о настоящемъ или о прошедшемъ? Думаемъ, что о послѣднемъ, потому-что есть странное сродство между прошедшимъ и луною. Быть-можетъ, представляла ему иная пора, иная лунная ночь, по лѣтняя, теплая, обаятельная. И тогда также смотрѣлся въ карету мѣсяцъ, но смотрѣлся съ лѣвой стороны, и было ему грустно и страшно, что онъ смотрѣлся съ лѣвой стороны, грустно и страшно не за себя... о нѣтъ!...

— Арсеній! слышался подлѣ него прерывистый, сладострастный лепетъ, и вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ на своей щекѣ прикосновеніе локоновъ, ароматическое и жгучее прикосновеніе и жаркое дыханіе пахнуло на него...

О! это дыханіе перенесло его подъ южное, пламенное небо, — онъ забылъ все, кромѣ этого южнаго неба... Еще минута, еще ближе къ устамъ его это дыханіе; лихорадочный трепетъ, томительно-блаженный трепетъ пробѣжалъ по немъ... Еще минута

и уста его впились въ другія уста долгимъ, бесконечно-долгимъ, удушительнымъ поцѣлуемъ....

И какъ-будто опаленная страшною, мужескою силою этого поцѣлуя, Склонская съ усиленіемъ оторвалась отъ его устъ и упала головою на его грудь, почти безъ чувствъ и безъ дыханія.

А опъ!... опъ очулся снова, и снова серебряные лучи мѣсяца защекотали ему сердце, и снова объяла его нестерпимая, большая тоска....

Но вотъ опять посыпались огненные частые поцѣлуи, опять безумнымъ трепетомъ пробудилось чувство жизни и понялъ опъ, что бессильно надъ нимъ прошедшее, что много еще силъ лежитъ въ его природѣ, что много еще новаго, вѣчно новаго ждетъ его въ грядущемъ....

Карета катилась тихо: то замирая, то пробуждаясь, слышался въ ней таинственный лепетъ

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

СЕР А Ф И М А Д А Ф А Р А
Дайте мнѣ уединенье —
Удалите отъ людей,
Отъ житейскаго волненья,
Отъ тревоги и страстей!

Я хочу духовной жизни,
Чтобы неба благодать —
Края свѣтлаго отчизны —
Могъ душою постигать;

Чтобы съ вѣрой въ Провидѣнье
Я любовь соединилъ —
И надеждою сомнѣнья
Поборолъ и замѣнилъ;

Чтобы демонъ искустель
Удалился отъ души,
Чтобы Ангель — мой хранитель —
Съ ней бесѣдовалъ въ тиши;

Чтобъ волною вдохновенья
Жизнь катилась и рвалась;
И душа, въ-замѣнъ сомнѣнья,
Вся въ молитвѣ излилась!

Минусинскъ.

К. КОРСАКЪ.

=

СЕРАФИМА ЛАФАЙЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Анисѣ Буржуа и Густава Лемуаня. (*)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кардиналь Ришельё (Неизвѣстный)	Г. Сосницкій.
Жоржъ Гаранъ	Г. Смирновъ 1-й.
Графъ Монжеронъ	Г. Максимовъ.
Г-вѣ Лафайль	Г. Каратыгинъ 2-й.
Басомпьеръ	Г. Толгеновъ.
Де-Терпъ	Г. Сергеевъ.
Докторъ Гено	Г. Вороновъ.
Губернаторъ	Г. Максимовъ 2-й.
Доминикъ, старый служитель Лафайль	Г. Григорьевъ.
Марсаль, его сынъ	Г. Мартыновъ.
Трактирщикъ	Г. Фальсвъ.
Дезальё, каменщикъ	Г. Калининъ.
Юге, содержатель шинка	Г. Левлевъ.
Курьеръ	Г. Разказовъ.
Придворный	Г. Леоновъ.
Серафима Лафайль	Г-жа Самойлова 2-я.
Г-жа Гаранъ	Г-жа Валберхова.
Марія Медшисъ	Г-жа Дюръ.
Марияна, служанка Гаранъ	Г-жа Сосницкая.
Дѣтя (пяти лѣтъ)	
Придворные, дамы, офицеры, стража, крестьяне и крестьянки.	

(*) Представлена въ первый разъ на Александринскомъ-Театрѣ, въ бенефисъ г на Сосницкаго, 30-го января 1845 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляет паркъ замка Лафайль. Съ правой стороны на авансценѣ каменный столъ, дѣрвовая скамейка и большое дерево; съ лѣвой простой столъ и два простыхъ стула. Съ той-же стороны, на второмъ планѣ, домъ Доминика; возлѣ дверей дома толстое дерево. Внутри театра большой рѣшетчатый заборъ, съ дверьми въ срединѣ, переѣзжающій весь театръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОМИНИКЪ (одинъ).

(При поднятіи занавѣсы чиститъ ружье; онъ съ замышльмъ безпокойствомъ безпрестанно поглядываетъ въ ворота и во-время всей сцены ходитъ взадъ и впередъ).

Она, кажется, сегодня не вернется... чуть свѣтъ, не сказавъ мнѣ ни слова, изволила отправится верхомъ и до-сихъ-поръ не возвратилась домой. Ну, если г. Лафайль пріѣдетъ и спроситъ у меня: гдѣ его дочь? Что я ему скажу! Нѣтъ, я слишкомъ слабъ съ нею... Она дѣлаетъ изъ меня все, что хочетъ... впрочемъ мое къ ней пристрастіе извинительно, вѣдь я второй ея отецъ... Г.

Лафайль, президентъ суда, живетъ безвыгбдно въ Парижѣ; Серафима и своей матери не знала; кормилица ея, моя бѣдная жена, также скончалась; стало-быть, у нея остался одинъ старый Доминикъ, чтобы любить и баловать её; грѣшно признаться, а, кажется, я люблю Серафиму больше своего роднаго сына; бѣдный Марсиаль.. я упряталъ его въ военную службу, а онъ не охотникъ до пороху; но что-жь дѣлать... привыкнетъ; я нарочно послалъ его теперь на осаду Рошеля, недалеко отсюда, поугагать господъ Гугенотовъ... какъ пугалъ ихъ отецъ его... (*съ гордостію*) и можетъ-быть, въ эту самую минуту онъ идетъ на приступъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

МАРСИАЛЬ, входя съ лѣвой стороны, и доминикъ.

МАРСИАЛЬ (*слезая съ лошака*). Нѣтъ, папá!

ДОМИНИКЪ. Какъ! что? Это ты?

МАРСИАЛЬ. Да, я, своей особой; обнимите-же меня. (*Доминикъ обнимаетъ его*) Теперь моя очередь. (*Хочетъ его поцѣловать*).

ДОМИНИКЪ (*останавливая его*). погоди... какъ, сынъ мой! Ты здѣсь, тогда, какъ наши дерутся въ Рошелъ?

МАРСИАЛЬ. Потому-то именно я и здѣсь, что въ Рошелъ дерутся; помилуйте, папа, вѣдь не могу-же я любить военную службу отъ того только, что вы были солдатомъ? Я чувствую, что не созданъ для нея; какъ добрый сынъ я вамъ повиновался, старался сколько могъ привыкнуть къ пушечнымъ, ружейнымъ выстрѣламъ, и прочимъ военнымъ эволюціямъ; но что-жь дѣлать, до-сихъ-поръ не могъ.

ДОМИНИКЪ. Ну, хорошо... что-жь дальше?

МАРСИАЛЬ. Дальше?.. я всё-таки не могъ привыкнуть, впрочемъ не я виноватъ, а моя комплекція.. я слишкомъ раздражителенъ.

ДОМИНИКЪ. Ты раздражителенъ?.. Да что ты мелешь?

МАРСИАЛЬ. Нѣтъ, я не мелю, папá, а говорю правду; мнѣ это растолковалъ одинъ умный и учоный человекъ; вотъ видите-ли: когда я вижу опасность, у меня сердце такъ и рвется броситься на нее; но раздражительность тотчасъ-же подкоситъ ноги; въ эту минуту вся сила здѣсь... (*показываетъ на сердце*), а онъ ни съ мѣста. (*Показываетъ на ноги*).

доминикъ *(съ презрѣніемъ)*. Трусь! Трусь!

марсиаль *(удивленный)*. Трусь!.. я!.. Фи, папá!.. развѣ вашъ сынъ можетъ-быть трусомъ? Ровно три раза я пробовалъ отправляться съ своими товарищами на приступъ; сердце такъ и рвалось за ними, оно, просто, летѣло; но ноги подкосились и я остался на мѣстѣ... И такъ-какъ я былъ волонтеромъ въ королевской арміи, то я воспользовался своимъ правомъ и пришелъ сюда.

доминикъ *(съ злостію)*. Ты бѣжалъ, несчастный?!

марсиаль. Нѣтъ, папá, я не такъ глупъ, чтобы рѣшился бѣжать, но я просто воспользовался случаемъ.

доминикъ. И у тебя достанетъ духу оставаться здѣсь, пока будутъ брать Рошель?

марсиаль. Достанетъ, папá; да не беспокойтесь: еще Рошель не скоро возьмутъ.

доминикъ. Ты почему это знаешь?

марсиаль. По милости моего чудеснаго слуха, котораго никто не подозрѣваетъ; и такъ-какъ я гораздо-чаще бывалъ въ военной квартирѣ, чѣмъ на мѣстѣ сраженія, то всегда, отъ пѣчего дѣлать, подслушивалъ разговоры нашихъ начальниковъ. Надо вамъ сказать, что у насъ тѣмá командировъ и всякой командуетъ по своему, на-разладъ, г. де-Гизъ, г. Басомпьеръ, г. Марсильянь... всѣ друзья королевы и враги кардинала... а такъ-какъ кардиналъ хочетъ непремѣнно завоевать Рошель, такъ они не хотятъ... и нарочно, на зло ему, стараются, всячески стараются продлить войну.

доминикъ. Да за что жъ это? Вѣдь кардиналъ, кажется, великій человѣкъ.

марсиаль. Да, онъ хитеръ! онъ ихъ всѣхъ проведетъ. Знаете-ли, какую онъ одинъ разъ удралъ штуку? Попровѣдай онъ, что они нарочно всё путаютъ, онъ и вздумалъ самъ ихъ пораспутать, да разъ ранѣхонько утромъ явился самъ въ лагерь, въ кирасѣ, въ шлемѣ, со шпагою въ рукѣ.

доминикъ *(смѣясь)*. Какъ! Кардиналъ?

марсиаль *(смѣясь)*. Надо было видѣть его въ этомъ нарядѣ... Разумѣется, сначала всѣ захохотали; да онъ такъ посмотрѣлъ, что въ одно мгновеніе у всѣхъ вытянулись лица... чортъ знаетъ, что у него за взглядъ!.. я до-сихъ-поръ не могу къ нему выкинуть.

доминикъ *(съ нетерпѣніемъ)*. Да скажешь-ли ты мнѣ, какимъ-образомъ ты ушелъ изъ лагеря?

марсиаль. Сейчасъ, папá, сейчасъ; сегодня поутру г. Басомпьеръ

ерь пріѣхалъ въ квартиру, поговорилъ что-то по секрету съ нашимъ зымъ капитаномъ, графомъ Монжерономъ, который такъ часто саживалъ меня подъ-арестъ... Тотъ указалъ пальцемъ на меня — и г. Басомпьеръ подошелъ ко мнѣ. Послушай, пріятель, ты, кажется, изъ предмѣстья Сентъ-Андре? — Точно такъ, г. капитанъ. — Вѣдь одна только большая дорога ведетъ къ Аббатству Сентъ-Андре? — Одна, капитанъ, если нѣтъ разлива воды, то есть, когда не прорвана плотина Гальяка. — Такъ какъ нынѣшнюю ночь плотина прорвалась, то проводи моихъ трехъ товарищей проселочной дорогой до Аббатства Сентъ-Андре. — Слушаю, капитанъ. И черезъ часъ мы отправились, я, и мои трое товарищей въ маскахъ.

доминикъ. Въ маскахъ.

марсаль. Да, въ маскахъ; вѣрно, для того, чтобы не видали ихъ лицъ; — но вообрази-же наше удивленіе: дорога, которую мы ожидали найти покрытою водою, сухохонька... ни капли воды. Они, вѣроятно, ошиблись... тутъ мои товарищи остановились... и, какъ кажется, имъ было очень-досадно... потому что они начали между-собою шептаться, а я, какъ будто не обращая на нихъ вниманія, сталъ считать на небѣ звѣзды, а самъ все прислушиваюсь къ ихъ разговору. Наводненіе сегодня опоздало, нечего дѣлать, надо отправится къ плотинѣ, и отправилсь, оставивъ меня одного, а я подумалъ: отправлюсь-ка я повидаться съ отцомъ и съ сестрицей Серафимой, и явился сюда.

доминикъ (*задумавшись*). Это странно!

марсаль. Да, странно; — однако-жъ, дайте мнѣ позавтракать.

доминикъ. Нѣтъ, прежде сбѣгай въ замокъ, узнай, возвратилась-ли Серафима съ своей прогулки? Это меня ужасно-безпокоитъ.

марсаль. Еще бѣжать.

доминикъ. Мы послѣ вмѣстѣ позавтракаемъ.

марсаль. Хорошо-же; запасайте больше провизіи, батюшка, я такъ голоденъ, что готовъ съѣсть цѣлаго быка.

(*Уходитъ на-право*).

доминикъ. До-сихъ-поръ не возвратиться!... Ужъ я-же ее поужрю... вѣдь знаетъ, что сегодня г. Лафайль долженъ пріѣхать; ну, да если, въ-самомъ-дѣлѣ, плотина Гальяка...

ЯВЛЕНИЕ III.

ДОМИНИКЪ, МАРСИАЛЬ, ПОТОМЪ СЕРАФИМА (сз амазонскомъ
п. лать).

МАРСИАЛЬ (возвращаясь). Вотъ она! вотъ она!

ДОМИНИКЪ (сз радостію). Серафима!

МАРСИАЛЬ. Она мнѣ издали поклонилась.... Чтѣ это? она поворотила лошадь въ-сторону; ахъ! она хочетъ перескочить черезъ барьеръ.

ДОМИНИКЪ. Какъ! еще новая глупость!

(Бѣжитъ сз глубину театра)

СЕРАФИМА (сз хлыстомъ и книгою въ рукахъ). Я знала, что она перескакнетъ. Здравствуй, Марсіаль.

ДОМИНИКЪ (ворча). Перескочила черезъ барьеръ... прекрасный подвигъ! вѣтреница, сумасшедшая!... готова изъ одной шалости, изъ каприза, голову себѣ сломать.

СЕРАФИМА (ласково). Ну, полно ворчать, добрый Доминикъ; я тебя увѣряю, что не было ни малѣйшей опасности,—я это доказала.

ДОМИНИКЪ. Такъ, ты права.

СЕРАФИМА. Разумѣется, я права.

ДОМИНИКЪ. А я виноватъ? Ну такъ... у насъ всегда этимъ кончается.

МАРСИАЛЬ. Чтѣ-жъ, батюшка, надѣюсь, что теперь можно приниматься за завтракъ? Я чувствую, что приеутствие сестрицы удваиваетъ мой аппетитъ.

ДОМИНИКЪ. Да и мой, кажется, возвратило.

МАРСИАЛЬ. Да здравствуетъ король!!! Бѣгу за завтракомъ.

(Уходитъ сз домъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ДОМИНИКЪ, СЕРАФИМА, ПОТОМЪ МАРСИАЛЬ.

СЕРАФИМА (падаетъ на скамью, утирая сз лица потъ платкомъ). Ахъ, какъ я устала!

доминикъ. Ну, есть-ли тутъ здравый смыслъ — уставать до такой степени!... Вотъ и скажутъ, прекрасная Серафима Лифайль... Прекрасная!... посмотримъ, долго-ли будутъ называть тебя прекрасною.... если ты будешь продолжать свои глупости!

СЕРАФИМА. Какъ хорошо ты сегодня проповѣдуешь.

ДОМИНИКЪ (съ сердцемъ). Да скажи, ради Бога, гдѣ ты была до-сихъ-поръ?

СЕРАФИМА (съ задумчивостію). Я и сама не знаю, какъ это случилось; я такъ зачталась, что и не чувствовала, какъ забхала такъ далеко.... задумалась.... замечталась....

ДОМИНИКЪ (подвигаясь къ ней — съ ироническою улыбкою). А о комъ?

СЕРАФИМА (сильясь). О тебѣ.

ДОМИНИКЪ. Нѣтъ, о комъ нибудь другомъ?

СЕРАФИМА. О батюшкѣ!.... онъ сегодня пріѣдетъ.

ДОМИНИКЪ. А! ты меня не понимаешь.... (Въ-сторону). Она никогда не сознается.... никогда.

(Во-время этой сцены, Марсіаль принесъ завтракъ, сплъ къ столу и подвязалъ вокругъ шеи салфетку).

ДОМИНИКЪ. А шарфъ, что ты вчера вышивала.... тоже для меня, или для твоего батюшки?

СЕРАФИМА (улыбаясь). Не думаю.

ДОМИНИКЪ. Ну, такъ для Марсіала?

МАРСІАЛЬ. Шарфъ для меня?!... А! сестрица, я не ожидалъ отъ васъ такого млага вниманія!

ДОМИНИКЪ (вглянувъ на него). Да что ты тамъ дѣлаешь?

МАРСІАЛЬ (съ полнымъ ртомъ). Дожидаюсь васъ, батюшка.

ДОМИНИКЪ. Хорошо ты дожидаешься!... (тихо Серафимъ). Хочешь, я тебѣ скажу, кому былъ-бы очень-кѣ-лицу твой шарфъ? Это... одному человѣку, который живетъ въ башнѣ Гараць... (Серафима вздрагиваетъ) Поймалъ! (Идетъ къ столу, потирая руки).

МАРСІАЛЬ (услышавъ послѣднія слова). Г. Гаранъ! этотъ славный молодой человѣкъ, который живетъ съ своей матерью, недалеко отсюда, въ старомъ замкѣ. Я его хорошо знаю.... развѣ вы съ нимъ знакомы, батюшка?

ДОМИНИКЪ. Да, мы съ нимъ познакомились по милости твоей молочной сестры, которая безъ него сломила-бы себѣ шею.

МАРСІАЛЬ. Какъ-такъ! Разскажите мнѣ.

ДОМИНИКЪ (сурово). Очень-просто; она, по своему обыкновенію, скакала безъ памяти; еще одну секунду не подоспѣй г. Гаранъ, проклятая лошадь Серафимы вмѣстѣ съ нею упала-бы въ про-

насть. Въ эту минуту у меня потемнѣло въ глазахъ. Я началъ искать заряженный пистолетъ въ арчакѣ моего сѣдла, но такъ растерялся, что не могъ найти его; къ-счастью не я одинъ видѣлъ эту опасность. Г. Гаранъ быстрѣе молніи бросается къ ней, сворачиваетъ въ-сторону лошадь, падаетъ вмѣстѣ съ нею, не выпуская изъ рукъ поводьевъ, и этимъ только спасъ Серафиму.

МАРСІАЛЪ. Каково! Вотъ храбрый-то молодой человекъ!

ДОМИНИКЪ. Весь въ своего отца, моего стараго капитана: тотъ не боялся ни стрѣлъ, ни ружей. Охъ, чортъ побери! мое сердце радуется, когда я смотрю на Жоржа: онъ такъ живо напоминаетъ мнѣ отца своего, его лицо, его благородное сердце, и его молодецкій ростъ.

МАРСІАЛЪ. Ну, сестрица, вы должны полюбить его; если-бъ мнѣ кто-нибудь спасъ жизнь, да я-бы, просто, боготворилъ его.

ДОМИНИКЪ. Нѣтъ, она къ нему неблагодарна!

СЕРАФИМА (*сидя, съ принужденною холодностію*). Да, кажется, г. Гаранъ не очень хлопочетъ о моей благодарности, потому-что послѣ этого онъ ни разу не показывался въ нашемъ замкѣ.

ДОМИНИКЪ (*вставая, пока Марсіалъ убираетъ застракѣ*). Это потому только, что онъ слишкомъ скроменъ, можетъ-быть, немножко дѣкъ... немножко застѣнчивъ... что-жъ дѣлать, онъ былъ такъ воспитанъ. (*Садясь подль Серафимы*). Но вѣдь этихъ медвѣдей очень-легко сдѣлать ручными.

СЕРАФИМА (*положивъ голову на плечо Доминика*). Ну что-жъ, займись имъ; сдѣлай его ручнымъ.

ДОМИНИКЪ. О! это не наше дѣло! Правда, онъ очень-любезенъ со мною всегда, какъ встрѣтитя. — Здравствуй, добрый Доминикъ... мой добрый Доминикъ!.. Да вѣдь я знаю, что всё это значить; меня не проведешь... и увѣренъ, что съ другими онъ былъ-бы еще любезнѣе, на-примѣръ, съ женщиной!.. Вотъ если-бъ ты хотѣла!... А! какъ ты думаешь? Скажи-ка мнѣ правду... мнѣ... твоему старому Доминику.. А?.. (*Онъ съ трудомъ поворачивается, потому-что Серафима лежитъ на его плечѣ*) Да она, кажется, заснула; это еще новое средство, чтобы не отвѣчать на мои вопросы... Охъ! эти женщины!.. вѣдь кажутся такими ангелами, такими добренькими, когда только спятъ; а особливо эта, вѣдь посмотрѣть на нее точно ангель, а въ душѣ чертенокъ!

СЕРАФИМА (*открываетъ глаза*). Благодарствуй! (*Опять закрываетъ глаза*).

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРСИАЛЬ, ДОМИНИКЪ И СЕРАФИМА (заснувшая на плечь Доминика).

МАРСИАЛЬ (выбывая из дома, бьжтитъ въ глубину театра). Батюшка! батюшка!

ДОМИНИКЪ (машетъ рукою). Тише! не кричи!

МАРСИАЛЬ. Я хочу вамъ сказать...

ДОМИНИКЪ. Тише, говорятъ тебѣ, развѣ ты не видишь, что она спитъ.

МАРСИАЛЬ (тихо). А! я не видалъ... (Крича) Ну, такъ ее надобно разбудить.

ДОМИНИКЪ (тихо, махая рукою). Дуралей!

МАРСИАЛЬ (показывая рукою въ лѣвую сторону). Да вѣдь я издала въ окошко узналъ г-на Лафайль, который идетъ сюда пѣшкомъ по проселочной дорогѣ.

СЕРАФИМА (вскакивая). Батюшка!

ДОМИНИКЪ. Она притворялась!

МАРСИАЛЬ. Стало-быть, плотина Гальяка прорвалась.

СЕРАФИМА (идя въ глубину сцены). Боже мой! Побѣжимъ!.. батюшка!..

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЛАФАЙЛЬ, ЛАФАЙЛЬ И ЖОРЖЪ, (Лафайль входитъ съ лѣвой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ зади его входитъ Жоржъ, останавливается въ дверяхъ забора и отдаетъ ружье своему челоуьку, который тотчасъ-же уходитъ).

ЛАФАЙЛЬ. Дочь моя! Серафима!

СЕРАФИМА (бросаясь въ его объятія). Слава Богу! я такъ боялась!..

ЛАФАЙЛЬ (входитъ на сцену). Плотина Гальяка... не правда-ли? (Жоржъ входитъ на сцену) Но, вотъ молодой челоуькъ, который охотился въ этой сторонѣ и былъ такъ добръ, что предупредилъ меня... Здравствуй, Доминикъ! Здравствуйте, друзья мои!

СЕРАФИМА (представляя Жоржа). Батюшка! г. Гаранъ, о которомъ я вамъ писала...

ЛАФАЙЛЬ. Какъ, сударь, это вы? Вы, спаситель моей дочери?

СЕРАФИМА (спокойно). Я до-сихъ-поръ не имѣла случая поблагодарить г-на Гарана, потому-что еще въ первый разъ вижу его въ нашемъ замкѣ.

ДОМИНИКЪ (съ живостію). Но мы надѣмся, что не послѣдній!

ЛАФАЙЛЬ (съ благосклонностію). Доминикъ правъ, сударь! Я васъ прошу съ этой минуты считать нашъ домъ своимъ. Я желаю, чтобы во-время пребыванія моего въ Лафайль кругомъ меня были всѣ друзья мои, которымъ хочу сообщить свои намѣренія. (Доминику) Я выдаю за-мужъ мою Серафиму.

ЖОРЖЪ (въ-сторону). Боже! что я слышу!

ЛАФАЙЛЬ (Серафимѣ). Или лучше сказать, хочу ей предложить партію, которая во-всѣхъ отношеніяхъ кажется мнѣ ея достойна.

СЕРАФИМА (въ-сторону). Боже!

ДОМИНИКЪ (въ-сторону). Хорошо-же радость привезъ онъ намъ! (Отходитъ къ Марсіалу въ глубину театра).

ЖОРЖЪ (въ-сторону). Нечего больше дожидаться! (Громко, съ спокойнымъ видомъ) Г. Лафайль! прежде, чѣмъ я рѣшусь отвѣчать вамъ, на ваше лестное для меня предложеніе, позвольте мнѣ объяснитьсь съ вами и вашей дочерю.

ЛАФАЙЛЬ. Съ удовольствіемъ, сударь... мы къ вашимъ услугамъ.

ДОМИНИКЪ (въ-сторону, потирая руки). Хорошо! хорошо! наконецъ рѣшился!.. (Марсіалу) Пойдемъ! помоги мнѣ прибрать все въ замкѣ. (Доминикъ и Марсіалъ уходятъ въ правую сторону).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ЖОРЖЪ, ЛАФАЙЛЬ И СЕРАФИМА.

ЛАФАЙЛЬ. Что вамъ угодно, сударь?

СЕРАФИМА (въ-сторону). Что-то онъ скажетъ!

ЖОРЖЪ. Вы, можетъ-быть, найдете, что я слишкомъ высоко простираю свои желанія; но прежде, чѣмъ я рѣшусь объяснить вамъ мою просьбу, позвольте мнѣ дать вамъ нѣкоторое понятіе о моемъ положеніи. Я дворянинъ, сынъ храбраго воина, времени короля Генриха.

лафайль. Имя г-на Гаранъ мнѣ давно извѣстно, и я всегда удивлялся, что не встрѣчалъ при дворѣ наслѣдника этого знаменитаго имени.

жоржъ. Когда отецъ мой лишился своего августѣйшаго покровителя, короля Генриха, онъ слишкомъ предался своей горести, и потомъ, когда явился къ новому государю съ длинной бородой, съ тяжелой шпагой и кожанымъ темлякомъ, насмѣшки придворныхъ не были остановлены взглядомъ Людовика XIII-го, который чрезвычайно холодно принималъ г. Гарана. Отецъ мой, отходя, уронилъ кожаную перчатку и задѣлъ ею за атласный башмакъ короля. Одинъ изъ придворныхъ бросился поднимать ее и сказалъ моему отцу: «Вы чуть не раздавили ногу его величеству своей перчаткой!» Придворные начали отпущать разные насмѣшки на счетъ стараго солдата. — Ваше величество! — сказалъ гордо отецъ мой: — вашъ батюшка, когда удостоивалъ меня своимъ разговоромъ, всегда начиналъ съ того, что прогонялъ шутовъ своихъ; а теперь, кажется, моя очередь, — я долженъ уступить имъ мѣсто. — Съ тѣхъ-поръ г. Гаранъ удалился въ свои маленькія владѣнія въ здѣшней провинціи, и рѣшась не являться больше ко двору, посвятилъ всю жизнь своему сыну. Онъ не могъ дать мнѣ блестящаго свѣтскаго воспитанія, но сдѣлалъ изъ меня честнаго и откровеннаго человѣка, научилъ владѣть ружьемъ и шпагою; мнѣ только 25 лѣтъ, я храбръ и могу достигнуть почестей, чиповъ, если вы удостоите отдать мнѣ руку вашей дочери.

лафайль (съ удивленіемъ). Руку моей дочери?!

серафима (съ-стороны). Мое сердце не ошиблось.

лафайль. Г. Гаранъ! откровенность за откровенность. — Разумѣется, вашъ батюшка поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить честный и благородный человѣкъ; но онъ, конечно, не предвидѣлъ, что удаленіе его отъ двора должно повредить будущности его сына и лишить его блестящей карьеры. — Дочь моя со-временемъ будетъ чрезвычайно-богата!.. (*Жоржъ дѣлаетъ движеніе*) О! я увѣренъ, что вы не ищите ея богатства; по я уже старъ, здоровье мое слабѣетъ; ей скоро нужна будетъ опора въ мужъ, который-бы могъ охранять и защищать ее, особливо въ теперешнее время. Графъ Монжеронъ проситъ у меня ея руку, и я пригласилъ его пріѣхать въ Лафайль на нѣсколько дней; сегодня я его ожидаю. Онъ — капитанъ гвардіи королевы, а вы... (*съ нерышительностію*) вы имѣете только шпагу.

жоржъ (съ горестію). Ваша правда, сударь.

СЕРАФИМА (скоро). Но кто умѣетъ владѣть ею, какъ г. Гаранъ, тому можно всего надѣяться.

ЖОРЖЪ (въ-сторону). Что я слышу!

ДОМИНИКЪ (входл). Г. Лафайль! сей часъ въ замокъ прѣѣхалъ курьеръ, съ извѣстіемъ, что черезъ два часа будетъ сюда графъ Монжеронъ. (Становится подлѣ Серафимы).

ЖОРЖЪ (въ-сторону). Графъ Монжеронъ!

СЕРАФИМА (въ-сторону). Боже!

ЛАФАЙЛЬ. Хорошо, Доминикъ! (Жоржу) Г. Гаранъ! я вамъ обязанъ спасеніемъ жизни моей дочери, мнѣ-бы хотѣлось доказать вамъ на-дѣлѣ мою благодарность.

ЖОРЖЪ. Я прошу у васъ одной милости... отсрочки... въ Рошелѣ дерутся... я бѣгу туда; Монжеронъ капитанъ гвардіи, говорите вы; черезъ три мѣсяца я буду или убитъ, или капитанъ гвардіи.

ДОМИНИКЪ (въ-сторону). Bravo! хорошо сказано!

ЛАФАЙЛЬ. Но это безразсудное предпріятіе, на которое я не могу согласиться.

ЖОРЖЪ. Я на него рѣшился; позвольте мнѣ испытать мое счастье.

ДОМИНИКЪ. Надѣюсь, что ужъ въ этомъ-то нельзя ему отказать.

ЛАФАЙЛЬ. Дочь моя! рѣшай сама!

ДОМИНИКЪ (въ-сторону). Послушаемъ, что-то она скажетъ!! (Слушаетъ со вниманіемъ).

СЕРАФИМА. Батюшка! мы такъ много обязаны г-ну Гаранъ, что несправедливо и неблагородно было-бы съ нашей стороны не воспользоваться единственнымъ случаемъ, который онъ намъ предлагаетъ, чтобы доказать ему нашу признательность.

ДОМИНИКЪ (кивнувъ головою). Нѣтъ, она никогда не сознается!

ЛАФАЙЛЬ. Хорошо, понимаю; я согласенъ на ваше предложеніе молодой человѣкъ, поѣзжайте. Господь не отвергнетъ молитвъ нашихъ о успѣхѣ вашего предпріятія. —

(Молчаніе).

ДОМИНИКЪ (въ-сторону). Что онъ это? неужли они ужъ простились. —

Г. Лафайль протягиваетъ руку Жоржу, который жметъ ее съ чувствомъ; потомъ Жоржъ подходитъ къ Серафимѣ, смотритъ ей въ глаза; послѣ нѣкотораго молчанія Серафима кланяется ему низко и уходитъ въ правую сторону съ отцомъ. Жоржъ отходитъ и

проводжает ихъ грустно глазами. Доминикъ въ это время подходитъ къ аванс-сцену.

доминикъ. Нѣтъ! ужь это изъ рукъ вонъ; онъ ее уводитъ, а его оставляетъ тутъ; нѣтъ, чортъ побери! въ наше время женихъ съ невѣстой такъ не разставался... Даже не пожали руки, не сказали ни слова... хоть-бы спросили: Ты меня будешь любить?... Всегда!.. Ты меня не забудешь?.. Никогда!.. Потомъ-бы поцѣловались... это-бы ихъ оживило... ему-бы придало храбрости... ей терпѣнія... Да это всякой по-себѣ посудил.. нѣтъ ужь изъ рукъ вонъ!

жоржъ (въ это время смотритъ въ слѣдъ Серафимъ). Ни одного слова... тогда какъ мой соперникъ графъ Монжеронъ долженъ сейчасъ прѣхать. (Увидя ея книгу на столѣ). Ахъ! одно средство! (Беретъ книгу и пишетъ скоро). «Сегодня вечеромъ, здѣсь.»

доминикъ (смотря на него). Бѣдный молодой человѣкъ! Мнѣ на него жалко смотрѣть.... Прощайте, г. Жоржъ; вамъ ничего не угодно мнѣ приказать?

жоржъ (съ нерышимостью). Нѣтъ, Доминикъ! эта книга принадлежитъ твоей барышнѣ... она, вѣрно, ее позабыла.

доминикъ (живо). А! такъ вы хотите, чтобъ я отдалъ ее ей?

жоржъ. Да, мой добрый Доминикъ!

доминикъ. Извольте, отдамъ, г. Жоржъ! (Въ-сторону). Понимаю.... Свиданіе!.. но и я тутъ буду; — а старикъ-то отецъ и не подозрѣваетъ ничего.... Охъ! ужь эти мнѣ старики... ничего не понимаютъ. (Уходитъ въ правую сторону. Музыка.)

жоржъ (проходитъ черезъ сцену и упадаетъ на стулъ подлѣ сельскаго стола). Любить-ли она меня? Боже мой! любить-ли она?... Можетъ-быть, она согласилась только изъ жалости и благодарности.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Въ эту минуту входитъ неизвѣстный, закутанный въ плащъ, со шпагой, въ кирасѣ, на которой виднѣнъ бѣлый крестъ. Онъ входитъ съ лѣвой стороны рѣшотки — и, увидя Жоржса, останавливается. Жоржсъ, услыша шаги, приходитъ въ себя, встаетъ, и подходитъ къ незнакомцу.

неизвѣстный. Извините меня, молодой человѣкъ. Я пробираюсь въ Аббатство Сентъ-Андре, но по большой дорогѣ нельзя

пройти, плотина прорвалась; не можете-ли вы мнѣ показать проселочную дорогу къ Аббатству? вы меня этимъ много обяжете.

ЖОРЖЬ. Съ большимъ удовольствіемъ; Аббатство очень-близко отсюда; вотъ тропинка, которая приведетъ васъ прямо къ нему.

НЕИЗВѢСНЫЙ. Благодарю васъ. Да помилуетъ васъ Богъ!

(Незнакомецъ удаляется; Жоржъ провожаетъ его глазами, потомъ подходитъ къ каменному столу).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЖОРЖЬ И МАРСИАЛЬ.

МАРСИАЛЬ (блѣдный вбѣгаетъ съ правой стороны). Ахъ! это вы г. Гаранъ!

ЖОРЖЬ. Что съ тобою?

МАРСИАЛЬ. Три человекъ, которыхъ я сегодня утромъ провожалъ изъ лагеря...

ЖОРЖЬ. Ну, что-жь?

МАРСИАЛЬ. Они меня не замѣтили; но я ихъ сей часъ видѣлъ и подслушалъ разговоръ: «Наводненіе мѣшаетъ ему придти сюда; теперь онъ отъ насъ не увернется; но ради Бога осторожиѣе, чтобы не было слѣдовъ крови; только убьемъ сейчасъ и въ воду!»

ЖОРЖЬ. Да кто?

МАРСИАЛЬ. Да я-то почему знаю? Потомъ другой прибавилъ: «Только-бы намъ не ошибиться, у него на кирасѣ бѣлый крестъ»...

ЖОРЖЬ. Бѣлый крестъ?

МАРСИАЛЬ. Ужъ у нихъ, вѣрно, не добрыя затѣи.

ЖОРЖЬ. Боже мой! сейчасъ былъ здѣсь старикъ, съ бѣлымъ крестомъ на кирасѣ. (Идетъ въ глубину театра). Онъ пошелъ по этой дорогѣ... вѣрно, его хотятъ убить; но онъ одинъ. (Въ это время слышенъ стонъ съ той стороны куда пошелъ Неизвестный). Нѣтъ никакого сомнѣнія, это онъ! Поспѣшимъ къ нему на помощь.... Марсиаль! Скорѣе, скорѣе!

МАРСИАЛЬ. - Да, вы безъ оружія!

ЖОРЖЬ. Богъ и моя смѣлость защитятъ меня. (Бѣжитъ, не слушая Марсиала).

ЯВЛЕНИЕ X.

МАРСИАЛЬ (одинъ).

Хороша твоя смѣлость безъ шпаги... да вѣдь его убьютъ!... Ахъ! если-бы не моя раздражительность!.. какъ-бы я побѣждалъ защищать его!... Да пошелъ-же, животное!.. чего ты стоишь?... Не могу, рѣшительно не могу!.. отнялись!.. совсѣмъ отнялись!.. (Показываетъ на ноги). Ахъ, ты Боже мой! звукъ оружія! ну, еще больше подкосило.... да чортъ поберни, какъ говоритъ папá, вѣдь его тамъ убьютъ одного! (Хочетъ идти къ рюшоткѣ). Ахъ! вотъ онъ! да еще ведетъ кого-то! онъ его спасъ! (Съ удивленіемъ). Каковъ молодецъ! Ну, теперь, кажется мнѣ, лучше пойду принесу чего-нибудь, чтобы подкрѣпить силы этого несчастнаго; слава Богу, теперь ему нужна такая помощь, отъ которой мои ноги не подкосятся. (Входитъ въ домъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, опираясь на жоржа, потомъ марсиаль.

жоржъ. Не ранили-ли васъ?

неизвѣстный (садится въ примѣтномъ волненіи). Нѣтъ, они меня только съ ногъ сбили; но по милости Божіей, вы, мой защитникъ, посѣли во-время.

жоржъ. Трусые, убѣжали,—и мы не могли ихъ узнать! (Идетъ къ сельскому столу, кладетъ на него шпагу, потомъ идетъ въ глубину театра).

неизвѣстный (въ-сторону). Я одного узналъ... у него во-время борьбы свалилась маска.

марсиаль (входитъ съ подносомъ, на которомъ поставленъ металлическій стаканъ). Вотъ это хорошо; выпейте, почтеннѣйшій, это васъ подкрѣпитъ.... (Вдругъ взглядываетъ въ лицо Незнакомца, вскрикиваетъ и ронлетъ стаканъ). Ахъ!

неизвѣстный (схватываетъ его за руку). Молчи!... ты меня не знаешь!...

жоржъ (возвращается). Что съ тобою, Марсиаль?

МАРСИАЛЬ. Ничего... я сказалъ: ахъ! отъ того, что уронилъ стаканъ. (*Въ-сторону*). Вотъ подкосило-то ноги... я сей часъ схожу за другимъ стаканомъ, только ужъ конечно этотъ будетъ для меня. (*Входитъ въ домъ*). —

ЯВЛЕНИЕ XII.

ЖОРЖЪ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

ЖОРЖЪ (*беретъ со стола шпагу*). Вотъ ваша шпага.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Я долженъ сознаться, что вы ею владѣете лучше меня; но я не хочу разстаться съ вами, не узнавши по-крайней-мѣрѣ, имени того, кто спасъ мнѣ жизнь съ такимъ самоотверженіемъ.

ЖОРЖЪ. Жоржъ Гаранъ. У васъ должно-быть много враговъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Да, всѣ враги Кардинала Ришельё — мои не-пріатели.

ЖОРЖЪ. Кардинала! Развѣ вы въ его службѣ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Да!

ЖОРЖЪ. И онъ имѣетъ къ вамъ довѣренность?

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Полную (*Встаетъ*).

ЖОРЖЪ (*дрожа отъ радости*). Вы говорите, что я вамъ оказалъ важную услугу... вы можете сей-часъ же заплатить мнѣ вдвойнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Говорите, что я могу для васъ сдѣлать?

ЖОРЖЪ. Въ ту минуту, когда я васъ встрѣтилъ, я собирался ѣхать въ Рошель. Не можете-ли вы меня представить Кардиналу?

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Кардиналу? чего вы отъ него хотите?

ЖОРЖЪ. Я хочу просить у него случая отличиться — или умереть!

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*смотря на него со вниманіемъ*). Умереть?

ЖОРЖЪ (*съ жаромъ*). Мнѣ осталось одно: достигнуть своей цѣли, или погибнуть.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. И вы думаете, что я могу быть вамъ полезенъ?

ЖОРЖЪ. Да, мнѣ что-то говорить, что наша встрѣча должна имѣть вліяніе на всю мою будущность; вы именно тотъ, кого я призывалъ.

неизвѣстный (*тихо и съ выраженіемъ*). А вы, тотъ — кого я искалъ.

жоржъ. Что вы хотите сказать?

неизвѣстный (*смотря на него внимательно*). Вы человекъ благородный, — вашъ поступокъ со мною доказываетъ это: вы бросились ко мнѣ на помощь безъ оружія; что вы человекъ дѣльный и хладнокровный, вы это также доказали, потому что взяли мою шпагу, и защищаете меня ею такъ храбро — для васъ было минутное дѣло. (*Съ недобривостію*). Вы не должны быть слишкомъ преданы Медицинамъ, г. Гаранъ? Какъ мнѣ, кажется, они были причиною удаленія отъ двора вашего батюшки.

жоржъ. Правда; но какъ вы это знаете?

неизвѣстный. Стало-быть, смѣло можно вамъ довѣриться?

жоржъ (*съ гордостію*). Честность Гарановъ вошла въ половицу при дворѣ.

неизвѣстный (*съ живостію*). Дайте-же мнѣ ваше слово, что все, что вы отъ меня сейчасъ услышите останется тайною между нами.

жоржъ. Даю вамъ честное слово.

неизвѣстный. Итакъ, слушайте-же. Ришельё окруженъ врагами, и самый опасѣйшій врагъ его — мать короля; Ришельё стремится къ одной цѣли — и эта цѣль есть величіе и слава Франціи; не взирая на Букингама и англійскій флотъ, онъ полагаясь взять Рошель; но если англійскій флотъ успѣетъ завладѣть маленькимъ островомъ Ре, тогда нѣтъ никакой возможности взять ее. Теперь уже этотъ островъ окруженъ англійскими кораблями; одна еще только крѣпость имъ сопротивляется; этою крѣпостію командуетъ маркизъ Туаръ и защищаетъ славно; но у него недостатокъ и въ войскѣ, и въ военныхъ снарядахъ и припасахъ. Ужъ нѣсколько разъ Ришельё пробовалъ доставлять ему все нужное... Но невозможно. Кажется, что даже воздухъ, которымъ онъ дышетъ, наполненъ измѣною! Ему стоить только что-нибудь задумать, какъ уже непріятель все знаетъ и принимаетъ свои мѣры. Однако онъ рѣшился на послѣднее средство; но чтобы привести его въ исполненіе, ему нуженъ человекъ необыкновенный, который-бы не думалъ объ опасности и не дорожилъ нисколько своею жизнію. Отецъ Жозефъ сказалъ ему, что есть одинъ человекъ въ Аббатствѣ Сентъ-Андре, которому можно довѣриться; онъ меня послалъ къ нему; но если вы рѣшаетесь занять его мѣсто, я дальше не пойду.

жоржъ. Что я долженъ дѣлать?

неизвестный. Нынѣшнюю-же ночь принять начальство корабля, который снабженъ всѣмъ, что нужно для дѣйствія; на немъ есть и рѣшительные люди, готовые приблизиться къ англійскимъ кораблямъ, поджечь ихъ, чтобы занять непріятели своимъ дѣломъ, и во-время этого безпорядка между непріятельными линиями, подъ пушечными ядрами, смѣло придти на островъ Ре; если это удастся, то счастливому побѣдителю всѣ почести, богатство, королевская милость, честь....

жоржъ (съ спокойною улыбкою). Или смерть.... не-правда-ли? я васъ хорошо понималъ.... извольте.... я согласенъ....

(Ночь).

неизвестный. Сейчасъ-же идите со мной.

жоржъ. Нѣтъ, я прошу срока до полночи.

неизвестный. Хорошо; но уже теперь темно, дайте мнѣ пожалуйста провожатаго до сосѣдней деревни, тамъ остался мой конвой.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

жоржъ, неизвестный и марсиаль.

неизвестный (увидя Марсиала). Этотъ меня узналъ; не надо его отпускать отъ себя. (Въ-слухъ). Этотъ молодецъ можетъ меня проводить?

жоржъ. Очень-можетъ.

марсиаль. Я!?! (въ-сторону). Ну, а какъ на насъ обонхъ нападутъ, кто-жъ насъ будетъ защищать?

неизвестный (Жоржу). Прощайте. До полночи. Товарищи, въ которыхъ вы будете имѣть надобность, соберутся на берегу; десять пушечныхъ выстрѣловъ дадутъ вамъ знать, что все готово.

жоржъ. Не измѣню своему слову; надѣйтесь на меня.

неизвестный. Надѣюсь. Да защититъ васъ Господь своею милостию нынѣшнюю ночь!

(Музыка).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ЖОРЖЪ, ПОТОМЪ СЕРАФИМА И ДОМИНИКЪ.

ЖОРЖЪ (*проводяся Неизвѣстнаго глазами*). О! кто-бъ ты ни былъ, благодарю тебя за перемѣну въ судьбѣ моей. Благодарю Всевышняго, что послалъ мнѣ этого человѣка! Теперь... придетъ-ли она?... какъ-бы мнѣ хотѣлось сказать ей объ моемъ счастьи. Боже мой! придетъ-ли она? мнѣ послышались шаги... кто-то идетъ.... ахъ, какъ бьется мое сердце!... (*Серафима входитъ съ правой стороны*). Вы-ли это, Серафима?

СЕРАФИМА (*съ досвѣрчивостью*). Я, Жоржъ.

ДОМИНИКЪ (*сзади Серафимы прячется за дверью*). И я тоже.

ЖОРЖЪ (*съ восторгомъ*). Вы пришли? вы меня любите?

СЕРАФИМА. Да.... я пришла. Сейчасъ приѣхалъ графъ Монжеронъ.

ЖОРЖЪ. Графъ Монжеронъ.

СЕРАФИМА. Да, Жоржъ. Я пришла сказать тебѣ: поѣзжай спокойно, я тебя люблю и, что-бы ни случилось, я никого, кромѣ тебя, любить не буду.

ЖОРЖЪ. Я тобою любимъ, Серафима! Тобою, ангеломъ, божествомъ!... О! я не смѣю вѣрить моему счастью!

СЕРАФИМА. Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Нѣтъ! вѣрю! вѣрю, и могу-ли не вѣрить тебѣ! Но знаешь-ли, что самъ Господь покровительствуетъ любви нашей? теперь, я надѣюсь получить твою руку.

СЕРАФИМА. Что ты говоришь?

ЖОРЖЪ. Что часъ тому назадъ мое положеніе совсѣмъ перемѣнилось. Я имѣлъ счастье спасти жизнь одному изъ приближенныхъ къ кардиналу, который былъ посланъ съ важнымъ и тайнымъ порученіемъ, и сегодня въ полночь я съ нимъ уѣзжаю.

СЕРАФИМА. Въ полночь!?

ЖОРЖЪ. Десять пушечныхъ выстрѣловъ, условный нашъ сигналъ къ отъѣзду. Если Богъ меня спасетъ, я возвращусь со славою, богатствомъ, почестями! Тогда — Серафима моя!... Я, навѣрно, возвращусь, не-правда-ли?

СЕРАФИМА. Да! возвратись, мой Жоржъ! возвратись!... Если же ты умрешь, я не переживу тебя!

ЖОРЖЪ. Умереть тогда, какъ я тобою любимъ! Да развѣ это

возможно? Серафима! вотъ кольцо, которое король Генрихъ пожаловалъ моему отцу; это кольцо будетъ единственнымъ подаркомъ твоего бѣднаго жениха! Дай мнѣ слово, что ты съ нимъ не разстанешься, пока не перестанешь любить меня?

СЕРАФИМА. Жоржъ! клянусь, я съ нимъ никогда не разстанусь.

ЖОРЖЪ (*съ восторгомъ*). Теперь, графъ Монжеронъ, ты мнѣ не страшенъ! Серафима меня любитъ! Серафима моя невѣста! Мы съ ней соединены самымъ Богомъ! (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ*).

СЕРАФИМА. Жоржъ! Если я умру, твой поцѣлуй воскреситъ меня.

ЖОРЖЪ Серафима! жизнь моя! (*Они забываются; слышны пушечные выстрѣлы, которые продолжаются, пока опустятъ занавѣсъ*).

ДОМИНИКЪ (*подойдя къ нимъ*). Безразсудные!

ЖОРЖЪ. Доминикъ!

ДОМИНИКЪ. Развѣ вы не слышите условеннаго сигнала? (*Они прислушиваются*). Идите, идите скорѣе! (*Онъ его тащитъ*).

СЕРАФИМА. Жоржъ! Жоржъ!

ЖОРЖЪ (*изъ глубины театра*). Серафима! до свиданья! Утѣшай мою матушку!

(*Доминикъ уводитъ Жоржа въ-правую сторону*).

СЕРАФИМА (*падаетъ на колѣны*). Жоржъ! Жоржъ!

=

ACTE II

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА 1-я

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

КАРТИНА 2-я

ЛЮБОВЬ ЗА МОГИЛОЙ.

==

Зага въ башнѣ Гарант. Въ срединѣ и по бокамъ двери. Съ правой стороны большой высокій каминъ; съ лѣвой противъ каминна портретъ Жоржа; съ той-же стороны на аван-сценѣ маленькое бюро; съ правой передъ каминомъ столъ, между столомъ и каминомъ большое кресло.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРИАННА, ПОТОМЪ МАРСИАЛЬ.

МАРИАННА (*обращаясь въ кулисы*). Слушаю, сударыня! Какъ только Жеромъ возвратится, я вамъ доложу.

(*Марсиаль входитъ изъ средней двери*).

МАРИАННА (*увидя его*). Кто это? Военный!

МАРСИАЛЬ. Да, только по платью.

МАРИАННА. Марсиаль! сынъ Доминика!

МАРСИАЛЬ. Ояъ и есть!... Ради Бога разведи огоньку Марианна!

Я, кажется, отморозилъ себѣ носъ!

МАРИАННА. Бѣдный Марсіаль! Какъ г-жа Гаранъ обрадуется тебѣ... поди, сядь къ камину, погрѣйся.

МАРСІАЛЬ (*беретъ маленькую скамейку и садится къ камину*). Я такъ перемерзъ, что готовъ въ каминъ влѣзть.

МАРИАННА (*подкладываетъ дрова*). Какъ ты переѣмился!

МАРСІАЛЬ. Похорошѣлъ, не правда-ли?

МАРИАННА (*поправляетъ дрова*). Мы слышали, что ты нынче имѣешь прекрасное мѣсто, при какомъ-то важномъ лицѣ?

МАРСІАЛЬ. Это правда,—и такъ къ нему привязанъ, что хоть-бы и хотѣлъ отвязаться, такъ не могу!

МАРИАННА. Неужели? въ какой-же должности?

МАРСІАЛЬ. Въ должности? Нѣтъ, ужъ извините, я никому не служу! — Ну, слава Богу, кажется, мой носъ оттаялъ!.. Теперь я въ состояніи рассказать тебѣ свое похождение. — Пять лѣтъ тому назадъ, я встрѣтился въ нашихъ окрестностяхъ съ однимъ знатнымъ баринномъ, который сбился съ дороги и просилъ меня проводить его. Сначала, я было передъ нимъ оробѣлъ, растерялся... да не на долго; — и въ продолженіе всей дороги, которая была довольно-длинна, я, по моему обыкновению, не переставалъ говорить; болтовня моя ему понравилась, онъ и предложилъ мнѣ жить у него въ домѣ. — Въ какой-же должности? спросилъ я у него. — Ни въ какой, цѣлый день ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно, а по вечерамъ мы будемъ съ тобою толковать.

МАРИАННА. Должность не трудна.

МАРСІАЛЬ. Разумѣется, я тотчасъ же и согласился; мы отправились съ нимъ въ Парижъ и съ-тѣхъ-самыхъ-поръ мы съ нимъ не разставались, вездѣ разѣзжали вмѣстѣ. Ну, ужъ насмотрѣлся же я на чужіе края! А вѣдь ты знаешь, что я отъ природы любопытенъ; я только въ томъ и проводилъ цѣлые дни, что бѣгалъ, смотрѣлъ, слушалъ, спрашивалъ... и по вечерамъ все подробности рассказывалъ моему благодѣтелю... да вѣдь надо видѣть, какое онъ принимаетъ во мнѣ участіе; съ какимъ вниманіемъ онъ меня спрашиваетъ: гдѣ я былъ? что видѣлъ? что слышалъ? А вѣдь у меня за рассказами дѣла не станеть; иногда до того заговорюсь, что едва могу духъ перевести; а онъ этимъ восхищается! Просто, онъ имѣетъ страсть къ моей болтовнѣ!

МАРИАННА. А теперь онъ отпустилъ тебя?

МАРСІАЛЬ. На нѣсколько минутъ; и то безъ нашего приключенія, вамъ-бы не видать меня нынѣшній годъ. Мой благодѣтель, по выѣздѣ своемъ изъ Рошели, гдѣ онъ былъ только мимоѣздомъ, приказалъ ѣхать прямо въ Блуа, не останавливаясь нигдѣ;

но только мы подъехали къ башнѣ Гаранъ, какъ у насъ переломилась ось. Я и воспользовался этимъ временемъ, пока чинять экипажъ, чтобы повидаться съ вами, и узнать объ батюшкѣ и сестрицѣ Серафимѣ, потому-что я не буду имѣть времени сбѣгать въ Лафайль. — Ну, слава Богу, теперь совсѣмъ отогрѣлся; — расскажи-же мнѣ, моя добрая Марианна, что подѣлываютъ наши?.. Ну что-же ты, кажется, точно мой благодѣтель, только слушаешь меня, а сама ничего не говоришь? Да что ты такая скучная? Что у васъ тутъ происходитъ?

МАРИАННА. Ты все сейчасъ узнаешь...

МАРСИАЛЬ. Ужъ не случилось-ли чего съ батюшкой?

МАРИАННА. Нѣтъ, слава Богу!

МАРСИАЛЬ. Такъ съ сестрицей?

МАРИАННА. Ахъ!

МАРСИАЛЬ. Я догадываюсь. Она все еще думаетъ объ Жоржѣ Гаранъ, который попался въ плѣнъ къ Англичанамъ и, вѣроятно, давно уже убитъ, потому-что теперь ровно пять лѣтъ, какъ объ немъ нѣтъ никакого слуху. Бѣдная сестра Серафима! да и мужъ-то уже настоящій чортъ! отъ него не жди отрады; — вотъ если-бы тогда она спросила моего совѣта, я-бы сказалъ ей: Не выходите за этого отвратительнаго графа Монжерона, я его очень хорошо знаю, не довѣряйтесь ему; — онъ, бывало, безпрестанно сажаетъ меня подъ-арестъ, и я увѣренъ, что онъ уморитъ васъ съ тоски.

МАРИАННА. Добрый Марсиаль, ты угадалъ.

МАРСИАЛЬ. Какъ!.. сестра Серафима?

МАРИАННА. Богъ знаетъ, что съ нею вдругъ съдѣлалось!.. Вотъ уже четвертый день, какъ она больна, и вчера утромъ была такъ слаба, что не узнала даже моей барыни. Нынѣшнюю ночь, нашъ старшій сторожъ Жоржъ отправился въ Пуатье за извѣстнымъ докторомъ Гено.

МАРСИАЛЬ. Сестрица Серафима опасно больна!.. я побѣгу въ Лафайль... что-то мой бѣдный батюшка... а мой господинъ меня дожидается... что мнѣ дѣлать? Боже мой!

МАРИАННА. Какъ долго не ѣдетъ этотъ докторъ!

МАРСИАЛЬ. Да неужели-же она такъ опасна? Кто-то идетъ на лѣстницѣ... вѣрно, докторъ...

МАРИАННА (идя на встречу). Дай-то Господи! (Дверь отворляется, входитъ графъ Монжеронъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

МОНЖЕРОНЪ, МАРИАННА И МАРСИАЛЪ.

МАРИАННА (*увидя графа*). Ахъ, графъ!

МАРСИАЛЪ. Мой капитанъ!

МОНЖЕРОНЪ (*строго Марианнѣ, не замѣчая Марсіала*). Что съ тобою, Марианна? Ты меня не узнала?

МАРИАННА. Нѣтъ... узнала ваше сіятельство!

МОНЖЕРОНЪ. Доложи обо мнѣ г-жѣ Гарапъ.

МАРИАННА. Сейчасъ доложу, ваше сіятельство! — Слава Богу, вѣрно, добрыя вѣсти, потому-что вы сами пожаловали.

МОНЖЕРОНЪ (*сурово*). Доложи объ мнѣ, говорю я! —МАРСИАЛЪ (*въ-сторону*). Все тотъ-же!.. чорный воронъ!МАРИАННА (*въ-сторону, смотря на Монжерона*). Ахъ! кажется, я напрасно обрадовалась.МАРСИАЛЪ (*подойдя къ Марианнѣ, въ полголоса*). До свиданія Марианна! я ворочусь! (*Уходитъ въ среднюю дверь. Марианна входитъ въ комнату г-жи Гарапъ съ лѣвой стороны. Въ это время Монжеронъ положилъ свою шляпу на столъ, подлѣ камина*).

ЯВЛЕНИЕ III.

МОНЖЕРОНЪ (*одинъ, очень-мрачный*).

Все кончено! Наконецъ я свободенъ! могу воспользоваться предстоящимъ счастьемъ и тѣмъ самымъ поправить мое разстроенное состояніе. — Еще осталось нѣсколько неприятныхъ часовъ, которые я долженъ провести въ Лафайль, и выпѣшнюю-же ночь уѣду изъ него, чтобы уже никогда не возвращаться. Дорогой я увижусь съ начальникомъ Кавъшицетовъ и надѣюсь поспѣть въ Пуатье, въ срокъ, назначенный мнѣ королевою. — Какъ долго нейдетъ г-жа Гарапъ; хоть мнѣ и очень-тяжело это посѣщеніе, но надо покориться благоразумію; я долженъ узнать навѣрно, какая тайна существовала между ею и Серафимою. Серафима недавно отдала ей письмо, содержаніе котораго мнѣ неизвѣстно;

кто знаетъ, можетъ-быть, это письмо можетъ разрушить всѣ мои планы и повредить моей будущности; во что-бы то ни стало, а я долженъ узнать его. — Вотъ и она.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Г-ЖА ГАРАНЬ И МОНЖЕРОНЪ.

Г-ЖА ГАРАНЬ (*входитъ быстро, изъ своей комнаты*). Ахъ, графъ! Какова Серафима?!

МОНЖЕРОНЪ (*съ притворною горестію*). Господь взялъ ее отъ насъ.

Г-ЖА ГАРАНЬ.. Боже! (*Падаетъ въ кресла, подлѣ бюро*).

МОНЖЕРОНЪ. Нынѣшнюю ночь графиня скончалась... и оставила меня одного между могилой и колыбелью дочери.

Г-ЖА ГАРАНЬ (*со слезами*). Умерла! такая молодая! красавица!

МОНЖЕРОНЪ. Какъ ни тяжело мнѣ быть вѣстникомъ этого несчастія, но я не хотѣлъ поручить его никому. Я очень-хорошо знаю привязанность вашу къ Серафимѣ и любовь ея къ вамъ; вы однѣ напоминали ей прошедшее, котораго она никогда не могла забыть. (*Съ выраженіемъ*) И вамъ она завѣщала послѣднюю свою волю.

Г-ЖА ГАРАНЬ. Что вы хотите сказать?

МОНЖЕРОНЪ. Я знаю, что во-время болѣзни графини была спрятана подъ изголовьемъ запечатанная бумага, которою она такъ дорожила, что боялась съ ней разстаться. Когда она скончалась, я не могъ найти этой бумаги... Она никому не могла ее довѣрить, кромѣ васъ.

Г-ЖА ГАРАНЬ. Она у меня, сударь! Но надѣюсь, что вы не потребуете.

МОНЖЕРОНЪ. Простите моей невѣжливости. Я до-тѣхъ-поръ не успокоюсь, пока не узнаю содержанія этого письма.

Г-ЖА ГАРАНЬ. Я дала слово покойной графинѣ, что это письмо навсегда останется въ моихъ рукахъ, потому, что оно писано къ тому, кого я оплакиваю въ продолженіе 5-ти лѣтъ и не надѣюсь никогда съ нимъ увидѣться.

МОНЖЕРОНЪ (*съ выраженіемъ*). Жоржу Гаранъ! Теперь мнѣ понятна ваша нерѣшительность. Но, можетъ-быть, въ этомъ

письмѣ заключается что-нибудь... что можетъ повредить доброму имени графини Монжеронъ.

Г-жа Гаранъ (*съ живостію отворяетъ бюро, въ большомъ волненіи ищетъ между-прочими бумагами письмо и подаетъ гордо графу*). Прочтите-же его сами, сударь... я знаю содержаніе этого письма... Серафима была невѣстою моего сына... она его любила... вы это знали. Прежде, чѣмъ она рѣшилась быть вашею женою, она вамъ все открыла. Графиня въ этомъ письмѣ прощается съ тѣмъ, кого она не переставала никогда любить — и признается, что эта несчастная страсть свела ее въ преждевременную могилу.

МОНЖЕРОНЪ (*въ-сторону*). Счастливая мысль!

Г-жа Гаранъ. Прочтите его, графъ. Теперь я сама васъ объ этомъ прошу. (*Подаетъ ему письмо съ черной печатью*).

МОНЖЕРОНЪ. Нѣтъ, сударыня!... я себя никогда не прошу, что могъ этого требовать. То, что я отъ васъ слышу, оправдываетъ мои подозрѣнія; я теперь убѣжденъ, что единственная причина внезапной смерти графини — эта несчастная страсть, которой она не могла побѣдить! — Храните это письмо! храните его! —

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ-ЖЕ И МАРИАННА (*изъ среднихъ дверей*).

МАРИАННА. Проѣзжающій, у котораго сломалась карета, просить у васъ убѣжища.

Г-жа Гаранъ. Божѣ! въ такое время!

МАРИАННА. Только на одинъ часъ, пока починяютъ его экипажъ; его привелъ сюда сынъ Доминика.

Г-жа Гаранъ. Марсіаль!

МАРСΙΑННА. Такъ точно. Что-жъ прикажете?

Г-жа Гаранъ. Какъ ни тяжело мое теперешнее положеніе, но въ башнѣ Гаранъ никогда и никому не отказывали въ пріютѣ. Присылайте сюда проѣзжающаго.

(*Маріанна уходитъ*).

МОНЖЕРОНЪ. Теперь позвольте мнѣ удалиться, сударыня! Горькая обязанность призываетъ меня въ Лафайль.

Г-ЖА ГАРАНЬ (*показывая на дверь съ правой стороны*). Эта лѣстница сократитъ вамъ путь.— Ступайте, графъ, отдайте послѣдній долгъ ангелу, за котораго, какъ въ Лафайль, такъ и здѣсь, будутъ молиться Богу. (*Монжсеронъ уходитъ. — Входитъ Марианна*). Марианна! подай мой молитвенникъ; я не лягу, буду молиться всю ночь. (*Марианна уходитъ въ лѣвую дверь*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Г-ЖА ГАРАНЬ, НЕИЗВѢСТНЫЙ, МАРСИАЛЬ, ДВОЕ СЛУГЪ *Неизвестнаго*, одинъ несетъ мѣховой плащъ, другой портфейль).

МАРСИАЛЬ (*входитъ послѣ всѣхъ*). Ваша свѣтлость! (*Неизвестный останавливаетъ его знакомъ*). Вотъ госпожа этой башни.

Г-ЖА ГАРАНЬ. Которая рада всѣмъ служить своему гостю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*кланяясь*). Благодарю васъ, сударыня, и попрошу у васъ убѣжища на одинъ только часъ. (*Марсиаль подвигаетъ большія кресла къ камину. Гаранъ садится подлѣ бюро. Марианна приноситъ молитвенникъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*сидясь*). Проклятая сторона! во всю мою жизнь только два раза прѣзжалъ ее, и оба раза не обошлось безъ приключеній.... Марсиаль, поди поторопи работниковъ, чтобы поскорѣе чинили. Гдѣ мой портфейль?

МАРСИАЛЬ (*взявъ портфейль изъ рукъ лакея*). Вотъ онъ! (*Тихо Марианнѣ*). Я теперь сбѣгаю въ Лафайль.

МАРИАННА (*съ-стороны*). Бѣдняжка! онъ еще не знаетъ... (*Тихо*). Марсиаль, пойдемъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

(*Двое слугъ, потомъ Марсиаль и Марианна уходятъ въ среднюю дверь*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*открывъ портфейль*). Вы мнѣ позволите, сударыня? эти дѣла не терпятъ отлагательства! (*Распечатываетъ пакетъ и пробѣгаетъ глазами*). «Ваша свѣтлость! Г. Монморанси «де-Ботвиль посаженъ въ Бастилю, за ослушаніе воли вашей кассательно дузей. Теперь производятъ слѣдствіе.... но говорятъ, «онъ имѣетъ сильныхъ покровителей, и полагаютъ, что долженъ «оправдаться.» Никогда! Надъ нимъ-то и надо показать примѣръ,

и никакая протекція не спасетъ его голову: она должна свалиться — и свалится. (*Распечатываетъ другой пакетъ*). «Во-время «вашего путешествія къ вновь-покореннымъ Кальвинистамъ, «ваши враги не теряли даромъ времени, и воспользовались вашимъ отсутствіемъ изъ Парижа. Предупреждаю васъ, что графъ «Монжеронъ пробудетъ только нѣсколько дней въ своемъ замкѣ «Лафайль; онъ имѣетъ важное порученіе отъ королевы; — возьмите свои мѣры противъ него: онъ вашъ смертельный врагъ! (*Съ улыбкою*). Да, мой смертельный врагъ!

Г-жа Гаранъ, которая во-время этой сцены нѣсколько разъ принималась читать, опустила книгу на колѣни и рыдаетъ.

неизвѣстный (*поворотясь къ ней*). Позвольте узнать, кому я обязанъ этимъ гостепріимствомъ.

г-жа гаранъ (*удерживая рыданіе*). Вы-бы были приняты, сударь, въ этой башнѣ съ должными почестями при жизни моего супруга, кавалера Гарана.

неизвѣстный (*быстро*). Гарана! (*Взглянувъ на портретъ Жоржа, во весь ростъ, въ костюмъ I-го акта*). Этотъ портретъ! Такъ точно, эти черты молодаго человѣка, котораго я встрѣтилъ пять лѣтъ тому назадъ....

г-жа гаранъ. Это портретъ моего сына; онъ оставилъ меня, чтобы служить королю во-время осады Рошеля.

неизвѣстный. Онъ имѣлъ самое опасное порученіе, которое исполнилъ съ удивительною храбростію. Онъ отнялъ островъ Ре отъ Англичанъ и тѣмъ самымъ завоевалъ Рошель.

г-жа гаранъ. Да, но на возвратномъ пути корабль, на которомъ былъ Жоржъ, попалъ въ плѣнь, — и вотъ уже пять лѣтъ, какъ я оплакиваю моего сына и не надѣюсь никогда съ нимъ увидѣться.

неизвѣстный (*вставая и съ живостію перелистывая свои записки*). Г-жа Гаранъ, если вашъ сынъ и погибъ, то погибъ завидною смертію! (*Прочитавъ*). Но не отчаявайтесь! я теперь благословляю случай, который привелъ меня сюда; вашъ сынъ живъ.

г-жа гаранъ (*вставая*). Онъ живъ!...

неизвѣстный. Вотъ записка, въ которой означены имена многихъ отличившихся офицеровъ и попавшихъ въ плѣнь къ Англичанамъ и которыхъ они отправили въ Индію; имя вашего сына

также въ числѣ ихъ. Ужъ около года туда отправленъ корабль отъ правительства, съ большимъ выкупомъ за плѣнныхъ; и въ эту самую минуту, можетъ-быть, приближается къ берегамъ Франціи корабль, на которомъ долженъ быть сынъ вашъ.

г-жа гаранъ. Мой сынъ! мой Жоржъ живъ! Благодарю Тебя, Царь Небесный! — Но кто-же вы, сударь? Скажите, ради Бога! Вы, какъ ангелъ утѣшитель, возвратили надежду и счастье бѣдной матери.

неизвѣстный (*улыбаясь*). Вашъ гость, сударыня, и должникъ вашего сына! (*Садится по другую сторону стола и пишетъ нѣсколько словъ карандашомъ. Слышенъ похоронный благовѣстъ. Гаранъ дрялетъ движеніе. Незвѣстный продолжаетъ писать*). У васъ въ сосѣдствѣ кто-то умеръ?

г-жа гаранъ. Ахъ! въ эту минуту спускаютъ въ могилу самую достойную, самую прекрасную женщину, графиню Монжеронъ.

неизвѣстный (*переставъ писать, обращается къ ней*). Какъ! графъ Монжеронъ былъ женатъ!

г-жа гаранъ. Уже около четырехъ лѣтъ.

неизвѣстный (*въ сторону*). Но, кажется, когда я уѣзжалъ изъ Парижа, то поговаривали всѣ о его женитьбѣ съ Децерней, фрейлиной и фавориткой королевы. (*Въ-слухъ*). Долго хворала графиня Монжеронъ?

(*Благовѣстъ перестаетъ*).

г-жа гаранъ. Нѣтъ, сударь! Хотя здоровье графини съ нѣкоторыхъ поръ было очень слабо, но никто не предвидѣлъ ни малѣйшей опасности. Ея внезапная кончина поразила всѣхъ, кто ее зналъ.

неизвѣстный (*про-себя*). Однако это странно! (*Садится опять и пишетъ что-то очень-живо*). Монжеронъ!... внезапная кончина жены... существованіе, которой не было никому извѣстно... Монжеронъ!... тщеславный!... разоренный!... и мой убійца въ Септь-Андре!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ-ЖЕ, МАРСИАЛЬ И ДВОЕ СЛУГЪ.

МАРСИАЛЬ (*рыдая*). Все готово къ отъѣзду вашей свѣтлости.

НЕИЗВѢСТНЫЙ. Хорошо. — Что съ тобою, Марсиаль?

МАРСИАЛЬ. Ваша свѣтлость! графиня Монжеронъ скончалась! Она была моя молочная сестра; позвольте мнѣ сходить въ Ла-файль, проститься съ нею и утѣшить стараго отца.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (съ особеннымъ вниманіемъ). А! графиня была твоею молочной сестрою... (Вставая послѣ нѣкотораго молчанія). Хорошо, ступай мой другъ, утѣшь своего отца; можешь остаться тамъ до-завтра, ты меня догонишь на первомъ раздѣхѣ.—Прощайте, сударыня! Надѣйтесь! надѣйтесь! (Беретъ портфель и уходитъ въ сопровожденіи Марсіала и слугъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Г-ЖА ГАРАНЪ (одна).

Г-ЖА ГАРАНЪ. Кто этотъ таинственный незнакомецъ?... онъ оставилъ что-то на столѣ? (Беретъ бумагу). Написано карандашомъ!... (Читаетъ). «Г. Гаранъ! Господь, покровительствующій Франціи, не оставитъ также ея достойныхъ сыновъ! По возвращеніи на родину вспомните вашего товарища аббатства «Сентъ-Андре»... (Говоря). Аббатство Сентъ-Андре?... Жоржъ мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ неизвѣстномъ покровителѣ, — но все равно; онъ, вѣрно, не обмануль меня! Неужели онъ захочетъ напрасно терзать надеждою сердце несчастной матери! Я увижу моего сына! моего Жоржа!... ахъ, я чувствую, что если эта послѣдняя надежда обманетъ меня.... я не переживу ея.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г-ЖА ГАРАНЪ, МАРИАННА, ПОТОМЪ ЖОРЖЪ.

МАРИАННА (вбѣгаетъ въ среднюю дверь и едва можетъ говорить). Барыня! добрая барыня!!!

Г-ЖА ГАРАНЪ. Что съ тобою, Марианна?

МАРИАННА. Я не смѣю доложить вамъ.... говорятъ, что отъ сильной радости, какъ и отъ горести, можно умереть.

Г-ЖА ГАРАНЪ (съ удивленіемъ). Отъ радости?... (Но вдругъ ополнелъ). Маріанна!

МАРИАННА. Сударыня!...

Г-ЖА ГАРАНЪ. Жоржъ!... мой сынъ!...

МАРИАННА. Онъ живъ!...

Г-ЖА ГАРАНЪ. Ты его видѣла?

МАРИАННА. Вотъ онъ самъ! (Идетъ къ средней двери).

Г-ЖА ГАРАНЪ (смотря съ слѣзъ ей). Жоржъ!

ЖОРЖЪ (снимаетъ шляпу и плащъ, бросаетъ ихъ на-полъ. Маріанна поднимаетъ). Матушка!

Г-ЖА ГАРАНЪ (обнимаетъ его, смотритъ на него и опять обнимаетъ). Это онъ! это онъ! (Въ волненіи упадаетъ на кресла, на-левой сторонѣ).

ЖОРЖЪ (бросается передъ нею на колѣни). Матушка! добрая матушка!

Г-ЖА ГАРАНЪ. Благодарю тебя Господи, что Ты мнѣ его возвратилъ! Ты видишь, Маріанна, отъ радости не умираютъ....

ЖОРЖЪ. Матушка! наконецъ я васъ вижу! Ахъ! какое счастье!

Г-ЖА ГАРАНЪ. Дай мнѣ на тебя насмотрѣться; я не вѣрю глазамъ своимъ! — Ахъ, сколько я пролила слезъ, мой Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Ахъ! я вполне раздѣлялъ вашу грусть.... но не было никакой возможности увѣдомить васъ о моемъ положеніи. Въ плѣну у Англичанъ, я былъ отправленъ въ самыя отдаленныя ихъ владѣнія, и не имѣя никакой надежды возвратиться на родину. Какъ вдругъ въ одно утро мнѣ говорятъ: Вы свободны, корабль, прѣхавшій изъ Франціи возвращается обратно и ожидаетъ только васъ, чтобы отправиться. — Я свободенъ! съ какимъ восторгомъ я цѣловалъ флагъ нашъ! мнѣ казалось, что я въ немъ вижу все милое моему сердцу: отечество!... матушку! Серафиму!...

(При этихъ словахъ Маріанна отворачивается, чтобы скрыть свои слезы. Г-жа Гаранъ содрогается, потому дѣлаетъ знакъ Маріаннѣ, чтобы она вышла).

МАРИАННА (съ-сторону). Бѣдный баринъ! онъ еще все ее любить! (Уходитъ съ-левою сторону).

ЯВЛЕНИЕ X.

Г-жа ГАРАНЬ И ЖОРЖЬ.

ЖОРЖЬ (*смотря пристально на мать*). Матушка! что съ вами? вы перемѣнились въ лицѣ! что значитъ ваша внезапная грусть, которую вы напрасно стараетесь скрыть отъ меня?

Г-жа ГАРАНЬ (*улыбаясь*). Нѣтъ, Жоржъ! Ты ошибаешься! увѣрю тебя, ты ошибаешься, мой другъ! — Рассказывай-же мнѣ про себя... про твои страданія...

ЖОРЖЬ. Они уже забыты, матушка!

Г-жа ГАРАНЬ (*вставая*). Поговоримъ о твоей будущности!... вѣдь ужъ теперь твое мѣсто не здѣсь, а въ Парижѣ, при дворѣ.

ЖОРЖЬ. Да, въ Парижѣ! при дворѣ! Я теперь имѣю титулъ, чинъ, я хочу возвратить потерянную знаменитость имени Гаранъ! Я хочу, чтобы оно было достойно ея, моей Серафимы!... Да, я достигалъ почестей, жертвовалъ собою... все для нея! (*Г-жа Гаранъ закрываетъ лицо руками*). Матушка! простите меня! не ревнуйте къ ней! Вы также не выходили ни на-минуту изъ моей памяти;—но она!... Ахъ! она моя будущность! моя любовь... моя жизнь!...

Г-жа ГАРАНЬ. Ахъ! ради Бога, замолчи, Жоржъ, замолчи!

ЖОРЖЬ. О чемъ-же вы плачете? Для чего скрываете отъ меня ваши слезы?... (*Хочетъ ее поцѣловать; она его тихонько отталкиваетъ; — онъ беретъ ея руку*). Что это? у васъ рука совсѣмъ оледенѣла!.. (*Подноситъ къ губамъ ея руку и вдругъ останавливается*). Боже мой! это кольцо!... кто вамъ далъ это кольцо?... (*Г-жа Гаранъ хочетъ вырвать у него руку, но Жоржъ не пускаетъ*).

Г-жа ГАРАНЬ (*въ-полголоса*). Серафима!

ЖОРЖЬ. Серафима! (*дрожащимъ голосомъ*). Она мнѣ поклялась никогда не разставаться съ нимъ!

Г-жа ГАРАНЬ. Серафима Ляфайль отдала мнѣ его накапунѣ своего замужества.

ЖОРЖЬ. За-мужемъ?... Она!?! Серафима?!? О, святотатство и клятвопреступленіе!...

Г-жа ГАРАНЬ. Жоржъ! не проклинай этого ангела!

ЖОРЖЬ. За-мужемъ!... (*Падаетъ въ кресла, подлѣ бюро*).

г-жа ГАРАНЬ. Выслушай меня, Жоржъ! Срокъ, назначенный тобою, на который согласился г. Лафайль, уже давно кончился; возвращеніе твое всеѣмъ казалось невозможнымъ; г. Лафайль, чувствуя приближеніе своей кончины, призвалъ Серафиму, и на смертномъ одрѣ заставилъ ее согласиться выйти за графа Монжерона, котораго блестящее положеніе въ свѣтѣ, казалось, было порукой за счастье его дочери. На другой день, какъ Серафима Лафайль отдала мнѣ это кольцо, она пошла къ олтарю, какъ обреченная жертва! И хотя, въ послѣдствіи, священная обязанность матери привязывала ее къ жизни; но казалось, она жила только въ прошедшемъ. Графъ Монжеронъ проводилъ все время въ Парижѣ, а Серафима здѣсь.... вотъ на этомъ мѣстѣ, противъ твоего портрета.... и всякой день плакала вмѣстѣ со мною.

ЖОРЖЪ (*про себя*). Невѣрная!

г-жа ГАРАНЬ. Теперь, Жоржъ, соберись съ силою.... вооружись съ твердостью....

ЖОРЖЪ (*равнодушно*). Измѣнница! Развѣ какое-нибудь несчастіе можетъ сравниться съ измѣною?

г-жа ГАРАНЬ (*съ большою осторожностію подаетъ ему письмо*). Возьми! прочитай!...

ЖОРЖЪ (*взявши отъ матери письмо, смотритъ на нее*). Это письмо?...

г-жа ГАРАНЬ. Отъ нея!

(Жоржъ смотритъ на него пристально и увидѣвъ черную печать, проходитъ черезъ сцену, распечатываетъ, начинаетъ читать, и на всякомъ словѣ останавливается.)

ЖОРЖЪ (*смотритъ на плачущую мать*). Отъ Серафимы! Читаетъ) «Жоржъ!... прости меня!... умирающій отецъ умоляетъ... и я повиновалась.... я подписала обязательство, которое разлучило насъ навсегда!.. я не имѣла на это права!... я принадлежала тебѣ; но ты простишь меня.... я умираю.... умираю отъ любви къ тебѣ.... которую хранила, какъ благо, въ моемъ сердцѣ!... Господь милосердъ! онъ возвратитъ тебя твоей матушкѣ!... твоему отечеству!.. но когда ты спросишь о Серафимѣ, ея уже не будетъ на свѣтѣ; тебя отведутъ на мою могилу!... Тогда, мой Жоржъ, помолись за душу твоей невѣсты, которая въ бреду «своемъ говорила тебѣ: Жоржъ, если-бъ я умерла, твой поцѣлуй воскресилъ-бы меня! Но увы! я умираю! а ты далеко отъ

«меня.... я умираю!... и твой поцѣлуй не воскреситъ меня!...»
(Прочитавъ, онъ стоитъ какъ окаменѣлый) Матушка! Что значить это письмо? я ничего не понимаю.... Серафима мнѣ измѣнила! — но она жива?

ГАРАНЪ. Жоржъ! приди въ себя! положишься вѣсемъ на Бога!... подумай о своей несчастной матери!...

ЖОРЖЪ. Серафима жива? отвѣчайте мнѣ!

(Музыка. Въ это время слышенъ благовѣсть.)

ЖОРЖЪ. Этотъ звонъ! Она умерла! умерла!.. сегодня!... Боже мой!.. сегодня!...

ГАРАНЪ *(обнимаетъ его)*. Жоржъ! другъ мой! вспомни ея послѣднее завѣщаніе; она тебя просила молиться за нее.

(Жоржъ въ ужасномъ волненіи проходитъ мимо матери, беретъ со стула подлѣ среднихъ дверей свой плащъ и шляпу. Гаранъ слѣдуетъ за всѣми его движеніями съ большимъ безпокойствомъ.)

ГАРАНЪ. Куда ты?

ЖОРЖЪ *(съ изступленіемъ)*. Въ Лафайль!... Развѣ вы не слышите? Серафима зоветъ меня!

(Музыка продолжается; также благовѣсть.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Ночь. Паркъ замка. Видѣнъ склепъ, на которомъ сдѣлано возвышеніе изъ плитъ. Съ правой стороны на четвертомъ планѣ деревянный мостъ, хорошей работы, переброшенный черезъ маленькую рѣчку, въ которой отражается луна, освѣщающая сцену.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРСІАЛЬ, ДЕЗАЛЬЕ, ПОТОМЪ ДОМИНИКЪ. Множество крестьянъ и крестьянокъ на колѣняхъ, около и на ступенькахъ склепа.

МАРСІАЛЬ. Добрая сестрица, Серафима! ужъ я тебя больше не

увиди!... Умерла! такая молоденькая! добренькая!... Я ни за что не рѣшусь сойти въ склепъ, лучше дождусь здѣсь окончанія этой горькой процесси, чтобы увидаться съ батюшкою.

ДЕЗАЛЬЕ. Вамъ не долго придется его ждать: вопъ ужъ выходитъ, и, кажется, увидалъ васъ, потому-что идетъ впереди всѣхъ прямо сюда.

ДОМИНИКЪ (*выходя изъ склепа-обнимаетъ Марсіала*). Марсіаль! мой бѣдный Марсіаль! ты у меня одинъ остался. (*Рыдаетъ*).

МАРСІАЛЬ. Ободритесь, батюшка! я не думалъ, что мнѣ придется когда-нибудь вамъ это говорить.

ДОМИНИКЪ. Ободритесь! Да, я долженъ ободриться!.. Господь подастъ мнѣ силу докончить начатое; да, Доминику нужно еще пожить. Не встрѣтилъ-ли ты дорогою Жерома, стараго сторожа, посланнаго въ Пуатье за докторомъ?

МАРСІАЛЬ. Нѣтъ, батюшка!... да мнѣ кажется ужъ теперь докторъ не нуженъ; развѣ для графа Монжерона?...

ДОМИНИКЪ. Не произноси при мнѣ имени этого злодѣя, который видѣлъ, какъ умирала Серафима и не пролилъ ни одной слезинки!... И тогда, какъ мы были всѣ въ отчаяннн, онъ одинъ какъ ни въ чемъ не бывало; онъ даже отказывался послать за докторомъ.... (*Съ выраженіемъ*) Онъ, можетъ-быть, имѣлъ на это свои причины!...

МАРСІАЛЬ (*испугавшись*). Что вы говорите, батюшка?!

ДОМИНИКЪ. Вчера также онъ не позволилъ послать за доброй госпожой Гаранъ, которую во-время страданій Серафима безпрестанно призывала; онъ только не смѣлъ прогнать отъ нея одного старика Доминика!... попробовалъ-бы только!... чортъ побери!... я-бы его!...

ДЕЗАЛЬЕ. Тише, г. Доминикъ, тише!

МАРСІАЛЬ. Да, да; зачѣмъ такъ громко!

ДОМИНИКЪ. Я и такъ уже много крѣпился! (*съ яростію*) Какъ я только вздумаю, что этотъ извергъ не далъ еще охолодѣть моей Серафимѣ, тотчасъ опустилъ ее въ землю — и нынче-же вечеромъ хочетъ поставить надъ нею памятникъ, который закроетъ ее отъ насъ навсегда!...

ДЕЗАЛЬЕ. Такъ видно за этимъ-то онъ и призвалъ меня сюда?

ДОМИНИКЪ. Ты откажешься? Не правда-ли, ты откажешься?

ДЕЗАЛЬЕ. Не горячитесь, г. Доминикъ; васъ здѣсь привыкли всѣ слушаться; прикажите мнѣ только уйдти — и я уйду.

ДОМИНИКЪ. Хорошо, убирайся отсюда, и если графъ пришлетъ за тобою, не смѣй приходить!

ДЕЗАЛЬЕ. Будьте покойны!

ДОМИНИКЪ. А ты, Марсіаль, поди къ большой рѣшоткѣ, стереги тамъ доктора и Жерома, и какъ только ихъ увидишь, прибѣги мнѣ сказать. *(Всѣ встаютъ съ колыбѣ).* Всѣ выходятъ изъ склепа... ступай!

МАРСІАЛЬ. Гдѣ-жъ я васъ найду?

ДОМИНИКЪ. Разумѣется, здѣсь; подлѣ нея.

(Марсіаль и Дезалье уходятъ. Въ это время толпа крестьянъ и крестьянокъ выходитъ изъ склепа; потомъ графъ въ сопровожденіи слугъ съ факелами также выходитъ изъ склепа. Крестьяне рядами окружаютъ его.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ДОМИНИКЪ, МОНЖЕРОНЪ И КРЕСТЬЯНЕ.

МОНЖЕРОНЪ. Друзья мои! мнѣ очень-прискорбно, что я не могу отдать должной почести памяти покойной графини, госпожи вашей; я долженъ пынѣшнюю почъ, по приказанію королевы, ѣхать въ Парижъ, куда призываетъ меня моя служба и куда уже сегодня утромъ я отправилъ дочь мою. Вы, вѣрно, пожалѣете меня, что я такъ скоро долженъ разстаться съ могилою моей покойной супруги.

(Двое слугъ выходятъ изъ склепа въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянъ. Всѣ расходятся въ разныхъ стороны. Монжеронъ смотритъ имъ въ слѣдъ, потомъ подходитъ къ Доминику. Музыка перестаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ДОМИНИКЪ И МОНЖЕРОНЪ.

МОНЖЕРОНЪ. Дезалье, каменщикъ, еще не приходилъ?

доминикъ (*грубо*). Приходилъ, — да я его прогвалъ.

монжеронъ (*въ-сторону*). Дерзкій холопъ! (*Вслухъ*) Послушай! пока жива была графиня, я терпѣлъ твои дерзости изъ уваженія къ ней, потому-что она удостоивала тебя названіемъ второго отца.... но теперь уже ея нѣтъ, и ты долженъ вспомнить, что ты здѣсь, просто, слуга!

доминикъ. Я, слуга! я?!

монжеронъ. Да, и слуга бесполезный, котораго за первую дерзость я прогоню! Пошелъ сейчасъ самъ за Дезалье, и приведи его сюда!

доминикъ. Не пойду!

монжеронъ. Какъ ты смѣешь?!

доминикъ. Серафима меня называла отцомъ, отъ-того я ее любилъ какъ свое родное дитя! — Слышите-ли, тамъ, въ этой могилѣ, лежитъ моя родная дочь — и до-тѣхъ-поръ пока я не дождусь доктора, я не сдѣлаю шага отсюда!

монжеронъ. Докторъ не будетъ.

доминикъ. Будетъ; я самъ за нимъ послалъ въ Пуатье.

монжеронъ. Ты!?

доминикъ. Да, я, послалъ Жерома, который поклялся его привезти, и привезетъ... будьте увѣрены, онъ сдержитъ свое слово.

монжеронъ (*внѣ себя*). Доминикъ!

доминикъ (*едва удерживаясь*). Не кричите такъ громко, ваше сіятельство, вы меня не испугаете! Я очень-хорошо знаю, что вы знатны, какъ говорятъ, имѣете вѣсь при дворѣ, но есть сила, важнѣе всего этого — правосудіе короля!... Людовикъ, вѣрно, выслушаетъ стараго заслуженнаго солдата своего отца; а если вы меня вынудите, я дойду до него и скажу ему: «Ваше королевское величество! моя Серафима была круглою спротою на этомъ свѣтѣ; я одинъ былъ ея другомъ, ея вторымъ отцомъ! Каково-же мнѣ было видѣть, когда графиня Ланжеронъ, дитя мое, умирала безъ всякой помощи; даже не хотѣли призвать доктора, который-бы облегчилъ ея страданія!...» Я скажу ему.... Послушайте, ваше сіятельство.... не выводите меня изъ терпѣнія, не заставляйте меня сказать то, чего-бы, можетъ-быть, я не хотѣлъ сказать.

(*Отходитъ и садится въ уголь. Монжеронъ стоитъ, какъ пораженный.*)

ЛАКЕЙ (*выходитъ изъ зѣмка*). Ваше сіятельство!

МОНЖЕРОНЪ (*оборачиваясь*). Что тебѣ?

ЛАКЕЙ (*въ полголоса*). Докторъ Гено, изъ Пуатье....

МОНЖЕРОНЪ. Тихе, тихе!

ЛАКЕЙ. Пріѣхалъ въ зѣмокъ. Жеромъ провелъ его чрезъ маленькую калитку.

МОНЖЕРОНЪ. Хорошо. (*Въ сторону*). Надо сію-же минуту его отправить; я не хочу съ нимъ видѣться. (*Доминику*). Ежели-бы я не жалѣлъ твоей старости и не помнилъ-бы безразсудной къ тебѣ привязанности графини, я-бы жестоко наказалъ тебя за дерзость; но я прощаю тебя, — только въ послѣдній разъ! Сегодня вѣроятно, горестъ помрачила твой разсудокъ, ты не помнишь самъ, что говоришь; но въ другой разъ я не спущу; — помни это! (*Уходитъ вмѣстѣ съ слугою*).

(*Ночь*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДОМИНИКЪ, ПОТОМЪ МАРСИАЛЬ.

ДОМИНИКЪ. Не спустить!.. не боюсь я тебя!.. Лишь-бы мнѣ только узнать навѣрно, что мои подозрѣнія справедливы! Но дѣтѣхъ-поръ... мое мѣсто здѣсь!.. Я сюда приведу доктора; сюда!.. я ему скажу, подавая вотъ этотъ пузырекъ, — чтобъ лучше его сохранить, я сдѣлалъ видъ, будто его разбилъ; — я ему скажу: меня преслѣдуютъ ужасныя мысли; я увѣренъ, что онъ виновникъ смерти моей дочери; возьмите этотъ пузырекъ, вы докторъ... освидѣтельствуйте его, и скажите мнѣ, точно-ли преступленіе, или уже несчастіе причиною ея смерти.

МАРСИАЛЬ (*вбѣгаетъ съ правой стороны*). Вы здѣсь, батюшка!

ДОМИНИКЪ. Гдѣ докторъ?

МАРСИАЛЬ. Онъ пріѣхалъ.

ДОМИНИКЪ. Гдѣ-же онъ?

МАРСИАЛЬ. У графа въ кабинетѣ.

ДОМИНИКЪ. У графа! Ахъ, чортъ побери!

МАРСИАЛЬ. Я хотѣлъ было дожидаться его у большой двери, пока выйдетъ отъ графа, да побоялся, чтобъ онъ опять не вышелъ чрезъ маленькую, съ другой стороны.

ДОМИНИКЪ. Нѣтъ, во что-бы-то ни стало, я долженъ съ нимъ

увидѣтся! Марсіалъ! ты ступай, дождайся его у большихъ воротъ, а я пойду къ калиткѣ... и не трогайся съ мѣста, пока онъ не выйдетъ. Прощай, моя Серафима! я скоро къ тебѣ возвращусь. Ступай, Марсіалъ! Ступай! (*Доминикъ идетъ къ замку. Марсіалъ въ противоположную сторону*).

ЯВЛЕНИЕ V.

МУЗЫКА. *Начинается буря. Во-время послѣдней сцены гроза и темнота постепенно увеличиваются и наконецъ совсѣмъ ночь. — По уходѣ Марсіала и Доминика сцена остается нѣкоторое время пустою. — Жоржъ, закутанный въ плащъ, показывается на мосту, — дойдя до склепа, онъ останавливается и скидываетъ плащъ.*

ЖОРЖЪ. Наконецъ я здѣсь!... Самъ Господь указалъ мнѣ путь мой! Онъ не оставитъ меня своею милостью и подастъ мнѣ силу окончить мое предпріятіе. Здѣсь было наше первое свиданіе! Ты тогда сама пришла ко-мнѣ, моя Серафима! Теперь я пришелъ на послѣднее свиданіе съ моей невѣстой! (*Подходитъ къ склепу и сходитъ внизъ, — гроза усиливается. — Совершенная тьма. — Вдругъ раздается крикъ въ склепъ. Жоржъ выбѣгаетъ на сцену, какъ сумасшедшій и падаетъ на колѣни въ нѣсколькихъ шагахъ отъ склепа*). Господь милосердый! прости меня!.. сжался надъ грѣшникомъ, надъ святотатцемъ!.. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Ахъ! ужасное видѣніе!... (*Въ это время Серафима, закутанная въ саванъ, всходитъ по ступенькамъ склепа*). Когда я поднял саванъ покрывавшій ея лицо... и, едва дыша, прикоснулся губами къ ея охолодѣлому лбу... нѣтъ... нѣтъ! она не открыла глаза!.. не пожала руки моею!... Нѣтъ! нѣтъ! она мертва! она не воскресла!.. нѣтъ! она лежитъ тамъ... въ своемъ гробѣ!.. (*Говоря послѣднія слова, онъ оборачивается и смотритъ въ ту сторону, гдѣ склепъ; вскрикиваетъ и падаетъ къ ногамъ Серафимы, которая стоитъ на ступенькахъ склепа. Серафима сходитъ тихо, потомъ осматривается, какъ-будто стараясь что-то припомнить; видитъ Жоржса, подходитъ къ нему, смотритъ на него, кладетъ руки на его голову и говоритъ едва слышимымъ голосомъ*).

СЕРАФИМА. Жоржъ! Жоржъ! (*Безъ чувствъ упадаетъ къ нему въ руки*).

жоржъ (*вставал*). Ея голосъ! да! это она! моя Серафима! Я чувствую подь моею рукой бѣненіе ея сердца! Она жива. Боже мой! Серафима жива! Помогите! помогите! Чтѣ я дѣлаю, безумный! я опять долженъ буду отдать ее тому, кто похоронилъ ее живую!... Нѣтъ! я отнялъ ее у смерти!.. она принадлежитъ мнѣ!.. Мнѣ одному! Теперь Серафима, живая-ли, мертвая-ли—ты моя!... (*Беретъ ее на руки и бѣжитъ съ нею черезъ мостъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

РОКОВАЯ ВСТРѢЧА.

Гостиница на дорогѣ въ Пуатье. Театръ раздѣленъ на двѣ части; съ лѣвой стороны комнаты, по серединѣ дверь, на-лѣво окно, подлѣ окна столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, на немъ бумаги, чернильница; подлѣ стола деревянный стулъ; съ правой стороны дверь, ведущая въ сосѣдную комнату. — Комната съ правой стороны хорошо меблирована; въ серединѣ дверь, съ правой стороны, подлѣ окна кушетка, съ лѣвой на аванъ-сценѣ дверь съ задвижкой, въ сосѣдную комнату; подлѣ двери столикъ и плетеный стульи.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Въ комнату съ правой стороны*).

ЖОРЖЪ, ДОКТОРЪ ГЕНО И СЕРАФИМА. (*Она лежитъ на кушеткѣ съ закрытыми глазами. Докторъ сидитъ у изголовья и ищетъ пульсъ. Жоржъ стоитъ подлѣ доктора.*

ДОКТОРЪ. Я васъ увѣряю, что она спасена.

жоржъ. Но этотъ сонъ!

докторъ. Она скоро проснется.

жоржъ. Ахъ, если-бы Господь услышалъ молитвы мои!

докторъ. Три дня тому назадъ, когда я долженъ былъ ѣхать въ деревню, въ двухъ лѣ отъ Пуатье, я почти уже имѣлъ надежду на ваше попеченіе; точное исполненіе всего мною предписаннаго, а главное, милость Божія сохранили ее. Да, точно, Господь помиловалъ ее; она какому-то чуду обязана своимъ спасеніемъ; это видно, что приемъ яда былъ слишкомъ-слабъ... не знали мѣры.

жоржъ. Тише, ради Бога тише! Но вѣдь передъ вашимъ отъѣздомъ вы еще сомнѣвались?

докторъ (*вставая*). А теперь я утверждаю. Вы ничего не могли отъ нея узнать?

жоржъ. Она могла произнести нѣсколько словъ... и я еще не увѣренъ, узнала-ли она меня.

докторъ. Вы не знаете, не имѣла-ли ваша супруга какого-нибудь тайнаго врага?

жоржъ. О, нѣтъ!

докторъ. Такъ не была-ли у нея какая-нибудь болѣзнь душевная не предавалась-ли она слишкомъ унынію, не имѣла-ли отвращенія къ жизни?

жоржъ (*подумавъ*). Можетъ-быть.

докторъ (*тихо*). Тогда она сама....

жоржъ. О, нѣтъ! я этого не думаю....

докторъ. Впрочемъ, съ-временемъ, вы узнаете эту тайну, и если вамъ понадобится мое свидѣтельство, я всегда буду готовъ къ вашимъ услугамъ; я поклялся, до послѣдней минуты жизни, преслѣдовать этотъ проклятый ядъ, которымъ насъ наградила Италия, и который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ истребилъ множество народу во Франціи; я встрѣчаю этотъ ядъ безпрестанно во всемъ и вездѣ; три дня тому назадъ, какъ я долженъ былъ оставить васъ, чтобы ѣхать въ эту малелькую деревеньку въ 2½ лѣ отсюда, вѣдь все-таки по милости этого яда; меня призывали свидѣтельствовать одну молодую женщину, которая пала жертвою этого-же проклятаго яда, — я не могу вспомнить объ этой несчастной; но если я не могу спасти ее, то, по-крайней-мѣрѣ, надѣюсь отмстить за нее; — я знаю виновника.... у меня есть вѣрнѣйшія доказательства его преступленія, — и какъ-бы онъ ни былъ знатенъ и силенъ при дворѣ, надѣюсь уличить

его.... Но мнѣ уже пора, — прощайте, мой другъ! (*Идетъ въ сторону и беретъ шляпу*).

ЖОРЖЪ (*смотря на Серафиму*). Ужъ вы насъ оставляете?!

ДОКТОРЪ. Очень - важное дѣло заставляетъ меня уѣхать отъ васъ; я долженъ сообщить здѣшнему губернатору новыя подробности этого ужаснаго преступленія, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ; но если онъ и теперь не рѣшится ни на что, то я самъ отправлюсь въ Парижъ и донесу обо всемъ самому Кардиналу. Что-жъ касается до нашей дорогой больной, то я вамъ ручаюсь за ея жизнь... вы можете, въ случаѣ надобности, продолжать вашъ путь.

ЖОРЖЪ. Ахъ, докторъ! за подобныя услуги нельзя заплатить золотомъ; я готовъ отдать вамъ жизнь мою! Будьте увѣрены, что я вамъ буду вѣчно благодаренъ.

ДОКТОРЪ. Прошу не забывать, что докторъ Генѣ всегда и во всякомъ случаѣ готовъ будетъ къ вашимъ услугамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

ЖОРЖЪ И СЕРАФИМА (*спящая*).

ЖОРЖЪ. Спасена! она спасена! — Благодарю Тебя, Господи! Какъ-бы мнѣ хотѣлось поскорѣе выбраться изъ этой проклятой гостиницы, въ которой ея болѣзнь задержала насъ шесть дней; поскорѣй-бы пріѣхать въ Парижъ, а тамъ мы легко доберемся до первой гавани, только ужъ конечно не въ Рошелъ, гдѣ меня всякій знаетъ. (*Серафима дѣлаетъ движеніе*) Она просыпается. О! докторъ сказалъ правду! Творецъ милосердый! возврати мнѣ совсѣмъ мою Серафиму! (*Падаетъ на колѣни предъ кушеткой, беретъ Серафиму за руку, она вздрагиваетъ, приподнимается и осматривается кругомъ*).

СЕРАФИМА. Это ты!.. Ты?.. Нѣтъ, это сонъ!.. Жоржъ!..

ЖОРЖЪ. Да, Жоржъ!.. твой другъ!.. твой женихъ!.. Жоржъ, который спасъ тебя!..

СЕРАФИМА. Жоржъ!.. живъ!.. я... подлѣ него... нѣтъ, не можетъ-быть... это сонъ...

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, не сонъ!.. оставь, оставь твою руку въ моей рукѣ!.. посмотри на меня.. вѣдь это я!.. (*Цѣлуетъ ея руку, Серафима дѣлаетъ движеніе*) Это ты!.. ахъ! какое счастье!..

СЕРАФИМА. - Счастіе!.. ахъ! да!.. (*Старается собраться съ мыслями*).

ЖОРЖЪ. Забудь прошедшее, его не было!

СЕРАФИМА. Да, не было... а смерть!.. я долго была въ ужасномъ положеніи... вдругъ я почувствовала какое то необыкновенное содроганіе въ сердцѣ.. и имя.. милое имя... пришло первое мнѣ на память... а вмѣстѣ съ нимъ возвратилась и жизнь... я открываю глаза... кругомъ темнота... хочу закричать... нѣтъ голоса... встаю... подъ рукою... подъ ногами, вездѣ холодъ мрамора... могила... саванъ... я бросаюсь... (*Встаетъ*) Вижу кто-то на колѣняхъ... кто-жъ это былъ?.. мой ангелъ!.. мой спаситель!.. мой Жоржъ!.. да, ты, ты!.. О! я была увѣрена, что ты возвратишься!..

ЖОРЖЪ (*прижимая ее къ сердцу*). Да! да! я возвратился, чтобы спасти тебя! Господь сжалился надъ нами!.. даровалъ тебѣ новую жизнь... и этою жизнью ты обязана мнѣ! Да, Серафима, теперь ты принадлежишь мнѣ.

СЕРАФИМА. Ахъ! да тебѣ!.. однакожъ если батюшка опять насъ разлучитъ?

ЖОРЖЪ (*въ-сторону*). Она еще не пришла въ себя... все забыла, кромѣ любви нашей.

СЕРАФИМА. Ты со мною не разстанешься? Ахъ, если-бъ ты зналъ, какъ я страдала!

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, моя Серафима! мы ужъ больше никогда съ тобою не разстанемся; мы съ тобою связаны неразрывными узами: жить и умереть вмѣстѣ.

(*Слышенъ шумъ на дворѣ*).

СЕРАФИМА (*съ восторгомъ*). Жить и умереть вмѣстѣ!

ЖОРЖЪ (*блѣжитъ къ окну*). Чтó тамъ за шумъ? Двое проѣзжающихъ подѣхали къ гостиницѣ... можетъ-быть, они здѣсь остановятся... Ахъ!.. если ее узнаютъ... (*Подходитъ къ ней*) Да, нѣтъ, непременно должно... но она еще такъ слаба...

СЕРАФИМА. Нѣтъ, я теперь не слаба.

ЖОРЖЪ. Ты въ-силахъ ѣхать?

СЕРАФИМА. Съ тобою?

ЖОРЖЪ. Да, со мною, поѣдешь?

СЕРАФИМА. Поѣдемъ!

ЖОРЖЪ. Сегодня?

СЕРАФИМА. Сегодня!

ЖОРЖЪ. Черезъ часъ мы уѣдемъ далеко отсюда, туда, гдѣ

мы будемъ вѣчно вмѣстѣ; ты тамъ найдешь тишину, спокойствіе! — Черезъ нѣсколько минутъ я возвращусь.

СЕРАФИМА (*съ живостію*). Ты уходишь?

ЖОРЖЪ. Чтобъ только приготовить все къ твоему отъѣзду.

СЕРАФИМА. Вмѣстѣ съ тобою?

ЖОРЖЪ. Разумѣется. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ, уходитъ и запираетъ за собою дверь*).

СЕРАФИМА (*одна*). Какое счастье! Вмѣстѣ съ Жоржемъ!.. навсегда!.. право, мнѣ кажется, я въ небесахъ!.. однакожъ, какая-то неясность въ мысляхъ... я не могу никакъ припомнить... (*Задумывается, облокотясь на руку*).

ЯВЛЕНІЕ III.

МОНЖЕРОНЪ и ТРАКТИРЩИКЪ входятъ въ комнату съ лѣвой стороны. СЕРАФИМА, на кушеткѣ, въ комнатѣ на-право.

ТРАКТИРЩИКЪ (*входитъ первый*). Пожалуйста, сюда, ваше сіятельство!.. сюда!..

МОНЖЕРОНЪ. У тебя развѣ нѣтъ лучше этой комнаты?

ТРАКТИРЩИКЪ. Черезъ нѣсколько минутъ очистится другая, лучше этой.

МОНЖЕРОНЪ. Почему-жъ черезъ нѣсколько минутъ, а не сію минуту.

ТРАКТИРЩИКЪ. Она еще занята какимъ-то молодымъ баринномъ съ женою; но онъ скоро выѣдетъ. (*Въ это время Монжеронъ положилъ шляпу и шпагу на столъ съ правой стороны*).

МОНЖЕРОНЪ. Хорошо, оставь меня одного... Да смотри, если кто меня спроситъ, проводи прямо сюда.

ТРАКТИРЩИКЪ. Слушаю, ваше сіятельство! (*Уходитъ. Начинаетъ смеркаться*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОНЖЕРОНЪ (*одинъ*).

Посмотримъ, какъ-то теперь вывернется Ришелье?.. Съ самого

моего отъезда изъ Лафайль, гдѣ я самъ былъ свидѣтелемъ, что могила Серафимы закрылась навсегда, я успѣлъ объѣздить всѣ вновь покоренные города, и убѣдился совершенно, что всѣ начальники Кальвинистовъ только отъ страха склонились подъ иго Кардинала. «Исполните съ успѣхомъ ваше порученіе»... сказала мнѣ Марія Медицисъ «и рука г-жи Дѣперней принадлежитъ вамъ!» — (Съ восторгомъ). Дѣперней!... богатѣйшая наслѣдница Лапгедока!.. фаворитка королевы! Но когда придетъ минута, что я долженъ буду объявить о первомъ бракѣ? . (Съ увѣренностію). Чтѣ-жъ, я скажу, что смерть разорвала ненавистныя узы, въ то самое время, какъ я нарочно отправился въ Римъ, чтобы хлопотать о разрывѣ ихъ. Но я не долженъ предаваться этимъ грустнымъ мыслямъ; пере домною блестящая будущность... богатство и милость королевы... (Въ это время онъ такъ возвысилъ голосъ, что Серафима подняла голову и прислушивается. Трактирщикъ входитъ вмѣстѣ съ курьеромъ, ставитъ свѣчу на столъ подлѣ двери съ сосѣдною комнатою. Съ этой минуты комната съ левой стороны освѣщена, а въ комнату съ правой стороны темнота).

ЯВЛЕНІЕ V.

МОНЖЕРОНЪ, КУРЬЕРЪ, ТРАКТИРЩИКЪ И СЕРАФИМА.

ТРАКТИРЩИКЪ (громко). Вотъ его сіятельство, графъ Монжеронъ!

СЕРАФИМА (вздрагиваетъ). Монжеронъ! (Прислушивается).

КУРЬЕРЪ (подавая письмо). Я два дня отыскиваю ваше сіятельство, чтобы вручить вамъ это письмо.

МОНЖЕРОНЪ. Отъ кого?

СЕРАФИМА. Его голосъ.

КУРЬЕРЪ. Отъ губернатора провинціи.

СЕРАФИМА. Нѣтъ, я потеряла рассунокъ.

МОНЖЕРОНЪ (курьеру). Отъ губернатора! Чтѣ ему отъ меня нужно? Хорошо... оставь меня!..

(Трактирщикъ и курьеръ кланяются и уходятъ).

СЕРАФИМА. Это опъ!... О! я теперь начинаю все припоминать!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

СЕРАФИМА, съ лѣвой стороны, монжеронъ съ правой. СЕРАФИМА подходит къ перегородкѣ; монжеронъ садится у стола, подлѣ дверей; одна перегородка раздѣляетъ его съ женою.

МОНЖЕРОНЪ. Прочтемъ это посланіе!... «Ваше сіятельство, если мое письмо поспѣетъ во-время, спасайтесь бѣгствомъ.... вамъ одно средство избавиться отъ эшафота...»

СЕРАФИМА. Эшафота!

МОНЖЕРОНЪ (съ ужасомъ). Чтò это? (Продолжаетъ скоро читать) «Вы слишкомъ виновны, или слишкомъ-несчастливы! Съ самага проѣзда Кардинала чрезъ нашъ городъ на вашъ счетъ распущены ужасные слухи! Вашъ бракъ съ г-жою Лафайль всѣмъ извѣстенъ; — чтобы жениться на г-жѣ Денерней и тѣмъ самымъ поправить ваше разоренное состояніе, говорятъ, вы рѣшились на ужасное средство.

СЕРАФИМА. Боже мой!

МОНЖЕРОНЪ (продолжаетъ). «Сначала я старался, сколько могъ, заставить всѣхъ молчать; но теперь это невозможно. Извѣстный докторъ Генó, вмѣстѣ съ старымъ служителемъ Лафайль, васъ публично обвиняютъ....

СЕРАФИМА. Доминикъ!

МОНЖЕРОНЪ. «Гено человекъ настойчивый, непоколебимый въ своихъ предпріятіяхъ; онъ былъ у меня и требовалъ пужнаго уполномоченія, чтобы открыть склепъ, гдѣ поставлено тѣло графини.... Я не могъ отказать ему въ этомъ.... и въ эту самую минуту, какъ я къ вамъ пишу, онъ отправляется въ Лафайль!...» (Останавливается съ ужасомъ) Онъ ѣдетъ!... А это письмо писано ужъ два дня назадъ!

СЕРАФИМА. Я умираю!

МОНЖЕРОНЪ (читаетъ). «Зная вашу преданность къ королевѣ и ея высокое покровительство, которымъ она всегда удостоивала ваше сіятельство, я долгомъ счелъ тотчасъ-же увѣдомить васъ. Если вы точно виновны, то имѣется время уѣхать за границу, а если правы, то, вѣроятно, поѣдете въ Парижъ, чтобы уличить клеветниковъ.» (Молчаніе. Едва-слышимыи голосомъ) Я пропалъ!... все открыто!... (Серафима прислушивается.

Монжеронъ собирается съ мыслями) Да нѣтъ, они ничѣмъ не могутъ доказать.... у меня нѣтъ сообщниковъ.... ядъ, которымъ я отравилъ ее, никогда не оставляетъ никакихъ слѣдовъ.

СЕРАФИМА (отходя отъ двери). Ахъ!

МОНЖЕРОНЪ (быстро поворачивается). Чтò я слышу? Крикъ!... тамъ.... подлѣ меня.... я былъ не одинъ!

(Подходитъ къ дверямъ перегородки.)

СЕРАФИМА (съ ужасомъ). Опъ меня убьетъ!

(Задвигаетъ задвижку.)

МОНЖЕРОНЪ (хочетъ отворить дверь). Дверь стараются запечатать. О! я ее выломлю, и узнаю, кто подслушалъ мою тайну! (Толкаетъ силой дверь, она отворяется. Серафима съ ужасомъ становится въ головахъ кушетки. Монжеронъ бросается въ комнату, но увидя Серафиму, кричитъ, съ ужасомъ отбѣгаетъ отъ двери въ другую комнату) Она! она!... (Онъ стоитъ нѣсколько времени какъ окаменѣлый; въ это время въ среднихъ дверяхъ показывается Жоржъ.)

ЖОРЖЪ (не входя въ комнату, въ-полголоса). Серафима!

СЕРАФИМА. Жоржъ! спаси меня!

ЖОРЖЪ (схватываетъ Серафиму и тащитъ). Поспѣшимъ! не надо терять времени!

(Они уходятъ; дверь запирается.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

МОНЖЕРОНЪ, ПОТОМЪ ТРАКТИРЩИКЪ.

МОНЖЕРОНЪ (придя въ себя). Серафима!... о, это она!... (Беретъ свѣчу и скоро входитъ въ другую комнату; ставитъ свѣчу на столъ; съ этой минуты комната съ лѣвой стороны остается темною, а съ правой освѣщена). Никого нѣтъ! я одинъ!... Однако жъ я видѣлъ здѣсь женщину!... Я ее видѣлъ!... и эта женщина... (Шумъ на дворъ; онъ подходитъ къ окну) Карета кого-то ожидаетъ!... (Вскрикиваетъ) Ахъ! опять это привидѣнiе!... Серафима!... Серафима жива!... она садится въ карету... (Трактир-

ицикъ *входитъ съ правой стороны*; Монжеронъ *подходитъ къ нему*) Кто занималъ эту комнату?

ТРАКТИРЩИКЪ. Ваше сіятельство, какъ вы поблѣднѣли!

МОНЖЕРОНЪ. Будешь-ли ты отвѣчать?

ТРАКТИРЩИКЪ. Но я уже докладывалъ вашему сіятельству: какой-то молодой баринъ.

МОНЖЕРОНЪ. Онъ былъ одинъ? съ женщиною?

ТРАКТИРЩИКЪ. Точно такъ!

МОНЖЕРОНЪ. Кто эта женщина?

ТРАКТИРЩИКЪ. Я думаю, его жена.

(Проходитъ въ комнату съ лѣвой стороны, беретъ шляпу и плагу Монжерона и кладетъ на столъ въ комнатѣ съ правой стороны. Въ это время Монжеронъ въ размышленіи.)

МОНЖЕРОНЪ *(про-себя)*. Его жена!... да, разумеется!... *(Трактирщику)*. Ты знаешь этого молодого человѣка?

ТРАКТИРЩИКЪ. Я сейчасъ только узналъ по его подорожной: г. Гаранъ.

МОНЖЕРОНЪ *(вскрикиваетъ)*. Гаранъ!

ТРАКТИРЩИКЪ. Тотъ самый, что завоевалъ Рошель.... ужъ все считали его давно-погибшимъ.

МОНЖЕРОНЪ *(едва удерживая гнѣвъ)*. Сколько времени онъ жилъ здѣсь?

ТРАКТИРЩИКЪ. Да шесть дней.

МОНЖЕРОНЪ. Шесть дней!

ТРАКТИРЩИКЪ. Онъ пріѣхалъ ночью; жена его была такъ слаба, что чуть-чуть не умерла; и сегодня еще бѣдняжка едва дошла до кареты; посмотрѣть-то на нее, такъ точно мертвая!...

МОНЖЕРОНЪ. Довольно!... Поди отсюда!...

ТРАКТИРЩИКЪ. Сейчасъ уйду, ваше сіятельство!

(Входитъ въ другую комнату и уходитъ въ среднюю дверь.)

(Музыка.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

МОНЖЕРОНЪ.

МОНЖЕРОНЪ (*падаетъ въ изнеможеніи на кушетку*). Шестъ дней назадъ, молодой человѣкъ привезъ сюда умирающую женщину! И этотъ молодой человѣкъ Жоржъ Гарант! а женщина — совершенный портретъ Серафимы! — Нѣтъ! мнѣ показалось!... я, просто, въ бреду... и что-жь удивительнаго? Необыкновенное сходство — вотъ и все; — Серафима умерла!... я самъ видѣлъ ее мертвую въ гробѣ! (*Трактиричикъ входитъ въ комнату съ лѣвой стороны, и кричитъ, не входя въ другую комнату*).

ТРАКТИРЩИКЪ. Г. губернаторъ!

МОНЖЕРОНЪ (*съ ужасомъ*). Губернаторъ?

(*Губернаторъ входитъ къ Монжерону; двое солдатъ, провожавшихъ его, остаются въ комнату съ лѣвой стороны — и двое въ дверяхъ снаружи. Трактиричикъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

МОНЖЕРОНЪ, ГУБЕРНАТОРЪ И СОЛДАТЫ.

ГУБЕРНАТОРЪ. Графъ! я пріѣхалъ вамъ сказать, чтобы вы, не теряя времени, спасались бѣгствомъ.

МОНЖЕРОНЪ (*съ волненіемъ*). Что случилось?

ГУБЕРНАТОРЪ. Докторъ Гено пріѣхалъ въ Лафайль, велѣлъ открыть гробъ графини....

МОНЖЕРОНЪ. Ну!

ГУБЕРНАТОРЪ. Онъ былъ пустъ!

МОНЖЕРОНЪ (*дѣлаетъ движеніе*). Пустъ!

ГУБЕРНАТОРЪ. Докторъ обвиняетъ васъ, что вы, для избѣжанія слѣдовъ, скрываете трупъ супруги вашей.

МОНЖЕРОНЪ (*какъ-будто пораженный какою-то мыслию*). Такъ это точно была она!.. она!.. съ Жоржемъ!... Ахъ, какая счастливая мысль!.. какая надежда!...

ГУБЕРНАТОРЪ. Что-же, графъ, преступны вы, или невинны? Куда вы ѣдете: за-границу, или въ Парижъ?

МОНЖЕРОНЪ (*съ восторгомъ, за собою его увлекаая*). Въ Парижъ!.. въ Парижъ! —

(*Входятъ въ комнату съ лѣвой стороны и проходятъ въ среднюю дверь, въ сопровожденіи стражи*).

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СИЛА ПРИРОДЫ.

=

Пріемная комната въ Люксамбургскомъ дворцѣ королевы, убранная съ большимъ великолѣпіемъ: золоченая мебель, богатые канделябры. — Съ правой стороны, на первомъ планѣ, сдѣлано возвышеніе съ нѣсколькими ступеньками, ведущее въ комнату королевы; съ той-же стороны, въ углу, входъ въ комнаты Монжерона. Въ глубинѣ театра большое отверстіе, ведущее въ галерею; съ лѣвой стороны, въ углу, дверь; съ той-же стороны, на первомъ планѣ, дверь, закрытая богатой драпировкой, ведущая къ комнаты короля.

=

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЕ-ТЕРНЪ, БАСОМПЬЕРЪ, ПРИДВОРНЫЕ. *При поднятіи занавѣса множество группъ придворныхъ разговариваютъ очень живо между-собою. Басомпьеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ входитъ на аванъ-сцену съ правой стороны.*

БАСОМПЬЕРЪ. Господа! сегодня выходъ королевы будетъ блестящій, — толпа придворныхъ стекается въ люксамбургскій дворецъ.

ДЕ-ТЕРНЬ. И какъ водится: пустота во дворцѣ Кардинала.

одинъ изъ придворныхъ. Не достаетъ еще Монжерона.

ДЕ-ТЕРНЬ. Странно! Куда это скрылся счастливый фаворитъ королевы, и въ то время, когда общій нашъ врагъ въ упадкѣ! Ужъ не затуманилась-ли и его счастливая звѣзда! И если вѣрять слухамъ, такъ не мудроно.

БАСОМЬЕРЬ (*прерывая*). Не торопитесь, господа, обвинять графа Монжерона, который скоро оправдается передъ всѣми, — я вамъ ручаюсь за него. Неужели вы не догадываетесь, что эти слухи, просто, нечто иное, какъ новая хитрость кардинала! Но слава Богу, скоро его лишатъ ередствъ вредить другимъ; смерть нашего добраго Бутевилля будетъ отомщена!.. Бутевиль! потомокъ Монморанси! знатнѣйшей фамилии изъ всего королевства!... Да если-бъ кардиналъ хотѣлъ только управлять королемъ, это-бы еще терпѣть можно, но проливать на эшафотѣ самую знатную кровь Франціи.... это непростительно!

ДЕ-ТЕРНЬ. Да, вѣрно-ли еще его паденіе?

БАСОМЬЕРЬ. Король далъ слово двумъ королевамъ; завтра нашъ смертельный врагъ долженъ почевать въ Бастиліи.

ДЕ-ТЕРНЬ. Отъ-чего-же не сегодня?

БАСОМЬЕРЬ. Король еще не рѣшился подписать приказаніе.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЪ-ЖЕ И МАРСИАЛЬ. *Марсіаль въ костюмѣ придверника выходитъ отъ королевы и, сходя съ ступенекъ, осматриваетъ толпу придворныхъ.*

МАРСИАЛЬ. Извините, господа!... Г. Басомьерь!

БАСОМЬЕРЬ (*поворотясь*). Я! — что тебѣ нужно?

МАРСИАЛЬ. Записка, которую велѣно мнѣ вручить вамъ по секрету. (*Всѣ смѣются. Марсіаль смотритъ на нихъ съ удивленіемъ*).

ДЕ-ТЕРНЬ. Bravo! вотъ хорошо исполнилъ порученіе. Умный мальи.

БАСОМЬЕРЬ (*взявъ записку*). Не судите по наружности; онъ не такъ глупъ, какъ кажется... Онъ былъ въ школѣ кардинала.

ДЕ-ТЕРНЬ. Кардинала! да какъ-же онъ здѣсь?

БАСОМПЬЕРЪ. Да, такъ;—королева хорошо знаетъ человѣческое сердце;—кардиналъ много сдѣлалъ для него добра, потомъ прогналъ его; такъ послѣ этого, вѣрно, онъ-же будетъ первымъ врагомъ кардинала. (*Распечатываетъ письмо и садится въ кресла съ лѣвой стороны, чтобы прочитать его*).

МАРСІАЛЪ (*вздыхая*). Да, прогналъ? И за какія пустяки!

ДЕ-ТЕРНЬ. За что-же? Расскажи намъ эту исторію.

МАРСІАЛЪ (*холодно*). Съ удовольствіемъ. Вамъ извѣстно, господа, что его свѣтлость обожаетъ котятъ; онъ всегда окруженъ нѣсколькими котенками, которые дерутся, кусаются, царапаются... а его свѣтлость восхищается, увѣряя, что они ему напоминаютъ придворныхъ.

ДЕ-ТЕРНЬ (*смѣясь*). Спасибо.

МАРСІАЛЪ. Между-ними былъ одинъ рыженькой—съ зелеными глазами, прегадкой! Жадной! о, какіе у него были когти! я еще никогда не видывалъ у маленькаго животнаго подобныхъ когтей;—этотъ котенокъ былъ фаворитъ кардинала; онъ не подпускалъ никого къ его свѣтлости, не наградивъ знаками отличія своихъ когтей; а ужъ я былъ весь исписанъ его нѣжностями. — Въ одно утро, я поторопился войти, чтобъ доложить о пріѣздѣ одного посланника; на мою бѣду, котенокъ былъ въ дверяхъ. (*Хлопаетъ руками*). Ахъ, Боже ты мой! Я такъ его прихлопнулъ, что онъ и не шикнулъ; такъ раздавилъ, что, въ утѣшеніе его свѣтлости, невозможно было и чучелу набить. (*Всѣ хохочутъ*).

одинъ изъ придворныхъ. Забавная исторія!

(*Всѣ смѣются въ слѣдъ Марсіалу, который уходитъ въ глубину театра съ лѣвой стороны. Басомпьеръ встаетъ и проходитъ черезъ сцену*).

БАСОМПЬЕРЪ (*въ волненіи; про-себя*). Монжеронъ въ Парижѣ!.. скрывается въ Люксамбургѣ!.. Что это значитъ?.. хочеть поговорить со мною по секрету... надо ихъ удалить. (*Въ-слухъ*). Кажется, господа, ужъ дамы начинаютъ съѣзжаться. (*Смотритъ въ глубину театра, въ лѣвую сторону*).

ДЕ-ТЕРНЬ. Вездѣ толкуютъ о какой-то новой придворной дамѣ, необыкновенной красавицѣ. —

одинъ изъ придворныхъ. Новая красавица! Господа, послѣдите къ ней на ветрѣчу.

(*Придворные идутъ въ глубину театра и уходятъ черезъ галерею въ-лѣвую сторону. Монжеронъ выходитъ отъ себя*).

ЯВЛЕНИЕ III.

БАСОМПЬЕРЪ И МОНЖЕРОНЪ (*входитъ таинственно*).

БАСОМПЬЕРЪ (*Монжерону*). Ахъ! это ты, Монжеронъ?! Ты въ Парижъ?

МОНЖЕРОНЪ. Я и не выѣзжалъ изъ него съ-тѣхъ-поръ, какъ оставилъ Лафайль.

БАСОМПЬЕРЪ. Но твое отсутствіе?

МОНЖЕРОНЪ. Вымышленное, — чтобы лучше успѣть въ моемъ предпріятіи.

БАСОМПЬЕРЪ. Но слухи, распушенные Кардиналомъ?

МОНЖЕРОНЪ. Падутъ сегодня-же на его голову.

БАСОМПЬЕРЪ. Ты меня восхищаешь! А ты знаешь, что этой клеветѣ уже многіе при дворѣ начали вѣрить.

МОНЖЕРОНЪ. Мнѣ теперь некогда объяснить тебѣ всѣ подробности, но я хотѣлъ непременно успокоить тебя на счетъ моего оправданія и вѣрнаго паденія Кардинала; я слышалъ, какъ ты защищалъ меня предъ всѣми.

БАСОМПЬЕРЪ. Слава Богу, наше торжество будетъ полнѣе.

МОНЖЕРОНЪ. И самъ виновникъ преступленія, Жоржъ Гаранъ, долженъ будетъ оправдать меня.

БАСОМПЬЕРЪ. Жоржъ Гаранъ! завоеватель Рошели! Развѣ онъ въ Парижъ?

МОНЖЕРОНЪ. Онъ сегодня-же долженъ представиться къ двору; по моей просьбѣ, Марія Медицисъ согласилась удостоить его приглашеніемъ въ Люксамбургъ, вмѣстѣ съ супругой, которую она желаетъ включить въ число своихъ придворныхъ дамъ.

БАСОМПЬЕРЪ. Да, я все-таки не понимаю, какое-отношеніе....

МОНЖЕРОНЪ. Ты не догадываешься, что жена Гарана, есть та самая женщина, которую, говорятъ, я отравилъ; однимъ словомъ графиня Монжеронъ.

БАСОМПЬЕРЪ. Графиня Монжеронъ жива?!

МОНЖЕРОНЪ. Да, жива,—для моего оправданія и безчестія моего имени; — посредствомъ шпионовъ, подсланныхъ мною, я открылъ, что Гаранъ и графиня живутъ въ одномъ изъ отдаленныхъ замковъ Парижа и ищутъ тайнаго случая, чтобы пробраться за границу.

БАСОМПЬЕРЪ. Графиня Монжеронъ въ Парижѣ, тогда, какъ всѣ знаютъ, что она схоронена въ Лафайль! Графиня Монжеронъ подъ именемъ Гаранъ!

МОНЖЕРОНЪ. Эта ужасная тайна скоро откроется. Сегодня, здѣсь, при всѣхъ, я сорву съ нихъ маску.

БАСОМПЬЕРЪ. И ты думаешь, что они осмѣлятся явиться къ двору?

МОНЖЕРОНЪ. Должны будутъ по-неволѣ.—Чтобы предупредить всякаго рода отговорки съ ихъ стороны, г-жа Фаржи сама поѣхала къ нимъ сегодня утромъ и должна возвратиться не иначе, какъ въ сопровожденіи новой придворной дамы, — это воля королевы.

БАСОМПЬЕРЪ. И графиня Монжеронъ?

МОНЖЕРОНЪ. Приѣдетъ безъ страха.... она никогда не показывалась при дворѣ, гдѣ ея никто не знаетъ, кромѣ меня.

БАСОМПЬЕРЪ (живо). А они увѣрены, что тебя здѣсь нѣтъ! Bravo, графъ! bravo! Теперь они попались!

МОНЖЕРОНЪ (гордо). О! я все обдумалъ! Они будутъ сюда!.... да, будутъ,—и попадутъ въ сѣти, которыя я имъ разставилъ.

БАСОМПЬЕРЪ. Что за шумъ въ галереѣ? *(Идетъ и смотритъ въ-льво).* Что я вижу?.... г-жа Фаржи.... а подлѣ нея эта красавица.... блѣдная!....

МОНЖЕРОНЪ. Это она! Да, она!

БАСОМПЬЕРЪ. Монжеронъ! удержиись! еще время не пришло!... Уйди отсюда, уйди!... *(Увлекаетъ его въ-правую сторону).*

МОНЖЕРОНЪ (уходя). До свиданія, Серафима!

(Входитъ въ свои комнаты съ Басомпьеромъ. Придверники королевской комнаты вводятъ придворныхъ дамъ, входящихъ съ разныхъ сторонъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГАРАНЪ *(въ богатой одеждѣ, съ знаками отличія; СЕРАФИМА въ богатомъ придворномъ костюмѣ, чрезвычайно-блѣдная. — Фаржи вводитъ ее и представляетъ всѣмъ. — всѣ кланяются, все смотрятъ на нихъ съ любопытствомъ. — дамы садятся, составляютъ группы. Г-жа Фаржи, поговоря съ однимъ изъ придворныхъ, входитъ къ королевы. Замѣтно, что общій разговоръ о новыхъ лицахъ. Гаранъ и Серафима стоятъ съ-левой стороны, на аван-сценѣ и разговариваютъ въ-полголоса).*

ЖОРЖЪ. Не робѣй, мой другъ! а главное, какъ можно болѣе хладнокровія.

СЕРАФИМА (*слабымъ голосомъ*). Жоржъ! Жоржъ! голова моя кружится!... эта дама, которая не оставляла меня ни на минуту, — ушла; уведи меня отсюда.

ЖОРЖЪ. Развѣ это возможно! Ты видишь, какъ мы окружены со всѣхъ сторонъ; всѣ на насъ смотрять. Ты знаешь, что не въ моихъ силахъ избавить тебя отъ этого испытанія! Это воля королевы! — Я надѣялся скрыть тебя отъ всѣхъ въ нашемъ уединенномъ убѣжищѣ, — но не удалось! — и теперь намъ осталось одно средство къ спасенію, на которое мы должны были рѣшиться... дерзость, — и мы явились ко двору.

СЕРАФИМА (*въ отчаяніи*). Ко двору!... Я! я! — и подъ чьимъ именемъ? Боже мой!

ЖОРЖЪ. Еще одинъ часъ испытанія и мученій, — и мы спасены! — Завтра мы оставимъ, навсегда оставимъ Францію, и будемъ вѣкъ опасности!

СЕРАФИМА. Но если насъ узнаютъ?

ЖОРЖЪ. Кто-же можетъ узнать насъ? Одинъ только злодѣй могъ-бы узнать; — но ты сама слышала, что, испугавшись угрозы доктора Гено, онъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи, — стало-быть онъ не смѣетъ показаться ко двору.

СЕРАФИМА. Боже мой! какое мученіе!

СТРАЖЪ (*съ-верхней ступени, ведущей въ комнату королевы*). Господа! пожалуйста къ королевѣ.

(Многія дамы и придворные идутъ во внутренность комнатъ королевы и входятъ на ступеньки; шные продолжаютъ смотреть, шутятъ и останавливаются на ступеняхъ).

ЖОРЖЪ. Ты слышишь! ради Бога! ради любви нашей, будь осторожна! вооружись твердостію! одно слово, одинъ взглядъ можетъ погубить насъ обоихъ; ты опять будешь принадлежать твоему убійцѣ. Взгляни, съ какимъ любопытствомъ всѣ на насъ смотрять.... если ты не рѣшишься.... я умру!...

СЕРАФИМА. Ты умрешь!?

ПРИДВЕРНИКЪ (*Жоржу*). Какъ прикажите о васъ доложить?

СЕРАФИМА. Г. и г-жа Гаранъ.

(Видно на всѣхъ лицахъ удовлетворенное любопытство. Все идутъ, потомъ г. и г-жа Гаранъ и все придворные. Когда сцена остается пустою, слышенъ шумъ)

придверниковъ и стражей, возвышающихся приходъ Ришелье, который входитъ съ лѣвой стороны; на немъ нѣтъ никакихъ знаковъ, кромѣ креста Св. Духа на шею. Онъ держитъ въ рукѣ маленькую тетрадку, входитъ тихо и смотритъ въ-слѣдъ придворныхъ, входящихъ къ королеви).

ЯВЛЕНИЕ V.

РИШЕЛЬЕ (одинъ).

РИШЕЛЬЕ. Каково! кажется собраніе при дворѣ королевы довольно-многочисленно сегодня! Вѣрно, узнали, что король меня не принялъ.... Вы слишкомъ торопитесь, господа! — Да, ихъ торжественный видъ, совѣты, и донесенія, которыя я получаю со всѣхъ сторонъ... (Показываетъ на тетрадку), а особливо этотъ заговоръ!... Въ случаѣ надобности, я назову демона, одушевляющаго бунтовщиковъ! — Нѣтъ, Марія Медицесъ, твоя ненависть ко мнѣ слишкомъ тебя увлекла!... И если я добьюсь аудиенціи съ королемъ.... ты трепещи — я буду неумолимъ!... И самъ король, который, можетъ-быть, не подорожилъ-бы моею головою, вѣрно, побережетъ ту, на которой носить корону Франціи.

ЯВЛЕНИЕ VI.

РИШЕЛЬЕ И МАРСИАЛЬ.

(Марсиаль показывается въ галерею; увидя Кардинала, останавливается. Стражи и придверники удаляются.—Марсиаль, увѣряя, что никого нѣтъ, быстро подходитъ къ Кардиналу).

Вся эта сцена должна быть ведена очень-живо и въ полголоса.

МАРСИАЛЬ. Это я, ваша свѣтлость.

РИШЕЛЬЕ. Одни-ли мы?

МАРСИАЛЬ. Одни.

РИШЕЛЬЕ. Въ галереѣ?

МАРСИАЛЬ. Никого нѣтъ!

- РИШЕЛЬЕ (*осмотрясь*). Какія новости?
- МАРСИАЛЬ. Очень-важныя.
- РИШЕЛЬЕ. Вчера?
- МАРСИАЛЬ. Собраніе у королевы.
- РИШЕЛЬЕ. Друзей?
- МАРСИАЛЬ. Полный комплектъ.
- РИШЕЛЬЕ. Говорили?
- МАРСИАЛЬ. О! объ васъ.
- РИШЕЛЬЕ. Королева?
- МАРСИАЛЬ. Отправляетъ васъ въ ссылку.
- РИШЕЛЬЕ. Я этого не забуду. А Марсильянь?
- МАРСИАЛЬ. Убить.
- РИШЕЛЬЕ. Безумецъ! — де-Гизъ?
- МАРСИАЛЬ. На галеры.
- РИШЕЛЬЕ (*холодно*). Слишкомъ-жестоко. А Басомпьеръ?
- МАРСИАЛЬ. Въ Бастилію.
- РИШЕЛЬЕ. Это почеловѣколюбивѣе.
- МАРСИАЛЬ. Да, мнѣ тоже кажется.
- РИШЕЛЬЕ. Чтѣ-жъ послѣ?
- МАРСИАЛЬ. Читали.
- РИШЕЛЬЕ. Чтѣ?
- МАРСИАЛЬ. Жолтую рукопись съ красною печатью.
- РИШЕЛЬЕ. Объ чемъ?
- МАРСИАЛЬ. О постриженіи короля; больше ничего.
- РИШЕЛЬЕ (*въ-сторону*). Стало-быть, это правда! (*Въ-слухъ*) потомъ?
- МАРСИАЛЬ. Потомъ объ испанскомъ королѣ.
- РИШЕЛЬЕ. О королѣ Испаніи?
- МАРСИАЛЬ. Точно такъ; я подумалъ, что это не касается до вашей свѣтлости и ушелъ изъ своего уголка; больше я не слушалъ.
- РИШЕЛЬЕ (*про-себя*). Тайный разговоръ!... о подлыя души!... (*Марсилью*) Но эта рукопись!... въ чьихъ рукахъ эта рукопись?
- МАРСИАЛЬ. Въ рукахъ фаворита.
- РИШЕЛЬЕ. Ты увѣренъ въ этомъ?
- МАРСИАЛЬ. Какъ-же, я его впустилъ тотчасъ послѣ засѣданія.
- РИШЕЛЬЕ (*про-себя*). Но если онъ ошибся.. да нѣтъ никакого предлога, чтобы его арестовать.
- МАРСИАЛЬ. И ваша свѣтлость не можете никакъ придумать?
- РИШЕЛЬЕ. Больше ничего нѣтъ?

МАРСИАЛЬ. Ахъ! я позабылъ еще...
 РИШЕЛЬЕ. Говори скорѣе.
 МАРСИАЛЬ. Какая-то закрытая карета въѣхала на дворъ.
 РИШЕЛЬЕ. Закрытая?
 МАРСИАЛЬ. Да!
 РИШЕЛЬЕ. Кто-бы это былъ?
 МАРСИАЛЬ. Не знаю.
 РИШЕЛЬЕ. Надо узнать.
 МАРСИАЛЬ. Узнаю.
 РИШЕЛЬЕ. Кто-то идетъ.
 МАРСИАЛЬ. Бѣгу!

(Уходитъ живо въ боковую дверь съ лѣвой стороны).

РИШЕЛЬЕ *(одинъ)*. Довѣрить Монжерону такую важную тайну! Стало-быть, онъ теперь въ большой силѣ... Во что-бы то ни стало, я раздавлю этого адскаго фаворита.

(Садится на аванъ-сцену съ правой стороны.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

РИШЕЛЬЕ И ЖОРЖЪ.

ЖОРЖЪ *(выходитъ въ большомъ волненіи отъ королевы)*. Графъ Монжеронъ здѣсь! — Да, я слышалъ, какъ его назвали!... А Се-рафима тамъ, подлѣ королевы!... и я не могу ее увести отту-да!... Кажется, сегодня весь адъ вооружился противъ насъ! *(По-ворачивается и видитъ Ришельё)* Нѣтъ, я не ошибаюсь... эти черты лица... Это вы... вы пять лѣтъ назадъ поручили мнѣ ва-жное дѣло.

РИШЕЛЬЕ. Мой долгъ былъ напомнить вамъ объ этомъ. Да, г. Гаранъ, вы славно его исполнили.

ЖОРЖЪ. Я васъ нахожу здѣсь... но эта одежда... этотъ знакъ... одинъ только кардиналъ Ришельё можетъ носить ихъ.

РИШЕЛЬЕ *(спокойно)*. Онъ передъ вами.

ЖОРЖЪ. Кардиналъ! О, благодарю Тебя, Царь Небесный!... вы насъ спасете!... я увѣренъ, что вы насъ спасете!

РИШЕЛЬЕ. Васъ спасти? что вы хотите сказать?

ЖОРЖЪ. Вы мнѣ давно уже обѣщали вашу помощь и покровительство.

РИШЕЛЬЕ. И готовъ повторить свое обѣщаніе; но успокойтесь, говорите смѣло.

ЖОРЖЪ. О! я долженъ разсказать вамъ тайну всей моей жизни, тайна, отъ которой зависятъ два существа. (*Показываетъ на комнату королевы*) Тамъ, подлѣ королевы, сидитъ женщина, которая здѣсь принята подъ именемъ жены моей... эта женщина не моя жена — а другаго...

РИШЕЛЬЕ. Жена другаго!?

ЖОРЖЪ. О, выслушайте меня до конца! Я любилъ эту молодую дѣвушку до безумія; чтобы удостоиться ея руки, я бросился на явную смерть; вы помните то порученіе, въ которомъ Господь помиловалъ меня; — по возвращеніи-же моемъ я спросилъ объ моей Серафимѣ... меня привели къ гробу!... къ гробу, который я открылъ...

РИШЕЛЬЕ (*съ презрѣніемъ*). Вы рѣшились открыть гробъ?

ЖОРЖЪ. Ахъ! если это и преступленіе, то Господь проститъ мнѣ его, потому-что въ этомъ гробѣ была положена несчастная жертва, еще живая... безъ меня она не въ-силахъ была-бы сдвинуть мраморной доски, положенной надъ ея головою; никто-бы не услышалъ ея стона, и она снова умерла-бы отъ яда, которымъ была отравлена.

РИШЕЛЬЕ. Отъ яда?!

ЖОРЖЪ (*внѣ-себя*). Если вы откажете мнѣ въ вашей помощи... если вы не спасете ее... она снова попадетъ въ руки злодѣя Монжерона.

РИШЕЛЬЕ. Монжерона!? Вы говорите, что Монжеронъ отравилъ жену свою? (*Съ живостію*) О, я васъ спасу!... Спасу!... вы имѣете доказательства? имѣете свидѣтелей его преступленія?

ЖОРЖЪ. Одного только! Доктора, который имѣетъ доказательства въ рукахъ, — онъ хотѣлъ объ этомъ донести вашей свѣтлости.

РИШЕЛЬЕ. Этотъ докторъ?

ЖОРЖЪ. Въ Пуатье!

РИШЕЛЬЕ (*гнѣвно*). Въ Пуатье! (*Придя въ себя*) Подождите!... Докторъ изъ Пуатье писалъ ко мнѣ, прося аудіенціи, чтобы сдѣлать мнѣ важное открытіе. (*Вынимаетъ записку и читаетъ*) Такъ точно, докторъ Гено изъ Пуатье.

ЖОРЖЪ (живо). Онъ! точно онъ! Богъ посылаетъ его для нашего спасенія! Но гдѣ-же онъ? гдѣ онъ?

РИШЕЛЬЕ. Возмите эту записку; прочтите адресъ и немедленно привезите доктора сюда, во дворецъ.

ЖОРЖЪ (съ радостью хватаетъ записку). Бѣгу! бѣгу! (Вдругъ останавливается) Боже мой!

РИШЕЛЬЕ. Что васъ останавливаетъ?

ЖОРЖЪ. Она!... Серафима!...

(Смотритъ въ комнаты королевы.)

РИШЕЛЬЕ. Не бойтесь за нее, сударь. Она останется подъ покровительствомъ Кардинала Ришельё.

ЖОРЖЪ. Благодарю васъ, ваша свѣтлость! Теперь тренеши, графъ Монжеронъ! Я клянусь, что черезъ часъ доказательство твоего преступленія будетъ въ моихъ рукахъ!

(Бѣжитъ черезъ галерею въ лѣвую сторону.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

РИШЕЛЬЕ, ПОТОМЪ ДОМИНИКЪ, МОНЖЕРОНЪ И ВЕСЬ ДВОРЬ.

РИШЕЛЬЕ (съ радостію). Наконецъ настала часъ моего мщенія! Монжеронъ убійца! Монжеронъ отравитель! Теперь-то ты въ моихъ рукахъ, а вмѣстѣ съ тобою и договоръ короля Испаніи.

ДОМИНИКЪ (въ галерею, съ правой стороны). Пустите меня! пустите меня, говорю вамъ, или я всѣхъ переколочу! (Входитъ на сцену, не смотря на стражу, которая не пускаетъ его). Я хочу говорить съ Кардиналомъ.

РИШЕЛЬЕ. Что за шумъ?

ДОМИНИКЪ (возвысилъ голосъ). Я хочу у него просить правосудія, да, правосудія противъ графа Монжерона.

РИШЕЛЬЕ. Боже мой! что это?

(Стража и придверники толпятся въ галерею. Многіе придворные слѣдуютъ за Доминикомъ, иные выходятъ отъ королевы и останавливаются на ступенькахъ. Монжеронъ выходитъ изъ своихъ комнатъ.)

монжеронъ. Кто смѣетъ это говорить? (*Узнавъ его*) Доминикъ!

доминикъ (*бросаясь отъ него*). Ахъ! вотъ онъ!

(*Его удерживаютъ*)

ришелье (*въ-сторону*). Если я его не удержу, онъ испортитъ все дѣло.

одинъ изъ придворныхъ. Да это бѣшеный! его надо прогнать!

доминикъ (*въ бѣшенствѣ*). Не подходите ко мнѣ близко! Вы меня не испугаете вашими золотыми платьями.

ришелье (*незамѣтно проходитъ позади сѣнхъ и вдругъ является посерединѣ*). Воздержись! ты видишь передъ собою Кардинала Ришелье.

доминикъ. Вы! великій Кардиналъ! Васъ-то мнѣ и надо! А! вы меня выслушаете и окажете мнѣ правосудіе!

ришелье. Я обязанъ его оказывать веѣмъ... но не здѣсь... послѣ....

доминикъ. Нѣтъ, ваша свѣтлость, здѣсь!.. и сію минуту! —

ришелье. А если я тебѣ прикажу молчать! —

доминикъ. Я васъ ослушаюсь... я не могу больше молчать!... (*Съ чувствомъ*). Я долженъ все высказать, или умереть! Вотъ видите-ли, ваша свѣтлость, я прошелъ сто лѣтъ пѣшкомъ, чтобы только обличить этого злодѣя, который отравилъ мою дочь и послѣ смерти укралъ у меня трупъ ея. (*Монжеронъ улыбается*). Тогда какъ я, убитый горестью, рыдая, спустился въ склепъ, чтобы убѣдиться въ своихъ подозрѣніяхъ, поднялъ крышку гроба, которой была закрыта отъ меня, моя радость, мое дитя!.. ее уже тамъ не было!... Этотъ извергъ скрылъ ее, боясь слѣдовъ своего преступленія.

монжеронъ. Бѣдный Доминикъ! я прощаю тебѣ эти оскорбленія, въ которыхъ ты самъ сейчасъ-же расквѣсься. Теперь я вижу, что ты не былъ ихъ сообщникомъ, а точно также какъ и я, былъ обманутъ ихъ низкимъ поступкомъ. Да, господа! повторяю при всѣхъ — и при васъ Кардиналъ Ришелье, я былъ обманутъ самымъ низкимъ образомъ. Этотъ старикъ сказалъ вамъ, что гробъ графини Монжеронъ былъ пустъ; онъ сказалъ правду.

Эта женщина, поснвшая мое имя, не боялась подвергнуть меня самому ужасному обвиненію, для исполненія своего страшнаго замысла, который едва может придумать человѣческій умъ! Эта женщина не боялась, посредствомъ какого-то напѣтка, притвориться мертвою, позволила похоронить себя и воспользовалась минутою общей горести, не постыдилась броситься въ объятія своего прежняго любовника!

ДОМИНИКЪ. Ея прежняго любовника!

РИШЕЛЬЕ (*въ-сторону*). Надо продлить время.

МОНЖЕРОНЪ (*въслух*). Да, ея прежняго любовника, который, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею придумалъ эту адскую хитрость. Ея прежній любовникъ до такой степени забылся, что имѣлъ дерзость, въ надеждѣ на мое отсутствіе, представить ее здѣсь во дворцѣ... королевѣ... подъ своимъ именемъ.

РИШЕЛЬЕ (*въ-сторону*). А! это его хитрость!

ДОМИНИКЪ. Ахъ! не вѣрьте ему, господа! Это все ложь; моя Серафима умерла!

МОНЖЕРОНЪ (*подходя къ Доминику*). Она жива, говорю я тебѣ! — (*Въ это время Серафима въ сопровожденіи нѣкоторыхъ дамъ выходитъ отъ королевѣ. Услышавъ голосъ Монжерона, она останавливается и дрожитъ. Монжеронъ подходитъ къ ней, хватая за руку и тащитъ на сцену*). И вотъ доказательство.

ВСѢ ПРИДВОРНЫЕ. Г-жа Гаранъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ-ЖЕ, СЕРАФИМА И ДАМЫ.

ДОМИНИКЪ (*внѣ себя*). Боже милосердый! Это она! она!

СЕРАФИМА (*растерявшись*). Я одна... одна здѣсь....

РИШЕЛЬЕ (*подойдя къ ней, говоритъ очень-тихо*). Нѣтъ; вы имѣете друга. (*Подойдя къ Монжерону и отводя отъ него Серафиму*). Вы слишкомъ дерзки, милостивый государь! И какъ вы осмѣлились схватить за руку эту даму?

МОНЖЕРОНЪ. Чтѣ вы говорите, г. Ришелье? это жена моя!

РИШЕЛЬЕ. Чѣмъ вы мнѣ это докажете? Эту даму никто не знаетъ, весь дворъ называетъ ее супругой Гарана, и не взирая на смущеніе и страхъ, который вы навели на нее своею дерзостію, по всему видно, что она васъ совсѣмъ не знаетъ. (*Тихо*

Серафимъ, которая едва держится на ногахъ). Притворитесь, что ничего не знаете, или Жоржъ погибъ.

МОНЖЕРОНЪ (съ твердостью). Вы-ли Серафима Ляфайль? Скажите, солгалъ-ли я?

СЕРАФИМА. Вы ошибаетесь, сударь! я не имѣю чести васъ знать. (Ришелье опускаетъ ея руку).

ДОМИНИКЪ (горько). Нѣтъ, это она!

МОНЖЕРОНЪ (растерявшись), Вы меня не знаете? (Съ улыбкою). Что-жь? можетъ-быть!.. а узнали-ли вы этого старика, который васъ воспиталъ — и который, конечно, васъ узналъ. Не правда-ли, Доминикъ?

ДОМИНИКЪ. Да, удивительное сходство!.. неслыханное!.. оно разрываетъ мое сердце!.. только нѣтъ!.. это не моя дочь!..

МОНЖЕРОНЪ. Что ты говоришь?

ДОМИНИКЪ. Мое дитя, моя Серафима, такъ любила своего старика Доминика, что не могла-бы равнодушно видѣть его горести!.. а она стоитъ молча!.. она нечувствительна къ слезамъ моимъ!.. я къ ней протягиваю руки, она не бросается въ нихъ. (Въ-слухъ). О! вы видите сами, что это не она. (Отворачивается и плачетъ).

МОНЖЕРОНЪ. Кажется, весь адъ вооружился на меня! (Какъ пораженный новою мыслию). Ахъ! (Идетъ въ глубину театра и говоритъ что-то тихо придвернику).

СЕРАФИМА (въ-сторону). Какъ мнѣ тяжело видѣть его слезы!

РИШЕЛЬЕ (въ-сторону). Какъ долго не идетъ Жоржъ... и эти доказательства....

МОНЖЕРОНЪ (придвернику). Ты меня понял! Ступай! (Придверникъ уходитъ по галерею въ лѣвую сторону).

РИШЕЛЬЕ. Графъ Монжеронъ! необыкновенное сходство съ вашей супругою помрачило вашъ рассудокъ; я этому вѣрю вполне и извиняю васъ; но пора кончить эту тягостную сцену для всѣхъ, — а особливо для г-жи Гаранъ; пожалуйте сударыня!

МОНЖЕРОНЪ (заслоняя дорогу). Вы не выйдете отсюда!

РИШЕЛЬЕ. Какая дерзость!

МОНЖЕРОНЪ (съ улыбкою). Я хочу ей сдѣлать послѣднй вопросъ.

РИШЕЛЬЕ (въ-сторону). Еще новая хитрость.

(Въ это время придверникъ, посланный Монжерономъ, возвращается, держа за руку ребенка; — увидя его Монжеронъ бросается, хватая за руку и подводитъ къ Серафимъ).

МОНЖЕРОНЪ. Вы, сударыня, не узнаете никого; узнаете-ли, по крайней-мѣрѣ, этого ребенка?

ЯВЛЕНИЕ X.

ТЪ-ЖЕ И ДИТЯ.

СЕРАФИМА (*бросается къ нему*). Дитя мое! (*Беретъ его на руки и цѣлуетъ*).

ДОМИНИКЪ. Она это она! моя Серафима жива! (*Бѣжитъ къ ней и обнимаетъ ее, дамы ее окружаютъ; Доминикъ поддерживаетъ ее; она не выпускаетъ руки ребенка; вся эта толпа выходитъ медленно въ дверь съ левой стороны*).

РИШЕЛЬЕ (*въ-сторону*). Чувства матери измѣнили ей.

МОНЖЕРОНЪ (*торжественно*). А! эта хитрость была хорошо-обдумана, г. Ришелье; — вы надѣялись погубить меня... но я умѣю доказать свою невинность передъ всѣми.

РИШЕЛЬЕ. Я точно также буду вполне убѣжденъ въ ней, когда мнѣ подтвердитъ ее докторъ Гено изъ Пуатье, котораго я ожидаю.

МОНЖЕРОНЪ. Очень-радъ,—я также ожидаю его.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТЪ-ЖЕ И ЖОРЖЪ.

ЖОРЖЪ (*въбѣжавъ съ левой стороны, становится передъ Монжерономъ*). Да, ты можешь смѣло его дожидаться, потому-что ты знаешь, что онъ умеръ!

всѣ. Умеръ!

РИШЕЛЬЕ (*съ досадою*). А! графъ Монжеронъ! вы человѣкъ предусмотрительный! я это знаю уже пять лѣтъ.

МОНЖЕРОНЪ (*вспыльчиво*). Что вы говорите?

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТЪ-ЖЕ И БАСОМПЬЕРЪ, ПОТОМЪ МАРІЯ МЕДИЦИСЪ.

БАСОМПЬЕРЪ (*сходя со ступенекъ*). Прежде, чѣмъ обвинять другихъ, умѣйте сами оправдаться, г. Ришелье.

РИШЕЛЬЕ (*поворотясь*). А кто смѣетъ обвинять меня?

МАРІЯ МЕДИЦИСЪ (*съ возвышенія*). Я королева!

(Всѣ снимаютъ шляпы. Королева въ сопровожденіи дамъ сходитъ съ ступеней и подходитъ прямо къ Ришелье. Дамы остаются наверху и тѣ, которыя провожали Серафиму, входятъ на сцену).

Г. Ришелье. Вы больше не министр! нынѣшнюю-же ночь вы должны выѣхать изъ Парижа!.. Вотъ приказъ короля. (*Подаетъ ему запечатанную рукопись*).

РИШЕЛЬЕ (*посль нѣкотораго молчанія*). Позволено-ли мнѣ, крайней-мѣрѣ, предложить королю...

МАРІЯ МЕДИЦИСЪ. Король въ Версали... вы его не увидите ..

МАРСІАЛЬ (*входя изъ заднихъ дверей, ведущихъ къ королю, тихо Ришелье*). Король здѣсь! (*Движеніе радости Ришелье*).

МАРІЯ МЕДИЦИСЪ. Графъ Монжеронъ, вы имѣете много враговъ! Но мы обѣщаемъ вамъ нашу защиту и покровительство.

(Королева кланяется всѣмъ придворнымъ и уходитъ черезъ галерею въ сопровоженіи всѣхъ дамъ).

БАСОМПЬЕРЪ (*проходя гордо мимо кардинала, говоритъ громко*). Въ этотъ разъ, кажется, наша партія выиграла!

РИШЕЛЬЕ (*на аванъ-сценѣ съ-лѣвой стороны, про-себя*). Не со-всѣмъ еще! (*Входитъ скоро въ дверь, на которую показываетъ Марсіаль*).

БАСОМПЬЕРЪ (*располагая провозжать королеву, Монжерону*). Графъ! вашу руку! (*Придворнымъ*). Я вамъ говорилъ, господа, что графъ Монжеронъ правъ; я увѣренъ, что онъ честный и благородный человѣкъ.

ГАРАНЪ (становясь между нихъ). А я вамъ, говорю, господа, что онъ подлець!

(Общее движение).

МОНЖЕРОНЪ. Послѣ клеветы, оскорбленіе!
ЖОРЖЪ (съ яростію). Да! которое ты долженъ смыть своею кровью!

(Бросаетъ ему въ лицо перчатку. Де-Тернъ и Басомпьеръ становятся между Гараномъ и Монжерономъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА 1.

СУДЪ БОЖІЙ.

КАРТИНА 2:

ПЕРВЫЙ МИНИСТРЪ.

КАРТИНА 1.

(Поле.—Съ лѣвой стороны домъ Гюге).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЮГЕ, содержатель шинка, потомъ ДЕ-ТЕРНЪ, закутанный въ плащъ, идетъ къ дому и стучитъ въ двери.

ДЕ-ТЕРНЪ. Эй! кто-нибудь! Гюге! — да вѣрно въ этомъ домѣ нѣтъ никого. (Продолжаетъ стучать).

ГЮГЕ (*отворяя дверь*). Сейчас! сейчас!, сударь! Что вам угодно?

ДЕ-ТЕРНЬ. Поди сюда! У тебя есть твоя маленькая барка, которая насъ столько разъ спасала отъ объѣздной команды.

ГЮГЕ. Какъ-же-съ!

ДЕ-ТЕРНЬ. Чтобъ она была готова.

ГЮГЕ. Для чего-же?

ДЕ-ТЕРНЬ. Здѣсь будетъ дуэль.

ГЮГЕ. Дуэль! Развѣ кардиналъ умеръ?

ДЕ-ТЕРНЬ. Почти... онъ ужъ больше не министръ.

ГЮГЕ. Да здравствуетъ король! Мы опять увидимъ красные дни!

ДЕ-ТЕРНЬ. Ты приготовь барку, и во-время дуэли по обыкновению будешь стеречь, чтобы мы не понались.

ГЮГЕ. Будьте спокойны! я на цѣлую версту обгону объѣздную команду и увѣдомлю васъ.

ДЕ-ТЕРНЬ. Хорошо. (*Увидя Монжерона*). Ступай!

(Гюге кланяется Монжерону, который входитъ съ правой стороны).

ЯВЛЕНИЕ II.

ДЕ-ТЕРНЬ и МОНЖЕРОНЪ, (*въ плащъ и въ дорожномъ костюмѣ, застегнутомъ по-горло*).

ДЕ-ТЕРНЬ. Какъ вы исправны, графъ! Вы первый! Видѣлись ли вы съ королевой?

МОНЖЕРОНЪ. И болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ осыпанъ ея милостями: ея величество, чтобы доказать мнѣ, что я чрезъ эту исторію не потерялъ нисколько цѣны въ ея глазахъ, удостоила меня высокой довѣренности, — вамъ я могу сказать: назначила меня тайнымъ посломъ въ Испанію.

ДЕ-ТЕРНЬ. Поздравляю васъ, графъ! Кажется, ваши враги вмѣсто вреда, принесли вамъ большую пользу.... А что Жоржъ Гранъ?

МОНЖЕРОНЪ. Ея величество, (*съ выраженіемъ*) по моей просьбѣ, оставила его дерзость безъ наказанія.

ДЕ-ТЕРНЬ. Теперь, г. посланникъ, остается только пожелать вамъ успѣха въ поединкѣ.

МОНЖЕРОНЪ (*снимая плащъ*). Я ужъ отдалъ приказанія... черезъ часъ я ѣду въ Мадридъ.

ДЕ-ТЕРНЬ. Удивляюсь вашей увѣренности и хладнокровію.... Вы имѣете опаснаго противника... злость и отчаяніе удвоятъ его силы... берегитесь!

МОНЖЕРОНЪ (*улыбаясь*). Я вамъ повторю, что черезъ часъ ѣду.

ДЕ-ТЕРНЬ (*въ-сторону*). Странно! вчера онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ. (*Смотритъ въ правую сторону*). Вотъ и онъ... что это! кто у него секундантомъ? да, это вчерашній сумасшедшій!

МОНЖЕРОНЪ (*удивленный*). Доминикъ!

(*Гюге сводитъ Жоржа и Доминика, показываетъ имъ Монжерона и уходитъ въ лѣвую сторону*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ, ЖОРЖЪ И ДОМИНИКЪ.

ДОМИНИКЪ. Да, Доминикъ; я увѣренъ, что ни одинъ дворянинъ не сочтетъ себя за безчестье, если ему придется сразиться съ старымъ солдатомъ Генриха IV.

ЖОРЖЪ (*подходя къ де-Терну, кланяется*). Вамъ извѣстна, сударь, причина нашей дуэли: она не можетъ кончиться пролитіемъ одной капли крови. Между графомъ Монжерономъ и мною вражда смертельная, и дуэль наша должна кончиться смертью.

ДЕ-ТЕРНЬ. Мы это знаемъ, сударь.

ЖОРЖЪ. Наши секунданты не могутъ брать участія въ подобной дуэли, — и я прошу васъ быть только свидѣтелемъ неприкосновеннымъ, какъ Доминикъ....

ДЕ-ТЕРНЬ. Однакожъ...

МОНЖЕРОНЪ. Г. Гаранъ говоритъ правду, — наша ненависть такъ сильна, что можетъ только кончиться вмѣстѣ съ нашею жизнью, и потому здѣсь нужно забыть всѣ законы и правила обыкновенной дуэли; (*съ намѣреніемъ*) рана, какъ-бы ни была глубока, не должна останавливать боя; вся кровь побѣжденнаго бу-

деть принадлежать побѣдителю: онъ долженъ выйти отсюда не иначе, какъ черезъ трупъ врага своего.

ДЕ-ТЕРНЬ. Но эти условія...

ЖОРЖЪ (живо). Я на нихъ согласенъ.

МОНЖЕРОНЪ (спокойно). Г. Де-тернь, смѣряйте наши шпаги. (Жоржу, съ злобною улыбкою). Теперь, я думаю, возсылаются къ небу жаркія молитвы за ваше спасеніе.

ЖОРЖЪ (съ яростію). Мою шпагу! Доминикъ! мою шпагу! (Стаивится противъ Монжерона).

ДОМИНИКЪ. Вотъ она! смотрите-же! не промахнитесь!

(Послѣ нѣсколькихъ ударовъ, Монжеронъ колетъ Жоржа).

ДОМИНИКЪ. Ахъ! онъ раненъ!

МОНЖЕРОНЪ (продолжаетъ). Впередъ!

ДОМИНИКЪ (въ отчаяніи). Какъ течётъ его кровь!

МОНЖЕРОНЪ. Она принадлежитъ мнѣ до послѣдней капли.

(Жоржъ колетъ Монжерона, наноситъ ударъ прямо въ грудь).

ДОМИНИКЪ. Ага, прокололъ!

МОНЖЕРОНЪ. Нѣтъ! (Жоржъ колетъ еще).

ДОМИНИКЪ. Еще — и нѣтъ крови! (Бросается между ними)
Остановитесь!

ДЕ-ТЕРНЬ. Чтѣ ты дѣлаешь?

ДОМИНИКЪ (бросаясь на Монжерона). Ты въ кирасахъ, низкій человекъ!

МОНЖЕРОНЪ (отодвигаясь). Я!

ДЕ-ТЕРНЬ. Не можетъ быть!

ДОМИНИКЪ (разрывая платье и открывая нагрудникъ). Посмотрите, господа!

ЖОРЖЪ. Подлецъ!

ДОМИНИКЪ. Вотъ причина твоей храбрости! Долой платье, долой!

МОНЖЕРОНЪ (борясь съ нимъ). Ты смѣешь со мною употреб-
лять насиліе!

ДЕ-ТЕРНЬ (съ презрѣніемъ). Откройте, грудь, сударь! откройте!
вы срамите французское дворянство! (Срываетъ съ него нагруд-
никъ).

ЖОРЖЪ. Становись, подлецъ! Ты самъ сказалъ, что побѣд-
тель долженъ выйти отсюда черезъ трупъ побѣжденнаго.

(Когда Де-тернь сорвалъ нагрудникъ, изъ подъ него вы-
пала рукопись съ красною печатью).

МОНЖЕРОНЪ (увидя это, становится на нее ногою и вскрикиваетъ). О Боже!

ДОМИНИКЪ (отходя). Теперь Богъ будетъ судьей! Онъ найдеть виноватаго! (При створѣхъ взмахъ Жоржъ ранилъ Монжерона).

МОНЖЕРОНЪ. Ахъ! я раненъ! (Де-тернъ его поддерживаетъ). ГЮГЕ (бѣгая). Спасайтесь, господа! объѣздная команда!

ДОМИНИКЪ. Ахъ! чортъ побери! спасайтесь!

ДЕ-ТЕРНЪ (спасая Монжерона). Спасаться, Монжеронъ! барка готова... поспѣшимъ!...

ДОМИНИКЪ (Жоржу, показывая въ-льво). А ты сюда!

ГЮГЕ (останавливая). Эта дорога непроходима!

МАРСИАЛЬ (выходя изъ дома). Но по этой можно уйти.

ДОМИНИКЪ (съ радостію). Марсіаль!

МАРСИАЛЬ (толкая ихъ въ домъ вмѣстѣ съ Гюге). Спасайтесь, батюшка! бѣгите во дворецъ кардинала. (Въ это время показывается команда, Марсіаль поднимаетъ рукопись и показываетъ въ ту сторону, куда пошелъ Монжеронъ) Вы ищете г. Гарана, господа? Ступайте въ эту сторону... сюда.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Залъ во дворцѣ кардинала; дверь отворена въ садъ, съ правой и съ лѣвой стороны по угламъ окна, съ правой, на аван-сценѣ, столъ, покрытый богатымъ ковромъ; — стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕРЛФИМА (сидитъ на аван-сценѣ съ лѣвой стороны). Успѣтъ-ли Марсіаль помѣшать этой ужасной дуэли? Ужъ пора-бы ему возвратиться (Бѣжитъ къ окну съ правой стороны). Площадь покрыта народомъ! что это значитъ?

(Слышны крики: Смерть Кардиналу!)

Что я слышу! Да! Кардиналу грозятъ смертію! (*Снова крики и хлопанье въ ладоши*) Стало быть паденіе кардинала справедливо, если веѣмъ оно извѣстно! Враги его торжествуютъ! — Онъ погибъ!... а вмѣстѣ съ нимъ и моя послѣдняя надежда!... Кто защититъ моего Жоржа!... онъ, можетъ-быть, раненъ!... а можетъ-быть, убитъ!... Ахъ! они убили его!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ДОМИНИКЪ и ЖОРЖЪ (*входятъ оба съ шпагами въ рукахъ, съ лѣвой стороны*). СЕРАФИМА.

ДОМИНИКЪ (*толкая Жоржа въ залъ*). Да! не упустили-бы случая!... Да, чортъ побори, старый Доминикъ былъ съ нимъ!

СЕРАФИМА (*бросается къ Жоржсу; онъ стоитъ мрачный и неподвижный*). Жоржъ! мой Жоржъ!

ДОМИНИКЪ. Я надѣюсь, что мы обогнали объѣздную команду!
СЕРАФИМА (*въ ужасъ*) Кровь!

ДОМИНИКЪ. Не пугайся! это ничего! булавочная царпина!... Поплатился-бы Монжеронъ за нее жизнью, если-бъ земская стража не подоспѣла; я увѣренъ, что этотъ подлецъ подкупилъ ее. Но теперь надобно похлопотать объ лошадяхъ и какъ можно скорѣе уѣхать за границу, лишь-бы только графъ Монжеронъ съ своими сообщниками дали намъ часъ времени — и я отвѣчаю за безопасность Жоржа. Ну-ка, мои старья ноги, послужите мнѣ хорошенько сегодня, (*Хочетъ выйти, вдругъ дверь открывается*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ, БАСОМБЕРЬ, ЛАНЖАКЪ, СТРАЖА и ДОМИНИКЪ.

БАСОМБЕРЬ. Именемъ короля! Мнѣ принадлежитъ дворецъ кардинала! (*Стражъ, которая внутри сада*). Чтобъ этотъ старикъ былъ подъ особеннымъ присмотромъ.

доминикъ *(грубо)*. Не безпокойтесь! я не захочу бѣжать одинъ.
 БАСОМПЬЕРЪ. Г. Гарант! Вы арестованы! Васъ, сударыня, я
 получилъ приказаніе отъ королевы отправить въ Люксанбургъ.
 СЕРАФИМА *(прижимаясь къ Жоржю)*. Жоржъ! я съ тобою не раз-
 ставусь.

одинъ изъ придворныхъ *(смотритъ въ окно съ лѣвой стороны)*.
 Отворяютъ главные ворота! въѣзжаетъ какая-то карета!
 БАСОМПЬЕРЪ. Это королева!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ-ЖЕ И РИШЕЛЬЕ.

*(Изъ глубины театра показываются придворные; въ то-же время
 входятъ дамы съ лѣвой стороны. Музыка до конца)*.

всѣ. Ришелье!

РИШЕЛЬЕ *(въ глубинѣ театра)*. Да! Ришелье! Первый министр!
(Начальнику стражи). Г. Ланжакъ,—чтобы никто не выходилъ
 отсюда!

(Входитъ на сцену).

СЕРАФИМА *(бросается къ его ногамъ)*. Ахъ! простите насъ!
 простите, ваша свѣтлость!

РИШЕЛЬЕ *(увидя Жоржиса)*. Вы еще въ Парижъ!

СЕРАФИМА. Ахъ! вы его спасете!

РИШЕЛЬЕ. Я не могу спасти его. Онъ дрался на дуэли — и
 сію минуту противникъ его умеръ.

(Серафима молча садится и плачетъ).

доминикъ. Умеръ! Спаси Господи душу его!

РИШЕЛЬЕ. Я все зналъ, и уже просилъ за него короля, потому-
 что одинъ король властенъ нарушить законъ! Но его величество
 отвѣчалъ мнѣ: «Законъ не помиловалъ головы Бутевилля!» и от-
 казалъ мнѣ въ прощеніи.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ-ЖЕ И МАРСИАЛЬ.

МАРСИАЛЬ (*завыхавшись*). А мнѣ не отказалъ, вотъ оно!
всѣ. Прощеніе!

МАРСИАЛЬ. Да, прощеніе, подписанное самимъ королемъ! Прочтите, прочтите ваша свѣтлость! всѣ формы соблюдены!... (*По-даетъ кардиналу прощеніе Жоржа и другую рукопись*).

РИШЕЛЬЕ. Что я вижу? Секретный переговоры съ Испаніей! Какъ онъ попался въ твои руки?

МАРСИАЛЬ. Я его поднялъ на мѣстѣ дуэли, онъ валялся на землѣ; увидя желтую рукопись, я тотчасъ узналъ, что это заговоръ противъ короля.

БАСОМНЬЕРЬ. Мы пропали!

МАРСИАЛЬ. Не теряя времени, я побѣжалъ въ Лувръ, и такъ-какъ мнѣ извѣстны во дворцѣ всѣ входы и выходы, я прямо безъ доклада явился къ королю и подалъ ему эту толстую рукопись; чортъ побери, какъ говоритъ папá; если-бъ вы видѣли, какъ вдругъ вспрыгнулъ съ мѣста его величество! «Кардиналъ «правъ!» вскричалъ онъ. «О подлецы! Что ты хочешь въ награду «за твою услугу? говори, даю тебѣ королевское слово, чего-бы «ты ни потребовалъ, все исполню!» — Разумѣется, я не заставилъ короля повторять два раза.—Ваше величество! прошу у васъ прощенія Жоржу Гарану! «Я отказалъ въ немъ кардиналу, но тебѣ «не могу отказать! Изволь, вотъ его прощеніе!» (*Кланяясь кардиналу*). Вы меня извините, что на этотъ разъ я имѣлъ больше власти надъ королемъ, нежели ваша свѣтлость.

ДОМИНИКЪ (*обнимая Марсіала*). Теперь я прошаю тебя, что ты не пошолъ въ салдаты.

РИШЕЛЬЕ (*въ продолженіе всего времени читаетъ рукопись*). О, теперь король мнѣ ни въ чемъ не откажетъ! (*Громко твердымъ голосомъ*). И я хочу вознаградить всѣхъ по ихъ-же благоусмотрѣнію. Г. Басомньеръ... въ Бастилю! — а Марія Медицисъ — въ ссылку!

БАСОМНЬЕРЬ (*дѣлаетъ движеніе гнѣва и отдаетъ свою шпагу Ланжаску, который къ нему подходитъ*).

МАРСИАЛЬ (*Доминику*). Всѣхъ отправляетъ по тому пути, который ему приготовили.

РИШЕЛЬЕ (*ласково*). Что касается до васъ, г. Гаранъ; вы получите завтра одно важное порученіе и отправитесь изъ Парижа. (*Дѣлаетъ движеніе*). Черезъ годъ вы возвратитесь.

ДОМИНИКЪ (*въ полголоса*). Онъ опять уѣдетъ!

МАРСИАЛЬ (*увѣрительнымъ тономъ*). Не уѣдетъ!

ДОМИНИКЪ. Какъ?

МАРСИАЛЬ. Да ужъ мы съ королемъ уладимъ это.

Съ французскаго.

==

Покойнаго сердца, увы, не встревожатъ
Невинныя ласки твои;
Онъ состраданье, быть можетъ, умножатъ, —
Но что тебѣ въ немъ безъ любви?

* * *

О, милый ребенокъ, ты любишь впервые....
Что-жь дѣлать? любовь затаи.
Ничто не пробудить, какъ въ голы былые,
Уснувшія чувства мои!

* * *

Мнѣ жаль, что бывшее въ тебѣ я отрицаю: —
И я безнадежно любилъ,
И я былъ отвергнутъ, какъ самъ отвергаю,
И я, унижаясь, молилъ!

—

ДВѢ НЕВѢСТЫ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ (*).

ДѢЙСТВУЮЩЕ:

Г-жа Рошваль	Г-жа Сосницкал.
Аделаида { ея дочери	Г-жа Кабылова.
Розина {	Г-жа Самойлова 2-л.
Дарьевиль, отецъ г-жи Рошваль	Г-нъ Самойловъ.
Мурине	Г-нъ Григорьевъ 1-й.
Эдмондъ Гиберь, префектъ	Г-нъ Смирновъ 1-й.
Жозефъ, слуга	Г-нъ Горькавовъ.

(Театръ представляетъ комнату, выходящую въ садъ; дверь въ глубинѣ и двѣ посторональ; на право столъ, съ письменнымъ приборомъ, на второмъ планѣ окно; на лѣво столъ и окно).

ЯВЛЕНИЕ I.

АДЕЛАИДА, РОЗИНА, Г-ЖА РОШВАЛЬ И ЖОЗЕФЪ.

(При поднятіи занавѣса, Аделаида сидитъ у стола на-лѣво и читаетъ; Розина на правой сторонѣ вышиваетъ; г-жа Рошваль входитъ изъ дверей на право, крича: Жозефъ, Жозефъ!)

ЖОЗЕФЪ (входя изъ главной двери). Что прикажете, сударыня?

(*) Въ первый разъ играна въ Петербургѣ, въ бенефисъ г-на Третьякова, 11 мая, 1845 года.

Г-жа рошваль. Гдѣ ты пропадаешь? Вотъ ужъ цѣлый часъ, какъ я тебя зову.

Жозефъ. Я, сударыня, по вашему приказанію убиралъ комнаты.

Г-жа рошваль. Ты-бы лучше пошелъ надѣлать парадную ливрею.

Жозефъ. Слушаю, сударыня. (*Уходитъ*).

Г-жа рошваль. Ахъ, Боже мой! у меня голова идетъ кругомъ; что я вижу? Аделаида!.. ты преспокойно сидишь и читаешь; къ чему тебѣ романы когда у тебя есть женихъ.

Аделаида. Я читаю «Матильду или записки молодой женщины» маменька.

Г-жа рошваль. Успѣешь начитаться за-мужемъ. Ну, а ты Розина, что дѣлаешь? о чемъ ты думаешь?

Розина. Я ни о чемъ не думаю, маменька; вышиваю эту перелинку, для моей сестры.

Г-жа рошваль. Посмотримъ твою работу! Ахъ Боже мой! ты, кажется, ни сколько не заботишься помочь сестрѣ твоей; тебѣ, кажется, нѣтъ никакого дѣла до того, что она выходитъ за-мужъ.

Розина. Ахъ, маменька! вы неповѣрите, какъ мнѣ хочется, чтобы эта свадьба состоялась. (*Въ-сторону*). У меня на это есть важныя причины: мнѣ сказали рѣшительно, что я не должна и думать о женихахъ прежде свадьбы моей старшей сестры.

Г-жа рошваль. Боже мой! скоро часъ, а маркиза де-Рокуръ все еще невидать!

Аделаида (*вставая*). Да, это странно.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪ-ЖЕ И ДАРЛЕВИЛЬ.

Розина. Ахъ! вотъ и дѣдушка! (*Бѣжитъ къ нему и целуетъ его*).

Г-жа рошваль. Что-же, папенька, какія новости принесли вы Намъ? видѣли-ли вы кого нибудь?

Дарлевиль. Нѣтъ, я никого не видалъ... но я получилъ вотъ это письмо.

Г-жа рошваль. Отъ маркиза де-Рокура?

Дарлевиль. Отъ него самого; онъ не будетъ сегодня.

Г-жа рошваль. Не будетъ? отъ-чего?

ДАРЛЕВИЛЬ. Отъ-чего?

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Что-жь? развѣ онъ колеблется принять руку моей дочери?

ДАРЛЕВИЛЬ. Нѣтъ, не колеблется, а рѣшительно отказывается.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Возможно-ли? это ужасно!

АДЕЛАНДА (съ досадою). О! это меня ни сколько не удивляетъ.

РОЗИНА. И меня то-же.

АДЕЛАНДА. Признаюсь, я всегда считала маркиза человѣкомъ очень-обыкновеннымъ, пустымъ, холоднымъ.. между имъ и мною не было ни малѣйшей симпатіи.

ДАРЛЕВИЛЬ. Ну, вотъ и онъ говорить то-же самое; кромѣ-того онъ пишетъ еще, что ты постоянно и во всемъ ему противорѣчила, осмѣивала его поминутно, даже передъ другими, что, однимъ-словомъ, онъ видѣлъ въ тебѣ явное желаніе стать гораздо-выше его вездѣ и во всемъ.

АДЕЛАНДА. Это не мудрено было сдѣлать; онъ не дальняго ума.

ДАРЛЕВИЛЬ. Все это очень можетъ-быть, но послушай, душа моя! если ты намѣрена когда-нибудь выдти за мужъ, то не должна осмѣивать своихъ жениховъ.

АДЕЛАНДА. Жениховъ! отъ того только, что маркизъ нашель, что я гораздо умнѣе его.

ДАРЛЕВИЛЬ. Если-бъ онъ былъ только одинъ, но, къ несчастью у насъ ужъ набралась порядочная коллекція отставленныхъ жениховъ.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Что у васъ за выраженія? Коллекція!

ДАРЛЕВИЛЬ. Ну, да конечно! во всякомъ случаѣ, мнѣ очень-досадно, что этотъ отказъ разстроилъ мои планы; я былъ такъ увѣренъ въ этомъ маркизѣ, что подумалъ даже и о свадьбѣ моей миленькой Розины. Уменя былъ для нея кое-кто на примѣтѣ, и я даже написалъ ему, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ сегодня по-утру.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Кто-жь это такой?

ДАРЛЕВИЛЬ (которому Розина напрасно подаетъ знаки). Г. Эдмондъ Гиберъ.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. И онъ долженъ пріѣхать сюда? сегодня.

ДАРЛЕВИЛЬ. Да, я хотѣлъ тебѣ его представить.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. О, я очень-рада! я никогда не видала этого г. Эдмонда, но слышала много объ немъ хорошаго. Аделаида, ступай, одѣнься получше! Очень можетъ-быть, что ты ему понравишься.

Розина еще такъ молода, и мы докажемъ этому маркизу де Рокуру....

розина (*тихо Дарлевилю*). Ахъ дѣдушка! что вы надѣлали? Теперь маменька выдастъ за Эдмонда сестру — и я останусь безъ жениха.

дарлевиль. Въ-самомъ-дѣлѣ! какъ это я не догадался... погоди, я постараюсь какъ-нибудь это поправить, уладить... (*Г-жа Рошваль*) Впрочемъ я забылъ сообщить тебѣ новость, еще гораздо-важнѣе.

г-жа рошваль. Важнѣе? развѣ можетъ быть что-нибудь важнѣе замужества?

дарлевиль. Твоя ферма въ Креси, съ которой тебѣ такъ хотѣлось развязаться... я нашелъ тебѣ для нея покупателя, сосѣдняго помѣщика, человѣка богатаго.

г-жа рошваль. О! время-ли мнѣ теперь думать о фермѣ? Я препоручаю вамъ условиться съ нимъ и торговаться.

дарлевиль. Но... однако-же...

г-жа рошваль. Сперва заботы о дочери, а тамъ ужъ о фермѣ. Аделаида! я хочу сама быть при твоемъ туалетѣ: первое впечатлѣніе чрезвычайно-важно... Вы уведомяте насъ, папенька, о прибытіи г. Гибера. (*Уходитъ съ Аделаидой*).

ЯВЛЕНИЕ III.

ДАРЛЕВИЛЬ И РОЗИНА.

розина. Ахъ, дѣдушка! что вы надѣлали?

дарлевиль. Да я и самъ замѣтилъ, что проговорился, да ужъ было поздно.

розина. А сколько знаковъ я вамъ дѣлала, — все напрасно! Какъ это вамъ не стыдно?

дарлевиль. Да... ну, что-же дѣлать душа моя: я постараюсь все это поправить, найди только какое-нибудь средство.

розина. Средство? будто это такъ легко? мнѣ кажется, что вы-бы сами должны придумать его.

дарлевиль. Конечно, за-тѣмъ-то я и придумываю, да только не могу ничего придумать.

розина. Правду сказать дѣдушка, ужъ куда вы не изобрѣтательны!

Дарлевиль. Не избобрѣтатели! это только такъ кажется съ перваго взгляда, а въ самомъ-то дѣлѣ.... Ну такъ какъ-же ты думаешь, — какое-бы это было средство?

Розина. Да мнѣ, кажется, самое простое. Напишите г. Гиберу записочку, и попросите, чтобы онъ сего-дня не приходилъ къ намъ.

Дарлевиль. Въ-самомъ-дѣлѣ самое лучшее средство! Я только что хотѣлъ предложить тебѣ его. (*Садясь*) Ну, такъ я напишу ему.

Розина. Да не забудьте пожайдуста найти какой-нибудь важный предлогъ вашему отказу.

Дарлевиль. Разумѣется. Что-жъ можетъ быть важнѣе этого — жениться на старшей сестрѣ вмѣсто младшей, когда младшая такъ мила, какъ моя Розина?

Розина. Ну ужъ полноте, пишите только.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Эдмондъ.

Эдмондъ (*входит*). Г. Дарлевиль!... мамзель Розина!...

Розина. Ахъ, Боже мой! Г. Эдмондъ! ну, все пропало! За-чѣмъ это вы такъ рано пришли?

Эдмондъ. Письмо, которое Г. Дарлевиль прислалъ мнѣ вчера...

Розина. Да, вчера дѣдушка писалъ вамъ одно, а сегодня пишетъ другое.

Эдмондъ. Другое? что-же это значить?

Розина. Это значить то, что вы должны какъ-можно скорѣе опять уйти отсюда. Сдѣлайте одолженіе, г. Эдмондъ, уйдите пожайдуста.

Дарлевиль (*вставая и подавая ему письмо*). Да, сударь, вамъ непременно нужно уйти отсюда, въ этомъ письмѣ я объяснилъ причины, по которымъ...

Эдмондъ (*беретъ письмо*). Позвольте-же мнѣ узнать ихъ. (*Читая*) Какъ! жениться на старшей сестрѣ вмѣсто меньшей! О! теперь я все понимаю! но что-же мнѣ дѣлать? какое несчастіе! а я такъ торопился къ вамъ сегодня, чтобы сообщить вамъ пріятную новость: мѣсто, котораго я такъ давно добивался, которое такъ

давно мнѣ было обѣщано, наконецъ я получилъ его — я сдѣланъ префектомъ нашего округа.

дарлевиѣ. Префектомъ?! Славная должность!

розина. Еще одной причиной больше, чтобъ ему уйти поскорѣе.

дарлевиѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, теперь опасность еще больше; васъ ни за что не вынустятъ отсюда. Префектъ, да это такая выгодная партія...

розина. Уходите-же, уходите, ради Бога, поскорѣе!

эдмондъ. Я повинуюсь вашему приказанію. Ахъ я и забылъ... совершенно обнадеженный вами, я рѣшился прислать г. Рошваль и мамзель Розинѣ кое какія бездѣлки.

дарлевиѣ. Понимаю, понимаю, вы слѣдуете обычаю; подарками привлекать на свою сторону; будьте спокойны, я ихъ приму и возвращу вамъ обратно.

эдмондъ (кланяясь). Итакъ, я опять долженъ съ вами проститься.

дарлевиѣ. При первомъ женихѣ Аделаиды, я опять дамъ вамъ знать.

розина. Боже мой! сюда идетъ маменька.

дарлевиѣ. Моя дочь! вотъ тебѣ разъ! вы попадетесь ей на встрѣчу. Что намъ дѣлать?

розина. Дѣдушка! какая мысль!... не ждете-ли вы сегодня какого-то помѣщика, который хотѣлъ купить ферму у маменьки въ Креси?

дарлевиѣ. Ну, такъ что-жъ изъ этого?

розина. Маменька не знаетъ, ни его, ни г. Гибера, представьте его, какъ покушника.

дарлевиѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасная выдумка, я только-что хотѣлъ предложить тебѣ то-же самое.... ты увидишь, какъ я это все устрою.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТЪ-ЖЕ И Г-ЖА РОШВАЛЬ.

дарлевиѣ. Ты очень-кетати, Эмилія! я только-что хотѣлъ представить тебѣ...

г-жа рошваль. О! помилуйте! къ-чему рекомендація? я съ перваго взгляда узнала того, съ кѣмъ такъ давно желала познакомиться.

розина (*тихо Дарлевию*). Что-жь, дѣдушка, скажите-же поскорѣе.

г-жа рошваль. Вы сдѣлали намъ честь своимъ посѣщеніемъ.

дарлевиъ. Да, этотъ господинъ явился сюда торговать у тебя твою ферму.

г-жа рошваль. Ферму? такъ этотъ господинъ къ намъ пришелъ только за этимъ?

дарлевиъ. Да, да, и ни за-чѣмъ больше, увѣрю тебя. (*Эдмонду тихо*). Скажите-же ей что-нибудь, разыгрывайте роль покупателя.

эдмондъ. Сударыня!... я точно хотѣлъ-бы... имѣю намѣреніе купить вашу прекрасную ферму, она мнѣ чрезвычайно-понравилась... прекрасное мѣстоположеніе, поля, луга, лѣса...

г-жа рошваль. Въ такомъ случаѣ, вы можете осмотрѣть... мы покажемъ вамъ ее тотчасъ.

эдмондъ. Помилуйте — къ-чему это...

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И ЖОЗЕФЪ.

жозефъ. Какой-то господинъ пріѣхалъ верхомъ и спрашиваетъ г-на Дарлевию.

дарлевиъ. Ай, ай, ай! это мой покупатель!

г-жа рошваль. Проси его, поскорѣй сюда. Это долженъ быть женихъ. Вѣдь вы больше никого не ждали сегодня.

дарлевиъ. Конечно.. но мнѣ кажется... я пойду посмотрѣть... спросить....

г-жа рошваль. За-чѣмъ-же вамъ беспокоиться? я сама приму его, а вы въ это время потрудитесь показать нашу ферму.

дарлевиъ. Но.. какъ-же... мнѣ кажется, оставить васъ.

г-жа рошваль. Что-жь вы находите въ этомъ неприличнаго.

розина. Дѣдушка! но вѣдь это невозможно.

дарлевиъ. Я больше всего боюсь объясненія, и потому лучше постараюсь при немъ не присутствовать. (*Эдмонду*). Не угодно-ли вамъ пожаловать за мною?

розина. Но, какъ-же, дѣдушка?

дарлевиль. Развѣ ты не видишь, дурочка, что я моимъ уходомъ сохраняю тебѣ жениха, и избавлю самого себя отъ объясненій. (*Уходитъ съ Эдмондомъ*).

г-жа рошваль. А ты, Розина, поди скажи своей сестрѣ, чтобъ она пришла сюда.

розина. Какъ, маменька, вы хотите...

г-жа рошваль. Безъ возраженій, сударыня! пришлите Аделанду! останьтесь въ вашей комнатѣ, и не смѣйте входить въ гостиную. Вы поняли меня?

розина. Понимаю, маменька. Всякій разъ, какъ у моей сестры есть женихъ, мнѣ не велятъ показываться въ гостиную. Скоро ли это кончится? (*Уходитъ*).

г-жа рошваль (*смотря съ окно*). Вотъ и женихъ! я думала, однако, что онъ гораздо моложе. Какія странныя манеры!..

ЯВЛЕНИЕ VII.

г-жа рошваль и морине.

морине (*входя*). Чортъ подери! этакая скверная лошадь! по крайней-мѣрѣ въ десятый разъ сбрасываетъ меня! вѣдь этакая странная у нея привычка; чуть гдѣ увидитъ ровъ, разомъ на дыбы, а я хлопъ оземь... Посмотрѣть, однако, не повредилъ-ли я себѣ чего? (*Хочетъ снять фракъ*).

г-жа рошваль. Боже мой! что онъ хочетъ дѣлать? (*Подходитъ къ нему*). Милостивый государь.

морине. Ахъ, извините, сударыня! я думалъ, что здѣсь никого нѣтъ... Вѣроятно, я имѣю честь говорить съ г-жою Рошваль?

г-жа рошваль. Точно такъ: если я не ошибаюсь, вы упали съ лошади.

морине. Сдѣлайте одолженіе, потише, сударыня; объ этихъ вещахъ не говорятъ громко.

г-жа рошваль. Неудобно-ли вамъ сѣсть?

морине (*сядясъ*). О! съ большимъ удовольствіемъ.

г-жа рошваль. Но вы... не ушиблись?

морине. Я... я только хотѣлъ убѣдиться въ этомъ, когда вы меня остановили. Ровъ, конечно, былъ не глубокъ, но всего не-

пріятнѣе то, что въ немъ росла густая крапива, я свалился прямо въ нее, согласитесь, что это довольно-щекотливое положеніе.

г-жа рошваль. Какое остроуміе! я такъ рада, что паденіе ваше не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій.

морине (въ-сторону). Какая внимательность! Вѣрно, этой женщѣ очень хочется, чтобъ я купилъ у ней ферму.

г-жа рошваль. Вы первый разъ еще въ замкѣ Рошваль?

морине. Да-съ, я первый разъ имѣю эту честь... впрочемъ я здѣсь свой человѣкъ, у меня по сосѣдству есть имѣніе.

г-жа рошваль. А! у васъ здѣсь есть имѣніе?

морине. Да, сударыня, я имѣю несчастіе быть землевладѣльцемъ.

г-жа рошваль. Несчастіе?!

морине. Да-съ, одна старая поговорка гласитъ такъ: гдѣ земля, тутъ и тяжба.

г-жа рошваль. Такъ у васъ тяжба?

морине. И еще съ правительствомъ, сударыня, которое изволило провести дорогу чрезъ мои земли.

г-жа рошваль. Ваши земли? Какая прекрасная партія для моей Аделаиды?

морине. И если-бъ еще это была желѣзная дорога, или даже почтовая, я-бы не сказалъ ни слова, а то проселочная, сударыня, по которой прогуливаются мужики, и не подозрѣвая, что меня лишаютъ двухъ-сотъ тысячъ франковъ годоваго дохода.

г-жа рошваль. Двухъ-сотъ тысячъ!

морине. Не думайте, чтобы я преувеличивалъ, сударя! ни одной копейкою! Нашъ бывшій префектъ — тысяча чертей! извините, сударыня, одно имя этого префекта приводитъ меня въ отчаяніе, — цѣлыя три года водилъ меня за носъ, обѣщая окончить это дѣло, и три года меня мучить неизвѣстность: выиграю я, или проиграю двѣсти тысячъ франковъ.

г-жа рошваль. Да вѣдь вы имѣете право требовать, чтобъ уничтожили эту дорогу?

морине. Полное и совершенное; префектъ даже не оспаривалъ у меня этого права; но все оттягивалъ рѣшеніе этого вопроса до другаго удобнѣйшаго времени; если-бы вы знали, сударыня, что я долженъ былъ перенести въ эти три года!... Я съ удовольствіемъ желалъ-бы задушить этого человѣка, а долженъ былъ всякую недѣлю три раза присутствовать на его вечерахъ,

играть съ нимъ въ карты; вы не повѣрите, какая скука была на этихъ вечерахъ, что за народъ собирался у этого г-на префекта! Я тамъ имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашимъ батюшкою и съ одной изъ вашихъ дочерей... ее звали, если я не ошибаюсь...

Г-жа рошваль. Аделаида!

морине. Аделаида? это очень можетъ быть; какое прекрасное имя — Аделаида!

Г-жа рошваль. Какъ я рада, что оно вамъ нравится.

морине. Помилуйте, сударыня! вы видите, что я нѣсколько знакомъ съ вашимъ семействомъ.

Г-жа рошваль. Стало-быть, вы давно ужъ имѣли то памѣреніе, съ которымъ явились въ мой домъ?

морине. Да-съ, довольно-давно. (Вѣрно, она съ меня хочетъ взять подороже). Надобно вамъ сказать, сударыня, что я ищу натуру, удобную для воздѣлыванія.

Г-жа рошваль. Ахъ, сударь!...

морине. И, въ особенности, плодородную.

Г-жа рошваль. Помилуйте...

морине. О, непременно! это главное условіе.

Г-жа рошваль. Однако-же, сударь...

морине. Я имѣю для этого достаточные способы.

Г-жа рошваль. Сдѣлайте одолженіе, перестанемте говорить объ этомъ.

морине. Отъ-чего-же, сударыня? цѣль моя такъ проста.

Г-жа рошваль. О, я въ этомъ увѣрена.

морине. Разъ давши слово, я никогда не беру его назадъ, и если успѣю получить отъ васъ то, чего добиваюсь, повѣрьте, что буду всѣмъ распоряжаться самъ и не возьму себѣ управителя.

Г-жа рошваль. О, какой любезный и остроумный человекъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ И АДЕЛАИДА (богато-одѣтая).

Г-жа рошваль. Ахъ, какой случай! мы только-что говорили о тебѣ, дочь моя: ты, вѣрно, узнаешь нашего гостя? не правда-ли? ты

миѣ столько разъ говорила объ немъ нынѣшнюю зиму!... На вечерахъ у г-на Префекта... вы встрѣчались нѣсколько разъ.

морине. Извините, но.. я люблю во всемъ аккуратность.... не нѣсколько разъ, а всего только однажды я имѣлъ удовольствіе видѣть дѣвицу Аделаиду и танцовать съ нею.

г-жа рошваль. И танцовать? вы танцовали съ нею! скажите, какой случай!

аделаида. А, теперъ я припоминаю, это было предъ постомъ. Мой танцоръ уѣхалъ, не доставало визави.

морине. Да-съ, и я рѣшился протанцовать съ вами кадрили... это былъ не маловажный подвигъ.

г-жа рошваль. Аделаида помнитъ все... впрочемъ, можно-ли забыть первую встрѣчу... Скажите, вы не занимаетесь музыкою?

морине. Неможно!... большею частію лѣтомъ.

г-жа рошваль. Вы поете?

морине. Нѣтъ, я играю иногда на рожкѣ, немного тяжело, впрочемъ очень-пріятно.

г-жа рошваль. Прекрасный инструментъ! я очень люблю его.

морине (*въ-сторону*). Она, однако-жъ, до-сихъ-поръ не говоритъ о фермѣ.

г-жа рошваль. Аделаида! поди сюда... Ахъ, если-бы вы знали, какой прекрасный голосъ у моей дочери, и какъ она поетъ: на-стоящая Малибранъ, Гризи, Персіяни...

морине. Извините, сударыня, я не имѣю удовольствія знать этихъ дамъ.

г-жа рошваль. Какъ? развѣ вы не были въ Парижѣ?

морине. Отъ-роду никуда не выѣзжалъ изъ моего помѣстья.

г-жа рошваль. Странно! не видать Парижа, съ вашими талантами, качествами...

морине. Помилуйте-съ. (Да когда-же она наконецъ заговоритъ о формѣ)?

г-жа рошваль. Неужели, вы не хотите быть депутатомъ?

морине. Депутатомъ?.. миѣ?.. говорить съ каедры?.. Помилуйте, что-жъ я буду говорить этимъ господамъ?

г-жа рошваль. Какая скромность! впрочемъ это очень-понятно... но, когда вы женитесь, переменна обстоятельство, родныя, которыхъ надобно протезировать, дѣти, которыхъ надобно при-строить....

морине. Да о чемъ они миѣ тутъ толкуютъ? Позвольте однако...

Г-жа рошваль. Впрочемъ я не требую, чтобъ вы были депута- томъ; моя дочь также... неправда-ли, Аделаида?

Морине. Кой чортъ? если я не ошибаюсь, такъ тутъ пахнетъ свадьбой. Эгѣ-ге!... Извините меня, сударыня, но я боюсь задер- жать васъ и потому. *(Раскланивается)*.

Г-жа рошваль. Какъ вамъ не стыдно церемониться съ нами? Развѣ мы не свои люди.... *(Надобно ихъ оставить однихъ)*. Я должна также окончить небольшое дѣло, по хозяйству, и потому... *(Хочетъ уйти)*.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ-ЖЕ, ДАРЛЕВИЛЬ И ЖОЗЕФЪ *(несетъ богатый ящикъ)*.

Дарлевиль *(останавливая Жозефа)*. Но, послушай Жозефъ, я говорю тебѣ...

Жозефъ. Помилуйте сударь, вѣдь я не дуракъ, и очень-хорошо разсуждалъ, что мнѣ приказали отдать ящикъ г-жѣ Рошваль.

Г-жа рошваль. Что тамъ такое? Жозефъ? что случилось?

Жозефъ. Сейчасъ принесли этотъ ящикъ и приказали вамъ отдать.

Г-жа рошваль. Отъ кого?

Жозефъ. Посланый не отвѣчалъ ни слова на всѣ мои разгово- ры, и говорилъ, что господа узнаютъ сами.

Г-жа рошваль. Посмотримъ, что это такое? *(Жозефу)*. Ты можешь идти. *(Жозефъ уходитъ. — Она открывая ящикъ)*. Что я вижу, какой прекрасный альбомъ!

Аделаида. Какой хорошенькій вѣеръ! —

Дарлевиль *(съ-стороны)*. Это подарки Эдмонда, я въ этомъ былъ увѣренъ.

Г-жа рошваль. О! я очень-хорошо понимаю, кто сдѣлалъ намъ этотъ неожиданный сюрпризъ. *(Подходя къ Морине)*. Я не знаю, какъ благодарить васъ...

Дарлевиль. Ну, дѣло запуталось на славу!

Морине. Что прикажите-съ?

Г-жа рошваль. Подарки ваши доказываютъ такое вниманіе.

морине. Извините, сударыня, я терпѣть не могу загадокъ; позвольте узнать, о какихъ подаркахъ вы говорите?

г-жа рошваль (*показываетъ на лицкѣ*). О тѣхъ, которыя вы прислали намъ съ такою любезностію.

морине. Но... помилуйте сударыня, съ какой стати я могъ предложить вамъ подобныя вещи?

г-жа рошваль. Но развѣ вы не женихъ моей дочери.

дарлевиль (*съ-стороны*). Все кончено!

морине. Сударыня! совѣмъ должнымъ къ вамъ уваженіемъ, я васъ прошу окончить со мною эту неумѣстную шутку.

г-жа рошваль и аделаида. Шутку?

морине. Да, сударыня, шутку. Я не дѣлалъ никогда никакихъ подарковъ, и мнѣ съ-роду не приходила въ голову фантастическая идея жениться, хотя-бы это даже было на мамзель Аделаидѣ.

аделаида (*бросая впередъ*). Надобно признаться однако, что меня преслѣдуетъ особенное несчастіе.

г-жа рошваль. Такъ за чѣмъ-же сударь вы явились къ намъ въ домъ?

морине. Мой отвѣтъ будетъ коротокъ: я пріѣхалъ купить вашу ферму.

рошваль. Еще одинъ вопросъ: васъ-ли зовутъ Эдмондомъ Гиберомъ?

морине. Меня, сударыня, зовутъ Гекторъ-Папфилъ Моринѣ, и я постараюсь, чтобъ меня всегда называли точно также.

г-жа рошваль. О! такъ тутъ была самая ужасная ошибка! Мы васъ приняли за другаго... теперь все объяснилось, и вы можете понять...

морине. Понимаю.

г-жа рошваль. Должны извинить насъ...

морине. Извиняю.

г-жа рошваль (*Аделаидѣ*). Пойдемъ, дочь моя! Собери свои силы... утѣшься..

аделаида (*смотря на Морине съ презрѣніемъ*). Несчастіе мое не такъ велико, какъ вы думаете. (*Уходитъ съ г-жою Рошваль*).

морине. Она обидѣлась... ничего... посердитесь да и перестанетъ.

дарлевиль. Государь мой! я такъ сконфуженъ, я въ совершенномъ отчаяніи отъ этой ошибки... я не знаю какъ выразить вамъ...

морине. Сдѣлайте одолженіе, не трудитесь извиняться: я большой философъ, и эта домашняя сцена не произвела на меня большого впечатлѣнія. Извините, мнѣ пора... я долженъ ѣхать. (*Въ сторону*). Куда я попалъ?... альбомы... женихи... подарки... хороша семейка! Имѣю честь кланяться.

ДАРЛЕВИЛЬ. Вашъ покорнѣйшій слуга! —

ЯВЛЕНІЕ X.

ДАРЛЕВИЛЬ и РОЗИНА.

ДАРЛЕВИЛЬ (*сидясь*). Ахъ, я наслу стою на ногахъ... какой случай! какое происшествіе...

РОЗИНА (*вбѣгая*). Дѣдушка! дѣдушка! это я, вставайте, вставайте поскорѣй.

ДАРЛЕВИЛЬ. Ну, что тамъ еще такое? что ты тамъ выдумала.

РОЗИНА. Я все слышала, я была въ этой комнатѣ. (*Показываетъ на дверь на-право*). Наши дѣла пошли очень - дурно, но есть еще средство помочь этому, вы можете все обдѣлать.

ДАРЛЕВИЛЬ. Я? Какимъ-же это образомъ?

РОЗИНА. Бѣгите за господиномъ Морине, остановите его, чтобы-то ни стоило.. скажите ему все, что придетъ вамъ въ голову.. однимъ-словомъ, заставьте его жениться на сестрѣ моей... если онъ не послушаетъ васъ, то приведите его суда, я сама постараюсь уговорить его.

ДАРЛЕВИЛЬ. Но, одноко...

РОЗИНА. Не теряйте времени, доброй дѣдушка, бѣгите скорѣе, не то будетъ поздно.

ДАРЛЕВИЛЬ (*едва двигаясь*), Бѣгу, бѣгу!

ЯВЛЕНІЕ XI.

РОЗИНА (*смотря ему въ-слѣдъ*). Ахъ, Боже мой! это онъ пытается бѣжать; онъ такъ никогда его не догонитъ! Боже мой!

онъ даже пошелъ не въ ту сторону... Г. Морине садитесь на лошадь почти подъ этимъ окномъ... о! я непременно сама позову его. (Смотря въ окно) Г-нъ Морине, г-нъ Морине!... онъ услышалъ меня... (Кланяясь) Да, это я... я зову васъ. Пожалуйста сюда! онъ сходить съ лошади... идетъ сюда... Что-же я однако скажу ему? право, не знаю. Постараюсь быть какъ-можно краснорѣчивѣе.

ЯВЛЕНИЕ XII.

РОЗИНА И МОРИНЕ.

РОЗИНА. Извините меня за то, что я рѣшилась просить васъ выслушать меня.

МОРИНЕ. Помилуйте, сударыня! напротивъ, мнѣ очень-пріятно.

РОЗИНА. Вы не знаете меня?

МОРИНЕ. Не имѣю этой чести... но это все-равно, я готовъ.

РОЗИНА. Я имѣла очень-важную причину остановить васъ... я такъ забочусь о моей сестрѣ.

МОРИНЕ. А! вы сестра...

РОЗИНА. Аделаиды.

МОРИНЕ. Очень пріятно-съ; а васъ зовутъ?

РОЗИНА. Розинной.

МОРИНЕ. Прекрасное имя.

РОЗИНА. Я знаю все, сударь.

МОРИНЕ. Все? въ ваши лѣта, сударыня...

РОЗИНА. Но вы не знаете, сударь, въ какомъ положеніи бѣдная моя сестра! она теперь плачетъ.

МОРИНЕ. Плачетъ? Скажите пожалуйста, какая жалость!

РОЗИНА. Да, сударь, и вы одни тому причиной.

МОРИНЕ. Въ самомъ-дѣль? Ваша сестрица должна быть очень чувствительна.

РОЗИНА. Я видѣла горестъ ея, и хотѣла поговорить съ вами, попросить не доводить ее до отчаянія; вы такъ добры, я съ перваго взгляда угадала, что у васъ прекрасное сердце.

морине. Помилуйте!... (Эта дѣвушка однако очень-мила, во всей ея наружности есть что-то такое симпатическое.) Сударыня, я готовъ для васъ сдѣлать все, что могу... вы съ перваго взгляда заставляете себѣ повиноваться.

розина. Въ-самомъ-дѣлѣ? О! стало-быть мы можемъ быть добрыми друзьями! Сдѣлайте одолженіе, садитесь и поговоримте серьезно о нашемъ дѣлѣ. (Садится) Скажите мнѣ пожалуйста, отъ-чего вы не хотите жениться на моей сестрѣ?

морине. Отъ-того, что некогда не имѣлъ намѣренія жениться на комъ-бы то ни было.

розина. Очень можетъ быть, но другіе могли имѣть намѣреніе женить васъ; моя маменька и сестра думали, что вы явились сюда свататься.

морине. Нисколько! я приходилъ покупать ферму, я не виноватъ, что при этомъ случилось маленькое недоразумѣніе.

розина. Что-жъ? одно не мѣшаетъ другому. Вы хотите, во что-бы то ни стало, купить эту ферму? не правда-ли? Женитесь на моей сестрѣ, и вы получите ферму даромъ, въ приданое.

морине. Конечно... даромъ... только видите-ли: это даромъ иногда очень-дорого обходится... но скажите мнѣ, пожалуйста, что вы такъ хлопочете о вашей сестрѣ? почему-бы вамъ не позаботиться о самой-себѣ?

розина. Я совсѣмъ не думаю объ этомъ.

морине. Отъ-чего-же? видите-ли, мамзель Розина, я буду съ вами откровененъ: вотъ если-бы мнѣ надобно было жениться на особѣ, которая, примѣрно сказать, походила-бы на васъ...

розина (смиясь). Полноте! полноте! у моей сестры прекрасный характеръ, она такъ добра, любезна, скромна!

морине. Значить, я видѣлъ ее въ недобрый часъ, потому-что, уходя отсюда, она послала мнѣ не слишкомъ-любезное словцо.

розина. О! это очень-понятно, въ ней говорило тогда обиженное самолюбіе, печаль, досада... Гнѣвъ ея еще болѣе доказываетъ, что вы сдѣлали на нее сильное впечатлѣніе.

морине. О! повѣрьте, что это совершенно безъ моего желанія и вѣдома.

розина. И какъ давно уже сестра моя расположена къ вамъ.

морине. Давно?

розина. Да съ нынѣшней зимы. На вечерахъ префекта, помните-ли кадрили, который вы съ нею танцовали?

морине. Какъ? такъ это началось съ того несчастнаго кадрили.

розина. Только вы одни, мужчины, рассчитываете и собираетесь съ духомъ, чтобы полюбить; въ насъ это чувство рождается невольно.

морине. О! не всегда, бываютъ случаи.

розина. Стало-быть, вы сдѣлаете счастливою мою сестру? я прошу васъ объ этомъ.

морине (*въ сторону*). Чортъ возьми! я чувствую, что скоро не въ силахъ буду сопротивляться этой сиренѣ.

розина. Ахъ, вотъ и дѣдушка! Не забудьте-же то, о чемъ я васъ просила.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ТѢ-ЖЕ И ДАРЛЕВИЛЬ.

ДАРЛЕВИЛЬ (*входя и садясь*). Ну, Розина! я искалъ, искалъ, и нигдѣ не нашелъ г. Морине.

розина. Не мудрено, онъ былъ здѣсь... я говорила съ нимъ; онъ далъ мнѣ свое согласіе.

морине. Но... позвольте мнѣ однако, сударыня...

розина. Да, вы мнѣ обѣщали, не отговаривайтесь!... я ничего не хочу слышать!...

морине. Какъ она смотритъ на меня! рѣшительно не могу тронуться съ мѣста.

ДАРЛЕВИЛЬ (*подходя къ Морине*). Мнѣ весьма-пріятно, государь мой, что я слышалъ... то, что вы согласились.

морине. А! наконецъ заговорилъ и дѣдушка, и я смѣло могу отправиться отсюда.

ДАРЛЕВИЛЬ. Розина! онъ, кажется, собирается уйти.

розина. Не бойтесь, дѣдушка! вы увидите, что онъ останется. Г. Морине! куда-же вы?.. я прошу васъ... останьтесь!...

МОРИНЕ. Я?... никуда, мамзель Розина!... я думаль.... я хотѣль....

РОЗИНА. Не правда-ли, вы сознаетесь въ томъ, что были очень виноваты передъ моею сестрой.

МОРИНЕ. Я?... виновать? но помплуйте, въ чемъ?

РОЗИНА. Какъ, въ чемъ? вы поступили съ нею такъ жестоко... учтивость требуетъ, чтобы вы извинились передъ нею... написали, на-примѣръ, къ ней хоть нѣсколько строкъ.

ДАРЛЕВИЛЬ. Да, да, нѣсколько строкъ.

МОРИНЕ. Письмо? я ни за-что не напишу его!

РОЗИНА. Вы его напишите.

ДАРЛЕВИЛЬ. Отъ-чего-же не написать, государь мой?

РОЗИНА. Ужъ не вмѣшивайтесь, пожалуйста, дѣдушка, я сама обдѣлаю все; здѣсь на столѣ все нужное для письма, бумага, перо, которое я сама чинила. (*Беретъ его за руку и ведетъ къ столу*). Полноте, добрый г. Морине! не упрямитесь, я прошу васъ написать нѣсколько строчекъ... нѣсколько словъ...

МОРИНЕ. Странная вещь!... не понимаю, что меня заставляетъ ей повиноваться. Я съль... пишу.... даже мнѣ приходятъ въ голову идеи... странно!

РОЗИНА (*глядя за нимъ*). Хорошо... очень-хорошо... еще немножко повѣжливейте.

МОРИНЕ. Вы видите, я повинуюсь вамъ, дѣлаю все, что вы мнѣ приказали.

РОЗИНА. Я за это вамъ очень-благодарна.

МОРИНЕ. А я, рѣшительно не понимаю, что со мною дѣлается.

РОЗИНА. И неужно, дайте сюда это письмо. (*Звонитъ, входитъ Жозефъ, она отдаетъ ему письмо*). Отнеси сейчасъ это письмо къ моей сестрѣ.

МОРИНЕ. Впрочемъ, что-же! нѣсколько строкъ учтивости еще ни къ чему меня не обязываютъ.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТѢ-ЖЕ И Г-ЖА РОШВАЛЬ, ПОТОМЪ ЖОЗЕФЪ.

Г-ЖА РОШВАЛЬ (*входя*). Какъ, сударь, вы еще здѣсь!

МОРИНЕ. Точно такъ, сударыня, какъ изволите видѣть.

(Садится въ кресло).

Г-ЖА РОШВАЛЬ. А ты, Розина, что здѣсь дѣлаешь? я думала, что ты въ своей комнатѣ

РОЗИНА. Маменька, вотъ видите-ли?...

ДАРЛЕВИЛЬ (*тихо г-жѣ Рошваль*). Если-бы ты знала, что мы тутъ сдѣлали съ Розиной? Вообрази, что г. Морине согласенъ жениться на Аделаидѣ.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Въ-самомъ-дѣлѣ?

ДАРЛЕВИЛЬ (*увидя входящаго Жозефа*). А вотъ и посолъ нашъ.— Ну что, Жозефъ? каковъ отвѣтъ?

ЖОЗЕФЪ. Отвѣтъ, сударь? вотъ онъ!

(Бросаетъ на-полъ разорванное письмо).

ДАРЛЕВИЛЬ. Какъ! она разорвала письмо, прочитавши его?

ЖОЗЕФЪ. Нѣтъ, сударь! напротивъ, не читавши.

МОРИНЕ. Не читавши? Чортъ возьми, это удивительный поступокъ... героическій... римскій... хотя вмѣстѣ съ тѣмъ грубый, но впрочемъ, тѣмъ лучше, это избавляетъ меня отъ обязанности быть учтивымъ.

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Аделаида! возможно-ли? и она это сдѣлала? вы, вѣроятно, написали какія-нибудь грубыя выраженія?

МОРИНЕ. Я, сударыня, написалъ тамъ одиѣ учтивости.

ДАРЛЕВИЛЬ. Да вѣдь она не читала письма?

Г-ЖА РОШВАЛЬ. Это правда, въ такомъ случаѣ, я ровно ничего не понимаю. Впрочемъ, я сейчасъ-же все узнаю. Прошу васъ, маменька, удержатъ еще нѣсколько времени г-на Морине.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ-ЖЕ, КРОМѢ Г-ЖИ РОШВАЛЬ.

МОРИНЕ. Однако-жъ, чего-же я еще дожидаясь? Убраться, пока есть время.

Дарлевиль (*становясь въ дверяхъ*). Государь мой! вы не выйдете отсюда.

Морине. Государь мой! я уважаю ваши достоинства, какъ челоуѣка... но рогаткой вы рѣшительно не можете быть.

(*Дѣлаетъ жесты, отъ которыхъ Дарлевиль откакивается*).

Розина (*становясь на его мѣсто*). Г. Морине! вотъ и другая рогатка, съ которою, однако надобно обойтись немножко поучтивѣе.

Морине. Сударыня, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ пройти. (*Беретъ ее за руку*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

тѣ-же и Эдмондъ (*останавливается въ дверяхъ*).

Розина (*Эдмонду*). Ахъ! Эдмондъ! помогите намъ удержать г. Морине.

Морине. Третья рогатка! но такъ, какъ вы, государь мой, ни старикъ, ни дѣвушка, то я не совѣтовалъ бы вамъ.

Дарлевиль. Знаете-ли вы, что это за челоуѣкъ?

Морине. Я не имѣю этой чести.

Дарлевиль. Такъ я скажу вамъ, это вашъ... своякъ.

Морине. Какой своякъ?

Дарлевиль. Будущій...

Морине. Какой, чортъ-возьми, будущій?

Дарлевиль. Ну, да какъ-же.. это очень-ясно: у меня есть двѣ внучки; такъ-какъ вы женитесь на старшей, то г. Гиберъ беретъ младшую. И какой у васъ будетъ удивительный своякъ!..

Морине. А что-жъ вы находите въ немъ удивительнаго?

Дарлевиль. Какъ, что? Имѣть своимъ своякомъ префекта, развѣ это встрѣчается на каждомъ шагу.

Морине. Что вы говорите? этотъ господинъ префектъ, тотъ самый, который заступилъ мѣсто нашего покойнаго префекта?

Эдмондъ. Къ вашимъ усугамъ.

Морине. О! въ такомъ случаѣ... государь мой! вы меня извините, но я не отстану отъ васъ ни на-минуту, покамѣтъ вы не окончите.

Эдмондъ. Но, чего-же? я васъ не понимаю.

Морине. Какъ чего? моего дѣла! Моей дороги! двухъ-сотъ тысячъ франковъ, которыя я теряю.. кстати! Какъ васъ зовутъ?

Эдмондъ. Эдмондъ Гиберъ.

Морине. Такъ сдѣлайте одолженіе, г. Эдмондъ Гиберъ, нельзя ли поскорѣе кончить это проклятое дѣло?

Розина (становясь между ними). Позвольте, позвольте, у насъ еще неокончено дѣло, которое гораздо-важнѣе вашей проселочной дороги.

Морине. Какое-же это?

Розина. А ваша свадьба?

Морине. Какая тутъ свадьба?

Розина. Подумайте хорошенько, г. Морине! когда вы породнитесь съ нашимъ префектомъ...

Морине. А, я понимаю вашу идею. Въ-самомъ-дѣлѣ двѣсти тысячъ франковъ, и префектъ родня...

Розина. Стало-быть все кончено, и вы согласны?

Морине. Одну минуту... это разорванное письмо не выходитъ у меня изъ головы.

Розина. Самое это письмо доказываетъ привязанность къ вамъ моей сестры.

Морине. Это какимъ образомъ.

Розина. Очень-простымъ: она не хотѣла отвѣчать вамъ письменно для того, чтобы увидѣть васъ и лично объясниться съ вами. Вотъ она сама идетъ сюда: вамъ необходимо надобно будетъ упасть передъ нею на колѣна.

Морине. Вы думаете, что это необходимо!

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ-ЖЕ Г-ЖА РОШВАЛЬ И АДЕЛАИДА.

Г-жа рошваль (ведя Аделаиду). Небойся, дитя мое; вы видите, г. Морине, мнѣ нетрудно было увѣрить ее въ томъ, что между вами произошло недоразумѣніе.

Морине (смотря на Розину, которая дѣлаетъ ему знаки). Да,

сударыня.. я признаюсь... что я думалъ.. надѣялся... это точно было недоразумѣніе... Однимъ словомъ, вы, вѣроятно, будете столько добры, что простите меня ...

аделаида. Я право не знаю сударь, должна-ли я...

г-жа рошваль. Полно, Аделаида! ты видишь, что г. Морине истинно раскаявается.

морине. Чортъ меня мозьми, если я знаю, въ чемъ я раскаяваюсь.

эдмондъ. И я, какъ будущій членъ вашего семейства, прошу васъ объ этомъ.

розина. Становитесь-же на колѣни! теперь самая пора.

морине. Вы думаете? (*становится на колѣни*). Прекрасная Аделаида!

аделаида (*подавая ему руку*). Я увѣрена, что вы не заставите меня раскаяваться въ томъ, что я такъ скоро согласилась отдать вамъ мою руку.

рошваль. Дочь моя! Милая Аделаида. (*Обнимаетъ ее*).

розина (*также*). Милая сестрица!

дарлевиль. Наконецъ-то ты выходишь замужъ. (*Тихо Розинѣ*). Стало-быть и ты то-же?

морине. Мнѣ сегодня выдался довольно - счастливый денекъ: ферма, двѣсти тысячъ франковъ, приданое, родня префектъ, и въ придачу ко всему этому жена, которую я, конечно еще мало знаю, но съ которой надѣюсь познакомиться покороче послѣ свадьбы!

Съ французскаго.

==

МУЖЪ ВЪ ДВЕРЬ,

А

ЖЕНА ВЪ ТВЕРЬ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ. (*)

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

дѣйствующія лица:

- Матвѣй Сергѣевичъ Копотуновъ, коллежскій совѣтъ-никъ Г-нъ Каратыгинъ 2-й.
Артемія Васильевичъ Чеботаркинъ, коллежскій ассесоръ, другъ его Г-нъ Третьяковъ.
Степка, лакей Копотунова Г-нъ Марковецкій.
Дарья, работница у него въ домѣ Г-жа Рамазанова.

*) Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александринскомъ-театрѣ, въ бенефисъ г. Третьякова, мая 11 дня 1845 года.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Театръ представляетъ кабинетъ Копотунова; въ глубинѣ сцены, по срединѣ и на каждой сторонѣ по двери).

—

ЯВЛЕНИЕ I.

СТЕПКА (*развалился на диванъ, куритъ*). Чортъ возьми! лакейская жизнь пріятная, лишь-бы только господъ не было, да чистоты не требовали... Вотъ я, на-примѣръ, третій день безъ того и другаго обрѣтаюсь — и лихо живется! Баринъ, по казенному приключенію, въ Тверь отправился... возвратится онъ только черезъ недѣлю... а барыня вчера вечеромъ тягу дала, и вернется едва-ли не послѣ дождика въ четвергъ.... Ну, удивится-же баринъ, какъ пріѣдетъ назадъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, тутъ что-то не ладно... Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, прыгъ въ повозку и катай-валяй... не шуры-ли муры, или амуры тутъ какія... Матвѣю Сергѣевичу уже 51-й годъ пошелъ, а Аппѣ Егоровнѣ всего 33-й: хоть и не ребенокъ, а все и не старуха; да и то еще сказать, изъ 50-ти лѣтъ, баринъ слишкомъ 30-ть въ департаментѣ согнувшись просидѣлъ, — такъ гдѣ-же ему быть такимъ мужемъ, какъ слѣдуетъ? къ тому-же я замѣтилъ, въ отсутствіе барина сюда похаживалъ какой-то молодчикъ.... Эхъ господа, господа! поглядѣть, такъ и ваши-то женки не лучше нашихъ. (*Поглядывая на стѣнные часы*) Однако восьмой часъ! Верно, Дуня за сухарями сейчасъ побѣжитъ.... отправлюсь и я.... безъ господъ — лафа.... (*Открываетъ шкафъ съ платьями*) Взялъ полетѣ барское и пошелъ господиномъ ходить! (*Надѣваетъ пальто*) Узковато маленько, пу да ничего... сукно за-то тонкое. (*Уходя на-льво*) Кабы баринъ еще недѣльку не возвращался!

(*Вскорѣ послѣ ухода его, въ другую дверь входитъ Копотуновъ въ шубѣ, суконной фуражкѣ и колошахъ; за нимъ извожикъ несетъ чемоданъ, дорожный мешокъ и подушку.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

КОПОТУНОВЪ И ИЗВОЩИКЪ.

копотуновъ (*снимая шубу*). Поставь все сюда; на тебѣ пятиалтынный.

извощикъ. Не обижайте уже баринъ.... какъ можно пятиалтынный.... вѣдь я вашу милость отъ дележанца доселѣ доведу.... да еще съ поклажей.

копотуновъ. Врешь — довольно!

извощикъ. Вѣдь какъ я везъ вашу милость-то!

копотуновъ. Ну, ну.... на тебѣ двугривенный.... да и съ Богомъ.

извощикъ. Хотя четвертачекъ — съ... съ почину вѣдь.

копотуновъ. Ни гроша; вы, мошенники, ради драть... доберутся когда-нибудь и до васъ.

извощикъ. Зналъ-бы коли, такъ лучше изъ рестораціи и не выходилъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

копотуновъ (*одинъ*). Гдѣ-же Степка? . Степка!.. Степка! Однако жена, я думаю, еще спитъ... не разбудить-бы. (*Въ-полголоса*) Степка! Степка! что за чортъ, и дверь на парадную лѣстницу не затворена... войди воры, до послѣдняго стула все-бы повиытаскали.. охъ, охъ!.. (*Сидя въ кресла, потягивается*) Желѣ какой сюрпризъ будетъ... ждала меня черезъ недѣлю, а я вдругъ сегодня предстану, какъ листъ передъ травой... А!.. то то радость!.. Папаша!.. милаша! (*Потирая руки съ удовольствіемъ*.) Приятна семейная жизнь! Холостякъ, возвратясь, встрѣтитъ только пьяную рожу своего человѣка... Однако и моего Степки не видно... Надо-бы раздѣться... Ну, а женатаго человѣка сейчасъ встрѣчаютъ теплыя объятія супруги, горячія поцѣлуи и кипящій самоваръ. (*Глядитъ на-лѣво, отворяя дверь*) Нѣтъ самовара на своемъ мѣстѣ и не думали ставить... не врутъ-ли мои часы... восьмой часъ. (*Глядитъ на стѣнные часы*) И тутъ также... что за чортъ! За то холостякъ найдетъ у себя комнаты не выметенныя, вездѣ безпорядокъ... а женатый человѣкъ... (*Оглядываясь*) Однако и здѣсь

не очень-то въ порядкѣ... вездѣ сорь, валяются бумажки, мебель разбросана. (Толкаетъ кучу бумажекъ ногой и оттуда выкатывается бутылка) Ба! ба! Что за исторія! О Степка! Степка, бездѣльникъ! Жена, видно, не заглядываетъ сюда... За то ужъ у холостяка квартира не топленая... (Подходитъ къ печкѣ). Чортъ возьми, и печь не топленая... я съ морозу и не почувствовалъ, а здѣсь хоть волковъ морозить... Право холодище, чѣмъ на большой дорогѣ, а и тамъ меня порядочно прихватило... я же дуракъ въ одной шубѣ, безъ тулупа и мѣховыхъ сапогъ поѣхалъ... Въ послѣдній разъ такую глупость дѣлаю... ноги окостенѣли совсѣмъ. (Ходитъ по комнатѣ, топая ногами, вдругъ останавливается.) Не разбудить-бы жены.

ЯВЛЕНИЕ IV.

КОПОТУНОВЪ (садится въ волтеровскихъ креслахъ такъ, что Степка, вѣтгая съ-левой стороны, не можетъ видѣть его).

Степка (припрыгивая). Вотъ, Дуняша славно придумала, вечеромъ зазовемъ сюда шарманку.. зажжемъ стиринные огарки и такую зададимъ выпляску, что потолоки затрещать; нижніе жильцы, хоть за полиціей посылай... я баринновъ фракъ надѣну... и такимъ бонтономъ польку откальвать стану.

Копотунновъ (при послѣднихъ словахъ подымается съ кресла, и оба стоятъ лицомъ къ лицу). А, бездѣльникъ!.. мошенникъ! мой фракъ!

Степка (оробѣвъ). Нѣтъ-съ... то-есть... я примѣрно сказать... такъ только-съ...

Копотунновъ. То-есть, ты и пальто мое, только такъ-съ, примѣрно сказать... А! хорошо!.. я тебя въ деревню отправлю.. ты у меня въ зипунѣ будешь ходить, а не въ пальто. . я тебя, мошенника... такъ-то ты безъ меня барышѣ служишь.

Степка. Нѣтъ-съ... Ей Богу! право... такъ невзначай... вѣдь, барыня. .

Копотунновъ (топая ногами). Что? что? небось, барыня позволила пальто носить... у васъ сейчасъ отговорки... Барыня!.. ты у меня и не смѣй слово барыня выговорить... слышь-ли... я тебѣ укорочу языкъ... барыня сейчасъ!

Степка. Ей, ей, я не лгу... барыня...

Копотунновъ. Молчи, дуракъ! я тебя сейчасъ выгоню... лучше

повинись, мошенникъ... отъ-чего печки не топлены? самоваръ не поставленъ, комнаты не выметены. А? то-же все барыня мѣшала! Да не знаешь развѣ, что барыня любить чай кушать сейчасъ, когда проснется... А?

СТЕПКА Да вѣдь барыни-то...

КОПОТУНОВЪ. Мошенникъ... онъ нарочно вѣдь дуракомъ притворяется! Постой, дружокъ! Повтори хоть еще разъ слово барыня?

СТЕПКА. По мнѣ пожалуй!... *(Въ-сторону)*. Узнаешь самъ, какая тебѣ готовится обнова.

КОПОТУНОВЪ. Поди къ Чеботаркину... попроси его сюда.

СТЕПКА. Они никакъ уѣхали!

КОПОТУНОВЪ. Куда? когда?

СТЕПКА. Сегодня хотѣли выѣхать! Мнѣ пхней Ойлька сказывалъ; никакъ жениться ѣдутъ въ Клинь...

КОПОТУНОВЪ. Чеботаркинъ жениться!... Быть не можетъ.

СТЕПКА. Ойлька сказывалъ, будто жениться... въ 9 часовъ хотѣли выѣхать сегодня

КОПОТУНОВЪ. А теперь восемь... сбѣгай скорѣе.. авось заста-нешь.

СТЕПКА *(бѣжитъ, потомъ останавливается)*. Вы не знаете, Матвѣй Сергѣевичъ, вѣдь барыня...

КОПОТУНОВЪ. Опять барыня! Пошелъ живо къ Артемию Васильевичу. *(Выталкиваетъ его)*.

СТЕПКА. По мнѣ пожалуй.. а вѣдь барыня... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

КОПОТУНОВЪ *(одинъ)*.

Все барыня, да барыня... она хоть и воспитанница нашей директорши... а все-таки я господинъ въ домѣ... Чтó ни прикажешь людямъ... все одинъ отвѣтъ — барыня, да барыня... досадно слушать! *(Понижая голосъ)* Право, иной разъ обидно становится... въ домѣ голоса возвысить нельзя... воли своей подчасъ исполнить нельзя... сейчасъ жена капризничаетъ. Жалуются генеральшѣ, мужъ дескать извергъ... Ну, и по-неволѣ, чтобы не испортить карьера, ухаживаешь за женою, какъ за китайскою розою какою-нибудь... Право!... Съ другой стороны, конечно, *(уменьшаясь самодовольно)* и выгоды кой-какія отъ покровитель-

ства генеральши... глядишь и чинокъ раньше дадутъ... и крестикъ... и мѣтечко не по чину... Вотъ и теперь, на-примѣръ, по окончаніи общаго, да еще какое — пятого разряда... теперь его занимаетъ старый статскій совѣтникъ Семенъ Васильевичъ Трущобинъ... а я еще всего недавно коллежскій... признаться, въ губерніи жизнь не столичная... нѣтъ театровъ... нѣтъ Соединеннаго общества... нѣтъ Павловскаго-воксала... да за то роль какую я буду играть... (*Считаетъ по пальцамъ*) Губернаторъ... вице-губернаторъ... еще два, три человека, а тамъ вѣдь я первое лицо въ городѣ... каково! (*Приосанясь*) Поросянка купишь — весь городъ знаетъ, что Матвѣй Сергѣевичъ за обѣдомъ поросянка будетъ кушать.... А! Изъ собранія, съ балу поѣдешь — квартальный объ экипажѣ похлопочетъ — а тутъ сунься-ко впередъ гдѣ-нибудь въ публикѣ — сейчасъ и осадятъ... совѣтъ не уважаютъ нашу братью... Вотъ вѣдь чѣмъ пріятнѣе въ губерніи — не пропадешь въ толпѣ, на виду служишь... а здѣсь кто знаетъ, что я коллежскій совѣтникъ? здѣсь все смѣются надъ чиновниками... Въ Александринскомъ непременно выведенъ въ водевилѣ чиновникъ... и такіе все неблагородные каламбуры на нашъ счетъ отпускаютъ, совѣстно сидѣть... Я ужъ всегда въ такомъ случаѣ афишкою закрываюсь... Въ канцелярской тоже журналъ раскроешь, *критика* на насъ опять, афронты терпишь на каждомъ шагу... въ губерніи на этотъ счетъ такъ нѣтъ-съ — легко служить. (*Понижая голосъ*) И начальство здѣсь примѣчательно свѣжкомъ... такъ въ глаза и смотритъ все... на каждомъ шагу нововведенія, усовершенствованія. (*Вздыхая*) Не то, что въ бывалыя времена... Чуть зайдетъ купецъ на квартиру — такъ, о томъ и о семъ поговорить... сейчасъ въ департаментѣ Богъ знаетъ какіе слухи распускаютъ... Въ губерніи-же нѣтъ такой подозрительности, люди гораздо-добродѣтельнѣе... А главное-то — между нами будь сказано — полный хозяинъ въ своемъ домѣ — вотъ что.

МѢ 1. Тогда-то отъ жены до прачки
 Всѣхъ тотчасъ въ руки я возьму,
 Ужъ никому не дамъ потачки
 И буду головой въ дому.
 А здѣсь нѣтъ воли мнѣ нисколько,
 Позоръ для благородныхъ душъ:
 Хозяинъ по названью только,
 И просто титулярный мужъ.

(Блѣзится къ двери и смотритъ въ щелку). Нѣтъ! однако-жь, чтобъ не услышала жена, что я здѣсь такъ раскудахтаюсь... спать, вѣрно, вчера французскихъ романовъ зачиталась. (Въ раздумьи). Однако Степка, уходя, хотѣлъ что-то сказать, началъ даже было: «Вы не знаете, барыня...» Да нѣтъ! я хорошо сдѣлалъ, что не выслушалъ его. Гадко отъ лакея Богъ знаетъ что узнать... и пожалуй Анна Егоровна услышала-бы мой допросъ. Неприятности пошли-бы, притомъ-же у меня на эти вещи есть мастеръ своего дѣла... Артемій Васильевичъ! По старой дружбѣ, онъ за моей женой, какъ за своей собственной наблюдаетъ... До-сихъ-поръ однако, все были фальшивыя тревоги.

ЯВЛЕНИЕ VI.

КОПОТУНОВЪ и ЧЕБОТАРКИНЪ (входитъ съ среднюю дверь, одѣтый по дорожному; у шубы поднятъ воротничекъ; шапка почти закрываетъ глаза).

КОПОТУНОВЪ. А! вотъ и онъ! Артемій Васильевичъ! ты еще не уѣхалъ? Слава Богу! я испугался ужъ было.

ЧЕБОТАРКИНЪ (глухимъ голосомъ). Да, братецъ, въ повозку уже уѣхалъ — но дружба не позволила пуститься въ путь.

КОПОТУНОВЪ. Спасибо, Артемій Васильевичъ! спасибо.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Я долженъ сообщить тебѣ важное извѣстiе.

КОПОТУНОВЪ. А! понимаю... до тебя дошелъ слухъ о моемъ скоромъ назначенiи, и ты хотѣлъ поздравить меня. (Обнимая его). Спасибо, старшій прiятель.

ЧЕБОТАРКИНЪ (хочетъ обнять его также, но онъ закутанъ такъ, что не можетъ вытянуть рукъ). Не то, не то!

КОПОТУНОВЪ. Да что ты это закутался! погоди, погоди. (Развязываетъ ему шарфъ и проч.) Какое-же дѣло, говори скорѣе.

ЧЕБОТАРКИНЪ (вздохнувъ свободно). Такъ полегче стало! Если-бы я могъ и твою участь также пооблегчить — по увы! чело-вѣческое счастье весьма-непрочно... въ мiрѣ все лежитъ на зыбкомъ основанiи.

КОПОТУНОВЪ. Ты еще все читаешь свои философскiя бредни.

ЧЕБОТАРКИНЪ (самодовольно).

«Зови меня Вандаломъ,

«Я это имя заслужилъ.»

Сознаюсь! люблю послѣ обѣда разлечься на диванѣ, затянуться хорошенько — и объ человѣчествѣ что-нибудь *этакое* почитать! пріятно, братецъ, пріятно — совѣтую и тебѣ познакомиться съ человѣчествомъ. (*Вызвонно перемѣняя тонъ*). Да не въ томъ теперь дѣло — бѣдный Матвѣй Сергѣевичъ!

копотуновъ (*сердито*). Да что такое?

чеботаркинъ (*въ-сторону*). Впрочемъ, чего медлить? мнѣ-же пора ѣхать! (*Въ-слухъ, скоро*). Вчера, на вечерѣ у нашего экзекутора... Ахъ, братецъ, кстати, какой у него виноградъ былъ!

копотуновъ. Охъ, пустомеля!

чеботаркинъ. Слушай-же — когда я прощался съ нимъ... слышу въ другой комнатѣ рассказываютъ съ усмѣшкою — будто... (*Вдругъ останавливается*). Нѣтъ — однако, какъ вдругъ такъ ошеломить человѣка — пускай лошади лучше позябнутъ.

копотуновъ (*внѣ себя трясетъ его*). Да скажешь-ли ты, извергъ — какое дѣло вашему экзекутору и его знакомымъ до моего семейнаго счастья — а?

чеботаркинъ (*вырывается*). Когда такъ, изволь! (*Скоро*). Будто твоя... (*Останавливается*). Ты не сердись! я не выдержалъ... ты помнишь, когда выходилъ замужъ... т. е. виноватъ — когда ты женился... ты самъ говорилъ... долгъ истиннаго пріятеля предупредить...

(*Копотуновъ при послѣднихъ словахъ трясется, какъ въ лихорадкѣ; дрожащимъ голосомъ*).

копотуновъ. Ну, ну, докопчи — зарѣжь, Каншь — только поскорѣе — не томи — рѣжь-же!

чеботаркинъ (*пониживъ голосъ, прерывисто*). Будто твоя жена... Впрочемъ, людское мнѣніе ошибочно... однако, всѣ говорили — съ другой стороны, конечно, гласъ народа... (*Ръшительно*). Махну... будто твоя жена!... ну!... не просто уѣхала, а уѣжала съ какимъ-то Кружковскимъ! (*Въ-сторону*). Легче стало, какъ высказалъ.

копотуновъ (*ходитъ по сценѣ, топая ногами*). Вотъ что! вотъ что! А я Стенкѣ не дагъ высказать! кто-бы могъ ожидать! пять лѣтъ крѣпилась — и вдругъ...

чеботаркинъ (*въ испугѣ, хочетъ бѣжать, но мѣховые сапоги мешаютъ ему*). Отелло! Совершенный Отелло! А я, точно Яго въ мѣховыхъ сапогахъ.

копотуновъ (*останавливаясь*). Да, Впрочемъ... (*Хлопаетъ себя по лбу*). Дуракъ! Дуракъ! (*Смѣется, взглянувъ на Чеботаркина*). Повѣрилъ пустомѣлѣ. — Ахъ, ты, Сократъ! Сократъ! (*Схватываетъ*

ваетъ его за руку и влечетъ къ правой сторонѣ къ двери. Чеботаркинъ за нимъ слѣдуетъ со страхомъ). Поди сюда! Смотри въ скважину!

ЧЕБОТАРКИНЪ (стараясь вырваться). Совершенный Отелло!
КОПОТУНОВЪ. Гляди! Чтó ты тамъ видишь?

ЧЕБОТАРКИНЪ. Кровать.

КОПОТУНОВЪ. А на кровати—она! она! видишь-ли? чтó скажешь философъ!

ЧЕБОТАРКИНЪ (опуская воротникъ, и снимая шапку — наивно). Значить, она не убѣжала.

КОПОТУНОВЪ. Охъ вы... гласъ народа!

ЧЕБОТАРКИНЪ. Какъ-же мнѣ вчера Степка сказалъ, чтó она побѣжала въ Тверь! потому-то я и повѣрилъ тѣмъ слухамъ.

КОПОТУНОВЪ. Не всякому слуху вѣрь!

ЧЕБОТАРКИНЪ. Впрочемъ, вѣдь я и говорилъ тебѣ... людское мнѣніе ошибочно... гласу толпы внимать не должно.

КОПОТУНОВЪ. Прямой, ты братецъ, Сократъ — пришелъ — напѣлъ Богъ знаетъ чтó — я растерялся - было совѣмъ.... вѣдь мѣсто пятого разряда.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Чтó... чтó... какая есть связь между женою, Кружковскимъ и мѣстомъ пятого разряда? Развѣ мужья съ прикою отнесены къ пятому разряду?

КОПОТУНОВЪ. Мнѣ общали мѣсто Трущобина... директорша сказала мнѣ о томъ потихоньку... ты вѣдь знаешь, моя жена воспитанница ея превосходительства, вѣдь она и сосватала насъ — Аннушкѣ уже было 28 лѣтъ — женихи не являлись, генеральша вдругъ посылаетъ за мною... и говоритъ: «Ты, Матвѣй Сергѣевичъ, человекъ непыющій — взяткокъ не берешь, или все-равно не попадался — одна бѣда, не женатъ — я хочу исправить и эту бѣду — у меня есть невѣста для тебѣ».

ЧЕБОТАРКИНЪ. Знаю, знаю, чтó ты мнѣ рассказываешь — ну?

КОПОТУНОВЪ (серьезно). Ну, такъ то-то-же, если-бы что-нибудь такое случилось — пожалуй и мѣста не дадутъ.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Понимаю — понимаю... А главное то обстоятельство — я самъ теперь вступаю въ бракъ, такъ и обращаю особенное вниманіе на все супружеское... вотъ и вчера у Ольхина купилъ для невѣсты *Супружескую истину*.

КОПОТУНОВЪ. Брось, братецъ, эту глупость! Ну, какая истина въ супружествѣ. Сними ка дорожную шубу — да слетай къ Ольхину — достань лучше «Вѣчнаго Жида»: это самое новое произведеніе — даже еще не кончено.

ЧЕБОТАРКИНЪ. А что, развѣ это хорошо?

КОПОТУНОВЪ. О! чудо — жена читала по-французски, а я, въ «Библиотекѣ для Чтенія» — просто спать не могъ — не пожалѣй, возьми для невѣсты.

ЧЕБОТАРКИНЪ (съ радостію). Точно — точно... (Снимая шубу, тулупъ, халатъ теплый и проч., остается въ пальто). Я все оставляю здѣсь.

КОПОТУНОВЪ. Ступай лучше на-лѣво — тамъ черезъ черную лѣстницу прямо выйдешь на Садовую.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Ладно, ладно, черезъ пять минутъ я буду здѣсь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

КОПОТУНОВЪ И СТЕПКА.

КОПОТУНОВЪ. Эй, Степка! Степка! Скажи Дарьѣ, чтобы она разбудила барыню, но не сказывала-бы о моемъ приѣздѣ.

СТЕПКА. Барыня уѣхала.

КОПОТУНОВЪ (съ испугомъ). Какъ уѣхала!...

СТЕПКА. Уѣхала-съ.

КОПОТУНОВЪ. Куда?

СТЕПКА. Въ Тверь.

КОПОТУНОВЪ. Чортъ возьми — я сейчасъ все узнаю.

(Убѣгаетъ съ спальню).

СТЕПКА. Экъ его разобрало... вотъ давеча не дамъ говорить, а теперь поди полюбуйся.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КОПОТУНОВЪ, СТЕПКА И ДАРЬЯ.

КОПОТУНОВЪ (тащитъ Дарью за руку). Поди, поди сюда, негодная.

ДАРЬЯ (съ-просонья). Ахъ, батюшки свѣты, никакъ домовой.

КОПОТУНОВЪ. Какъ ты туда попала? гдѣ барыня?.. отвѣчай!

ДАРЬЯ. Вотъ бѣда — видъ это баринъ!

КОПОТУНОВЪ. Говори!

дарья. Барыня уѣхала съ, а я такъ немножко прикурнула.
 копотуновъ. Ахъ, ты негодная, вошь съ глазъ моихъ!
 степка (въ-сторону) Онъ думалъ, что барыня, а тамъ Дашка.
 копотуновъ. Зарѣзала — всѣ тридцать лѣтъ службы пропали!
 не могла подождать, пока меня назначать... О женщины! жен-
 щены! (Вдругъ вскакиваетъ со стула). Степка! Степка! можетъ-
 быть еще непоздно!

степка. Девятый часъ.

копотуновъ. Можетъ-быть я еще догоню — да! да! лошадей!
 лошадей! повозку!

степка. Повозка у крыльца.

копотуновъ. Ахъ да! это лошади Чеботаркина! Чего-же луч-
 ше, подорожная у меня, чудесно; Степка! бѣги къ Ольхину въ
 магазинъ — позови сюда «Вѣчнаго Жидя!»

степка. Что-съ?

копотуновъ. Тащи сюда Чеботаркина, скорѣе, скорѣе.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ-ЖЕ И ЧЕБОТАРКИНЪ.

чеботаркинъ. Вотъ и «Вѣчный Жидя».

копотуновъ. Чортъ съ нимъ, а я съ тобой... съ тобой Арте-
 мій Васильевичъ.

чеботаркинъ. Что съ тобой?

копотуновъ. Съ тобой, съ тобой ѣду — вези меня.... тащи
 меня.... спаси меня!... ѣдемъ, ѣдемъ!

чеботаркинъ. Ты съ-ума сошелъ.

копотуновъ. Все знаю.... все-равно. Если я не догоню ея,
 тогда прямо на 10-ю версту.... а теперь я тебя одного отсюда
 не вынушу!

чеботаркинъ. Да растолкуй мнѣ.

копотуновъ. Да, что тутъ толковать... гласъ народа!... осрами-
 ли меня всенародно.... осрамили!! убѣжала братецъ, убѣжала.

чеботаркинъ. Неужели убѣжала.

копотуновъ. Да, да, да! убѣжала, или уѣхала, только ея нѣтъ
 здѣсь.

чеботаркинъ. Да какъ-же ты мнѣ давеча показывалъ.

копотуновъ. Что тутъ толковать, показывалъ да не ее.... а
 теперь покажемъ себя... ты мнѣ пособишь, не правда-ли? вѣдь

это и до тебя касается; ты тоже хочешь жениться. Доѣхали меня, доѣдутъ и тебя — поѣдемъ-же вмѣстѣ.

(Ронлетъ его книжку).

ЧЕБОТАРКИНЪ. Постои, постои, ты всего жида растрепаль.
КОПОТУНОВЪ. Жидъ тебя зарѣжь и съ жидомъ твоимъ. — Если только въ тебѣ христіанская душа — ѣдемъ, ѣдемъ!!!

№ 2.

(Вотъ мчится тройка удалая).

Поѣдемъ-же съ тобою вмѣстѣ,
Я весь горю, какъ на огнѣ,
Ты со своимъ «Жидомъ» къ невѣстѣ,
А я съ отчаяньемъ къ женѣ.
Вотъ далъ мнѣ Богъ какую жонку,
Но я берусь ее унять....
Я ей задамъ такую гонку,
Лишь только-бы ее догнать!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

СТЕПКА, ПОТОМЪ ДАРЬЯ.

СТЕПКА. Вотъ тебѣ разъ, не успѣлъ пріѣхать — и опять дра-ла!... вотъ житье-то господское, подумаешь. Однако-жъ, это мнѣ на-руку, я опять остался господиномъ у барина. Дуняша придетъ сюда вечеркомъ, созовемъ сосѣдей и поидетъ у насъ пиръ горой.

ДАРЬЯ. Гдѣ-жъ баринъ?

СТЕПКА. А тебѣ на что?

ДАРЬЯ. Да, давеча съ-просонья, я забыла отдать ему письмо, которое оставила ему барыня.

СТЕПКА. Вотъ во-время.... онъ теперь валяетъ по всѣмъ тремъ — гдѣ-же письмо?

ДАРЬЯ. Вотъ оно !...

СТЕПКА. Экая ты соня.... хорошъ почтальйонъ — незапечатано — мы таки грамотъ-то морокуемъ — прочтемъ ради любопытства.

ДАРЬЯ. Да, да, прочти-ко въ-самомъ-дѣлѣ.

СТЕПКА. Слушай, слушай.... вотъ оно, въ-чемъ дѣло-то, вотъ какая исторія.... женихъ ея сестры, Кружковскій, потерялъ ка-

зенныя деньги — начальство узнало, чуть изъ службы не выгна-
ли бѣднягу, видишь, она и поѣхала ему отвезти и вмѣстѣ по-
хлопотать о прощеніи.... Вотъ, что.

дарья. Это женихъ-то ея сестры. Вотъ, сударь...

стенка. Да, сударыня, если-бъ ты отдала давича барину пись-
мо, такъ онъ-бы и съ ума не сходилъ и не уѣхалъ... впрочемъ,
это ему здорово, пусть его скачетъ... а мы безъ него попрыга-
емъ. (*Уходятъ.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

дѣйствующія лица:

Молодая дама	Г-жа Дюрь.
Молодой человекъ	Г-нъ Аббе.
Копотуновъ	Г-нъ Каратыгинъ 2.
Чеботаркинъ	Г-нъ Третьяковъ.
Яшка, мальчикъ на станціи	Г-нъ Мушинъ.

(Театръ представляетъ комнату, на станціи. На правой сторонѣ диванъ,
окруженный ширмами; на лѣвой столъ и кресла. Въ глубинѣ сцены, по-
средины и по обѣимъ сторонамъ, двери).

ЯВЛЕНІЕ I.

яшка (*прибирая комнату*).

Славный будетъ сегодня для насъ денекъ.... Лошади всѣ въ
разгонѣ... проѣзжающіе поневолѣ засидятся на станціи... глядишь
отъ скуки тотъ каклетъ спросить, другой винца бутылочку....

нашему брату и перепадетъ малая толка на водочку.... только Нѣмцовъ не приносило-бы сюда... терпѣть ихъ не могу, на водку не дожدهшься — спроситъ пивца, да бутербротъ на закуску, вотъ тебѣ и вся не долга.

ЯВЛЕНИЕ II.

ЯШКА И КОПОТУНОВЪ (блѣдный, съ разстроеннымъ лицомъ, едва волочитъ ноги).

ЯШКА (въ-сторону). Вотъ, что-то на Нѣмца смахиваетъ. копотуновъ. Не проѣзжала здѣсь брюнетка съ молодымъ чело-вѣкомъ?

ЯШКА (грубо). Какая такая брюнетка?

КОПОТУНОВЪ. Черноволосая, съ молодымъ чело-вѣкомъ.

ЯШКА. Много такихъ ѣхало, всѣхъ не перечесть. Справьтесь въ книгѣ у смотрителя. Не прикажете-ли чего-нибудь?

КОПОТУНОВЪ. Стаканъ воды!

ЯШКА. Ну, Нѣмецъ и есть. (Уходитъ). Водяное угощенье.

ЯВЛЕНИЕ III.

КОПОТУНОВЪ (опускаясь на стулъ). Кончено.... все кончено.... уже смерклось.... (Посль молчанія). Какъ ея теперь искать? Сбѣжить болонка, или улетить попугай, можно въ газетахъ припечатать, а убѣжить жена, какъ тутъ себя опубликуешь? И то те-перь я думаю все министерство, вся Коломна узнаеть, а о де-партаментѣ и говорить нечего, на канцелярскихъ чиновниковъ и не погляди строго... сейчасъ карриатуру смастетерить... просто, житья не будетъ!—Генеральшѣ, да генералу, какой дамъ отвѣтъ! Спросять они: Матвѣй Сергѣевичъ, гдѣ Анна Егоровна? гдѣ?—тютю — все пропало съ женой, вся карьера испорчена.... Чебо-таркинъ отправился къ своимъ знакомымъ распрашивать, развѣ-дывать о моей женѣ, и придетъ сюда.... Чѣмъ-то онъ меня по-радуетъ. О! горе, горе, даже въ горлѣ пересохло.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КОПОТУНОВЪ И ЯШКА (съ водою).

яшка. Вотъ вода, сударь.

копотуновъ. Спасибо!

яшка. На здоровье. Ничего для васъ больше не требуется?

копотуновъ (*Стабылз голосомз*). Если мѣсто куда поклонить голову?

яшка. Почивать угодно? а вотъ за ширмами диванъ — если хотите.

копотуновъ (*тихо отправллясь за ширмы*). Каково-то пробужденіе будетъ? О, Анна Егоровна!

яшка. Поужинать не угодно?

копотуновъ (*изъ-за ширмз*). Поужинать! А! поужинать! хорошо, что ты мнѣ напомнилъ. О, Анна Егоровна!.. Дай бифстекеу съ картофелемъ!... Изчезли для меня всѣ радости!

яшка. Ничего больше?

копотуновъ. Поросянка съ хрѣномъ порцію... вдругъ всѣ тучи надо мною разразились.

яшка. Пить ничего не будете?

копотуновъ. Чего нибудь покрѣпче — дай рюмки двѣ водки, да стакана два мадеры.

яшка. Ну, это по-русски. (*Уходитз*).

ЯВЛЕНІЕ V.

КОПОТУНОВЪ (*за ширмами*) ДАМА И МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.
(*Входятз въ среднюю дверь*).

ДАМА. Наши похождения самыя романическія... однако я устала.
(*Снимая шляпу и салопъ, садится на лѣвой сторонѣ, спиною къ ширмамз*).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Оно скорѣе на поэму похоже, въ которой вы играете роль благородной феи. (*Копотуновъ, вставъ на диванъ, выглядываетъ изъ-за ширмз*).

ДАМА (*весело*). Напротивъ, совершенный романъ.... внезапный отъездъ изъ Петербурга, тайна — tête à tête съ молодымъ человекомъ. (*Копотунувъ бросаетъ на нее взоръ, полной негодования*). Я всегда такъ любила романы.... и теперь сама едѣлаея романческою героинею.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Я представляю себѣ удивленіе вашего мужа, когда, по возвращеніи, онъ узнаетъ объ вашемъ отъездѣ... (*Копотунувъ грозитъ ему, и потомъ вдругъ прячется, когда молодой человекъ печально оборачивается нѣсколько разъ въ продолженіи сцены*).

ДАМА. На всякой случай, я оставила письмо, по, вѣроятно, онъ возвратится послѣ меня.... (*Копотунувъ, опять выставляя голову, злобно улыбается*).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Вы, кажется, очень - устали... я приказалъ подать легкій ужинъ.... вѣроятно, дурныя дороги возбудили въ васъ хорошей аппетитъ.

ДАМА (*перебивая его*). Благодарю, я точно проголодалась....

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТЪ-ЖЕ И ЯШКА (*выходитъ съ подносомъ*).

(*Копотунувъ быстро исчезаетъ и начинаетъ громко храпѣть*).

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Вотъ и ужинъ; поставь здѣсь.

ЯШКА. Это не вамъ-съ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Кому-же?

ЯШКА. Вотъ тутъ баринъ за ширмами. (*Отодвигаетъ ширмы, Копотунувъ быстро прячетъ голову въ подушки, и принимается еще сильнѣе храпѣть*). Вставайте, баринъ, ужинъ готовъ — эге, онъ уже заснулъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Не буди его.... намъ некогда дожидаться, ты подашь ему другой, а этотъ оставь намъ.

ЯШКА. Какъ прикажете, мнѣ все равно — только вотъ это я поставлю къ его милости. (*Ставитъ графинъ и два стакана мадеры на столъ, и ужинъ на другой*).

ДАМА (*взглянувъ на кушанья*). Любимыя кушанья моего мужа... точно будто онъ заказывалъ ужинъ!

молодой человекъ. Мы выпьемъ за его здоровье — подай бутылку лафиту.

(Яшка уходитъ; а они ужинаютъ).

копотуновъ *(опять выставляя голову надъ ширмами, говоритъ тихо)*. Каково положеніе! отняли у меня честь, спокойствіе, можетъ-быть, мѣсто... и теперь отнимаютъ ужипъ... будь жена одна, я-бы ей показалъ себя. — *(Наивно)*. А теперь, что будешь дѣлать? Того и гляди дуэль будетъ... и смерть страшна и огласка неприятна.

дама. Поторопитесь однако, мнѣ пора въ Петербургъ.

молодой человекъ. Ахъ, Анна Егоровна! я по гробъ не забуду вашего благодѣянія.

М 3. Вы мнѣ пожертвовать рѣшились,

Такъ благородно помогли,

Какъ ангель съ неба вы явились

И честь и жизнь мою спасли.

КОПОТУНОВЪ.

Нѣтъ, я не въ-силахъ больше слушать,

Откуда этакой пострѣлъ?

Они вдвоемъ изволятъ кушать,

А я-бы ихъ обонхъ съѣлъ!!

Каково однако смотрѣть на эту сцену изъ-за кулисъ?!

дама. Переѣмемте разговоръ... Этотъ сосѣдъ можетъ насъ услышать... *(Взглядываетъ въ ту сторону, Копотуновъ исчезаетъ).*

молодой человекъ. Но что всего ужаснѣе... я долженъ таить отъ всѣхъ свою благодарность.

(Копотуновъ опять показывается.)

дама. Довольно! довольно! пойдемте-же, спросимъ особую комнату... и напишемте, что слѣдуетъ.

Копотуновъ *(скрываясь вскрикиваетъ)*. О, Господи, Господи! молодой человекъ *(бросается къ ширмамъ и отодвигаетъ ихъ. Копотуновъ прячетъ голову въ подушку)*. Не подслушалъ-ли онъ насъ? — нѣтъ, онъ бредитъ.

дама. Пойдемте-же — пойдемте мнѣ пора. *(Уходятъ на-льво)*. копотуновъ *(отодвигая съ шумомъ ширмы, выбѣгаетъ блѣдный)*. Особую комнату! Ушли?! Каково-же мое положеніе! что

дѣлать! голова трещить — мозгъ сохнетъ — мысли мѣшаются... посмотримъ. (*Бросается въ двери и смотритъ въ щелку*) Цѣлуешь у жены руку!.. цѣлуешь, цѣлуешь, злодѣй! Вотъ гдѣ настоящая драма — съ одной стороны позоръ, съ другой смерть—шагъ впередъ—умеръ! шагъ назадъ — погибъ! О, Анна Егоровна! Она идетъ — спрячусь!

ЯВЛЕНИЕ VII.

КОПОТУНОВЪ И ДАМА.

(*Останавливаясь въ дверяхъ, обращается за кулисы*).

ДАМА. Они теперь будутъ молчать! я увѣрена. (*Въ-сторону*) Я ему вручила банковый билетъ! бѣда не такъ велика — молодость и неопытность все извиняють.

КОПОТУНОВЪ (*за ширмами*). Все извиняють—какова философія!

ДАМА (*въ-сторону*). Прекрасный молодой человекъ.

КОПОТУНОВЪ. Еще хвалить! (*Выглядывая*) Его тутъ пѣтъ! Появимся. (*Выходитъ и останавливается въ трагической позѣ*).

ДАМА (*вскричавъ*). Ай — ай!

КОПОТУНОВЪ (*трагически*). Чтó? Анна Егоровна, вы не ожидали?

ДАМА. Откуда вы вдругъ явились?

КОПОТУНОВЪ. Откуда? Прямо изъ Петербурга.

ДАМА. Вы были уже въ Петербургѣ? Стало-быть, все ужъ знаете.

КОПОТУНОВЪ (*мрачно*). Да, былъ—и все знаю.

ДАМА (*въ-сторону*). Онъ разсердился, что я отдала деньги безъ его согласія. (*Въ-слухъ*) Ай, ай! какъ вамъ не стыдно сердиться? вы-бы должны были одобрять мой поступокъ.

(*Копотуновъ, поворачиваясь къ ней, глядитъ все съ возрастающими изумленіемъ*).

КОПОТУНОВЪ. Одобрять! одобрять! мнѣ! (*Въ-сторону*) Не рехнулась-ли она?

ДАМА. Ваша злость не дѣлаетъ вамъ чести... Могла-ли я иначе поступить въ такомъ случаѣ?

КОПОТУНОВЪ. Она мнѣ все хладнокровно рассказываетъ, какъ будто въ театрѣ сѣздила безъ спроса.

ДАМА. У меня сердце не каменное.

КОПОТУНОВЪ (въ бѣшенствѣ). Послушайте.... послушайте, однако, сударыня... вы хоть и воспитанница моей начальницы — вы хоть были-бы воспитанница турецкой султанши, чья хотите — мнѣ все-равно; — но вспомните, что я вашъ мужъ.

ДАМА. Ну, стоить-ли это того, чтобъ изъ себя выходить и ѣхать за мною; и не ужели моимъ пожертвованіемъ совершенно разстроивается наше положеніе?

КОПОТУНОВЪ (дрожащимъ голосомъ). Да ужъ моего положенія ничего не можетъ быть хуже.

ДАМА. Ну полноте, полноте, не сердитесь; вотъ вамъ моя рука, поцѣлуйте, и отправитесь вмѣстѣ въ Петербургъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪ-ЖЕ И КРУЖЕВСКІЙ (молодой человекъ).

КРУЖЕВСКІЙ (не обращая вниманія на Копотунова). Лошади готовы, Анна Егоровна, — позвольте мнѣ васъ проводить еще до... (Копотуновъ становится между ними, и грозно озирался, хочетъ говорить, но издаетъ одинъ только звукъ).

КОПОТУНОВЪ. Ну, и онъ явился!.. бѣда! Дуэль да и только! (Вдругъ удаляясь, въ-сторону). Отъ грѣха по дальше.

ДАМА (Кружевскому). Рекомендую вамъ моего мужа. (Мужу) Андрей Васильевичъ Кружевскій, о которомъ я тебѣ писала.

КОПОТУНОВЪ. Писала! когда писала?

КРУЖЕВСКІЙ (кланяясь съ робостію). Вы, конечно, должны имѣть обо мнѣ весьма-дурное мнѣніе, — но я постараюсь въ-послѣдствіи заслужить ваше расположеніе.

КОПОТУНОВЪ. Славный способъ заслужить мое расположеніе.

КРУЖЕВСКІЙ (Аннѣ Егоровнѣ тихо). Вѣрно, мой поступокъ кажется ужасенъ вашему супругу.

КОПОТУНОВЪ. Да, я думаю... мнѣ кажется... впрочемъ... можетъ-быть... я не знаю...

ДАМА (тихо мужу). Скажи что-нибудь молодому человекъ — я ему сдѣлала одолженіе — а ты показываешь видъ будто не одобряешь меня.

КОПОТУНОВЪ. Или я съ ума сошелъ — или она спятила — или все это сонъ.

(Дама насильно беретъ ихъ обоихъ за руки и заставляетъ ихъ жать другъ другу).

ДАМА. Пожалуйста, хоть изъ приличія.

(Копотуновъ кончикомъ пальцевъ едва касается руки Кружковского, и не глядя на него, бормочетъ).

КОПОТУНОВЪ. Приличія! — очень-весьма... (рѣзко) приятно.

КРУЖОВСКИЙ. Ваша супруга была такъ ко мнѣ добра.

КОПОТУНОВЪ (въ-сторону). Они, просто, меня дурачатъ — я выхожу какой-то козелъ — просто, козелъ!

ДАМА. Теперь всё препятствія устранены, скоро можно будетъ и свадьбу сыграть.

КОПОТУНОВЪ. Свадьбу? чью? какую?

КРУЖОВСКИЙ. Рука вашей свояченицы, Александры Егоровны, мнѣ обѣщана.

ДАМА. Ты развѣ ты не дочиталъ моего письма?

КОПОТУНОВЪ. И не начиналъ... такъ онъ женихъ Саши... и ты ѣздилъ не за тѣмъ, чтобы... возможно-ли! (Бросаясь на шею Кружковского) Милый юноша... почтеннѣйшій, какъ васъ... такъ вы не... Ахъ, любезный мой.

ДАША (отводя мужа). Онъ потерялъ казенныя деньги... если бы его исключили изъ службы, онъ не могъ-бы жениться на сестрѣ — я и внесла четыре тысячи рублей серебромъ.

КОПОТУНОВЪ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло... Извините, пожалуйста, молодой человекъ... я васъ полюбилъ съ перваго взгляда... будемте добрыми друзьями... вы мой своякъ, а свой своему по-неволю другъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТЪ-ЖЕ И ЧЕБОТАРКИНЪ.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Ну, братъ, нигдѣ не отыскалъ, спрашивалъ всѣхъ и каждого, былъ у своихъ знакомыхъ и никто ничего не знаетъ.

КОПОТУНОВЪ. Вотъ она, мой другъ.

ЧЕБОТАРКИНЪ. Ахъ, Анна Егоровна! вы здѣсь, сударыня... возможно-ли, извините... я изъ участія, какъ другъ вашего супруга. (Ему) Какъ, и онъ здѣсь... и вмѣстѣ...

КОПОТУНОВЪ. Да, вмѣстѣ.

ЧЕБОТАРКИНЪ. И ты спокойно смотришь?

КОПОТУНОВЪ. Смотрю... смотри и посмотри... жму ему руки...

ЧЕБОТАРКИНЪ. Чтó-жъ это значитъ?

копотуновъ. Это значить, что я и тебѣ желаю также добрую жену.

чеботаркинъ. Ну, спасибо.

копотуновъ. Ха, ха, ха! видишь, братецъ, я философъ не по-твоему, все знаю — и смѣюсь отъ души.

чеботаркинъ. Ну, коли ты смѣешься, такъ и мнѣ весело.

копотуновъ (*къ публикѣ*).

- ЛѢ 3. Я радехонекъ смѣяться
За себя и за другихъ,
И надъ ними забавляться
Просимъ мы гостей своихъ....
Вамъ смѣшно — и мы хохочемъ,
Горе намъ, какъ скучно вамъ....
Такъ рѣшите, между-прочимъ,
Какъ-же быть сегодня намъ.

ЮМОРИСТИКА.

=

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ 9.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ.

Въ области физиологическихъ и философическихъ явленій весьма-любопытный фактъ представляетъ страсть человѣка ко всему *новому*. Откуда въ немъ берется это непреодолимое желаніе узнать, что дѣлается вокругъ него, надъ нимъ и подъ нимъ, и почему въ тоже время онъ гораздо-менѣе обращаетъ вниманія на то, что происходитъ въ *немъ-самомъ*? Равнодушіе-ли къ настоящему, стремленіе-ли къ будущему, желаніе-ли забыть прошедшее, рождаютъ въ немъ эту ненасытимую манию новостей? Доказываетъ-ли маія эта жажду познаній и усовершенствованія въ человѣчествѣ, или простое пресыщеніе духа, который ищетъ новаго впечатлѣнія, чтобы избавиться отъ скуки, надъ нимъ тяготящей? Рѣшеніе этого вопроса объяснило-бы намъ многое; но мы не пишемъ курса философіи, и потому, безъ изслѣдованія причинъ, поговоримъ, просто, о явленіяхъ.

Новости составляютъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ жизни всякаго города, тѣмъ болѣе столичнаго и тѣмъ болѣе Петербурга. Есть люди, для которыхъ новости необходимы, какъ

воздухъ и пища, какъ служба и чины, и даже, если это возможно — еще необходимѣе. Для этихъ лицъ въ нашемъ богатомъ русскомъ языкѣ есть очень-удачное названіе: *въстопычники*, заключающее въ себѣ два вида: *разглашателя* и *собираателя* вѣстей. Тотъ и другой видъ часто сливаются вмѣстѣ, но нельзя однако же отвергать того, что есть люди, для которыхъ удовольствіе слышать новости гораздо-большее удовольствія разглашать ихъ, какъ равно найдутся и такіе, которые только тогда и счастливы, когда могутъ рассказать что-бы то ни было и кому-бы то ни было. Въ мелкихъ городкахъ маія новостей бываетъ часто сильнѣе, въ слѣдствіе праздности, однообразія и тѣсныхъ сношеній провинціальной жизни; но самыя новости не бываютъ никогда такъ разнообразны, такъ оригинальны, такъ оглушительны, такъ эксцентричны... Что можетъ выдумать провинція: пріѣздъ ревизора или губернатора, войну съ Турками, неизбежно-возобновляющуюся каждый годъ, драку между пѣжными суиругами, соблазнительныя похождения какого-нибудь ремонтера съ уѣздной барышней, начитавшейся французскихъ романовъ въ московскихъ переводахъ, новыя дрожки у городничаго, кульки, пропесенные ни свѣтъ ни заря къ уѣздному судѣ, стихи, напечатанные въ губернскихъ вѣдомостяхъ и принадлежащіе юному перу губернскаго секретаря, опредѣлившагося на службу въ казенную палату изъ Петербурга, по домашнимъ обстоятельствамъ... Вотъ все новости, надъ которыми, въ теченіе столькихъ лѣтъ, трудится провинціальная изобрѣтательность; вотъ вся канва, по которой трудолюбивые уѣзды круглый годъ вышиваютъ такіе дивные узоры. Но послушайте петербургскихъ новостей и у васъ волосы встанутъ дыбомъ при одной мысли, до какой удивительной степени достигаетъ иногда человѣческая изобрѣтательность. Какое неистощимое разнообразіе, какое остроуміе, какая глубокая идея во всѣхъ петербургскихъ выдумкахъ! Они на каждомъ шагу удивятъ, поразятъ васъ, собьютъ съ толку, поставятъ въ тупикъ — и напрасно-бы вы хотѣли узнать, въ чьей исполнинской головѣ родилось такое чудовищное изобрѣтеніе. *Составитель* новостей лицо несуществующее, мнотъ, символъ, идеаль, ничто, мечта воображенія. Онъ не подлежитъ ни одному изъ пяти человѣческихъ чувствъ и существованіе его также загадочно, какъ существованіе знаменитаго эопера, которыми физики наполняютъ все мірозданіе отъ пространства между планетами до печнаго горшка включительно. Начните перебирать по порядку всѣхъ разглашателей и собирателей ново-

стей, (если-бы это только было возможно), восходя отъ послѣдняго къ первому, и вы увидите, какъ постепенно опадаютъ отъ этой новости всѣ постороннія украшенія, приданныя ей разглашателями, часто безнамѣренно, составившіяся въ-слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отъ одного какого-нибудь слова, не такъ сказаннаго, иначе понятаго. И чѣмъ ближе подходите вы къ источнику, къ ядру этой новости, тѣмъ блѣднѣе и призрачнѣе становится она, и наконецъ, когда вы думаете дойти до настоящаго корня, до основанія ея, — она вдругъ исчезаетъ, испаряется, улетучивается, и въ рукахъ у васъ остается какое-нибудь незначительное зерно, далекое отъ плода, изъ него выросшаго, какъ дебо отъ земли. Въ-самомъ-дѣлѣ, образованіе новости можно очень-удачно сравнить съ процессомъ развитія гигантскаго растенія изъ маленькаго зерна. И должно признаться, что на нашей болотной почвѣ, не слишкомъ-благопріятствующей царству Флоры и Помоны, эти незамѣтныя зерна, брошенныя въ пищу людскому любопытству, разрастаются въ самыя прихотливыя, въ самыя фантастическія формы, какихъ не изобрѣтетъ воображеніе ни одного живописца, занимающагося составленіемъ арабесковъ и орнаментовъ къ иллюстрированнымъ изданіямъ нашего времени.

И замѣтите, что петербургскія новости рѣзко и явно противрѣчатъ съ настоящею, всѣдневною жизнью этого города. Оно впрочемъ иначе и быть не можетъ. Чтѣ за охота изобрѣтать, разсѣвать и слушать новости ежедневныя, обыкновенныя, естественныя, которыя могутъ случиться со мною, съ вами, съ каждымъ изъ насъ? Подай намъ чего-нибудь дикаго, нелѣпаго, невѣроятнаго, неправдоподобнаго, чтобы расшевелить наши благопріетойныя чтветва, разогрѣть наше положительное воображеніе. Конечно, между новостями есть очень-много тихихъ, скромныхъ, чиповныхъ, ограничивающихся какимъ-нибудь повышеніемъ въ чинъ или пожалованіемъ награды не по заслугѣ, или отставкою какого-нибудь замѣтнаго лица, — но эти новости не имѣютъ такого хода, какъ невѣроятныя, и обращаются только въ небольшомъ кругу лицъ интересующихся подобными происшествіями. Кто не знаетъ, на-примѣръ, что пѣтъ въ цѣломъ мірѣ города, гдѣ-бы личная безопасность жителей и ихъ имущество были лучше охраняемы удивительными мѣрами и заботливостью полиціи, — и чтѣ-же? Петербургъ больше всѣхъ другихъ изобрѣтеній любитъ рассказы объ убійствахъ и воровствахъ. Нельзя даже сказать, чтобы онъ вѣрилъ имъ; болѣшею частью онъ самъ смѣется надъ этими раз-

сказами, но никакъ не утерпѣть, чтобы не передать ихъ другимъ. Часто вдругъ ни съ того ни съ другаго, обыкновенно въ лѣтніе время, какъ неизобилующее другаго рода истинными происшествіями, за отъѣздомъ половинны Петербурга на дачи и въ лагеря, — вдругъ разнесется вѣсть о какомъ-нибудь удивительномъ воровствѣ, о покражѣ чего-нибудь въ родѣ Большаго-театра или Александровской-колонны, о романическомъ убійствѣ, à la jeune France, о замурованіи дѣвушки въ стѣну или трупъ женщины найденномъ повѣшеннымъ въ цвѣтахъ и брилліантахъ, въ платномъ шкапу, который въ числѣ прочихъ вещей былъ привезенъ на новую квартиру какимъ-то господиномъ, въ-послѣдствіи неявившимся. Въ особенности петербургскіе вѣстовщики любятъ разсказы о трагической смерти, въ слѣдствіе какой-нибудь несчастной любви и романической страсти. Окопечѣть-ли гдѣ-нибудь въ полѣ, въ 20-ти градусные морозы, православный мужчокъ, застигнутый пургой и мятелю, всплыветъ-ли гдѣ-нибудь на возморье безталанный горемыка, жертва страшнаго русскаго напитка, который зовутъ только *по батюшкѣ*, — Петербургъ очень-важно и трогательно разсказываетъ, что любовь была причиной ихъ преждевременной кончины. Если-бы хотя сотая доля всѣхъ разсказовъ о самоубійствахъ отъ любви была справедлива, то Петербургъ можно было-бы почесть самымъ пламеннымъ городомъ въ цѣломъ мірѣ; но увы! наша теорія о томъ, что всякая новость изобрѣтается только потому, что ничего подобнаго ей не случается въ дѣйствительной жизни, — и въ этомъ случаѣ остается въ полной силѣ. Любовь въ Петербургѣ болѣзнь рѣдкая, не свойственная ни его климату, ни его степенной жизни, ни его служебнымъ и общественнымъ занятіямъ. Она еще рѣже встрѣчается въ Петербургѣ, чѣмъ убійства и грабежи, которые въ немъ никогда не случаются.

Послѣ новостей объ убійствахъ, кражахъ и жертвахъ несчастной любви, Петербургъ очень любитъ разсказы о сверхъестественныхъ происшествіяхъ, о чудесахъ, явленіяхъ, пророчествахъ, предсказаніяхъ и колдовствѣ всякаго рода. На подобныя новости въ особенности падохъ прекрасный полъ нашей столицы, славящейся красавицами. Полъ этотъ, изъ врожденной склонности ко всему не правдоподобному, а еще болѣе изъ желанія подѣйствовать на невѣріе ихъ мужей, родителей и братцевъ, которые, если вѣрить словамъ этого почтеннаго пола, всѣ большіе атеисты, — разсказываетъ иногда такія дикія новости, которыя не придуть въ голову человѣку съ самымъ разстроенымъ воображеніемъ.

Этотъ-же полъ ѣздитъ иногда украдкой къ такъ называемымъ ворожеямъ и колдуньямъ, гадать на картахъ и разными другими способами о пропавшей ложкѣ или просто для узнанія будущаго, и возвратясь домой, для поддержанія собственнаго достоинства, рассказываетъ своимъ знакомымъ о томъ, какъ удивительно колдунья узнала имъ все, все до послѣдней ниточки. Этотъ-же самый коварный, но любезный полъ, сочинилъ, лѣтъ десять тому назадъ, такую странную исторію о танцующихъ стульяхъ въ Коломнѣ. .. Если вы гдѣ-нибудь и когда-нибудь услышите отъ кого-нибудь слѣдующее начало разсказа: «Вотъ вы никогда не хотите ни чему вѣрить, а вотъ что случилось!..» то скорѣе бѣгите опростетью отъ этого разсказа и будьте увѣрены, что онъ непременно заключаетъ въ себѣ какое-нибудь поучительное повѣствованіе о сбывшемся предсказаніи или чудномъ явленіи...

Къ третьему разряду новостей принадлежатъ слухи о дуэляхъ и скандалѣзныхъ семейныхъ проишествіяхъ, какъ напр.: похищеніяхъ, непозволительныхъ связяхъ, бѣгствѣ жемы отъ мужа, свадьбахъ, разстроившихся въ-слѣдствіе разныхъ щекотливыхъ обстоятельствъ и т. п. И въ этомъ случаѣ, надобно признаться, *разглашательницъ* и *собираательницъ* подобныхъ слуховъ, гораздо-больше, чѣмъ *разглашателей* и *собираателей*. Даже особы высшаго круга, говоря ихъ языкомъ, не *манкируютъ* никогда *эксплоатировать* подобные слухи, которые, по большей части, составляютъ предметъ ихъ задушевныхъ бесѣдъ (*causerie intime*). Дамы съ такимъ участіемъ, съ такимъ добродушіемъ, съ такою милою заботливостью спрашиваютъ и рассказываютъ о *непріятномъ* проишествіи, случившемся съ такою *прекрасною, скромною и доброю* особою.... Онѣ такъ умѣютъ объяснять малѣйшія подробности, причины и поводы *страннаго* случая, что самая неестественная новость получаетъ въ устахъ ихъ видъ чрезвычайно-похожій на правду. И потомъ, онѣ такъ мило сожалеютъ о лицахъ, ими-же погубленныхъ, что безпристрастному зрителю всѣхъ общественныхъ низостей, часто должна приходиться на-умъ мысль, или справедливѣе, старинное индѣйское преданіе, приведенное и въ Рамаянѣ, о томъ, что великій Парабрама создалъ прекрасный полъ изъ змѣй, опустошавшихъ гѣкогда берега Гангеса и Брахмапутры.

Политическими новостями въ Петербургѣ вообще занимаются немного. Распространяются иногда слухи о перемѣнахъ по министерствамъ и высшимъ отраслямъ государственнаго управленія, но новости эти, пересказываемыя за достовѣрныя какимъ-

нибудь досужимъ чиновникомъ, съ достоюжною таинственностью, — интересуютъ только тѣ лица, которыя надѣются *подвинуться* вмѣстѣ съ возвышаемыми измѣненіями. Остальная публика не теряетъ много времени на выслушиваніе подобныхъ извѣстій. Европою Петербургъ занимаетъ еще менѣе, и къ-тому-же иностранныя газеты сообщаютъ каждый день столько *печатныхъ новостей*, самыхъ странныхъ и неправдоподобныхъ, что избрѣтать *словесныя*, трудъ рѣшительно напрасный и неблагодарный. Провосится изрѣдка слухъ о смерти такого-то короля, объ убійствѣ какого-нибудь важнаго лица, но благодаразумный Петербуржецъ, занятый своимъ дѣломъ гораздо-поважнѣе, не обращаетъ никакого вниманія на подобныя происшествія, совершенно до него некасающіяся, и махнувъ рукой при подобномъ извѣстїи, обыкновенно говоритъ: «А ну его! можетъ быть оно тамъ такъ и нужно!»

Литературными новостями Петербургъ занимается еще меньше, чѣмъ политическими. Иностранныхъ не зачѣмъ избрѣтать — онѣ все на-лицо, а русскихъ новостей, какъ ни думай, не придумаешь ни одной; — самое избрѣтательное воображеніе станетъ въ тушкѣ. Надобно однако-же замѣтить, что у насъ очень любятъ хоронить французскихъ актеровъ и писателей. На нашей памяти г. Брессанъ умиралъ разъ восемь, а г-нъ Алланъ чуть-ли не вдвое больше. Въ настоящее время также большая мода на рассказы объ отравленїи знаменитаго автора «*Парижскихъ Тайнъ*» и «*Вѣчнаго Жида*», Евгенія Сю Іезуитами и мышьякомъ.

Кромѣ этихъ главныхъ разрядовъ, въ Петербургѣ является еще много новостей и о другихъ происшествїяхъ, какъ на-примѣръ о пожарахъ, наводненїяхъ, появленїи въ Муромскихъ-лѣсахъ страшной шайки разбойниковъ, о рожденїи тельца съ человѣческой головой, о выходѣ второй части «*Мертвыхъ Душъ*» и продолженїи «*Исторїи Русскаго Народа*,» о голодѣ, о женитьбѣ сына турецкаго султана на французской принцессѣ, о дракѣ двухъ заслуженныхъ русскихъ литераторовъ, о коврахъ во сто сажень, продающихся по 10-ти копѣекъ асенгаціями, о выходѣ въ свѣтъ въ декабрѣ мѣсяцѣ апрѣльской книжки «*Русскаго Вѣстника*,» объ избрѣтенїи новаго несгораемаго топлива для печей, о картинахъ Рафаэля, продающихся въ Толкучемъ-рынкѣ по рублю серебромъ за штуку, объ искусственныхъ зубахъ избрѣтенія одного привелигеровацкаго дантиста, которыми можно жевать лучше, чѣмъ настоящими, о паденїи только-что выстроеннаго дома или моста, о большомъ обѣдѣ, данномъ однимъ знаменитымъ трагикомъ, о сире-

пѣ, пойманной въ Голландіи, и показываемой въ Гороховой, о десяти въ червахъ, и т. д., и т. д., и т. д. Нѣтъ возможности перечестъ всехъ чудесъ и созданій человѣческаго воображенія. Однимъ словомъ, стѣнѣ только годъ пожить въ Петербургѣ, чтобы убѣдиться, что это городъ самый разнообразный и замѣчательный по своимъ новостямъ, и что нѣтъ такой глупости на свѣтѣ, которую не изобрѣли-бы въ Петербургѣ, и которой-бы въ немъ не повѣрили.

Всего забавнѣе бываютъ иногда сцены между двумя разглашателями одной и той-же новости, случайно-сошедшимися въ одномъ мѣстѣ съ разныхъ концовъ города. Слушатель, приведенный въ тупикъ двумя совершенно разногласными повѣствованіями объ одномъ и томъ-же происшествіи, не знаетъ, чему вѣрить и чему нѣтъ, а вѣстовщики между-тѣмъ готовы подраться между собою, чтобы поддержать достовѣрность своей новости, которой подобнаго никогда ничего не случалось. ..

Въ заключеніе, расскажемъ о двухъ новостяхъ, нѣкогда случившихся въ Петербургѣ и занимавшихъ большую часть его народонаселенія почти цѣлый день.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ часу, въ восьмомъ утра, гдѣ-то на Петербургской-сторонѣ, въ отдаленной и малолюдной улицѣ, лежалъ на мостовой человѣкъ въ длиннополомъ купеческомъ кафтанѣ, пестромъ жилетѣ и *таковыхъ-же* шароварахъ. Съ двухъ концахъ улицы въ одно и то-же время увидѣли его два человека и бросились къ нему опроретью, какъ къ кладу.

— Боже мой! какое несчастіе! *мертвый!* вскричалъ одинъ, — *Убитый!* вскричалъ другой.

И въ ту-же минуту оба эти лица, со страхомъ оглядываясь по сторонамъ, пустились бѣжать обратно отъ трупа въ разныя стороны.

Черезъ полчаса вся Петербургская и Выборгская сторона, Васильевскій островъ, Гавань, Колтовская, Карповка, Аптекарьскій, Каменный, Елагинъ, Крестовскій острова, — вся зарѣчная сторона, толковали о томъ, что въ Безымянной-улицѣ найденъ трупъ купца А., извѣстнаго миліонщика, зарѣзаннаго кѣмъ-же? — о ужасъ!! чудовищемъ, роднымъ племянникомъ, котораго онъ лишилъ наслѣдства за его распутную жизнь. Безчеловѣчный ободралъ все деньги у своего дяди и благодѣтеля, забрался въ его кассу, и пойманный на дѣлѣ купцомъ, безъ сожалѣнія убилъ его, и снявши съ пальцевъ несчастной жертвы все кольца и перстни, и даже — съ груди золотой крестъ, выбросилъ трупъ въ окно, а

самъ — убѣжалъ въ Америку — съ женою покойника, свою родную теткою!!!

Въ то-же время въ аристократической части Петербурга, на Невскомъ, въ Морскихъ, на Англійской-набережной, на Литейной, у Смольяго-монастыря, на Пескахъ, у Знаменья, подъ Невскимъ, въ полкахъ, на Фонтанкѣ, у Большаго-Театра, въ Коломнѣ, у Калинкина моста и на всей петергофской дорогѣ про этотъ-же самый трупъ рассказывали нижеслѣдующую исторію.

Одинъ молодой человекъ любилъ страстно и пламенно знаменитую красавицу Петербургской-стороны, которая отвѣчала взаимностью призыву его возвышенной любви. Но людскіе предразсудки возстали на нихъ со всею силою. Она была знатна и богата — онъ не имѣлъ ничего, кромѣ хижины и сердца. Суровый отецъ приказалъ дочери готовиться къ браку съ ненавистнымъ графомъ N. Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, несчастный юноша въ послѣдній разъ явился къ своей возлюбленной, выпить на устахъ ея послѣднее лобзаніе, и съ первыми лучами восходящаго свѣтила, сказавъ ей послѣднее прости, бросился изъ пятаго этажа, гдѣ была ея комната, на гладкую мостовую Петербургской-стороны, для того, чтобы не видать своего несчастья. Трупъ бѣднаго юноши найденъ былъ утромъ въ Безымянной-улицѣ, подъ окномъ красавицы. Въ рукѣ безвременно-погибшаго несчастливца сжатъ былъ медальонъ съ портретомъ особы, имя которой лепеталъ онъ при послѣднемъ издыханіи...

Если-бы въ то время кто-нибудь пожелалъ узнать настоящую и подлинную исторію этого трупа, то могъ-бы спросить у него самого, когда онъ, часа черезъ два, проспавшись и вытянувшись, отправился опять въ тотъ самый кабакъ, изъ котораго, выйдя наканунѣ мертвецки-пьянымъ, растянулся безъ чувствъ во всю длину своего роста и Безымянной-улицы.

Другая *новость* также нѣкогда сильно взволновавшая Петербургъ была слѣдующаго содержанія:

Однажды возлѣ Калинкина моста по Фонтанкѣ плыла шляпа. Кажется, въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго: шляпа какъ всѣ шляпы, круглая, черная, не слишкомъ новая, не слишкомъ старая, плыла себѣ да и только. Казалось, кому какое до нея дѣло; но русскій народъ, который чрезвычайно любитъ *оказіи* всякаго рода, какія-бы онѣ не были, не могъ упустить изъ виду этого страннаго случая. Толпы народа начали собираться по набережной, смотрѣть на шляпу, толковать объ ней, провожать ее дальше по каналу. Чѣмъ дальше плыла шляпа, тѣмъ народу

собиралось болѣе и болѣе, толки становились разнообразнѣе, новостъ росла и измѣнялась съ каждымъ шагомъ. Жильцы домовъ, выходящихъ на Фонтанку, увидя изъ оконъ необыкновенное стеченіе народу на кававѣ, посылали своихъ лакеевъ и дѣвокъ узнать, что такое случилось, и въ разныхъ частяхъ города получали разные отвѣты. У самого Каликина-моста общій голосъ былъ тотъ, что шляпа эта принадлежала чиновнику, утопившемуся съ горя, отъ-того, что ему къ Новому-году не дали никакой награды, тогда какъ всѣ, кто были ниже его чиномъ и мѣстомъ, получили по Станиславу. У цѣпнаго Египетскаго-моста, утонувшій чиновникъ превратился въ молодого коломенскаго поэта, подававшего большія надежды и бросившагося въ Фонтанку оттого, что Издатель одного журнала не хотѣлъ печатать его стихотвореній, написанныхъ не въ духѣ русской народности. У Измайловскаго-моста поэтъ превратился въ купца, утопившагося съ отчаянія, что ему не удалось объявить себя несостоятельнымъ по казеннымъ подрядамъ. У Обухова-моста серьезно увѣрили, что шляпа эта принадлежитъ какому-то мистическому лицу и непременно должна быть заколдована, потому-что какъ ни старались поймать ее съ барокъ и яботовъ, но она никакъ не поддавалась, ускользала отъ багровъ и весель, и даже одинъ мужикъ, слишкомъ усердно погнавшійся за нею, упалъ въ воду и утонулъ. У Семеновскаго-моста шляпа принадлежала упавшему по неосторожности въ воду и утонувшему 17-ти лѣтнему мальчику, единственному сыну богатѣйшихъ родителей, красавцу и проглотившему всѣ науки на свѣтѣ. У Чернышева-моста мальчикъ превратился въ юношу, погибшаго отъ безпաдежной любви къ одной жестокосердой и неумолимой дѣвицѣ, обитавшей въ стѣнахъ мрачнаго зданія, идущаго къ Александринскому-театру; у Аничкова — это былъ левъ, прекратившій самовольно жизнь свою, потому-что къ миліону дохода получилъ еще другой миліонъ по наслѣдству, и что онъ нигдѣ въ Петербургѣ не могъ получить Trésor de la poitrine, pâte pectorale balsamique et sirop au mou de veau de Dégénétais. — У Семіоновскаго — въ шляпѣ было зашито 300,000 рублей серебромъ, и ее снесло вѣтромъ съ головы одного скряги, переѣзжавшаго на другую квартиру и опасавшагося, чтобы у него во-время переѣзда не украли этихъ денегъ. У Цѣпнаго Пантелеймоновскаго моста, шляпа эта принадлежала одной дѣвушкѣ, переодѣвшейся въ мужское платье, чтобы бѣжать съ своимъ любовникомъ, и уронившей шляпу по неловкости въ канаву, отъ-чего волосы несчастной разсыпались по плечамъ и она, узнавшая пре-

слѣдовавшей ея роднею, была возвращена обратно въ домъ разгнѣванныхъ родителей. У Прачечнаго-моста наконецъ все въ одинъ голосъ увѣряли, что шляпа эта приязана за ниточку къ рукѣ одного Англичанина, который въ-слѣдствіе пари плыветъ подъ водою отъ самаго Калинкина-моста. Не извѣстно, чѣмъ-бы кончилось похождение этой шляпы, если-бы при поворотѣ въ Неву она не налилась водою и не утонула. Очень можетъ-быть, что Петербургъ еще до-сихъ-поръ-бы говорилъ объ ней и выводилъ свои заключенія....

=

С М Ъ С Ъ .

МАЭСТРО ИЛИ ИЗВѢСТНОСТЬ.

(Рассказъ.)

Пауло, сынъ бѣдныхъ пастуховъ, въ окрестностяхъ Неаполя, будучи шести лѣтъ, осиротѣлъ и былъ призрѣнъ старымъ фермеромъ, хозяиномъ луговъ, простирающихся отъ подножія Везувія до дороги въ Римъ.

Не требуя никакого вознагражденія за это благодѣяніе, добрый хлѣбопашецъ хотѣлъ однако-же приучить мальчика къ какому-нибудь дѣлу, которое послужило-бъ ему въ-послѣдствіи средствомъ пропитанія; но онъ не хотѣлъ ничѣмъ заняться. Хотя Пауло и былъ нрава кроткаго, тихаго, добраго, однако-жъ не могъ приняться ни за какую работу. Когда, наконецъ, убѣжденный умными наставленіями старика, онъ принялся-было за полевые работы, то въ короткое время здоровье его видимо разстроилось. Призванные врачи объявили положеніе его весьма-опаснымъ и сказали, что его не должно принуждать ни къ какимъ утомительнымъ занятіямъ; тогда старикъ, изъ сожалѣнія къ мальчику, рѣшился позволить ему слѣдовать своимъ наклонностямъ.

Пауло имѣлъ особенную наклонность къ мечтательности; все окружавшіе его называли это лѣнью, и, чтобы онъ не совсѣмъ-же оставался безъ дѣла, ему поручили пасти стада... и Пауло по прежнему сталъ здоровъ и веселъ... Въ тишинѣ полей, въ таинственной гармоніи организаціи его съ природою, развился въ немъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ природы...

Какъ пейзажъ со всѣми подробностями своими отражается въ гладкой поверхности озера, такъ точно въ душѣ Пауло, чистой и гладкой, какъ зеркало, отражались звуки гармоніи всего въ природѣ, что имѣетъ голосъ, для прославленія Творца вселенной. Его воспримчивое ухо, схватывавшее малѣйшіе звуки въ воздухѣ, переносило всѣ гаммы ихъ въ его память, и гибкій голосъ его передавалъ ихъ съ очаровательною прелестью.

Журчанье ручейка, шумъ воды, перебѣгающей по камешкамъ, кружащейся около нихъ, проходящей между тростникомъ, стремящейся въ пещеры, ниспадающей съ вершинъ; пѣсь въѣтра, уныло завывающаго въ лѣсу или въ глубокихъ пещерахъ, шелестъ листьевъ, пѣніе птичекъ, привѣтствующихъ восходящее солнце и прощающихся съ нимъ, когда послѣдніе лучи его исчезаютъ на горизонтѣ — все это запечатлѣлось въ его памяти, обширномъ оркестрѣ, полномъ вѣрнѣйшихъ инструментовъ... Такъ точно, какъ немногими цифрами можно написать огромное число, такъ Пауло образовывалъ изъ отдѣльныхъ звуковъ очаровательнѣйшія гармоніи. Лежа въ тѣни густаго дерева, противъ скалы или живописныхъ развалинъ, Пауло игралъ съ эхомъ, разговаривалъ съ нимъ, составлялъ дуо, изумительное по согласію. Эхо пользовалось секундой, въ которую Пауло переводилъ дыханіе, чтобы повторить послѣдніе его звуки, но молодой пастухъ прерывалъ его внезапно, не давалъ ему кончить его партіи, покрывалъ голосъ эхо своимъ собственнымъ; потомъ, чтобы не уступить настойчивому своему сопернику, онъ вставалъ, уходилъ въ другое мѣсто, гдѣ не было эхо, и тамъ, наединѣ, не боясь быть побѣжденнымъ, торжествовалъ надъ соперникомъ, величественно исполняя финалъ своей пѣсни, никѣмъ и ничѣмъ не прерываемый...

Безпечный отъ природы, молодой человѣкъ никогда и не воображалъ, чтобы постороннему слуху могло поправиться чудное пѣніе его; но природа, которая никогда не создаетъ ничего безъ пользы или цѣли, доставила ему двухъ слушателей, на которыхъ пѣніе его производило различное дѣйствіе.

Первый слушатель была молодая дѣвушка, простая крестьянка, въ сердцѣ которой голосъ Пауло пробудилъ любовь... Она сама умѣла присквать одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которые любящіеся начинаютъ понимать другъ-друга безъ словъ и объясненій. Пауло, осчастливленный этой любовью, поклялся молодой дѣвушкѣ въ вѣчной любви, со всѣмъ жаромъ и упоеніемъ первой любви; они мечтали о будущемъ, и Пауло готовился просить руки Лауры у ея матери. Впрочемъ, надо сказать правду, молодой пастухъ полюбилъ Лауру только потому, что она его любила... единственною страстію, единственною любовію его были — пѣніе и мечтательность.

Лаура-же любила его пламенно: быть женою Пауло казалось ей вѣрхомъ благополучія; она такъ свыклась съ этою любовію,

что если-бъ должна была отказаться отъ нея, то лишила-бъ себя жизни или сошла-бы съ ума.

Пауло былъ артистъ — Лаура была Итальянка.

Что-же касается до втораго слушателя, то, чтобы познакомить съ нимъ читателей, мы должны сдѣлать отступленіе.

II.

Между композиторами, оставившими по себѣ память своими произведеніями, извѣстенъ Пиколелли; но въ славѣ его есть тайна, завѣсу съ которой мы намѣреваемся снять.

По странной прихоти природы, подобной той, которая дала павлину охоту пѣть, Пиколелли былъ одаренъ пламенною страстію къ музыкѣ: будучи ребенкомъ, онъ уже мечталъ объ одной только музыкѣ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ представилъ нѣсколько оперъ... содержатели театровъ охотно принимали ихъ, потому-что Пиколелли, обладая огромнымъ богатствомъ, самъ платилъ за переписку нотъ, освѣщеніе театра, за декорации, актерамъ, хористамъ и фигурантамъ; но ни разу ни одно изъ произведеній его не имѣло успѣха... потому-что все они были вялы, слабы; партитуры, напечатанныя на его счетъ, валялись въ кладовыхъ продавцевъ нотъ.

По-несчастію, Пиколелли былъ завистливъ... Каждое торжество какого-нибудь болѣе даровитаго композитора заставляло его невыразимо страдать.

Одно изъ величайшихъ страданій человѣка есть зрѣлище торжества тѣхъ, которыхъ въ глубинѣ души своей онъ считаетъ низшими... Пиколелли во всю свою жизнь подвергался этимъ страданіямъ, этой пыткой, которая сдѣлалась до того невыносимою, что въ одно утро несчастный композиторъ поцѣловалъ дочь, со слезами на глазахъ протиснулся съ нею и вышелъ за городъ, чтобы навѣки распрощаться съ міромъ...

Между-тѣмъ, какъ онъ проходилъ черезъ лѣсокъ, ароматныя испаренія котораго легкій вѣтерокъ разносилъ въ воздухъ, до слуха его достигли звуки человѣческаго голоса, гибкость, нѣжность и оригинальныя варіаціи котораго поразили его... онъ приблизился... нѣмѣ слышалось все явственнѣе и громче, и наконецъ, поверотивъ за уголъ скалы, онъ увидѣлъ Пауло, въ полномъ жару чудныхъ своихъ импровизацій.

Пѣніе молодаго пастуха какъ-бы приковало композитора къ мѣсту... оно отняло у него мысль, волю, и прогнало идею о самоубійствѣ... Какое-то сладостное ощущеніе проникло въ его душу, и слезы потекли изъ глазъ. Онъ машинально опустился на камень, и успокоившись, сталъ внимательнѣе прислушиваться къ сельскому концерту молодаго пастуха, такъ, какъ страстный лю-

битель присутствуетъ на исполненіи произведенія какого-нибудь великаго композитора. Онъ чувствовалъ, какъ всѣ мелодіи, всѣ мотивы импровизатора впечатлѣвались въ его памяти.

Вдругъ его поразила внезапная мысль... онъ всталъ, почти бѣгомъ воротился домой, въ Неаполь, и въ лихорадочномъ волненіи принялся писать музыкальныя фразы Пауло точно въ томъ же видѣ и порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ слышалъ.

Каждый день отправлялся онъ слушать пастуха, и по истеченіи мѣсяца явился въ театръ Санъ-Карло съ новой оперой, которую директоръ согласился принять на прежнихъ условіяхъ, т. е. что Пиколелли возьметъ на себя всѣ издержки.

Но новая его опера не была похожа на прежнія... публика была въ восторгѣ... успѣхъ былъ неслыханный... переворотъ былъ изумительный! Во всѣхъ гостинныхъ, во всѣхъ обществахъ говорили только объ одномъ, а именно о Пиколелли и его новой оперѣ. На слѣдующій день съ утра разобрали всѣ билеты; театръ былъ набитъ биткомъ; передъ театромъ была сума-тоха.

Съ этой минуты слава Пиколелли получила прочное основаніе; за первой удачной оперой онъ написалъ еще нѣсколько другихъ, имѣвшихъ такой-же успѣхъ. Онъ заслужилъ народность, вѣнокъ, не всегда приличныи истиннымъ заслугамъ, но безъ котораго часто и гении не увѣренъ въ себѣ. Органы, шарманки, кочующіе музыканты овладѣли новыми аріями и въ цѣломъ городѣ распѣвали одни сочиненія Пиколелли... Изъ Неаполя они распространились по всей Италиі: менѣе нежели въ два года онъ сталъ выше всѣхъ своихъ соперниковъ.

III.

Съ того дня, какъ онъ открылъ неизчерпаемый источникъ мелодіи, недавно-прославившійся композиторъ, почувствовалъ искреннюю привязанность къ молодому пастуху. Не говоря уже о томъ, что онъ собиралъ сокровища, раскидываемыя юношей, Пиколелли влекло какое-то особенное чувство къ этой дикой, необработанной, но вмѣстѣ съ тѣмъ гениальной натурѣ.

Изъ разговоровъ съ Пиколелли молодой пастухъ инстинктивно появлялъ власть, которую онъ имѣлъ надъ нимъ; участіе богача, заботливость его о здоровьи Пауло, ласковый, почти покорный видъ его не ускользнули отъ взора пастуха. Не пускаясь отыскивать и не разбирая причинъ участія богача, Пиколелли пользовался имъ, какъ ребенокъ, понявшій слабую сторону матери.

Когда наступилъ рекрутскій наборъ, то мысль о томъ, что онъ долженъ отказаться отъ своей свободы и праздности, омрачила лицо его и опечалила сердце... Пиколелли крайне испугался, освѣ-

домлялся о причинахъ грусти его и, узнавъ ихъ, въ тотъ-же день панялъ человѣка, который вмѣсто пастуха пошелъ въ солдаты, и Пауло, отъ души поблагодаривъ своего покровителя, опять сталъ пѣть, съ радостію человѣка, избавившагося великой опасности. Николелли угождалъ всѣмъ прихотямъ молодаго человѣка, будучи увѣренъ, что это доставитъ ему новыя пѣсни, полныя прелести и свѣжести души, довольной своей судьбой.

Наконецъ, для того-ли, чтобы исполнить желаніе Пауло, или для того, чтобы имѣть поближе къ себѣ источникъ своей славы, Николелли купилъ въ окрестностяхъ прекрасное имѣніе и ферму, управленіе которой было предоставлено пастуху; но, по странному отступленію отъ общепринятыхъ правилъ, ферма, въ которой Пауло жилъ совершенно одинъ, по приказанію новаго владѣтеля, была предназначена исключительно скоту. Луга, ограниченные съ одной стороны голой, отвѣсной стѣной скалы, а съ другой широкой рѣкой, были достаточно обширны, чтобы пастухъ не имѣлъ надобности удаляться отъ центра ихъ, а тѣмъ-болѣе загонять скотъ на чужую землю. Тамъ Пауло могъ свободно бродить, мечтать и пѣть; и Николелли нечего было страшиться, чтобы случайно прохажій, остановленный прелестію голоса молодаго человѣка, не открылъ тайны славы композитора.

Улучшеніе участи Пауло была ловкая хитрость богача-музыканта, желавшаго удалить его отъ цѣлаго свѣта; между-тѣмъ, онъ говорилъ, что мысль улучшенія внушена ему желаніемъ доставить пастуху возможность жениться на Лаурѣ, мать которой не хотѣла и слышать о свадьбѣ до-тѣхъ-поръ, пока будущность Пауло не будетъ обезпечена.

Какъ велика была радость въ домикѣ молодой дѣвушки, когда Пауло принесъ вѣсть о своемъ счастьи! День свадьбы былъ назначенъ; Пауло представилась будущность, исполненная радостей и лишенная заботъ Лаура была вся предана любви и блаженству, а великій композиторъ Николелли душевно радовался, что такъ хитро и искусно устроилъ дѣла.

Но этого ему было мало: удаливъ пастуха отъ свѣта, богачъ возымѣлъ желаніе такъ сблизиться съ нимъ, чтобы не потерять ни одной его пѣсни. Опъ приказалъ сдѣлать нѣкоторыя починки въ новой своей виллѣ, и вскорѣ поселился тамъ съ дочерью, восемнадцатилѣтней, очаровательной дѣвушкой.

Знаменитый маэстро достигъ наконецъ апогея славы своей; даже зависть молчала, не смѣя нападать на имя, сдѣлавшееся до такой степени народнымъ; завистники довольствовались тѣмъ, что говорили, что теперь великій композиторъ будетъ идти назадъ, то-есть, что произведенія его будутъ хуже и хуже.

IV.

Предсказанія ихъ начинали сбываться.

Николелли хотя и не шелъ назадъ, но самолюбіе его сильно страдало, потому-что публика тщетно ждала сочиненій своего любимаго: Николелли хранилъ молчаніе.

Онъ, однако-жъ, по-прежнему любилъ музыку, по-прежнему занимался ею. Мрачный, безпокойный, мучимый своею неспособностью, онъ бродилъ по своему имѣнію около Пауло, съ заботливостью, постоянствомъ и волненіемъ любовника, ожидающаго у ногъ кокетки одного взгляда, одной улыбки ея. Но тщетно.

Пѣсенъ не было!.. Да, Пауло былъ молчаливъ и мраченъ; Лаура и Николелли тотчасъ же замѣтили грусть его, и неудивительно—у обоихъ была въ душѣ страсть сильная, могущественная.

Въ одно утро, какъ-бы еговорившись, Лаура и Николелли присматривали за пастухомъ; первая за широкимъ дубомъ, откуда она осторожно выглядывала, чтобы не пропустить ни одного движенія Пауло; другой въ густомъ кустѣ. Лаура была такъ удалена, что не могла разслышать словъ своего жениха, но тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдила она за его движеніями. Николелли-же, находившійся по близости, могъ не только все видѣть но и слышать.

Пауло сидѣлъ на травѣ и былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Глаза его были устремлены на одну точку; онъ произносилъ невнятные слова; потомъ вынулъ изъ-за пазухи ленточку, на которую долго смотрѣлъ съ восторгомъ, и наконецъ, сталъ покрывать ее поцѣлуями.

Тогда Лаура осторожно стала приближаться къ нему, вырвала изъ рукъ его ленточку, отскочила, какъ тигрица, бросила ленту съ невыразимымъ движеніемъ ярости; потомъ вынула изъ-за пояса маленькій кинжалъ, взмахнула имъ и исчезла, бросивъ на Пауло взглядъ, исполненный гнѣва и угрозъ.

Пауло, на минуту испуганный, вздохнулъ изъ глубины души, какъ человѣкъ, спасшійся отъ большой опасности; онъ собралъ стадо и пошелъ домой, чтобы тамъ, наединѣ, безъ свидѣтелей, предаться мечтамъ о своей любви.... любви безнадежной!

Когда молодые люди ушли, Николелли поднялъ ленту, которую Лаура притоптала ногами.

То была лента его дочери.

Первыя мысли богача были мрачны, грозны....

Вскорѣ Николелли убѣдился, что дочь его раздѣляла чувствованія пастуха: онъ присматривалъ за ними и увидѣлъ, что они поцѣбовались... въ другой разъ онъ засталъ Пауло у ногъ Женовевы, притворился разгнѣваннымъ, потомъ сжалился, обнялъ и благословлялъ молодыхъ людей.

Мѣсяцъ спустя, въ доминиканской церкви была великолѣпная свадьба: невѣста была прелестная Женовева, дочь знаменитаго композитора Пиколелли, а женихъ—Пауло, бывшій пастухъ.

Пошли толки, пересуды, догадки... Какъ могъ человѣкъ богатый, знаменитый, пользовавшійся европейскою славою, бывшій въ состояннн выдать свою дочь за князя, какъ такой человѣкъ могъ отдать ее за пастуха! Это было идилически-нелѣпо...

— Или маэстро съ ума сошелъ, говорили все, или дочь его провинилась...

Нѣтъ, ни то, ни другое... но пастухъ не глѣз! Пиколелли не могъ поддерживать своей славы!... Печаль молодого человѣка могла превратиться въ опасную болѣзнь, которая свела-бъ его въ могилу!...

По выходѣ изъ церкви, Пауло и Женовева съ любовію смотрѣли другъ на друга, какъ вдругъ изъ толпы выскочила женщина, оттолкнула окружавшихъ новобрачныхъ и нанесла Пауло ударъ кинжаломъ... хотѣли остановить, схватить убійцу, но Лаура съ быстротою молніи вонзила кинжалъ себѣ въ грудь... глаза ея закрылись... она поблѣднѣла... кровь потекла... она произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ и умерла!

Кто опишетъ горестъ Женовевы и отца ея?...

Раненнаго перенесли въ домъ композитора и ему была оказана всевозможная помощь... ударъ Лауры, направленный слѣпою ревностью, былъ невѣренъ; вмѣсто того, чтобы поразить молодого человѣка въ сердце, она ранила его въ шею.

Доктора нашли, что рана была неопасна, и успокоили отца и дочь.

— Вашъ зять выздоровѣтъ, говорили они композитору, но потеряетъ голосъ.

Предсказаніе ихъ сбылось: Пауло выздоровѣлъ, но — остался нѣмъ.

Пиколелли не писалъ болѣе оперъ.

V.

Три года спустя, гробъ, сопровождаемый всеми художественными знаменитостями, былъ вынесенъ изъ бенедиктинской капеллы: монахи провожали одного изъ братій своихъ въ вѣчную обитель.

На кладбищѣ пріоръ произнесъ надгробную рѣчь надъ мертвыми останками Фабіо Пиколелли, скончавшагося въ монастырѣ и искупившаго театральныя дѣянія свои въ тишинѣ монастырской, въ дали отъ свѣта.

Толпа, глубоко растроганная, разошлась.

Директоръ театра Санъ-Карло воздвигъ великолѣпный памятникъ надъ могилою славнаго композитора, обогатившаго его.

Памятникъ былъ украшенъ всѣми атрибутами искусства и на черной мраморной дощечкѣ, существующей и понынѣ, была начертана золотыми буквами слѣдующая надпись:

Здѣсь покоится прахъ знаменитаго композитора,

ФАВІО НИКОЛЕЛЛИ,

Автора *Атталакта*, *Олимпійскихъ игръ*, *Опекуна въ тюрьмѣ*, *Прерванной свадьбы*, *Великихъ соперниковъ*, *Прекрасной Неаполитанки* и *Паузилитской пастушки*.

Оперы эти были именно тѣ самыя, музыку которыхъ Николелли написалъ съ уединенныхъ пѣсень молодого пастуха.

РОБЕРЪ-МАКЕРЪ И ПРІЯТЕЛЬ ЕГО БЕРТРАНЪ.

Сцены современныхъ нравовъ.

Роберъ-Макеръ, *своему слугѣ*: Ты говоришь, что его зовутъ Бертраномъ?.. Бертранъ!.. странно... Кажется, я нѣкогда былъ знакомъ съ однимъ мошенникомъ, котораго звали Бертраномъ... Все-равно, проси.

Бертранъ. Простите-ли вы мнѣ, милостивый государь, смѣлость...

Макеръ. Такъ и есть!.. Я не ошибся, это онъ!.. это негодяй Бертранъ, вѣрный слуга, который, десять лѣтъ тому назадъ, ушелъ отъ меня, взявъ съ собою лучшіе панталоны изъ моего гардероба!

Бертранъ. Вы, сударь, изволите ошибаться; эти панталоны были съ прорѣхой на одномъ колѣнѣ.

Макеръ. Потому-то они и были лучшіе!.. у всѣхъ другихъ были прорѣхи назадъ... А! такъ это ты, почтеннѣйшій!.. Скажи-ка, чѣмъ ты занимался съ-тѣхъ-поръ?

Бертранъ. Все тѣмъ-же... часами, да платками.

Макеръ. Славное занятіе! поздравляю... а больше ничего?

Бертранъ. Извините, я служилъ.

Макеръ. Гдѣ?

Бертранъ. Въ Меленской тюрьмѣ... пять лѣтъ.

Макеръ. Ладно — по-дѣломъ!

Бертранъ. А вы, сударь, тоже изволили продолжать... понимаете?

Макеръ. Фи, Бертранъ, какъ можно! заблужденія юности... не-

помѣрная живость въ пальцахъ!.. На прошла молодость, пришло благоразуміе... Къ тому-же, я понялъ свой вѣкъ, я понялъ, что этими пустяками не проживешь состоянія. Я бросилъ фальшивыя карты, снялъ повязку съ глаза, снялъ красный галстухъ и прочее, и сдѣлалъ человѣкомъ порядочнымъ, капиталистомъ, банкиромъ!.. удивительно-хорошее состояніе, честное слово!

Бертрашъ. Это, вѣроятно, новозобрѣтенный способъ отрѣзывать кошельки?

Макёръ. Именно!.. но гораздо-благороднѣйшій способъ, съ которымъ я не рѣкую имѣть дѣло съ королевскимъ прокуроромъ.

Бертрашъ. Не понимаю. Просто ли воровать, или благороднымъ способомъ, будто это не одно и то-же?

Макёръ. Совѣмъ нѣтъ... надобно умѣть различать... у насъ есть воровство по мелочамъ, и воровство гуртомъ. Съ воровствомъ по мелочамъ ты знакомъ лучше меня; ты знаешь всѣ невыгоды его... за несчастную тряпку, за глупый кошелекъ, украденный съ болѣею или меньшею ловкостью, тебя сажаютъ въ тюрьму года на три, на четыре; а потомъ, мое почтеніе, на всю жизнь попадешь на задній дворъ общества, что весьма-непріятно, особенно человѣку съ душой и самолюбіемъ... вотъ въ двухъ словахъ исторія воровства по мелочамъ. Слѣдовательно, я подтверждаю, что подобное воровство чрезвычайно-неудачная спекуляція, отъ которой нельзя ожидать большихъ выгодъ. Совѣмъ другое дѣло воровство гуртомъ: оно, Бертрашъ, имѣетъ всевозможныя выгоды и преимущества. Гуртовое воровство доставляетъ дома, экипажи, сытныя обѣды; оно даетъ балы и празднества, на которыхъ присутствуетъ самъ префектъ полиціи; человѣкъ, занимающийся этимъ воровствомъ, можетъ быть избранъ въ депутаты, имѣетъ орденъ почетнаго легіона и званіе члена человѣколюбивыхъ и другихъ обществъ. Онъ пользуется довѣренностію правительства и уваженіемъ двора. Онъ не боится, что кто-нибудь попрекнетъ его тѣмъ, что онъ низкаго происхожденія; у него есть деньги, — а деньги замѣняютъ все; да, Бертрашъ, въ нашъ вѣкъ нѣтъ другой добродѣтели, кромѣ денегъ... по-крайней-мѣрѣ, я другой не знаю.

Бертрашъ. А какимъ-же образомъ вы, сударь, достигли этой добродѣтели?

Макёръ. Гуртовымъ производствомъ... На-примѣръ, въ то самое время, когда ты, какъ дуракъ, преступнымъ образомъ опускалъ руку въ чужіе карманы, я — въ виду цѣлаго свѣта, безнаказанно обиралъ почтеннаго Бонардена, попавшагося ко мнѣ въ сѣти... Сравни-же теперь взаимное положеніе наше въ обществѣ... мы десять лѣтъ не видались; теперь встрѣчаемся, и что-же? На тебѣ прежній сюртукъ, а у меня — экипажъ!..

Бертрашъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сударь, ваше ремесло повыгодило моего... Ахъ! если-бъ вы изобрѣли его въ мое время!

Макёръ. Что дѣлать!.. Когда я сдѣлалъ тебя товарищемъ въ

моихъ благородныхъ трудахъ, то искусство наше было еще въ дѣтствѣ... тогда была только заря акцій и биржевыхъ продѣлокъ... наши великіе промышленные гении летали еще за облаками... я человекъ, кажется, искусный и умный, былъ школьникъ предъ ними... Однако-жъ, если-бъ ты, какъ низкій трусъ, не покинулъ меня, то и ты, пользуясь моимъ примѣромъ, достигъ-бы почестей и богатства!..

Бертранъ. Правда... но, извольте видѣть, я боялся, чтобы съ вами не дойти до галеръ.

Макёръ. Пустая боязнь, Бертранъ... не смѣшивай спекуляціи съ воровствомъ... Воръ — мошенникъ, а спекуляторъ — человекъ очень-почтенный!.. Конечно, цѣль у обоихъ одна и та-же, но за то, какъ различны способы!.. и стоголазое правосудіе умѣло отличить великаго спекулятора, выигрывающаго милліоны на биржѣ, отъ ничтожнаго воринки, крадущаго свой насущный хлѣбъ.

Бертранъ. Я такъ убѣжденъ въ справедливости вашихъ словъ, что — если есть еще возможность, — я охотно послѣдовалъ-бы по вашимъ стопамъ.

Макёръ. Если есть еще возможность!.. Помилуй, любезнѣйшій, не было эпохи, болѣе выгодной для спекуляціи... Нынче, извольте видѣть, все пускаютъ въ оборотъ, самыя ничтожныя, точно такъ, какъ и самыя важныя вещи... на-примѣръ, теперь идутъ большія спекуляціи на обѣщанія...

Бертранъ. Что это за штуки, обѣщанія?

Макёръ. Обѣщанія? Это... какъ-бы тебѣ объяснить?.. Слова, сказанныя на вѣтеръ и уносимыя имъ.. Такимъ-образомъ, у насъ были весьма почтенные промышленники, которые дѣлали удивительно-счастливыя спекуляціи на польскія обѣщанія... Ахъ, какія это были выгодныя спекуляціи!.. Вотъ, почтеннѣйшій Бертранъ, что я называю гуртовымъ, честнымъ, патриотическимъ воровствомъ, заслуживающимъ отъ всѣхъ уваженіе... Да, Бертранъ, повторяю тебѣ, глупо заниматься пустяками.. Загляни въ древнюю исторію и ты увидишь во многихъ главахъ, которыя я могъ-бы указать тебѣ, если-бъ у меня была лучше память, что нѣкоторые удалцы, похитившіе троны, были не менѣе того считаемы лучшими гражданами въ государствѣ.

Бертранъ. Вы, сударь, ужасно соблазняйте меня.... Рѣшено, дѣлаю гуртовымъ воромъ!

Макёръ. Говори спекуляторомъ, любезнѣйшій! Это гораздо-благоприятнѣе... А скажи-ка, богатъ-ли ты?

Бертранъ. Хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте, а ей, ей, у меня теперь нѣтъ ни одного лиара за душой.

Макёръ. Очень-хорошо; я запишу тебя на сто акцій на мою новую желѣзную дорогу, для которой нужно капиталу 300 милліоновъ.. Бездѣлица, которую ты возьмешь, будетъ стоить тебѣ бездѣлицу-же... 50,000 франковъ.

Бертранъ. Хорошо, бездѣлица!.. Вѣдь говорятъ вамъ, что у меня нѣтъ ни одного су.

Макеръ. Такъ потому-то и нужно добывать деньги... Слушай, ты сейчасъ-же отправишься на биржу, скажешь первому встрѣчному маклеру, что желаешь продать сто обѣщаній на акціи желѣзной дороги Роберъ-Макера и компаніи, по 600 франковъ; маклеръ, знающій свое дѣло, продастъ ихъ въ одно мгновеніе. Слѣдовательно, такъ-какъ цѣна акціямъ только 500 франковъ, то въ одну минуту, и не развязывая кошелька зарабатываешь 5000 франковъ, изъ которыхъ одна половина мнѣ, а другая тебѣ... Ясно-ли?

Бертранъ. Не ужъ-то въ этомъ вся штука?... Однако-жъ позвольте, сударь, если я не найду покупателей?

Макеръ. Какъ ты еще прости, мой бѣдный Бертранъ!.. Скажи-ка мнѣ, видѣлъ-ли ты когда-нибудь, какъ поступаютъ промышленники, продающіе на улицахъ бронзовыя цѣпочки?

Бертранъ. Еще-бы! Я самъ долго занимался этимъ ремесломъ.

Макеръ. Ну, какъ-же ты ихъ продавалъ?

Бертранъ. Очень-просто! Около меня собиралась полдюжина товарищей, которые похваливали мой товаръ, и какъ-будто покупали, чтобы лучше заманить простячковъ.

Макеръ. Такъ, такъ... Знай-же, что мы, торгующіе желѣзными дорогами, поступаемъ точно такимъ-же образомъ... и у насъ есть товарищи, похваливающіе акціи и заманивающіе неопытныхъ...

Бертранъ. Вотъ удивительно!.. Слѣдовательно, акціи на желѣзные дороги и мѣдныя цѣпочки сбываются одинаковымъ образомъ?

Макеръ. Рѣшительно!.. Ты, можетъ-быть, скажешь, что, продавая цѣпочки, тебѣ удавалось иногда стянуть и часы?..

Бертранъ. Признаться сказать, въ этомъ только и заключался мой барыш.

Макеръ. Такъ точно здѣсь, ты стягиваешь у покупателя денежки... понимаешь-ли?

Бертранъ. Понимаю.

Макеръ. А самое пріятное въ нашемъ-дѣлѣ то, что ни прокуроръ, ни полиція не могутъ ни къ-чему придратъся.

Бертранъ. Чортъ возьми! славная штука желѣзная дорога, по-лучше всѣхъ нашихъ хитростей и выдумокъ.

Макеръ. Никакого сравненія нѣтъ... Кромѣ-того, всѣ занимающіеся этимъ ремесломъ принадлежатъ къ лучшему обществу... всѣ они перы Франціи, депутаты, генералы, королевскіе адъютанты, словомъ, самыя важнѣйшія и значительнѣйшія особы.

Бертранъ. Ахъ, ты дьявольщина!.. Какъ должно быть пріятно имѣть дѣло съ такими господами! Но скажите, пожалуйста, господинъ Роберъ-Макеръ, какимъ это образомъ вы втерлись въ эту компанію!

Макеръ. Я обязанъ этимъ лестнымъ отличеніемъ моею блестящей репутаціи.

Бертранъ. Какъ-такъ? Вѣдь вы, кажется, слыли воромъ?

Макеръ. Да, прежде; но теперь дѣло другое.... теперь я извѣстенъ, какъ человѣкъ умный и ловкій.

Бертранъ. Ахъ да, правда... вѣдь вы разбогатѣли.

Макеръ. И тебѣ, Бертранъ, стѣнитъ только захотѣть, такъ и ты будешь пользоваться такимъ-же уваженіемъ... вмѣсто того, чтобы трусливо вытаскивать платки, что гадко, пустишь смѣло на желѣзные дороги, и ты достигнешь цѣли.

Бертранъ. Славно!... запрягите меня въ какой хотите паровозъ и вы увидите, какъ я поведу дѣло.

Макеръ. Я-бы желалъ доставить тебѣ мѣсто управляющаго, но, къ-сожалѣнію, всѣ эти мѣста заняты.. Все-равно, я ужъ найду тебѣ занятіе... Покуда, я ввѣряю тебѣ должность главнаго истопника...

Бертранъ. На паровозѣ?

Макеръ. Э, пѣтъ! чтобы поджигать любителей акціи.

Бертранъ. Да, вотъ это другое дѣло!... А скажите-же мнѣ, пожалуйста, гдѣ ваша желѣзная дорога?

Макеръ (*приставивъ палецъ ко лбу*). Здѣсь!

Бертранъ. Въ вашей головѣ? А когда она будетъ готова?

Макеръ. Она уже готова.

Бертранъ. Гдѣ?

Макеръ. На биржѣ.

Бертранъ. Понимаю... то-есть акціи готовы на биржѣ, а настоящая дорога, съ рельсами, вагонами и всѣмъ прочимъ, гдѣ она?

Макеръ. Экой ты безтолковый! Говорятъ тебѣ, что она здѣсь! здѣсь!... (*Ударяетъ себя по лбу*). Понялъ-ли ты, наконецъ, или нѣтъ?

Бертранъ. Не понимаю. Какъ желѣзная дорога можетъ быть у васъ въ головѣ?

Макеръ. Перестань, Бертранъ; я сожалею о тебѣ; я вижу, что ты очень-безтолковъ и это меня чрезвычайно огорчаетъ. Ну, какъ-таки не понять такой простой вещи? Я надѣялся, что ты, какъ мой ученикъ, подогладивше. Неужели-жъ ты думаешь, что сорокъ или пятьдесятъ компаній, существующихъ въ настоящее время для основанія желѣзныхъ дорогъ, въ-самомъ-дѣлѣ думаютъ привести свое намѣреніе въ исполненіе? Нѣтъ, глупо было бы воображать подобную нелѣпость. Все дѣло трехъ четвертей этихъ компаній состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться легковѣріемъ акціонеровъ, которые платятъ наличными деньгами за обещанія, въ видѣ дрянныхъ лоскутковъ бумаги. Вотъ, Бертранъ, что значитъ спекуляція на желѣзныхъ дорогахъ... Ты понимаешь, что подобныя спекуляціи почти одно и то же, что разбой на большой дорогѣ, съ тою только разницею, что на желѣзной дорогѣ

нѣчего бояться жандармовъ, что гораздо пріятнѣе и удобнѣе... Понялъ-ли ты теперь сущность дѣла?

Бертранъ. Понялъ, совершенно понялъ. . и вижу, что это дѣло весьма-легкое. Притомъ-же, занимавшіеся уже мѣдными цѣпочками, я имѣю нѣкоторый навыкъ и смѣло могу приняться за желѣзныя дороги!

Макёръ. Ты правъ, Бертранъ. Бѣги-же на биржу и не безпокойся ни о полиціи, ни о королевскомъ прокурорѣ.

ПРАВА КРИТИКА. — ПРАВО СВИСТКА.

Въ Парижѣ, въ театрѣ Variétés, недавно давали небольшой водевиль, подъ названіемъ: Mimi Pinson. Въ этомъ водевилѣ, слабомъ подражаніи одной главѣ «Парижскихъ тайнъ», есть сцена, въ которой два человѣка, влюбленные въ гризетку, патираютъ полъ ея мансарды. Эта нѣсколько-длинная сцена надобна публикѣ; вскорѣ ропотъ превратился въ свистки. Нѣсколько молодыхъ людей, сидѣвшихъ въ оркестрѣ, свистали и шикали немилосердо. Наемные клакёры вступились за піесу.

— Вонъ нарушителей спокойствія! закричали они.

Поднялся такой страшный шумъ, что принуждены были опустить занавѣсъ. Надо однако-жъ замѣтить, что люди порядочные, спокойные, не принимали участія въ этой суматохѣ.

Полицейскій комиссаръ арестовалъ двухъ зачищниковъ шума, шикальщиковъ, г. Дёзи, студента, и Мафрѣ, мирнаго купца, сидѣвшаго въ партерѣ. На другой день оба явились въ муниципальномъ судѣ.

Г. Шарль Ледрю, адвокат обвиненныхъ, проситъ мирнаго судью обратить вниманіе на вопросъ, весьма-важный въ настоящихъ обетоятельствахъ. Авторамъ піесъ дозволяется писать тяжолые, скучные, безтолковые отвѣты на остроумнѣйшія статьи критиковъ, слѣдовательно, и публика должна сохранить древнее право свистка. Древнее потому, что оно существовало уже у Грековъ и Римлянъ:

Populus me sibilat, ipse plaudo mihi.

Образованіе шаекъ клакёровъ содѣлало это право еще болѣе необходимымъ. Свистки много способствовали усовершенствованію драматическаго искусства во Франціи. Свистокъ — критика. У Англичанъ мало комедій и водевилей, потому-что въ Лондонѣ въ театрѣ не свистутъ, а только шикаютъ.

Въ-слѣдствіе доводовъ г. Ледрю, мирный судья освободилъ обвиненныхъ безъ всякаго штрафа, потому-что «они имѣли полное право изъяснить свое мнѣніе о піесѣ и актерехъ».

ОБРАЗЦЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПОЭЗИИ.

Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Отъ-чего-жъ не можетъ быть поэзія въ департаментахъ и канцеляріяхъ? Конечно, поэзія поэзіи рознь; вотъ для этого-то, чтобы ознакомить нашихъ читателей съ петербургскою канцелярскою поэзіею, помѣщаемъ доставленныя къ намъ стихотворенія, съ убѣдительною просьбою напечатать ихъ въ нашемъ изданіи. Исполняемъ желаніе, напередъ гарантируя, что *стихи* напечатаны съ дипломатическою точностію, стихъ въ стихъ, слово въ слово, точка въ точку.

Ред.

ОБЪЯСНЕНІЕ ВЪ ЛЮБВИ ОДНОЙ ПРЕЛЕСТНОЙ ОСОБѢ.

Милый другъ, моя милая Агнеса!
 Послѣ нашего съ тобою разговора,
 Что ты была больна,
 Послѣ моихъ къ тебѣ посланій,
 Ты не вѣрила ни мнѣ, ни моей любви,
 Не уважала того, что я сдѣлалъ для тебя и чрезъ тебя,
 Ты считала это невозможнымъ,
 Но чего не сдѣлаетъ чистая любовь?
 Я цѣню твое искренное признаніе въ любви,
 Я также съ перваго взгляда былъ плѣненъ тобою,
 Наши сердца заговорили минами и взглядами —
 И весь сталъ рабомъ твоимъ съ счастливымъ рокомъ,
 И по сіе время мы истинные друзья,
 Но соединеніе наше невозможно,
 Будемъ любить другъ друга постоянно въ тиши,
 И будемъ испивать наслажденія любви,
 Что намъ общества, люди, свѣтъ, судьи?
 Лишь бы мы были спокойны.
 Вѣдь живутъ же пошутки и весело и счастливо?
 Ты много слезъ пролила объ участи нашей,
 И я не менѣе твоего выстрадалъ.
 Но все прошло, бѣдствія прекратились,
 Въ душахъ нашихъ водворилось спокойствіе,
 И теперь намъ ничего не остается дѣлать болѣ,
 Какъ ожидать благословенія рока!

NN. Неизмѣнный.

Не ходи красна дѣвица,
 По утру къ обѣденки одна,
 А ходи съ матушкой, или бабункой,
 А то налѣтятъ соколы чернобровые,

Выколоть тебѣ черно-яркіе глаза,
 И тогда въ слѣпотѣ будешь скитать по свѣту,
 И не узрѣть тебѣ солнышка яснаго,
 Не отогрѣть тебѣ сердца друга милаго;
 Но будь спокойна, этого съ тобою не случится,
 Матушка замѣчаетъ за тобою,
 Что ты дѣвушка, панна вельможная,
 Часто кручиннисься,
 Часто кручиннисься о миломъ дружечкѣ,
 Онъ далеко отсюда, по онъ не измѣнилъ тебѣ,
 Стоитъ только написать посланіе
 И объяснить, что ты жить не можешь безъ него,
 Если и онъ отвѣчалъ тебѣ въ любви,
 Тутъ измѣна невозможна.
 Онъ пріѣдетъ, попроситъ руки твоей
 У доброй старушки твоей любящей тебя матерн,
 И у Олтаря соединитъ ваши руки.
 Тогда забудете весь міръ въ кругу съ семействомъ,
 Вы будете блаженствовать и благотворитъ
 Несчастнымъ за дарованіе вамъ счастливой жизни,
 Но не забудьте и меня при случаѣ,
 За добрый совѣтъ и за составленіе
 Вашего блаженнаго соединенія.

NN. Неизмѣнный.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ЗАМОГИЛЫ ДОВОРОИ СУПРУГИ, СУПРУГУ.

Что ты добрый молодецъ зауныль,
 Мой соловушка ненаглядный,
 О чемъ по часту думаешь?
 Часто ходишь по утрамъ,
 На заповѣдное мѣсто,
 Гдѣ прахъ супруженьки лежитъ.
 Она оставяя тебѣ, сказала тебѣ:
 «Не плачь обо мнѣ, не крушинься,
 «Вѣдь ты молодецъ, ты можешь быть счастливъ,
 «Найдя подобную мнѣ.
 «Я жила довольно съ тобою
 «И въ малое время исполнила всю прелесть наслажденій любви,
 «А теперь, находясь въ селеніяхъ святыхъ,
 «За чистую мою душу, молю о счастіи твоей жизни,
 Да укрѣпнись ты духомъ, будешь мудръ,
 Разсудителенъ и утвердишь союзъ по вкусу твоему,
 Тогда я буду радоваться и призывать благословеніе на тебя,
 Но я оставила малютку миленькую дочь,
 Которая была вся похожа на меня,

Залогъ моей къ тебѣ любви — и ты вѣроятно
 По этому и не хочешь выбрать другую подругу.
 Благодарю тебя за твою вѣрность!
 Супругъ отвѣчаетъ. Да! она вся ты —
 И зачѣмъ мнѣ другое имя искать!

NN. Непзмѣнный.

ПАСТЕТЪ СЪ СЕЛЬДЯМИ.

Голландская фантазія.

Быль холодный зимній вечеръ, въ Амстердамѣ. Богатый банкиръ Брункеръ, сидя въ одномъ углу подлѣ печки, курилъ длинную трубку, пуская дымъ въ своего задушевнаго пріятели Ванъ Грота, который занимался тѣмъ-же самымъ, въ противоположномъ углу. Г-жа Брункеръ съ дѣтьми уѣхала въ маскарадъ. Друзья, въ полной увѣренности, что ихъ никто не услышитъ, бесѣдовали между собою со всею откровенностію.

— Отъ-чего, говорилъ Гротъ Брункеру, не хочешь ты женить сына своего на дочери Беркенроде?

— Я-то не прочь, любезный мой, да жена и слышать не хочетъ объ этой свадьбѣ.

— Какія-жъ у нея на то причины?

— Этого я сказать не могу, сказалъ Брункеръ, понизивъ голосъ.

— А, тайна! — проворчалъ Гротъ: — Но развѣ ты не испыталъ еще, какъ я скромнѣе?

— Дашь слово, что это останется между нами?

— Не ужели-же еще давать тебѣ присягу?

— Слушай-же. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда я женился, я былъ ужасно-ревнивъ, признаюсь тебѣ откровенно. Будучи принужденъ, по своему положенію въ свѣтѣ, жить открыто, я страшно боялся, чтобы кто нибудь изъ моихъ многочисленныхъ посѣтителей не похитилъ у меня сердца моей Клотильды. Особенно одинъ изъ нихъ, полковникъ Беркенроде, красавецъ собой, притомъ слышій за страшнаго Донъ-Жуана, особенно онъ возбуждалъ мою опасенія. Отказать ему отъ дому я не могъ, потому-что его отецъ былъ слишкомъ въ силѣ, а при томъ и онъ не подалъ мнѣ никакого къ тому повода. Я тогда купилъ этотъ домъ, и, занятой своими опасеніями, велѣлъ по секрету построить вотъ за этой печкой небольшую коморку, изъ которой во всякое время могу слышать все, о чемъ говорятъ въ этой комнатѣ, гдѣ жена моя обыкновенно принимаетъ гостей. Долго Беркенроде довольствовался тѣмъ, что въ страстныхъ выраженіяхъ описывалъ женѣ моей пожирающую его любовь. Жена слушала его, не отвѣчая ни слова. Наконецъ разъ онъ началъ присту-

пять къ ней рѣшительнѣе, и поклялся, что размозжитъ себѣ голову передъ ея глазами, если она не сжалится надъ его страданіями. Живо тронутая такимъ доказательствомъ любви, Клотильда залилась слезами. — «Вы знаете, что я за-мужемъ, что я не могу располагать собою», сказала она рыдая. — Но если вы снова сдѣлались свободны, сказалъ въ свою очередь тонкій Донъ-Жуанъ. — «Милостивый государь», грозно воскликнула Клотильда. — Поклянитесь мнѣ, прибавилъ онъ, что вы отдадите мнѣ вашу руку, когда овдовѣете. — На эти слова жена моя отвѣчала лишь слезами. Онъ ушелъ. Можешь понять, что я и жена моя провели ночь чрезвычайно-взволнованные; но мы не сказали ни слова другъ другу объ этомъ происшествіи.

На другое утро необыкновенный случай еще болѣе встревожилъ Клотильду. Когда мы завтракали, лакей подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ на ухо, что поваръ мой желаетъ поговорить со мною по секрету. — «Пусть войдетъ сюда», сказалъ я: «у меня нѣтъ секретовъ отъ жены.» Дѣйствительно, онъ вошелъ, блѣдный, какъ полотно, и весь встревоженный, и объявилъ мнѣ, что онъ получилъ утромъ ящичекъ, въ которомъ было 300 флориновъ, маленькой пузырькѣ и записка; въ этой запискѣ просили его вылить жидкость, которая заключалась въ пузырькѣ, въ первой пачетѣ съ сельдями, который будетъ онъ для меня дѣлать. Ты знаешь, что я страстный охотникъ до этого пачета, а жена моя не можетъ даже слышать его запаха. — Кромѣ-того, ему обѣщали еще большую награду, если онъ ловко обдѣлаетъ дѣло. Боясь какого нибудь умысла, онъ представилъ ко мнѣ и пузырькѣ, и триста флориновъ. Я тотчасъ налилъ нѣсколько капель этой жидкости на кусокъ сахара и далъ его съѣсть собачкѣ жены моей. Съ бѣдной собаченкой тотчасъ начались ужасныя конвульсии и она черезъ нѣсколько минутъ околѣла. Нѣтъ сомнѣнія, кто-нибудь замышлялъ на мою жизнь. Видя умирающую собачку свою, жена со слезами кинулась ко мнѣ на шею. — «Ядъ! Убіенство!» кричала она, обвинивъ мою шею руками: — «Боже милосердый! сохрани насъ!» Я утѣшилъ ее, говоря, что я обязанъ благодарить моего скрытнаго врага, доставившаго мнѣ случай видѣть, какъ жена моя ко мнѣ привязана. Въ этотъ день Беркенпроде пришелъ въ опредѣленный часъ; она не приняла его, но написала къ нему письмо, въ которомъ объявила, что если онъ осмѣлится еще явиться къ ней на глаза, то она обо всемъ разкажетъ мужу. Послѣ тщетныхъ усилій успокоить гнѣвъ ея, онъ рѣшился вступитъ въ законное супружество. Семействами мы никогда другъ съ другомъ не сходились, но сынъ мой полюбилъ его дочь, и хотя я согласенъ на этотъ бракъ, но жена объ немъ слышать не хочетъ.

— Да, чортъ возьми, я думаю, что на ея мѣстѣ всякой не захочетъ, съ негодованіемъ воскликнулъ Гротъ. Признаться, я-бы

никогда не могъ подумать, чтобы Беркенроде былъ способенъ на такое злодѣйство.

— Ха, ха, ха! такъ и ты его обвиняешь? сказала Брункеръ, помирая со смѣху.

— Такъ кто-же, кромѣ его, могъ быть виновать въ такомъ скверномъ поступкѣ?

— Я, любезный другъ, я самъ. Это приключеніе стоило мнѣ 300 флоринновъ, которые отдалъ я моему повару. Немножко до-рогонько, но за-то этими деньгами я разомъ избавился отъ со-перника и отъ собачонки, которую я также ненавиждѣлъ. Ха, ха, ха!

— На твоёмъ мѣстѣ, я-бы во всемъ признался женѣ; согла-сись, что вѣдь это прегадкое дѣло представить кого-либо злодѣ-емъ, хоть-бы въ глазахъ одного человѣка. Притомъ подумай о счастьи своего сына.

— Да, но какъ-же мнѣ вывести Клотильду изъ заблужденія?

Въ эту минуту дверь отворилась, — на порогѣ показалась г-жа Брункеръ.

— А я думалъ, что ты уѣхала на балъ, Клотильда, сказала ей мужъ.

— Нѣтъ, я чувствую себя не совѣмъ здоровой, и хочу лечь въ постель. Морницъ поѣхалъ съ сестрами. Вотъ я нашла у те-бя въ кабинетѣ ключъ, который не подходитъ ни къ одному замку во всемъ домѣ. Должно-быть, кто-нибудь изъ твоихъ дру-зей забылъ его у тебя на бюро.

Брункеръ взялъ ключъ и покраснѣлъ. Опъ узналъ его.

— Мой другъ, сказала жена: я дала согласіе на женитьбу Морница, на дочери Беркенроде.

— Благодарю тебя, Клотильда. Ты мнѣ принесла счастливую вѣсть.

— Мистеръ Гротъ, останьтесь сегодня отужинать съ моимъ мужемъ. У насъ есть пастеть съ сельдями, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей отравы.

Съ этими словами она удалилась. Когда дверь была затворена, Ванъ Гротъ сказалъ Брункеру: «Вотъ, братъ, ты попался въ свою-же западню. Не рой другому яму, самъ въ нее попадешь!»

— Все-равно, сказалъ Брункеръ: я не жалѣю о собачонкѣ жены моей.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ КЪ ПОРТРЕТУ ЛАБЛАША.

Имя Лаблаша пользуется европейскою извѣстностію; имъ гор-дится Италия, отчизна великихъ пѣвцовъ, его обожаютъ Парижъ, столица вкуса и славы, отъ него сходитъ съ ума «щепетиль-ный» Лондонъ, забывая даже свои торговые расчеты и свой сплинъ. Можетъ-быть, когда-нибудь увидимъ и мы его, на бе-

регахъ Невы... А потому прилагаемъ къ нынѣшней книжкѣ «Реп. и Пант.» портретъ Лаблаша и краткое извѣстiе о его жизни.

Лаблашъ родился въ Неаполѣ, и воспитывался въ тамошней консерваторiи. Это былъ самый живой, самый рѣзвый, самый понятливый ребенокъ, и вмѣстѣ съ этимъ преужасный шалуниъ. Онъ одинъ бѣсилъ ректора консерваторiи болѣе, нежели всѣ его товарищи вмѣстѣ. Какъ гениальный ребенокъ, онъ всему научился самъ-собою, учаъ притомъ шутя и играя. Чудный инстинктъ, удивительная смѣтливость замѣняли въ немъ прилежанiе.

Лаблашъ рано вступилъ на театральное поприще; въ Италии бытъ актеромъ, и даже великимъ актеромъ, вовсе не значить проходить путь, усыпанный розами. Тамъ жизнь артиста тяжела чрезвычайно: цѣлый день репетиция, каждый вечеръ должно играть; иногда въ теченiе 24-хъ часовъ играютъ два раза: самыя блестящiя, самыя знаменитыя труппы въ Италии ведутъ кочевую жизнь, переходятъ изъ одного мѣста въ другое, какъ наши провинциальныя труппы. Во всякомъ городѣ свой театральныи сезонъ; сезонъ кончился, — надо отыскивать въ другомъ мѣстѣ другаго сезона, — а вѣдь не всякой сезонъ, не всякое время года, бываетъ весною. Бродячая артистическая жизнь исполнена самыхъ странныхъ, самыхъ неожиданныхъ приключенiй и переворотовъ. Часто въ Анколѣ лавры, въ Венеции деньги; нынче восторгъ и рукоплѣсканiя, завтра свистки и гнилые апельсины. На двухъ словахъ — *fiasco* и *furor* вертится все основанiе театральнаго языка въ Итали; это игра въ бѣлый или черный, въ четъ или нечетъ итальянскихъ артистовъ.

Долго велъ Лаблашъ такую бродячую жизнь. Это была его драматическая школа. Надо признаться, никакой военачальникъ не былъ болѣе его солдатомъ. Какое начало поприща! И не подумайте, чтобы Лаблашъ въ это время былъ тотъ атлетическiй, могучiй, красивый, цвѣтущiй здоровьемъ Лаблашъ, какимъ вы его знаете, если только знаете, или какимъ видите на нашемъ портретѣ. Онъ былъ худъ, какъ нельзя больше, худъ какъ Паганини, и поражалъ сочинителей либретто совершеннымъ отсутствiемъ икоръ, которыя такъ хорошо плутъ къ первымъ любовникамъ. Онъ началъ *Ромео*, а оканчивается *Фальстафомъ*. Да, съ того времени дородность его росла вмѣстѣ съ талантомъ.

Это скромное, даже низкое положенiе послужило Лаблашу ступенью, по которой онъ дошелъ до славы. Съ театральныхъ подмостакъ Форли, Брешии и Санъ-Карлино, онъ шагнулъ на первыя европейскiя сцены, и занялъ тамъ первое мѣсто.

Лаблашъ не только великiй артистъ, но честный, благородный человекъ, пользующiйся въ свѣтѣ всеобщимъ уваженiемъ за его умъ, за его сердце. Это прекрасная душа, доступная для всякаго благороднаго чувства, для всякой возвышенной идеи; характеръ его прямой, чистый, въ величайшей степени деликатный.

Онъ ведетъ жизнь патриархальную, въ нѣдрахъ своего семейства, подлѣ жены, которая была такъ ему полезна своими совѣтами, своей постоянной привязанностію, — посреди дѣтей и внучатъ. Ни у кого нѣтъ столько друзей, какъ у Лаблаша, и между ними много такихъ, которые десятки лѣтъ всякой день приходятъ раздѣлить досугъ его. Въ этомъ дружескомъ кругу Лаблашъ совершенно-счастливъ; здѣсь выказываетъ онъ сокровища ума своего, въ бесѣдѣ живой и одушевленной; здѣсь раскрываетъ онъ вполнѣ свой удивительный талантъ — рассказывать, талантъ, который доставилъ ему такую заслуженную славу между образованнѣйшими людьми.

Всѣ искусства родственны между собою. Лаблашъ до безумія любитъ живопись. Все, что можетъ онъ сберечь отъ своихъ необходимыхъ расходовъ, все это употребляется имъ на пополненіе его галереи картинъ.

Вмѣстѣ съ картинной галереей Лаблашъ можетъ показать вамъ богатѣйшую коллекцію табакерокъ: все это подарки европейскихъ вѣнценосцевъ. У Лаблаша найдете вы табакерки всѣхъ цѣвъ и всѣхъ видовъ. Недавно Англійская Королева, которая питаетъ къ Лаблашу особенное уваженіе, подарила ему богатую табакерку, осыпанную рубинами, прося его, чтобы онъ далъ ей слово употреблять эту табакерку одинъ день въ году.

— Простите меня, ваше величество, отвѣчала ей артистъ: я не могу исполнить вашего приказанія; всѣ мои дни въ году разобраны, потому-что у меня, кромѣ этой, триста шестьдесятъ пять табакерокъ.

— Въ такомъ-случаѣ моя пригодится вамъ въ высокосный годъ, сказала Королева съ очаровательной улыбкой, ей свойственной.

Лаблашъ Итальянецъ и поэтъ; у него лѣтъ доходитъ иногда до совершенной неподвижности, мечтательность до самозабвенія, разсѣянность до высоко-комическаго. Разъ призываетъ его къ себѣ Неаполитанскій Король; Лаблашъ дожидается своей очереди явиться къ королю въ комнату, которая рядомъ съ кабинетомъ его величества, и будучи боленъ насморкомъ, просить позволенія у присутствующихъ падѣть свою шляпу, что въ Италіи несколько не считается неприличнымъ. Скоро его окружаютъ, вступаютъ съ нимъ въ разговоръ, слушаютъ его шутки, его остроумные рассказы.... Вдругъ, въ самомъ пылу разговора, приходятъ ему сказать, что Король готовъ принять его. Онъ тотчасъ идетъ, схвативъ наскоро первую попавшуюся ему подъ руку шляпу, и входитъ торжественно къ Королю, съ одной шляпой въ рукѣ, и съ другой на головѣ.

— Что вы хотите дѣлать съ этой шляпой, которая у васъ въ рукѣ, засмѣявшись, спросилъ его Король.

Лаблашъ стоитъ въ недоумѣніи.

— Простите меня, ваше величество, но я, право, не понимаю....

— Я самъ не понимаю, къ чему вамъ эта шляпа?

— Да къ тому, ваше величество, чтобы покрывать ею голову, возразилъ артистъ, и какъ истинный Неаполитанецъ, хотѣлъ подтвердить слова движеніемъ руки т. е. поднесъ ее къ головѣ. Тутъ только замѣтилъ онъ свою разсѣянность.

— Какъ я глупъ! вскричалъ онъ, смѣясь и держа въ каждой рукѣ по шляпѣ: на что мнѣ двѣ шляпы, когда у меня вовсе нѣтъ головы!

Король чрезвычайно смѣялся и такой разсѣянности и такой находчивости.

ЖЕНИТЬБА НА ВЫДЕРЖКУ.

Графъ М. — просто счастливецъ: молодой, почти богачъ, веселаго нрава, онъ охотится, гастрономничаетъ, пьетъ и кутитъ настоящимъ помѣщикомъ. Чего-же не достаетъ графу М? — Жены. Правда, онъ частенько объ этомъ задумывается, но все какъ-то не рѣшается, и вѣрно-бы остался навсегда холостякомъ, если-бы ему не помогла сама судьба. Вотъ какъ это случилось: разъ онъ увидѣлъ молодую барышню, дочь своего знакомаго; дѣвушка ему понравилась, приданое, назначаемое ей отцомъ, не менѣе, и вотъ графъ началъ присватываться. Со стороны невесты и родныхъ ея дано полное согласіе; но тутъ-то именно чудакомъ опять и призадумался и началъ откладывать окончательное рѣшеніе со дня на день, такъ что, вѣроятно, изъ сватовства этого и не вышло-бы ничего, если-бы будущая теща его, соскучившись отъ этой комедіи, не рѣшилась чѣмъ-нибудь да кончить ее. Она пишетъ къ графу, требуя рѣшительнаго отвѣта, намѣренъ-ли онъ жениться на ея дочери или нѣтъ? Требованіе это поставило графа въ величайшее затрудненіе. Въ эту торжественную минуту сомнѣніе его возродилось съ большою силою: онъ боялся за будущее, боялся за свои холостыя привычки, отъ которыхъ надобно было отказаться. Долго не зная онъ, что отвѣчать на это понудительное требованіе и наконецъ рѣшился предоставить все дѣло случаю: онъ написалъ два письма — въ одномъ согласіе, въ другомъ отказъ, запечаталъ ихъ, положилъ оба въ шляпу и позвалъ слугу.

— Возьми, братецъ, одно изъ этихъ писемъ и отнеси по адресу.

— Которое-же, сударь?

— Которое хочешь.

Слуга выбралъ одно письмо.

Графъ сжегъ другое, не распечатывая.

Невѣста жила верстахъ въ сорока отъ графа. Слуга не могъ воротиться ранѣе сутокъ. Слѣдовательно, цѣлыя сутки графъ не могъ узнать, чѣмъ рѣшилъ случай это дѣло. — Довольно забавное положеніе не знать—цѣлыя сутки, остаешься-ли холостякомъ или будешь женатъ, — цѣлыя сутки не смѣтъ располагать самимъ-собою, не имѣть права составить никакого намѣренія на счетъ себя!

Мы уже сказали, что графъ М. былъ баловень счастія: слуга отнесъ согласіе, и теперь графъ М. счастливѣйшій мужъ въ цѣлой губерніи.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— Въ гаврскомъ театрѣ происходила недавно слѣдующая любопытная сцена. Публика съ громкими знаками неудовольствія приняла одного снова поступившаго въ гаврскую труппу актера, г. Граветѣ. Режиссеръ сталъ просить публику, чтобы она позволила окончить пьесу, обѣщая, что Граветѣ не будетъ послѣ того болѣе являться на сценѣ. Спокойствіе возстановилось. Какъ вдругъ оскорбленный артистъ выбѣгаетъ на сцену, и обратившись къ зрителямъ съ поднятыми кулаками, кричитъ: «Я затѣмъ только и остался, чтобы сказать вамъ, что все вы страшные неучи и невѣжды!» Прокричавши два раза эту брань, онъ схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ изъ театра. Разумѣется, публика взволновалась отъ такого оскорбленія. Нѣсколько минутъ нельзя было знать, что послѣдуетъ далѣе; вдругъ подняли занавѣсъ и режиссеръ отъ имени дирекціи изъявилъ сожалѣніе и неудовольствіе на поступокъ г. Граветѣ. Но волненіе публики не прекращалось. спектакль не кончили и гнѣвные зрители разошлись.

— Въ нѣкоторыхъ округахъ Бретани сердечныя связи завязываются слѣдующимъ образомъ. Молодой человѣкъ подходитъ къ избранной пивъ дѣвушкѣ, молча кланяется ей и молча-же беретъ ленту съ передника и начинаетъ накручивать себѣ на палецъ; отннметъ у него красавица эту ленту — плохой знакъ, и ему придется некакъ счастія въ другомъ мѣстѣ; если-же она позволяетъ ему эту игру, то въ такомъ случаѣ хотя побѣда его еще и не совсемъ рѣшена, но по-крайней-мѣрѣ онъ можетъ быть увѣренъ, что на этотъ день онъ избранъ уже ее постояннымъ танцоромъ.

— Въ „Abendzeitung“ рассказываютъ, что когда нѣсколько времени тому назадъ, въ Гамбургѣ, для одного оставившаго сцену мимика, сострадательные товарищи составили подписку для собранія вспоможенія, то прелестная Антоанета Лебрюнъ взялась обратиться съ этою подпискою къ извѣстному князю богачей Соломону Гейне. Она застала старика за завтракомъ; Гейне радушно пригласилъ ее раздѣлить съ нимъ компанію и обѣщавъ пожертвовать всего 100 марокъ. — А если вы поцѣлуете меня, прибавилъ онъ шутя: то я дамъ тысячу. — Антоанета, тронутая радушіемъ и добротой

старика, бросается къ нему и на шею и, как истинная сестра милосердія, исполняет его требованіе, для пользы ближняго. Старикъ сдержалъ свое слово.

— Въ парижскихъ салонахъ страсть къ картежной игрѣ доходитъ до безумія. Пронгрыши въ 50 или 60 тысячъ франк. вовсе не рѣдкость. Въ нѣкоторыхъ домахъ, для избежанія печальныхъ послѣдствій такого безразсудства, ограничена цѣнность ставки въ какую-бы то ни было игру; а въ другихъ такъ и совсѣмъ не играютъ на деньги. Въ одномъ изъ такихъ домовъ, на балу, банкиръ, извѣстный сколько своимъ изумительнымъ богатствомъ, столько-же и двумя банкротствами, еще болѣе увеличившимъ это богатство, только-что хотѣлъ сѣсть за карточный столикъ, какъ хозяйка дома сказала ему: «Вы знаете, что мы играемъ только на честь. — Извините, сударыня, отвѣчалъ банкиръ: я не привыкъ играть даромъ, и если здѣсь идетъ игра на честь.... — Справедливо, прервала г-жа В., жѣлая карты: кто ни чѣмъ не рискуеть, тотъ ничего и не выигрываетъ.

— Однажды Кантъ читалъ свою послѣобѣденную лекцію. Это было около канкуловъ, въ самые сильные жары. Слушатели изнемогали отъ жара и — мало-по-малу засыпали. Не замѣтивъ этого, уснулъ наконецъ и самъ Кантъ. Нѣсколько времени царствовало глубокое молчаніе. Наконецъ, Кантъ проснулся, и увидавъ, что одинъ изъ слушателей смотритъ на него во все глаза, чрезвычайно сконфузился; но тотъ увѣрилъ его, что кромѣ его одного никто этого не замѣтилъ. Это было въ послѣднее полугодіе, когда Кантъ читалъ свои лекціи послѣ обѣда. — Однажды Кантъ обѣдалъ у генерала N. N., гдѣ его очень любили и уважали. Въ домѣ генерала все отличалось чистотою и порядкомъ; столовое бѣлье было превосходно и замарать или испортить его считалось большимъ преступленіемъ даже въ глазахъ самого генерала, хотя обыкновенно мужчины въ этомъ отношеніи не такъ взыскательны, какъ женщины. Одинъ изъ числа обѣдавшихъ, молодой прапорщикъ, не осторожно пролилъ на скатерть стаканъ краснаго вина и чрезвычайно сконфузился. Замѣтивъ это, Кантъ быстро опрокинулъ и свой стаканъ съ виномъ и наивно сталъ просить генерала не сердиться.

— Въ Парижѣ теперь идутъ толки о молодой прекрасной и богатой вдовѣ, которая, предпочтя свободу сомнительнымъ выгодамъ новаго союза, нѣсколько лѣтъ отказывала постоянно самымъ выгоднымъ партіямъ. По нынѣшнюю зиму, она чрезвычайно много и часто проигрывала въ карты. Особенно несчастна была ея послѣдняя попытка. Два дня тому назадъ, въ одномъ обществѣ, обращаясь къ нѣсколькимъ молодымъ людямъ, хвалившимся успѣхомъ своихъ послѣднихъ *талий*, она пресерьѣзно сказала: — Господа, повѣрьте мнѣ, старайтесь быть благоразумнѣе. Возьмите въ примѣръ меня; ландскне разорилъ меня. Все мое состояніе потеряно. Что дѣлать, придется снова наживать его! Надобно опять пуститься въ брачную жизнь.

Предостереженіе холостякамъ!...

— Когда знаменитый шведскій солонухникъ, Женинъ Липидъ, пѣла въ Га-новерѣ, то восторгъ тамошнихъ молодыхъ людей достигъ до высшей степени.

Послѣ спектакля они отпрягли лошадей изъ экипажа восхитившей ихъ пѣвицы и запряглись въ него сами. И вотъ эти добровольные и ретивые кони, рысью и голономъ, дотащили экипажъ до Британской - гостиницы, временнаго мѣстопробыванія знаменитой артистки. Но кто опишетъ ихъ ужасъ и изумленіе, когда, остановившись передъ подъездомъ гостиницы и отворивши дверцы кареты, чтобы услышать изъ очаровательныхъ устъ слово благодарности за свою лошадиную услугу, они, вмѣсто очаровательной пѣвицы, узрѣли толстую фигуру какого-то почтенныхъ лѣтъ господина? — Въ пылу энтузіазма молодцы ошиблись и запряглись не въ ту карету. Въ ту-же минуту прибыли къ гостиницѣ и Жени Линдъ, на обыкновенныхъ четвероногихъ лошадяхъ, и приняла участіе въ общемъ смѣхѣ, къ которому поневолѣ должны были прибѣгнуть наши лошади-энтузіасты, чтобы не быть осмѣянными.

— Кто-то сказалъ знаменитому банкиру Увару: Что такое шампанское? почти ничто! Пѣна, улетающая въ одно мгновеніе. — Ошибаетесь, милостивый государь, возразилъ Уваръ: шампанское — водевиль, разлитой въ бутылки.

— Въ Гамбургѣ даютъ теперь юмористическіе концерты (concerts humoristiques). Любопытно-бы знать, что это за концерты такіе!

— М-ше Евгенія Буалё (Boileux), столько лѣтъ содержавшая извѣстную бібліотеку для чтенія, подъ фирмою «de la Tente», въ Палеройяжѣ, въ которой обыкновенно сходились не только парижскіе журналисты, но и множество тамошнихъ и чужеземныхъ литераторовъ, прекратила теперь свою торговлю. Въ знакъ благодарности абоненты ея выбрали ей медаль съ надписью, на одной сторонѣ: Евгеніи Буалё, содержательницѣ литературнаго салона «de la Tente», а на другой: «Ея абоненты и благодарные друзья».

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

МАЙ.

=

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ.

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

II.

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я остановился на дебютахъ Кунста, и теперь, собираясь отдать тебѣ отчетъ въ игрѣ этого трагика и впечатлѣніи, какое онъ на меня сдѣлалъ, я невольно затрудняюсь въ выборѣ словъ и выраженій, чтобы дать тебѣ настоящее и полное понятіе объ этомъ замѣчательномъ талантѣ. Какъ опредѣлить степень таланта, какъ уловить, объяснить и оцѣнить оттѣнки его? Говорить-ли объ немъ одномъ, или сравнительно съ другими трагиками, разбирать-ли игру его въ сравненіи съ настоящимъ положеніемъ сцены, актеровъ и вкусомъ публики, или съ вѣчнымъ и высокимъ идеаломъ изящнаго въ драматическомъ искусствѣ? — Вообще судить объ артистѣ чрезвычайно-трудно. Какъ объяснить всѣ тонкости игры актера публикѣ, часто пристрастной и несправедливой, — какъ доказать

ослѣпленнымъ поклонникамъ какого-нибудь дикоревущаго героя, что кумиръ ихъ оскорбляетъ и природу, и искусство своею игрою на ходуляхъ? Конечно мало сказать объ артистѣ: онъ хорошъ или дуренъ; но чѣмъ убѣдить въ томъ или другомъ человѣка, имѣющаго противное мнѣніе? Пословица «о вкусахъ не спорятъ» ни къ чему не прилагается такъ удобно, какъ къ игрѣ актеровъ. Пристрастіе и ослѣпленіе часто заставляютъ очень-умныхъ людей бранить или превозносить какого-нибудь рыцаря сцены, который часто не стѣбитъ ни того, ни другаго. Никогда политическія партіи не питали другъ къ другу такого ожесточенія, какое питаютъ противники или поклонники актеровъ, и въ особенности актрисъ. Страсть къ преувеличенію заставляетъ людей восхищаться недостатками и отвергать самыя явныя заслуги. Попробуй замѣтить какому-нибудь господину, что мнѣніе его ошибочно, и онъ тотчасъ остановитъ тебя словами: «Послушайте! развѣ я не могу также, какъ и вы, судить объ игрѣ и піесѣ, развѣ у меня нѣтъ глазъ, ушей и вкуса точно-также, какъ у васъ?» И господинъ этотъ совершенно правъ. У него также, какъ и у тебя, есть и глаза, и уши, и вкусъ. Докажите ему теперь, что вкусъ его, необразованный или непорченный, увлекается изысканностью и аффектаціею, не умѣя подмѣтить истинно-прекрасныхъ мѣстъ и ситуаций роли... Вотъ почему я никогда не входилъ въ споры и словесныя состязанія съ строгими цѣнителями и судьями, почерпающими свои сужденія изъ газетъ, если не времянъ Очаковскихъ, то близко подходящихъ слогомъ и мнѣніями къ этимъ блаженнымъ временамъ. Вотъ почему я также часто въ журнальныхъ статьяхъ моихъ не соглашался съ общимъ мнѣніемъ большинства публики, и напротивъ былъ очень-доволенъ, когда мое мнѣніе раздѣляли немногіе...

По-сей день (20 мая), въ который я пишу къ тебѣ, Кунетъ сыгралъ 9 ролей. Надобно отдать полную справедливость и благодарность нѣмецкому режиссеру г. *Бозаръ* (Bosart). При немъ наша нѣмецкая труппа замѣтно приобрѣла многое, и, сколько намъ кажется, изъ хода піесъ на нѣмецкой-сценѣ режиссеръ на ней — одно изъ главныхъ лицъ, какъ это и быть должно.

Кунетъ — старій знакомый петербургской публики. Три года тому назадъ, онъ довольно-долго гостилъ у насъ, и игралъ почти всѣ роли своего репертуара. Въ нынѣшній прїездъ его, я не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны въ отношеніи къ его игрѣ. Достоинства и недостатки въ немъ все тѣже. Онъ высокъ ростомъ и довольно-полонъ, что однако-же не мѣшаетъ ему быть

чрезвычайно-ловкимъ. Лицо его пріятно и выразительно. Онъ прекрасно передаетъ переходы чувствъ и мыслей. Видя Кунста во всѣхъ его роляхъ, я не замѣтилъ ни разу въ лицѣ его ни одной непріятной гримасы, ни одного неловкаго выраженія; въ сильныхъ порывахъ страсти лице его даже слишкомъ покойно; хотѣлось-бы иногда видѣть въ немъ гораздо-больше одушевленія; онъ впадаетъ въ другую крайность, въ порокъ свойственный почти всѣмъ артистамъ цѣлой Германіи — *манерность*. Въ самыхъ сильныхъ сценахъ — онъ никогда не забываетъ, что онъ на сценѣ, и не упуститъ случая стать въ эффектную позу, или порисоваться въ какомъ-нибудь заранѣе подготовленномъ положеніи. Кромѣ этого недостатка, я въ немъ не замѣтилъ другаго. Но впрочемъ и за это его нельзя обвинять, если мы вспомнимъ, что въ образованной Европѣ до-сихъ-поръ еще не рѣшенъ вопросъ: долженъ-ли актеръ въ своей роли покоряться внушеніямъ *природы*, или слѣдовать законамъ *искусства*. Защитники послѣдней теоріи, разумѣется, найдутъ доказательство великаго таланта въ томъ, что я, очень-можетъ-быть, ошибаясь, ставлю въ вину ему.

Для перваго своего появленія Кунстъ выбралъ довольно-невыгодную роль *Велисарія*, въ трагедіи Шенка, подъ тѣмъ-же заглавіемъ, весьма-утомительной и неправдоподобной. Не говоря уже о томъ, что пьеса не имѣетъ никакого историческаго достоинства, потому-что неумолимая исторія давно отвергла преданіе объ ослѣпленіи Велисарія, какъ нелѣпную выдумку, — самое психологическое развитіе характеровъ этой драмы чрезвычайно-слабо. На нѣмецкой сценѣ она никогда не имѣла большаго успѣха. Кунстъ сдѣлалъ изъ роли Велисарія все, что могъ, и въ особенности былъ хорошъ во-второй половинѣ роли, въ сценахъ съ дочерью. Приняли его прекрасно.

Второй разъ игралъ онъ въ *Разбойникахъ*, этомъ удивительномъ созданіи рыцаря XVIII-го столѣтія, благороднаго филантропа и мистика Шиллера. Въ этой пьесѣ онъ вылилъ весь пылъ своей души, своей студенческой молодости, проведенной въ борьбѣ съ лишеніями всѣхъ родовъ и тяжкими гоненіями. Нѣсколько утрированная, въ ея концепціи, и невѣроятная въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, пьеса эта со всѣмъ тѣмъ, проникнута такимъ глубокимъ чувствомъ, согрѣта такимъ неподдѣльнымъ жаромъ, что невольно увлекаетъ и трогаетъ самого черстватаго зрителя. Въ роли Карла Мора Кунстъ былъ прекрасенъ, просто и благороденъ. Г. Шварцъ былъ также очень-хорошъ въ роли Франца Мора.

29-го Кунстъ игралъ Фридриха-Вильгельма въ комедіи Гуккова

Zopf und Schwerdt. Объ этой прекрасной пиесѣ не разъ уже было говорено въ «Репертуарѣ». Кунстъ былъ также очень-хорошъ въ роли короля.

2-го мая шла пиеса Кернера Hedwig oder die Banditenbraut, въ которой Кунстъ игралъ роль Рудольфа. Пиеса эта очень - стара и давно извѣстна, и не смотря на заслуженную славу поэта-воина, написавшаго ее, не имѣетъ большихъ достоинствъ. Кунстъ не сдѣлалъ особеннаго впечатлѣнія своею игрою въ этой пиесѣ... Публики было очень-много, но я подозреваю, что большому сбору не мало помогла Pariser Polka in St. Petersburg, очень - понравившаяся, даже нѣмецкой публикѣ. Въ этотъ-же день, въ небольшой комедии Das Strudelköpfchen, дебютировала м-лле *Гравертъ*, танцовщица нашей балетной труппы. О первомъ дебютѣ ея нельзя сказать многого, но и произносить рѣшительный приговоръ объ артисткѣ по первому шагу ея на сценическомъ поприщѣ было бы несправедливо.

5-го мая Кунстъ игралъ Баярда, въ драмѣ Коцебу Bajard der Ritter ohne Furcht und ohne Tadel. Выборъ этотъ былъ также довольно - неудаченъ. Баярдъ — одна изъ самыхъ слабыхъ пиесъ Коцебу, и Кунстъ сдѣлалъ все, что могъ, изъ этой роли, изъ которой многого и нельзя было сдѣлать.

7 мая опять шла Hedwig, вновь-поставленная комедія Гольбейна Der Verräther и неизбѣжная Pariser Polka. —

11-го Кунстъ игралъ въ извѣстной драмѣ Коцебу Menschenhass und Reue. Роль Неизвѣстнаго принадлежитъ къ лучшимъ ролямъ его и онъ сыгралъ ее превосходно. Справедливость требуетъ однако-же замѣтить, что человекъ ненавистникъ, скрывающийся отъ людей и общества, не долженъ-бы одѣваться по послѣдней модѣ, въ коротенькомъ сюртучкѣ, лакированныхъ сапогахъ и т. п. Въ этой пиесѣ г-жа *Гравертъ* играла роль *Лотхенъ*, горничной графини, и сыграла ее очень-недурно, особенно для дебютантки.

13-го мая. Кунстъ давалъ въ свой бенефисъ *Разбойниковъ*, но на этотъ разъ игралъ въ нихъ объ роли Карла и Франца-Мора. Ты знаешь, что первоначально Францъ у Шиллера не сходилъ съ своимъ братомъ. Эта превосходная сцена придѣлана имъ въ послѣдствіи, или даже, какъ говорятъ, не имъ, а Ифландомъ. Но мы привыкли видѣть ее всегда на нашей и на нѣмецкой сценѣ, и потому, какъ-то было странно въ этотъ разъ смотрѣть на другую развязку. Кромѣ-того, изъ трагедій было выпущено много другихъ сценъ, для того, чтобы облегчить Кунсту переодѣваніе изъ одного костюма въ другой. Такъ, на-примѣръ, исключены

были всё сцены Карла съ Амаліей, подъ именемъ графа Бранда, немножко неестественныя, но за-тѣ выкупающія этотъ недостатокъ бездной жара и чувства. Піеса была обставлена, просто, удивительно. Всѣ маленькія роли были превосходно разыграны. Ensemble прекрасный; въ-особенности хорошъ былъ г. *Бозаръ* (режиссёръ) въ роли *Роллера*. — Что сказать о самомъ бенефициантѣ? — Онъ былъ одинаково хорошъ въ обѣихъ роляхъ, но признаюсь тебѣ, что я былъ недоволенъ этимъ переодѣваньемъ. Собственно говоря, это не искусство, а *tour de force*. «Вѣнская Театральная Газета» упрекала его за это-же самое словами: *Aber, lieber Herr Kunst, ist das wirklich eine Kunst?* Вызванный послѣ трагедіи, бенефициантъ сказалъ публикѣ нѣсколько словъ, выразившихъ его благодарность. Бенефисъ этотъ также не могъ обойтись безъ польки.

16-го числа Кунстъ игралъ въ бенефисъ г. Миллера въ небольшой одноактной драмѣ Гувальда *Die Heimkehr*. Кромѣ ея шла трехъ-актная комедія *Der verwunschene Prinz* и водевиль *Die drei Polka*, переведенный съ французскаго.

18-го давали извѣстную піесу Кернера *Graf Zriny und Soliman II, oder die Belagerung von Sigeth*. Кунстъ игралъ въ ней роль Принца. Этого довольно, чтобы сказать, что онъ игралъ ее удивительно.

20-го онъ игралъ въ комедіи Коцебу *Die eifersüchtige Frau* — Совѣтница правленія (*Regierungsrath*) фонъ Улена.

26-го апрѣля на Михайловскомъ шла очень-хорошенькая и умная комедія *Une Parisienne*, довольно-вздорный фарсъ *Don Pasquale* и забавный водевиль *Les trois pechés*. На Александринскомъ шелъ балетъ *Воспитанница Амура*, гдѣ первую роль занимала г-жа Яковлева, правду сказать, довольно искусная, но не совсѣмъ граціозная танцовщица, и драма *Отецъ и Дочь*.

27-го. Въ Александринскомъ-театрѣ — *Русская Боярыня*, *Герои Преферанса* и *Полька* собрали 325 зрителей. —

28-го. Въ Михайловскомъ также старый спектакль *Deux filles à marier*, *L'homme blasé* и *Les trois Polka*.

29-го. *Ревизоръ* и *Школьный учитель*.

30-го. *Дочь русскаго актера*, *Жена, какихъ много*, *Домъ на Петербургской сторонѣ*, *Шампанское* и *Опійумъ*, водевили, которые тѣмъ хороши, что есть и хуже ихъ.

1-го мая спектакля на Александринскомъ не было, по причинѣ другаго, въ Екатерингофѣ, также очень-замѣчательнаго, въ которомъ всѣ зрители были въ тоже время и актерами.

2-го мая. Бенефисъ г. Петрова: *Жизнь за Царя* — единствен-

ная опера, которую можно слушать послѣ Итальянцевъ. Бенефициантъ былъ въ ней очень-хорошъ.

3-го. *Ермакъ*, на сей разъ — увы! собравшій не много народу, и *Интересный случай* — водевиль не совсѣмъ интересный. Въ Михайловскомъ *L'ami Grandet* и *L'Opium et le Champagne*.

4-го — бенефисъ г-жи Сосницкой. Комедія-водевиль *Сопрано*. Не рассказываю тебѣ сюжета этой пьески, и будь увѣренъ, что ты отъ этого ничего не потеряешь. Пересказывать вздоръ часто труднѣе, чѣмъ умную вещь. За водевилемъ слѣдовала, по заведенному порядку въ русскихъ бенефисахъ, драма *Правитель и Отецъ*. Сюжетъ этой пьесы также долженъ быть тебѣ извѣстенъ. Это передѣлка, или лучше сказать, изувѣченіе извѣстной драмы Байрона *The two Foscari*, которую авторъ никогда не назначалъ для сцены.... Въ заключеніе спектакля былъ *Маскарадъ* съ танцами и *пынѣмъ*, въ которомъ танцы были очень-хороши, а пѣніе надо-же было слышать въ промежуткахъ между танцами..

6-го. *Русскій Морякъ*, *Складчина*, *Женихъ*, *Чемоданъ и Невѣста* и *Полька-Котильйонъ*. — На Михайловскомъ въ этотъ-же день былъ бенефисъ *Верне* — *Claire ou la préférence d'un mère*, *Le Chevalier de Grignon*, умная комедія, гдѣ бенефициантъ былъ хорошъ въ роли стараго слуги, въ родѣ Калеба Вальтеръ-Скотта, и *Les vieilles amours*, довольно-смѣшной фарсъ.

7-го. Повтореніе бенефиса г-жи Сосницкой.

8-го. Тоже повтореніе, съ *Полькой* вмѣсто маскарада. На Михайловскомъ *Le Chevalier de Grignon*, *Les petites misères de la vie humaine* и *Don Pasquale*.

9. Бенефисъ Ферзинга. *Flandriche Adendtheuer*, передѣлка извѣстной оперы *Der Zar und der Zimmermann*, Лорцинга и второй актъ изъ *Фенеллы*. Новая опера повравилась, въ ней есть много счастливыхъ мотивовъ, хотя она далеко ниже старой. Въ этотъ-же день на Александринскомъ давали съ *Макаромъ Алексѣевичемъ Губкинымъ Разбойниковъ*.

10. Въ Михайловскомъ *La Consigne*, *Claire* и *Les vieilles amours*; въ Александринскомъ - театрѣ *Цалпа*, опера нѣкогда производившая фуроръ, а теперь — не собирающая даже и александринскихъ театраловъ.

11. Бенефисъ Третьякова: *Параши Сибирячка* — одна изъ лучшихъ пьесъ нашей сцены. Роль Параши играла въ ней въ первый разъ В. Самойлова. Признаюсь, что я ожидалъ отъ нея гораздо-большаго. Нельзя сказать, чтобы она была дурна, напро-

тивъ, но она была не такъ хороша, какъ-бы могла быть. Въ ней не доставало жара и одушевленія, съ какими эту роль играла покойная В. Н. Асенкова. Я очень-высоко ставлю талантъ В. Самойловой, и по этому требую отъ нея гораздо-больше, чѣмъ отъ другихъ. Мнѣ даже досадно, что она не была такъ хороша въ этой роли, какъ-бы *должна* быть... На счетъ игры г. Каратыгина я несогласенъ съ мнѣніемъ большинства публики. Въ этой пьесѣ онъ мнѣ не правится, и смѣхъ его (во второмъ актѣ, при встрѣчѣ съ дочерью), возбуждающій всегда оглушительный аплодисментъ, на меня производитъ очень-непріятное впечатлѣніе. Остальныя двѣ пьесы бенефиса: *Музыкъ въ дверь, а жена въ Тверь* и *Два Невѣсты* — двѣ очень-порядочныя и забавныя пьески, сюжетъ, которыхъ я тебѣ не рассказываю, потому-что ты прочтешь ихъ въ этой книжкѣ «Репертуара и Паптеона». В. Самойлова была удивительно-мила во второй пьесѣ. Въ заключеніе спектакля шелъ водевиль *Три польки*.—У добраго и старательнаго Третьякова народу было однако немного, а онъ, право, заслуживалъ полнаго сбора.

12. Бенефисъ Готі *Le client ou les repressailles*, довольно вздорный водевиль, въ которомъ весь сюжетъ состоитъ въ томъ, что потаріусу, клеветущему на женщину, жена его даетъ порядочный урокъ. *Jacquart*, комедія-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ, одна изъ лучшихъ пьесъ, какія только появились въ послѣднее время на Михайловской мена. Сюжетъ взятъ изъ жизни Жакара, знаменитаго лонскаго механика-самоучки, изобрѣтшаго ткацкій станокъ, извѣстный подъ его именемъ. Пьеса ведена прекрасно и полна интереса. Водевиль *Carlo et Carlin* взятъ также изъ жизни знаменитаго итальянскаго арлекина Гертинаци. Онъ очень-длинень и длиннота эта много вредитъ его успѣху. Г-жа Александръ-Майеръ очень-мила въ роли Арлекина.

13. *Параша Сибирячка*, *Два Мужа* и *Шампанское и Опиумъ* — спектакль весьма-неинтересный.

14. Г. Каратыгинъ игралъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ за границу въ *Кинь*, драмѣ Дюма, переведенной съ французскаго самымъ-плохимъ и безтолковымъ образомъ. Публика осѣпала его цвѣтами, оглушила рукоплесканіями, утомила вызовами. И надо отдать справедливость г. Каратыгину, онъ вполне понялъ нашу публику и нашелъ средство ей понравиться. Такого удивительнаго согласія между актеромъ и публикой давно не было ни на какой сценѣ. Въ особенности съ чрезвычайнымъ жаромъ произнесъ онъ монологъ о несправедливости нѣкоторыхъ журнали-

стовъ, унижающихъ высокое. Надобно думать, что и у насъ есть такіе журналисты, иначе противъ нихъ не вооружились-бы съ такою силою... Послѣ Кина шла *Складчина на Ложу въ итальянскія оперы*.

15. *Мужъ въ дверь, Дѣв Невѣсты, Три Польки и Дружеская Лоттерей*. Когда-то мы избавимся отъ послѣдней? На Михайловскомъ *Le chevalier de Grignon* и *Carlo et Carlin*.

16. На Александринскомъ-театрѣ опять явился знаменитый *Рислей* въ знаменитомъ балетѣ *Игры Илуса*. Кромѣ балета шель *Школьный Учитель* и *Поэска*.

17. *Русская Боярыня, Симоизъ-Сиротинка, Не влюбліяся безъ памяти*, и комедія-водевиль *Страсть къ должностямъ* въ первый разъ. Въ этой пьесѣ очень-много новаго и хорошаго, но жаль только, что новое въ ней не хорошо, а хорошее не ново, какъ говорилъ Лессингъ о какой-то пьесѣ. На Михайловскомъ играли знаменитую *La dame de St-Tropez*.

18. *Домъ на Петербургской-сторонѣ, Мужъ въ дверь, Дѣв Невѣсты, Три Польки* — все старые знакомые.

19. Бенечисъ г-жи Естеръ, о которомъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

20. *Серафима Лафайль* и *Улица Луны*, о которыхъ, кажется нечего и говорить. —

Закрываю письмо мое очень-непріятнымъ извѣстіемъ. Мы лишились милой и граціозной танцовщицы *О. Шлебохтъ*. Она умерла слишкомъ-рано для таланта, для сцены, для жизни. На душѣ становится тяжело и грустно при мысли о смерти молодой дѣвушки, сходящей въ могилу въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, неиспытанной еще всѣхъ радостей жизни, какъ-бы пошлы и мелки ни были онѣ. Жизнь сама въ себѣ заключаетъ большое благо; жаль, что многіе убѣждаются въ этомъ только въ минуту смерти...

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ВИЛЕНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Вильна русѣтъ: А. В. Семеновъ, бывшій гражданскій губернаторъ, А. В. Устиновъ, бывшій директоръ гимназій, А. В. Коноплинъ, бывшій предсѣдатель гражданской палаты, полковникъ Казариновъ, въ этомъ отношеніи, могутъ назваться истинными ея благодѣтелями. Дай Богъ, чтобы посѣянное сѣмя возрастало болѣе и болѣе, а примѣръ патриотовъ былъ-бы ревностиѣ поддерживаемъ.

Кто-бы могъ ожидать въ Вильнѣ русскаго театра, если-бы тамъ не было г-дъ Семенова, Устинова, Козаринова? Они первые обратили на это вниманіе; неутомимая дѣятельность ихъ простиралась на всѣ предметы; имъ доставало на все время. Да, Вильна теперь пользуется русскимъ театромъ. Публика съ удовольствіемъ стекается на русскіе спектакли, болѣе и болѣе знакомится съ русскимъ языкомъ, замѣтно начинаетъ любить его; прелестный полъ, чуждавшійся прежде русскихъ книгъ, начинаетъ теперь читать ихъ съ удовольствіемъ.

Въ Вильнѣ два театра: одинъ *Большой*, другой *Ратушовый*, устроенный въ зданіи ратушы (думы); какъ на томъ, такъ и на другомъ играютъ русскія піесы; но собственно для русскихъ спектаклей предназначенъ театръ въ Ратушѣ. О первыхъ успѣхахъ русскаго театра въ Вильнѣ было говорено. (*) Вслѣдъ за этими представленіями было сыграно много русскихъ піесъ; но изъ всѣхъ болѣе заслуживаетъ вниманіе: *Альдушка Русскаго флота*; піеса эта была исполнена превосходно: все было на

(*) См. 7 кн. «Реперт. и Пант. 1844 г.

своимъ мѣстѣ; дѣйствующіе всегда сохраняли единодушіе до конца. За то какъ и принимали ихъ! Гулъ отъ рукоплесканій не умолкалъ во все время представленія; во всѣхъ сыгранныхъ пьесахъ: Годенъ, Новаковский и особенно Резголь были вызываемы безсчетно разъ.

Пріятно сказать при этомъ и о польскомъ театрѣ. *Суревичъ* и *Роговскій* обладаютъ рѣдкимъ драматическимъ талантомъ; публика смотритъ на ихъ игру съ большимъ участіемъ и удовольствіемъ; громкія единодушныя рукоплесканія встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ со сцены; театръ во время ихъ представленія бываетъ всегда полонъ. Празднованіе высшимъ виленскимъ обществомъ 25-ти-лѣтняго сценическаго юбилея г. Роговскаго, достаточно свидѣтельствуетъ о достоинствѣ виленскихъ драматическихъ артистовъ. *Прародительница Добротынскихъ* (*Matka roku Dobrotynskich*), одна изъ лучшихъ пьесъ польской литературы, привлекаетъ всегда множество зрителей. Суревичъ исполняетъ тутъ первую роль съ удивительнымъ знаніемъ драматическаго искусства. *Записки Демона* доставили публикѣ нѣсколько пріятныхъ спектаклей. Драму эту перевелъ Суревичъ на свой бенефисъ. *Краковяки*, любимая народная опера, исполняется всегда прекрасно. Весьма-много содѣйствуетъ къ украшенію виленскихъ театровъ балеты: *г. Морисъ* и *г-жа Косъ* занимаютъ въ нихъ первое мѣсто. *Свадьба въ Ойцовѣ*, любимый балетъ виленской публики, могъ-бы съ честію поддержать свое достоинство на всякой сценѣ.

Нельзя не вспомнить бывшаго директора виленской гимназіи А. В. Устинова; можно сказать, онъ первый положилъ начало виленскому русскому театру; въ бытность его въ Вильнѣ, ученики гимназіи довольно часто играли на его домашнемъ театрѣ русскія пьесы, — и что-же вышло? Воспитанники болѣе усовершенствовались въ языкѣ и подали идею устроить въ Вильнѣ русскій театръ. Мало того, по содѣйствію Устинова, было дано представленіе на Большомъ-Театрѣ, *въ пользу бѣдныхъ жителей г. Казани, пострадавшихъ отъ пожара*, и въ этомъ представленіи участвовали также и его воспитанники.

Полковникъ Казариновъ, командующій виленскимъ гарнизоннымъ баталіономъ, устроилъ въ казармахъ также домашній театръ, и какъ-бы вы думали? на немъ играютъ солдаты и довольно часто и очень-хорошо. Въ загородныхъ публичныхъ празднествахъ, Казаринскіе солдаты показываютъ свое искусство всенародно, безъ всякаго интереса; обыкновенно на этотъ случай они

играютъ Филаткину свадьбу или что-нибудь подобное, понятное для простаго народа, чтобы завлечь ихъ русскимъ языкомъ.

Я оканчиваю свою статью, съ полнымъ желаніемъ, чтобы виленскій русскій театръ шёлъ далѣе и далѣе впередъ. Русскій языкъ, по распоряженіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, становится теперь по западнымъ губерніямъ извѣстнымъ всѣмъ молодымъ людямъ, а это главное поощреніе виленскимъ актерамъ. При всемъ томъ, дай Богъ, чтобы Вильна приобрѣла, въ числѣ прочихъ, другихъ — Семенова, Устинова и Коноплина.

П. Миловецкій.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ *).

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ Г-ЖИ ЛАВРОВОЙ.

10-го мая, въ водевилѣ *Дѣвица отшельница*, явилась въ первый разъ на московскую сцену дѣвица Е. Н. Лаврова. Публика съ восторгомъ привѣтствовала дочь того незабвеннаго пѣвца, талантомъ котораго она нѣкогда такъ восхищалась: она, какъ-будто-бы предугадывала, что молодая дебютантка, своей прелестной игрой, вознаградитъ пріемъ, ей сдѣланный. Десять минутъ зала Малаго-театра была оглушаема аплодисменами. И дѣйствительно, ожиданія публики сбылись; на первый разъ г-жа Лаврова была совершенна. Сколько жизни, сколько чувства, сколько наивности выразила она въ игрѣ своей, за что она была вызвана три раза. Намъ кажется, что драмы — вотъ гдѣ можетъ она достойно раскрыть свои таланты и со-временемъ замѣнить намъ эту невозвратимую потерю, которую понесли, какъ московская сцена, такъ и московская публика, со-времени отбытія П. И. Орловой. На природу г. Лаврова пожаловаться не можетъ: она такъ щедро надѣлила ее всѣмъ, что нужно для артистки, что ей, кажется, и желать больше нечего. Прекрасный голосъ, высокій ростъ, строй-

*) Мы получили большую статью о московскихъ театрахъ, отъ г-на В. Р., но, къ-сожалѣнію, слишкомъ-поздно (28 мая), и потому не можемъ напечатать ее въ этой книжкѣ; просимъ прислать для слѣдующей продолженіе, и тогда напечатается его вмѣстѣ съ началомъ. Ред.

ность и граціозность движеній, это такія блага, которыми обладает не всякой. Хорошіе совѣты опытныхъ артистовъ, глубокое изученіе сценическаго искусства и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, при отчетливомъ исполненіи — вотъ гого мы отъ ея способностей желаемъ, и что-бы осмѣлились предложить г-жѣ Лавровой, для полнаго ея совершенства, для полнаго ея торжества и для наслажденія самимъ-себѣ. Впрочемъ, и теперь, видя первый ея дебютъ, можемъ быть увѣрены, что прекрасныя піесы не потеряютъ своего эффекта, отъ невыполненія женской роли. И авторы посредственныхъ піесъ могутъ утѣшиться, что дѣвица Лаврова, если и не улучшитъ ихъ произведеній своей игрой, что дѣлала незабвенная г-жа Орлова, то ужъ, навѣрно, не исказитъ ихъ подобно другимъ.

Г. К — въ.

ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ СТАВРОПОЛЬСКИЙ-ТЕАТРЪ.

Прежняя труппа ставропольскаго-театра, такъ сказать, распалась на части. Самое зданіе театра стоитъ полуразрушенное; вмѣсто его воздвигнуто противъ дома, занимаемаго Начальникомъ Штаба, новое каменное зданіе, съ прекраснымъ фасадомъ. Оно назначено для театра, имѣетъ два яруса ложъ; въ третьемъ ярусѣ устроена галерея. Это зданіе можетъ быть украшеніемъ болѣе обширнаго и лучшаго города, чѣмъ Ставрополь.

Сцена театра довольно-обширна, но слишкомъ-высока, отъ-чего даже въ первыхъ ярусахъ кресель не всегда слышенъ бываетъ актеръ; за-то, правда, мало слышенъ суфлеръ — а это не послѣднее достоинство. — Внутренность театра отдѣлана довольно-хорошо. Строитель его, Голова здѣшняго купечества, г. Ганиловскій, не шадилъ ничего для его блеска. — Театръ освѣщенъ газомъ (?)

Цѣна мѣстамъ такая-же, какъ была и въ прежнемъ театрѣ, гдѣ въ послѣднее время она очень-понизилась, чему служило причиною охлажденіе публики къ ставропольской Мельпоменѣ.

Труппа хотя небольшая (она состоитъ изъ шести актеровъ и трехъ актрисъ), за-то достоинства ея вознаграждаютъ численность прежней труппы, изъ развалинъ которой она образовалась.

Труппа находится подъ вѣдѣніемъ г. Гражданскаго Губернатора и подъ управленіемъ собственно для того избранныхъ лицъ,

которымъ вмѣнено въ обязанность смотрѣть за театромъ, за актерами и вести всѣ расходы.

Изъ актеровъ замѣчательнѣе другихъ г. Дрейсигъ — одинъ изъ первыхъ ставропольскихъ львовъ — человѣкъ съ талантомъ. Онъ особенно хорошъ въ малороссійскихъ роляхъ, какъ на пр. въ Шельменкѣ, и въ роляхъ стариковъ-солдатъ. — Г. Дрейсигъ никогда не является на сцену съ нетвердою ролею; стараніе, искусство, даровитость видны въ игрѣ его.

Г. Рязанцовъ — молодой актеръ — подаетъ большія надежды. Онъ очень-хорошъ въ роляхъ простаковъ. Жаль только, что малый ростъ, сиповатый, непріятный голосъ уничтожаютъ половину достоинства игры г. Рязанцова.

Г. Насѣдкинъ — старый нашъ знакомецъ — созданіе передней; онъ все таковъ-же.

Г. Лихинскій, — мы знали его подъ именемъ Ленскаго. Теперь онъ перемѣнилъ фамилію, думая, вѣроятно, выиграть этимъ на сценѣ; но мы прежде ожидали отъ г. Ленскаго гораздо-болѣе, чѣмъ находимъ въ г. Лихинскомъ. Онъ товарищъ Насѣдкину — это одного поля ягоды — объ нихъ не стоить говорить.

Г. NN, онъ-же Флоровъ, все тотъ-же — не исправимъ хоть брось. Не давно во-время представленія «Дочери рускаго актера» мы слышимъ громкое храпѣніе. Что это значитъ? — «Флоровъ, господа, дебютируетъ подъ сценой», хладнокровно отвѣчалъ намъ одинъ почтенный человѣкъ, сидѣвшій въ первомъ ряду кресель. Вотъ каковъ!

Г. Громовъ — это явленіе новое: онъ занимаетъ роли первыхъ водевильныхъ любовниковъ. Поетъ недурно, за-тѣ играетъ чрезвычайно плохо.

Вотъ всѣ актеры. Изъ актрисъ самая замѣчательная г-жа Петрова. Она можетъ служить украшеніемъ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ сценъ, не только нашей ставропольской. — Ростъ, голосъ, благородная манера — все соотвѣтствуетъ игрѣ г-жи Петровой. И публика не остается неблагодарною; она вполне цѣнитъ дарованіе и стараніе г-жи Петровой.

Г-жа Надежина хороша въ роляхъ старухъ — сама старуха. За нею слѣдуетъ дѣвица Златопольская, въ первый разъ явившаяся на сценѣ въ роли служанки въ «Настинкѣ или провинціальные сцены»; объ ней еще ничего нельзя сказать рѣшительнаго.

Вотъ всѣ актеры и актрисы ставропольскаго театра. Правда, труппа слишкомъ уже мала, за то довольно-изрядно разыгрываетъ

водевили и небольшія комедіи. Драмами, слава Богу, насъ не подчуютъ.

Публика ставропольская, холодная ко вѣснѣмъ отраслямъ изящнаго. Кажется, цѣнитъ дарованія своихъ сценическихъ артистовъ, восхищается игрою ихъ, можетъ-быть, часто и не впопадъ. Иногда мы съ удивленіемъ смотрѣли на сцену и на аплодирующій партеръ, стараясь угадать, чѣмъ восхищается публика, но не могли понять.

Декорацийъ хотя не много, но все новыя и довольно-хорошія.

Можно рѣшительно сказать, что ставропольская Мельномена, изгнавъ г. Яценку, облеклась въ новыя формы и явилась намъ въ гораздо-лучшемъ видѣ, хотя очень и очень еще далека, не говорю до совершенства, но даже до положительно-хорошаго.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ новомъ театрѣ, построенномъ въ Ливорно, сдѣланъ стеклянный куполь, для того, чтобы на этомъ театрѣ можно было играть и днемъ, что, какъ извѣстно, очень любятъ Италіянцы. Однакожъ до сихъ поръ подобныя дневные театры были самыя бѣдныя и ничтожныя, и это еще первый случай, что для такой цѣли назначенъ большой и порядочно устроенный театръ.

— Директоръ Олимпійскаго-Цирка въ Парижѣ таинственно и поспѣшно отправился въ Лондонъ за тѣмъ, чтобы аганжировать тамъ въ свою труппу берейтора и волтижера, подобнаго которому еще не бывало ни въ одномъ циркѣ волтижеровъ, а именно—обезьяну необыкновенной породы. Знаменитый Картеръ, замѣтивъ драгоценныя способности этой обезьяны, образовалъ ее съ упѣхомъ, превосходящимъ всякое ожиданіе. Обезьяна сдѣлалась берейторомъ и берейторомъ въ полномъ смыслѣ слова. Ее не привязываютъ, не держатъ на цѣпи. Она входитъ въ манежъ одна, на свободѣ, садится на лошадь, управляетъ ею безъ всякой посторонней помощи и, то сидя, то стоя, дѣлаетъ самыя трудныя и занимательныя вѣльты. Директоръ Олимпійскаго Цирка аганжировалъ этого новаго артиста на весь сезонъ.

— Отличившаяся парижская пѣвица г-жа Дорюсъ-Гра 13-го мая н. с. со вѣснѣмъ оставила тамошнюю сцену.

— На содержаніе Большой-парижской-оперы выдается изъ казны 620,000 франковъ, да на консерваторію 155,000. И такъ одинъ Парижъ ежегодно тратитъ на поддержаніе музыкальнаго искусства 775,000 франковъ!

— Пѣвецъ Маріо находится въ Лондонѣ и довольно-значительно боленъ. На дняхъ явившись на сцену, онъ вдругъ лишился голоса такъ, что принужденъ былъ удалиться.

— Изъ Парижа пишутъ, отъ 11 мая н. с.: «Въ прошедшій вторникъ, въ три часа пополудни, на набережной Valbu, молодая дѣвушка, полоскала въ каналѣ бѣлье, какъ-то не осторожно наклонилась, поскользнулась и упала въ воду. Собрался народъ, поднялась суматоха, крики, аханья, но никто не рѣшался спасти несчастную. Вдругъ является прекрасно-одѣтая молодая дама и узнавъ о случившемся несчастіи, въ одно мгновеніе сбрасываетъ съ себя шаль и шляпку, кидается въ воду, нѣсколько разъ погружается на дно и успѣваетъ спасти несчастную дѣвушку. — Дама эта — m-лль Адель Шевадь, драматическая артистка, прежде бывшая первою пѣвицею на провинціальномъ театрѣ.

Собравшаяся публика громко изъявляла свое восхищеніе, при видѣ такого великодушнаго поступка. Спасительница и спасенная были отведены въ соседній домъ, гдѣ имъ подана была необходимая помощь. Оправившись, смѣлая и великодушная артистка, при громкихъ рукоплесканіяхъ собравшагося народа, сѣла въ фіакръ и поѣхала домой.

— На парижскихъ театрахъ не было никакихъ особенно-замѣчательныхъ новостей въ послѣднее время. Обѣщанное письмо нашего парижскаго корреспондента, по-сю-пору не пришло къ намъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ. На будущее время примемъ свои мѣры, чтобы извѣстія о новостяхъ парижскихъ театровъ, были передаваемы въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» своевременно; а теперь общаемъ читателямъ нашимъ разъ на-всегда — *не обѣщать имъ ничего, что намъ обѣщать будутъ.*

— Парижскій театръ *Одеонъ* закрытъ уже нѣсколько недель. Говорятъ, что будто-бы причиною того — банкротство. Одеонъ отличался всегда необыкновенною дѣятельностію, ставилъ множество новыхъ пьесъ, выпускалъ множество новыхъ дебютантовъ. Разумѣется, и авторы, которые не могли разсчитывать на Французскій-театръ, и многіе молодые дебютанты въ отчаяніи. Впрочемъ, съ Одеономъ такія приключенія не впервые; однако-жъ, онъ всегда, какъ Фениксъ, возраждался изъ пепла. По послѣднимъ извѣстіямъ видно, что директоромъ этого театра назначенъ Бокажъ, замѣчательный парижскій актеръ.

— 25-го мая въ Москвѣ былъ любопытный спектакль: давали *Коварство и Любовь*, трагедію Шиллера, въ бенефисъ г-на Мочалова. Бенефициантъ, прежде занимавшій роль *Фердинанда*, въ этотъ разъ игралъ роль *Миллера*; роль *Фердинанда* занималъ г-нъ Самаринъ; роль Луизы занимала дѣвица Мочалова, въ первый разъ дебютировавшая; *Вурла* игралъ Щеп-

кинъ, *Маршала* — Живокини. Съ любопытствомъ ждемъ подробностейъ объ этомъ спектаклѣ.

— Гущковъ написалъ новую комедію, которая называется *Тринадцатое ноября* (Der dreizente November).

— 20-го мая (н. с.) скончался въ Баденѣ Августъ Вильгельмъ Шлегель, извѣстный переводчикъ Шекспира и авторъ *Курса драматической Литературы* (Ueber dramatische Kunst und Literatur).

— 27-го мая на сценѣ Александринскаго-театра явился новый дебютантъ на драматическія амбуа — г-нъ *Зиминъ*, который и игралъ въ этотъ день роль Франца, въ драмѣ *Сынъ Любви*.

— Вчера, 30-го мая, г-нъ Кунстъ кончилъ рядъ «гостинныхъ» ролей своихъ на петербургской нѣмецкой сценѣ. Это былъ второй бенефисъ его, состоявшій изъ слѣдующихъ пьесъ: *Das Opfer der Spielhölle*, современная картина; *Peter Krana*, романтическая драма.

Издатель и Редакторъ Межевничъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ IX ТОМА.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Могила. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	3
II. Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики. (Статья вторая).	4
III. Изъ Гейне. Стихотвореніе * * *	70
IV. Теорія и исторія сценическаго искусства. Театръ и актеры въ древнія и новыя времена. (Статья <i>А. Кошю</i>).	71
V. Къ * * * Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	108
VI. Приключеніе Расина. (Разсказъ Библіофила <i>Жакова</i>).	109
VII. Я не люблю зимы холодной и нѣмой. Стихотвореніе <i>В. З-ва</i>	156
VIII. Школа дѣвухекъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Г-жи Мелани Вальдоръ</i>	157
IX. О ней восторженно мечтаю. Стихотвореніе <i>Е. Карновича</i>	218
X. Эмансипированная женщина. Современная карикатура, въ двухъ дѣйствіяхъ.	219
XI. Матеріалы для исторіи русскаго театра. 1844-ый театральный годъ. Статья первая. Русская труппа и Александринскій театръ	241
XII. Обзоръ новыхъ русскихъ спектаклей въ прошедшемъ 1844 году. (Дополненіе къ статьѣ: 1844-й театральный годъ.)	260
XIII. Юмористика. Замѣтки петербургскаго зѣваки. § 5.	280
XIV. Смѣсь Нѣчто по поводу статьи: «Тайны русскихъ провинціальныхъ театровъ». — Шутка французскаго журналиста. — Женни Линдъ, біографическій очеркъ. — Музыкальный магазинъ Менестрель. — Романсы Коршикова. — Анекдоты и мелочи	291

КНИЖКА ПЯТАЯ.

Стр.

I.	Олимпій Раднѣ. Разсказъ въ стихахъ <i>А. А. Григорьева</i> .	313
II.	Искусство и художники. Фаринелли, величайшій пѣвецъ XVIII-го столѣтія	331
III.	Актеру. Стихотвореніе <i>Ө.</i>	348
IV.	Приключеніе Расина. Разсказъ библофила Жакоба. (<i>Окончаніе</i>).	349
V.	Султанъ Ахметъ. (Изъ Виктора Гюго.) Стихотвореніе <i>В. И. Златицкаго</i>	388
VI.	Теорія и исторія сценическаго искусства. Театръ и актеры въ древнія и новыя времена. Статья <i>А. Кошю</i> . (<i>Окончаніе</i>).	389
VII.	Дума. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i> .	413
VIII.	Ричардъ Севеджъ, или мать и сынъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Карла Гуцкова</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>П. Руд-го</i>	414
IX.	Надъ тобою мнѣ тайная сила дана. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i> .	464
X.	Юмористика. Замѣтки петербургскаго зѣваки. § 6. Физиологія дилеттанта.	465
XI.	Смѣсь. Фельетонъ Альфонса Карра. — Внимательность мужа. (<i>Анекдотъ</i>). — Полициеель въ Персін. — Музыкальные поединки въ Ирландіи. — Анекдоты и мелочи.	484

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I.	Надгробіе. Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	497
II.	Искусство и художники. Нѣкоторыя черты изъ жизни Джонсона и Гаррика	498
III.	Пять сонетовъ Мицкевича. 1. Аккерманскія степи. — 2. Чатырдагъ. — 3. Аюдагъ. — 4. Алушта днемъ. — Тишь морская.	525
IV.	Философія и исторія музыки. Скрипка и скрипичные инструменты	529
V.	Рѣчи и очи. (Подражаніе чешскому). Стихотвореніе <i>Ев. П. Карповича</i>	549
VI.	Человѣкъ будущаго. Разсказъ безъ начала и безъ конца, а въ особенности безъ «морали». (Посвящается <i>А. А. Фѣту</i> .) Соч. <i>А. А. Григорьева</i> .	550
VII.	Дайте мнѣ уединеніе. — Стихотвореніе <i>К. Корсака</i> .	591
VIII.	Серафима Лафайль. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. <i>Анисе Буржуа</i> и <i>Густава Лемуана</i>	592

	<i>Стр.</i>
IX. Покойнаго сердца, увы, не встревожатъ. Стихотв.	666
X. Двѣ невѣсты. Комедія въ одномъ дѣйствіи . . .	667
XI. Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь. Оригинальная комедія-водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ	689
XII. Юмористика. Замѣтки петербургскаго зѣваки. § 9. Петербургскія новости.	710
XIII. Смѣсь. Маэстро или извѣстность. (<i>Разсказъ</i>). — Роберъ-Макеръ и пріятель его Бертрамъ. Сцены современныхъ нравовъ. — Права критика, права свѣтка. — Образцы петербургской канцелярской поэзіи (<i>Объявленіе въ любви одной прелестной особы</i>) и пр. — Пастеть съ сельдами. Голландская фантазія. — Нѣсколько словъ къ портрету Лаблаша. — Женитьба на выдержку. — Анекдоты и мелочи	720

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ.

I. Отъ Редакціи. — II. Статистика масляничныхъ спектаклей. — III. Общій взглядъ на масляничные спектакли. — IV. ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ. Первые представленія. Пиратъ, опера. Музыка Беллини. (Бенефисъ Г-на Рубини.) — Александрынекій-театръ. Ермакъ Тимофеечъ или Волга и Сибирь. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. — V. ПЕТЕРБУРГСКИЕ КОНЦЕРТЫ. Статья первая. (Съ 4-го по 18-го марта 1845 года. — VI. Разныя извѣстія.

АПРѢЛЬ.

I. Иностранные театры. Нѣсколько словъ о берлинскихъ театрахъ. (*Письмо къ Редактору изъ Берлина*). М. Е. Кублицкаго. — II. Кёнигсбергскій театръ. (*Изъ путевыхъ записокъ*). М. К. — III. Русскіе театры. ПЕТЕРБУРГСКИЕ. Письма въ провинцію. I. — IV. Провинціальныя театры. Театръ въ Николаевѣ. II. Бар-ева. — V. Саратовскій театръ. — VI. Еще извѣстіе изъ Саратова. К. М. — VII. Варшавскіе театры въ 1844 году. — VIII. Нѣсколько замѣчаній объ орловскомъ театрѣ, во-время дворянскихъ выборовъ 1844 года. Z. Z. — IX. Рижскій театръ. (*Изъ письма къ Редактору*). М. К—го. — X. Театръ въ Екатеринославѣ. — XI. Харьковскій театръ. W. W. — XII. Астраханскій театръ. II—въ. — XIII. Калужскій театръ. (*Письмо къ Редактору*). II. Степанова.

МАЙ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ. 1. *Петербургскіе*. Письма въ провинцію. II. — 2. *Провинціальныя*. Виленскій театръ. (И. Миловецкаго) — Московскій театръ. Г. К-ва. — Возобновленный ставропольскій театръ. — Разныя извѣстія.

Къ *девятому* тому слѣдуютъ приложенія.

- 1) Уличные музыканты.
 - 2) Игра въ Лото (въ клубахъ).
 - 3) Ноты: *Соловей*. Романсъ. Музыка соч. А. Е. Варламова. Посвящено г-жѣ Віардо-Гарціи.
 - 4) Портретъ, во весь ростъ, знаменитаго пѣвца Лаблаша, рисованный и литографированный въ Парижѣ.
- } Сцены изъ петербургской жизни:

=

7953. 7005

